

В центре событий – фронтовая судьба простого парня, выходца из бедной крестьянской семьи. В 1943 году Анатолий Дружинин попадает на фронт. С первых дней службы в стрелковом полку он познает ужас и кровавую суть войны, но здесь закаляется и его характер. Во время масштабного наступления фронта Дружинин получает сильную контузию. Теперь ему предстоит покинуть стрелковый полк и пополнить ряды артиллерийского – справится ли он с новыми испытаниями?

Анатолий и его друзья переживают немало трагических событий, сталкиваются со смертью – она становится постоянным фоном их существования. Но бойцы не унывают, потому что жизнь всегда побеждает горести и тревоги, в ней находится место и для веселых историй, шуток, песен и, конечно, для любви.

Война закончится, и солдаты вернутся на родину. Весной сорок шестого года Дружинина комиссуют и отправят домой – там его ждет новая, мирная жизнь. Только вот будет ли она счастливой?

ISBN 978-5-0064-3033-4

9 785006 430334 >

Н АЛЕКСЕЙ БУЗУЛКОВ **НА ГРАНИ** *или* ЭТО БЫЛО ДАВНО, НО КАК БУДТО ВЧЕРА

АЛЕКСЕЙ БУЗУЛКОВ

ТОМ I

НА ГРАНИ

или ЭТО БЫЛО ДАВНО, НО КАК БУДТО ВЧЕРА

Алексей Бузулуков

**На грани, или Это
было давно, но как
будто вчера**

Том 1

Издательские решения
По лицензии Ridero
2024

УДК 9
ББК 63
Б90

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бузулуков Алексей

Б90 На грани, или Это было давно, но как будто вчера :
Том 1 / Алексей Бузулуков. — [б. м.] : Издательские решения,
2024. — 368 с.
ISBN 978-5-0064-3033-4 (т. 1)
ISBN 978-5-0064-3034-1

В центре событий — фронтовая судьба простого парня, выходца из бедной крестьянской семьи. В 1943 году Анатолий Дружинин попадает на фронт. С первых дней службы в стрелковом полку он познает ужас и кровавую суть войны, но здесь закаляется и его характер. Во время масштабного наступления фронта Дружинин получает сильную контузию. Теперь ему предстоит покинуть стрелковый полк и пополнить ряды артиллерийского — справится ли он с новыми испытаниями?

Анатолий и его друзья переживают немало трагических событий, сталкиваются со смертью — она становится постоянным фоном их существования. Но бойцы не унывают, потому что жизнь всегда побеждает горести и тревоги, в ней находится место и для веселых историй, шуток, песен, и, конечно, для любви.

Война закончится, и солдаты вернутся на родину. Весной сорок шестого года Дружинина комиссуют и отправят домой — там его ждет новая, мирная жизнь. Только вот будет ли она счастливой?

УДК 9
ББК 63

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0064-3033-4
ISBN 978-5-0064-3034-1

© Алексей Бузулуков, 2024

*Моим родителям
посвящается*

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель! Этот роман основан на рассказах моего отца — Николая Степановича Бузулукова, участника Великой Отечественной войны, воевавшего с ноября 1943 года в частях 1-го Украинского фронта. Чтобы подтвердить истории, услышанные когда-то от него, я в течение нескольких лет работал с документами в Центральном архиве Министерства обороны РФ.

Все события в романе максимально сопоставляются с реальными событиями, датами и географическими привязками к местности в тот период.

Материалом для сбора информации послужили не только архивные документы, но и другие официальные источники документально-исторической литературы. Это краткие военно-исторические очерки: «В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии»¹ и «Выстояли, победили!..»², а также многие документы и материалы из других ресурсов.

Основные герои, представленные в романе, — люди, принимавшие участие в боевых действиях и других эпизодах, имевших место в жизни моего отца и его друзей. Кроме историй, что происходили с действующими лицами, я ча-

¹ Секирин М. К., Щербаков А. М., Дорошенко В. М., Гордиенко А. К., Белкин И. М. В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии. М.: Воениздат, 1973. 344 с.

² Ромас П. М. Выстояли, победили!.. — К.: Молодь, 1999. 223 с.

стично описал хронологию боевого пути некоторых частей стрелковых дивизий и соединений, входящих в состав 1-го Украинского фронта.

В романе, как в любом литературном произведении, присутствуют вымышленные персонажи и происходят выдуманные события, поэтому фамилии героев, номера воинских частей мною умышленно изменены.

Прошел не один десяток лет после этой войны, на полях жестоких и кровопролитных боев которой остались лежать миллионы советских солдат; их не дождалась невесты, матери, отцы и дети, они не смогли им рассказать о себе и не смогли рассказать о том, что им довелось пережить. Я хочу, чтобы мы помнили о них и передавали эту память будущим поколениям.

ТЯГОТЫ ВРЕМЕНИ

Сквозняк, тонкими струйками проникающий в тюремный барак, разбудил Дружинина. Пытаясь укрыться от холода, Анатолий стал натягивать на себя тонкое, изрядно потрепанное временем одеяло. Наступало зимнее утро. Так хотелось еще поспать до той минуты, когда прозвучит отвратительная команда «Подъем!», но сон уже улетучился, и мысли как стаи бесчисленных птиц стали кружить, дурманя свежее после сна сознание.

«Письмо! Я же вчера письмо из дома получил...» — вдруг вспомнил Анатолий и сунул руку под подушку, нащупывая конверт. Сестренки обычно писали по очереди. В письмах на жизнь они никогда не жаловались: старались его не расстраивать. Но он-то понимал, как тяжело им сейчас втроем, без него — без мужских рук. В этот раз письмо прислала старшая, Надежда. И Анатолий прошлым вечером, несколько раз перечитывая послание, старался отследить даже не сказанное ею между строк.

«Ничего, семьдесят два дня осталось... А там — свобода! И сюда... я уже больше ни ногой. Угроздило же меня, черт возьми! Целый год жизни — коту под хвост. Война в стране, голод, дома помощь моя как воздух нужна — матери, сестренкам, — а я здесь, в тюрьме. Вот бестолочь!.. — сожалел и корил себя Дружинин за ту нелепую и глупую историю, по которой был осужден и на целый год отправлен в тюремный лагерь. — Ладно, — тяжело вздохнул Анатолий и, поджав ноги плотнее, натянул на себя одеяло, — что теперь со-

жалеть о чем-то, дело уже сделано. В следующий раз умнее буду. Надя пишет, что работает вместе с Марусей Аржановой и теперь они стали подругами... Помню эту небольшого росточка девчущку — шустрая, такой палец в рот не клади. В жизни Маруся не пропадет. Вот интересно: а какой она будет женой?.. — задумался Анатолий, и на его лице проявилось подобие улыбки. — Может, мне жениться на ней, как освобожусь и когда мне восемнадцать лет исполнится? А что?! Девушка она хорошая, из семьи порядочной. Только вот на год старше меня. И пойдет ли она замуж за тюремщика?! Ну и заварил же я кашу... Хотя весь поселок знает, кто на самом деле виноват, а я так, заодно с Легкодимовым осужден: за то что рядом был. Как теперь Маруся к моей судимости отнесется? Да что Маруся — как ее родители на это дело посмотрят?! Вообще-то, меня после освобождения, скорее всего, в армию призовут. Война идет все-таки. Ладно, поживем — увидим, — поевшись от холода, тяжело вздохнул Анатолий. — Интересно, а что она сейчас делает? Вот бы хоть одним глазком посмотреть, чем они с Надеждой заняты». И Анатолий представил себе свой степной заснеженный край...

А работали девчата на заводе «Маслопром». Подруги доставляли молочную продукцию из колхозных отделений в центральный цех небольшого районного завода. На таких предприятиях трудились в основном женщины. Из-за всеобщей мобилизации мужчин забирали на фронт, а на освободившиеся рабочие места вставали их жены, матери, сестры, взваливая на свои хрупкие плечи всю тяжелую мужскую работу.

Суровая и снежная зима тысяча девятьсот сорок третьего года с сорокоградусными морозами была на втором месяце своей власти. Этим ранним февральским утром Мария со своей напарницей собрались в очередную плановую поездку за продукцией. Запрячь неторопливых быков им взялся помочь пожилой сторож. Молоткин не мог без сожаления

смотреть на девчат, которые, с трудом справляясь с такой тяжелой работой, впрягали в ярмо непослушных животных. Неуклюжей, развалистой походкой он всегда подходил к ним и, ворча на быков, помогал. Вот и на этот раз Рувим Захарович не остался в стороне. Со словами «Ну-ка, Надья, не мешайся, отойди, давай я сам» он отодвинул в сторону Надежду и принялся уверенными движениями управлять животными, запрягая их в широкие сани.

— А ну, давай, лохматый... Давай пошевеливайся, чаво стоишь?! — покрикивал Рувим Захарович, подгоняя белого в черных пятнах быка. — Манья! Подержи-ка оглоблю! — распоряжался Рувим Захарович, взяв на себя обязанности главного в этом нелегком деле. Вроде бы человек уже и в годах, и не такой подвижный, но в упряжи Мололкин был великим мастером, да и быки как-то слушались и понимали его команды.

— Рувим Захарович, чтоб заноза вставилась, надо быка чуть-чуть назад отогнать, — решила подсказать Надежда, наблюдая за работой старика.

— Не учи безногого хромать, сам вижу, — строго, но без злобы ответил Мололкин и, хлопнув быка по загривку, заставил его сделать шаг назад. — Ну вот так-то дело лучше будет!.. Верши, батька, — сена вся! — весело добавил он, загоня в щель занозу. — Быки в упряжке, тяперяча можно и ехать. Манья!.. На-ка вот, держи налыгач, — по-хозяйски распорядился сторож, кидая Марии поводья.

Девушки поблагодарили старика за помощь, загрузили в сани пустую тару и задолго до восхода солнца тронулись в путь. От выдыхаемого на морозе пара бахромой инея покрылись их старенькие платки и шерсть на мохнатых головах рогатых быков. Слезались глаза, образовавшийся на ресницах ледок склеивал веки. На вдохе студёный воздух обжигал носоглотку, затруднял дыхание.

Надежда была на три года моложе Марии; глядя на эту хрупкую пятнадцатилетнюю девчонку, Маруся ее искренне

жалела. Еще в юном возрасте да при такой погоде бедняжке приходится выполнять далеко не детскую работу. Впрочем, о какой-то другой, менее тяжелой работе, мечтать даже и не приходилось. А кому сейчас легко?

Степная гладь, покрытая ровным снежным ковром, сохраняла полную тишину, в которой были отчетливо слышны гудки пыхтящих на железнодорожной станции паровозов да звонкий скрип снега под копытами быков и полозьями деревянных саней, уныло ползущих по ночной степи. Постепенно гул со станции и одинокие огни Джаныбека стали удаляться, а небо нехотя прояснялось с востока от приходящего на смену ночи утреннего рассвета. Пронизывающий до мозга костей ветерок, от которого в голой степи невозможно было чем-либо укрыться, обжигал обнаженные щеки и нос. Усиливающийся перед восходом солнца и без того невыносимый мороз проникал даже под накинутые поверх одежды старенькие кожухи. Для того чтобы как-то согреться, невольно возникало желание идти пешком.

— Ну что, Маруся... Я, наверное, немного пешком пройду, а то что-то зябко стало, — сказала Надежда, на ходу прыгивая с саней.

— Я тоже озябла. На таком транспорте пока доедешь, сто раз замерзнешь, — возмущенно сказала Маруся, потирая жесткой шерстяной рукавицей замерзающие щеки и нос. — Доживем ли мы до того времени, когда на лошадях ездить будем, или нет?! — негодовала она, нехотя скидывая с себя старый, истрепанный временем тулуп. Сойдя с ползущих саней, Мария бочком, легкой припрыжкой стала передвигаться по накатанному снежному насту.

— Всех лошадей сейчас на фронт забирают, они там нужнее. Я давеча через сводку Совинформбюро слышала, что дела на фронте уже лучше, чем в сорок первом или сорок втором. Наши-то разбили немцев под Сталинградом, — размахивая руками и поддерживая начатый разговор, продолжала Надя.

— Да! Я тоже слышала. Дала Красная армия прикурить этой фашистской нечисти. Только и наших солдатиков, на-верное, полегло немало...

— Когда уже этих фашистов с нашей земли выгонят?

— Ничего, выгонят...

— Ведь полтора года, как война идет, а столько людей уже погибло! А сколько покалечено?.. Мама говорит: раненых солдат постоянно в наш госпиталь с фронта привозят. Видела, военные эшелоны день и ночь по железной дороге едут?

— Других составов, кроме цистерн и военных с техникой, сейчас мало передвигается. Но, думаю, еще немного, и наши этого Гитлера-гада все равно одолеют. Ты видела на карте, какая Германия?

— Да...

— А какой наш Советский Союз?! Нет... наша страна все равно и больше, и армия наша сильнее. Нас победить никому не возможно, как бы тяжело ни было советским солдатам на фронте. От Москвы и Сталинграда этих гадов отбросили, значит, и дальше на запад погоним.

— А вот от нашего Матвея как началась война, так до сих пор ни одного письма и не было.

— Я Мотьку вашего помню... Его ведь еще до войны в армию призвали? Так?

— Да, в тридцать девятом. Служить он начал в Ленинградской области, а потом его в Эстонию отправили. Мотька нам фотографию в письме присылал, на ней он в военной форме и в буденовке — такой взрослый стал. Как я по братику соскучилась! Что с ним случилось и где он сейчас? — с грустью в глазах вздохнула Надежда. — Мама несколько раз в военкомат ходила, но ей там только извещение и дали, что он пропал без вести, вот и все... А я все равно не верю!

— Главное, чтобы жив и здоров был, а то, что писем нет, так это почта сейчас так работает, сама знаешь... — стараясь поддержать подругу, высказалась Маруся. — Под бомбежку

поезд с почтовым вагоном попал — вот и ждите, родные, весточки от солдата. Помнишь, как наш Джаныбек прошлой осенью бомбили?

— Помню...

— Так мы за сколько километров от Сталинграда находимся! Километров двести? А как бомбил фашист! Аж вспоминать страшно!

— Да... досталось тогда и поселку, и железной дороге.

— Ну вот. А теперь представь, что там, на фронте, творится. Так там небось всем достается, не только почтальонам.

Девчата на минуту замолкли, очевидно, вспоминая события прошлой осени.

* * *

Мало кто знает, что в то тяжелое время в глубоком тылу, в бескрайних степях, богом забытые маленькие железнодорожные станции попали в прифронтовую зону, которая подвергалась массированным бомбардировкам самолетами люфтваффе. Жертвами налетов вражеской авиации оказались станции и разъезды железнодорожного направления Саратов — Астрахань. Часть доставки резервных частей и техники в Сталинград шла именно по этой железнодорожной ветке, отсюда и такое пристальное внимание противника к ней.

В двухстах тридцати километрах перед Астраханью находилась узловая станция Верхний Баскунчак; от этого железнодорожного узла линия и уходила на Сталинград. Из-за приближения линии фронта к Волге вдоль всего железнодорожного направления Саратов — Астрахань располагались разнообразные склады, зенитные батареи, аэродромы, госпитали и прочие службы прифронтовой зоны.

Немаловажное стратегическое значение было и в том, что по этой ветке на Саратовский нефтеперерабатывающий завод перевозились запасы бакинской нефти, поставляв-

шейся в Астрахань по Каспийскому морю и железной дороге Кизляр — Астрахань, построенной в срочном порядке. Естественно, нагрузка на перевозки по сравнению с довоенным временем возросла в разы. Невыносимые трудности тяжким бременем легли на плечи тружеников железной дороги и местного населения, принимавшего самое активное участие в борьбе с гитлеровскими захватчиками в прифронтовом тылу.

Массированному налету немецкой авиации Джаныбек впервые подвергся в начале октября сорок второго года. День ото дня фашистские бомбардировщики свирепствовали, сбрасывая на небольшой районный центр свой смертоносный груз.

От бесчисленных бомбардировок врага этой осенью пострадали несколько жизненно важных объектов: старая, построенная еще до революции мельница, элеватор, цистерны с топливом, жилые дома и находящаяся на железнодорожной станции водонапорная башня. К счастью, после стяжки кирпичных стен металлическими поясами она как памятник и свидетель тех трагических дней стоит до сих пор.

Жертвой авианалетов оказалась и железная дорога. Во многих местах были повреждены железнодорожное полотно и несколько переходных узлов, что повлекло за собой задержку отправки воинских эшелонов. В свою очередь железнодорожники обратились к местным властям с просьбой оказать им содействие в скорейшем восстановлении поврежденных путей. Кто знал, что трагедия постигнет не только рабочих с железной дороги, но и местных жителей, откликнувшихся на призыв выйти на субботник? Приближение вражеской авиации наблюдатели обнаружили слишком поздно; врасплох застигнутые мирные жители оказались хорошей мишенью для немецких летчиков. В бреющем полете фашистские пилоты безнаказанно расстреливали из бортовых орудий разбегающихся в ужасе людей. Многие из них отчаянно пытались скрыться от смертельной опасно-

сти в специально построенных укрытиях. К великому сожалению, жертв избежать не удалось. В этот трагический день погибло около сорока мирных жителей поселка.

Но ни частые бомбардировочные удары, ни гибель близких не смогли сломить веру людей в победу. Как никогда осознавая свой долг перед Родиной, население сплотилось — дисциплина была на первом месте. За считанные дни военными и местными властями были приняты все необходимые меры: важнейшие учреждения и организации были эвакуированы на окраины поселка или в близлежащие колхозы. Для отвлечения внимания немецких летчиков от жизненно важных объектов в срочном порядке были построены ложные цели. Бесперебойная работа железной дороги тоже требовала ухищрений: выставлялись посты наблюдателей за воздушной обстановкой, прокладывались обходные пути и дополнительные разъезды, усиливалась противовоздушная оборона по всей линии железнодорожного маршрута. Возникла необходимость увеличить количество самолетов истребительной авиации, а также запустить зенитные бронепоезда. Экстренно были протянуты новые телефонные и телеграфные линии.

Постановления Военного совета фронта труженикам железной дороги приходилось выполнять под разрывы немецких бомб и фугасов. Рискуюя собственной жизнью, простые люди научились достойно справляться с трудностями, проявляя при этом незаурядную смекалку и изобретательность. Чтобы ввести в заблуждение врага, приходилось идти и на разные хитрости. Местные жители не раз удивлялись, наблюдая такую картину: цистерны с нефтью, шедшие из Астрахани и замаскированные под грузовые вагоны с лесом и прочими грузами, паровоз не тащил, а толкал, находясь в хвосте состава. А делалось это для того, чтобы скрыть нефтяные цистерны и создать видимость с воздуха, что грузовой состав идет не в Саратов, а в Астрахань. Таким образом вражеские разведчики, в первую очередь охотившиеся

за нефтеналивными составами, становились жертвами обмана находчивых тружеников тыла.

Шестисоткилометровое расстояние, на которое протянулась железнодорожная ветка этого направления, с бесчисленными разъездами и небольшими станциями уберечь от внезапных налетов люфтваффе было делом нелегким, но комплекс всех мероприятий противодействия давал свои результаты. Вскоре трудности возникли как у авиаразведки, так и у бомбардировщиков неприятеля. Разведчикам приходилось улетать, а точнее, уносить крылья без точных данных, а «юнкерсам» и «хейнкелям» перейти с группового пикирования с малых высот на менее результативную большую высоту. Да и бомбардировки теперь велись не среди ясного дня, а в более безопасное для врага ночное время, что намного снижало точность поражения целей, или же враг уничтожал ложные объекты. А вот потери в рядах немецких пилотов стали увеличиваться с каждым вылетом на восток. Врага били и зенитчики, и летчики истребительной авиации, и отдельные зенитные бронепоезда.

Большую проблему в прифронтовой зоне могли создать многочисленные диверсанты, которых забрасывала в этот регион немецкая разведка. Они забрасывались сюда как для сбора сведений о режиме подвижных составов, так и для подрыва мостов и самого железнодорожного полотна. С диверсантами и разного рода лазутчиками приходилось бороться не только контрразведке и нашим правоохранительным органам, но и местным жителям. Без помощи местного населения не могла пройти ни одна операция по обнаружению вражеских агентов или сбитых немецких летчиков.

Открытая местность степного региона была благоприятна для авиации противника: с высоты немецким наблюдателям не представляло особых трудностей за десятки километров невооруженным глазом вести наблюдение за всеми перемещениями подвижных составов. Но для разведчиков-одиночек и многочисленных диверсионных групп, которых

с периодичной регулярностью забрасывала сюда немецкая разведка, абвер, открытое степное пространство создавало порой непреодолимое препятствие. Скрыться от глаз местных жителей и специально созданных подразделений в бескрайней степи порой не представлялось возможным. В малонаселенных районах посторонний человек был всегда на виду, потому деятельность диверсионных отрядов и разномастных немецких агентов была малоэффективной или вообще сводилась к нулю.

Вот только слухи о невероятных шпионах и диверсантах будоражили умы местных жителей долгие годы, даже через несколько десятилетий после окончания войны. Сочинялись различные бредовые небылицы, лазутчиками и резидентами в которых становились местные чудачки или вообще душевнобольные люди. Самой популярной была такая история.

Начальник железнодорожной станции (а какой именно, зависело от рассказчика) в те военные годы был агентом германской разведки. По слухам, именно он и сообщал все сведения по передвижению военных эшелонов в сталинградском направлении. Но разоблачить шпиона помог местный старик, решивший попросить главного по железнодорожной станции отправить свою больную жену поездом в больницу Саратова. Застать начальника на месте пожилому человеку не удалось, но кто-то из односельчан подсказал, что видел, как тот заходил в водонапорную башню, находящуюся недалеко от вокзала. Настойчивый пенсионер решил не ждать и сам направился на встречу с главным по станции. Ошеломленный увиденным зрелищем, старик не сразу смог прийти в себя, а не то чтобы понять, как нужно действовать в такой ситуации. Человек, занимавший ответственный пост, забравшись на самый верх кирпичного сооружения, наскоро отбивал точки и тире ключом радиостанции. Излишне было любопытствовать, с кем он выходил на связь. Видно, в спешке вражеский ла-

зутчик забыл закрыть на запор входную дверь и совершенно не предполагал, что кто-то может его обнаружить. Оставшись незамеченным, пожилой человек не стал рисковать, выдавая, что стал невольным свидетелем шпионской акции. Следующий свой визит старик незамедлительно нанес в местное отделение милиции. Сразу после авианалета начальник был арестован, и в дальнейшем бомбардировки железнодорожных станций этого направления прекратились.

Конечно, это всего лишь очередная небылица, еще долгие годы передаваемая из уст в уста простыми людьми.

* * *

— Мы тоже думаем, что с почтой что-то не так, — после короткой паузы продолжила разговор Надя. — Уповая на Божью милость, каждый день мы нашу Марьяш с ее большой сумкой выглядываем — вдруг письмо от брата пришло? А писем все нет и нет, — с тоской в голосе тяжело вздохнула она.

Порой подруги сбивались с проторенного пути, проваливались по колено в снег. Помогая друг другу снова вставать на твердую часть дороги, девушки старались беречь силы, столь необходимые для перетаскивания сорокалитровых бидонов и нелегкого пути обратно домой.

Так незаметно, за разговорами, девчата прошли семь-восемь километров по заснеженной степи. Немного подустав, но согрешшись от ходьбы, они стали свидетелями того, как утреннее солнце медленно поднималось над горизонтом, освещая ровный снежный ковер бескрайней степи. Засверкавший от солнечных лучей серебряными искрами снег слепил глаза. Мороз стал спадать, и можно было снова сесть, чтобы хоть и медленно, но уже в санях продолжить свой путь, продвигаясь к одной из точек колхоза «Акобинский». Заметивший приближение людей, сорвался с места корсак, раскопавший под снегом небольшую ямку. Очевид-

но, определив что-то по запаху, зверек пытался таким образом достать себе съестное из-под плотного слоя снега.

— Смотри, лиса копается в снегу! Наверное, что-то почуяла там! — любуясь мехом рыжего зверька, восторженно произнесла Надя.

— Нет, это не лиса, это корсак. Он меньше лисы, но тоже красивый, — уточнила Маруся, глядя на убегающего зверька с сожалением: — Бедный, чем же он здесь питается в такой холод? Наверное, мышей ищет?

— Наверное. А может, что-то с осени осталось.

— Тяжело им сейчас, в такую стужу.

— Но ничего! Через месяц полегче будет, а там, глядишь, и суслики вылезут.

Нелегкий путь девушек иногда пересекался следами мышкующих в степи хорей, корсаков, лис, а также осторожных и пугливых зайцев, занятых поиском корма. С трудом верилось в то, что в этом почти безжизненном степном уголке земли можно встретить такое разнообразие диких зверьков, чудом выживающих в здешних местах. Но жизнь в природе не прекращает свое начало в любых, даже самых суровых условиях. Вероятно, тем и прекрасна матушка-природа, что поражает нас своими таинствами и законами, которые человеку до сих пор не все известны.

Около двух часов пополудни, покормив быков и уже с полными флягами молочной продукции, уставшие подружки тронулись в обратный путь. Стараясь засветло доехать до какой-нибудь чабанской точки, где можно было остановиться на ночлег, девчата робко надеялись еще и на то, что, может быть, там им посчастливится перекусить. Больше всего они опасались резкой смены погоды. Зимняя степь коварна — особенно она опасна внезапными буранами. С незапамятных времен известны случаи, когда люди, врасплох застигнутые метелью, сбивались с пути и, не находя приюта, так и замерзали в безлюдной степи. Опасаясь ненастья, девчата спешили сами и подгоняли нерасторопных быков.

Когда холодное, зимнее солнце уже перевалило за багрово-красный горизонт, а уныло поблекший дневной свет еще не скрылся под покровом ночи, сани девушек добрались до старого Игуменского хутора, ставшего теперь одной из чабанских точек. Издалека кошары, как и сами чабанские шалаша, в заснеженной степи увидеть не представлялось возможным. Лишь сероватый дымок из труб саманных жилищ, подающий им робкую надежду на теплый ночлег, едва виднелся из-за снежного вала, отделявшего степь от строевых. Территория за высокой стеной снежного ограждения по всему периметру чабанской точки была аккуратно вычищена.

«Судя по тому, что вал на точке держат и она не занесена снегом, скорее всего, здесь живет большая семья», — подумала Маруся, глядя на ухоженную территорию. На лай собак встречать девчат вышла молодая, лет тридцати пяти, женщина-казашка в наспех накинутом заплатанном полушубке, вероятно, с плеча ее мужа.

— *Саламатсыздар ма Қарындастар! Амансыңдар ма? Қалдеріңіз қалай? Ал, кош келдіңіздер!* (Здравствуйте, сестренки! Как вы, живы-здоровы? Добро пожаловать!) — радушно привечала гостей хозяйка, отгоняя назойливых собак.

Ближе к животноводческим постройкам находилась мазанка ее свекра, где тот жил с семьей своего старшего сына. Услышав лай собак, из землянки вышел хозяин — пожилой мужчина лет семидесяти. Поправляя на ходу шапку-малахай, он по-доброму поприветствовал девчат и предложил им свою помощь. Из-за спины старика на запоздалых гостей с любопытством поглядывали три мальчика-подростка четырнадцати-шестнадцати лет. Дед, бросив суровый взгляд на внуков, велел им зайти в дом. Дверь за подростками со скрипом закрылась. Слова старика, обращенные к снохе, изредка заглушались неугомонным лаем разномастных собак. Разгневавшись, старик громко крикнул, махнув на жи-

вотных угрожающим жестом. Собаки, виновато поджимая хвосты и уши, сразу затихли. Перекинувшись с невесткой несколькими фразами на казахском языке и твердо убедившись в том, что девчата справятся сами, пожилой мужчина еще раз буркнул на собак и зашел в дом. Когда Маруся увидела подростков и старика, она поняла, кто помогает держать снежный вал — в этом деле нужны мужские руки.

Из открытых дверей коровника в лица девчат повеяло теплом животноводческого помещения, клубами густого пара оно расплывалось в морозном воздухе февраля. Жестами худенькая женщина показывала, откуда можно взять соломку и воду из колодца, чтобы напоить и накормить уставших животных. Прилагая все силы и старания, она помогла занести в теплое помещение тяжелые бидоны с продукцией. Энергичная и добродушная хозяйка по-матерински, с неподдельной заботой старалась взять на себя ту часть работы, где было труднее всего, и это согревало сердца и радовало еще не очерстневшие души девчат.

— Вот и хорошо! Бидоны в сарай занесли, водой быков напоили, корма им на ночь хватит. Всё!.. Закрываем сарай и пойдем в дом, — решила хозяйка, еще раз внимательно осматривая темное помещение коровника. — Вы с дороги устали, сейчас будем пить чай. Дома тепло, согреетесь! А то ведь вы весь день на морозе, — с беспокойством в голосе подытожила Зауреш, закрывая двери хозяйственной постройки. — Хорошо, что вы ночевать к нам заехали, сейчас ночью в степи опасно: в любую минуту буран может начаться, да и волки к нашим кошарам часто приходят стали. Свекор по ночам из ружья стреляет, когда они выть начинают! Так страшно... Мы с ним заведующего фермой несколько раз уже об этом предупреждали...

Скованная морозом ночь окончательно опустилась на степь. Внутреннее помещение небольшой мазанки освещалось тусклым светом керосиновой лампы. С порога девчата наткнулись на ватагу игравших в землянке босоногих

ребятишек. Их было пятеро: от двух с половиной до двенадцати лет. Дети, увидев зашедших с матерью в дом незнакомых людей, затихли, старшие незамедлительно поздоровались с вошедшими гостями, их примеру последовали и малыши. Было видно воспитание родителей, с пеленок приучавших детей уважать гостей и старших. В натопленном шалаше стоял легкий горьковатый запах горелого кизяка вперемешку с запахом вареной баранины, отчего в желудках проголодавшихся девчат ощущалось легкое покалывание, а обильно выделявшуюся слюну приходилось часто глотать.

— Прошлой ночью одна овца ногу себе сломала, пришлось ее зарезать, чтоб не издохла. Сегодня утром к нам завфермой приезжал; свекор тушу разделал, а начальник ее в колхоз забрал. Вот он и разрешил, чтобы мы от этой тушки отрезанные конечности и голову с потрохами себе оставили, — поспешила пояснить хозяйка, — хоть это и не густо, но все-таки навар для шурпы. Вы раздевайтесь, проходите, сейчас чай пить будем, — непринужденно предлагала беспокойная Зауреш.

Девчата стали снимать верхнюю одежду, а старший сын Зауреш, принимая вещи гостей, по-хозяйски раскладывал их возле теплой печи. Зимой это было очень важно. Нужно было, чтобы одежда до утра нагрелась и просохла. Уложив у очага вещи подруг, Сансызбай принес кумган с теплой водой и полотенце. Над тазиком, который под светом керосиновой лампы отдавал латунным блеском, девчата вымыли руки и смогли умыться. Дарига — так звали девочку, что на год младше своего старшего брата, — быстро развернула посреди комнаты достархан. На кошке проворная черноглазая озорница разложила старенькую, но чистую скатерть и ловко расставила на ней пиалы и незатейливую посуду. Вокруг скатерти старшие дети аккуратно разложили три корпешки (тонкие и узкие матрасы), на которые девушкам любезно предложили присесть. Младшие дети бро-

сили свои забавы и вели себя не столь шумно, отдавая дань уважения пришедшим гостям. Лишь изредка, увлекаясь по-детски игрой, они получали замечания от старших. Сама Зауреш при этом суетилась у печки, отдавая детям распоряжения незаметными жестами, без слов: кивком, взглядом, мимикой. И дети безошибочно понимали ее зашифрованные команды. Расположившись за скромным достарханом, гости с хозяйкой принялись пить горячий чай, заправленный каймаком, вприкуску с сухим куртмом (подсоленным высушенным творогом, скатанным вручную в продолговатые шарики). Согретые домашним теплом и радушным приемом девушки с радостью попили чаю, отчего после тяжелого трудового дня их стало клонить ко сну. В протопленном шалаше потрескивала небольшая печь, от которой исходило такое приятное телу и душе тепло, что, едва припав к приготовленной постели, под тихое хихиканье детишек, перешептывающихся между собой в противоположном углу дома, гости заснули.

Проснулась Маруся оттого, что кто-то легонько толкал ее в локоть. Едва открыв глаза, в тусклом свете лампы она увидела склонившуюся над ней Зауреш. Хозяйка снова приглашала к столу.

— *Тамақ, тамақ* (Кушать, кушать), — поправляя платок, приговаривала женщина, — подругу свою буди, сейчас лапшу кушать будем.

Из вежливости еще не пришедшие в себя ото сна девушки как могли старались отказать от приглашения. Но Зауреш непринужденно, с какой-то непостижимой заботой смогла поднять их с постели и усадить за гостеприимный достархан.

— А дети... дети ваши уже покушали? — спросила Маруся, глядя на спящую малышню. Она прекрасно понимала, что в это трудное время ее с Надеждой здесь никто не ждал. Чай, заправленный сливками, вприкуску с куртмом в то суровое время для них был уже роскошью.

— Может, пусть детишки поужинают, а потом мы? — предложила Надя, заправляя под старенький, выцветший платок темную прядь волос. Так же, как и Маруся, она бросила свой взор на спящих детей.

— Вы садитесь, садитесь, кушайте, пока горячее, а за них не беспокойтесь, — помешивая в казане лапшу и разливая ее по глубоким пиалам, невозмутимо произнесла не знающая усталости хозяйка. С жадностью подруги принялись есть сытную лапшу, в которой изредка попадались очень мелкие мясные кусочки бараньих ножек. Занятые едой, они ни разу словом не обмолвились. Было очень вкусно, учитывая и то обстоятельство, что такой пищи девчата не ели уже очень и очень давно. Зимой с питанием было особенно трудно. Запасов хватало только на то, чтобы не умереть от голода. Из-за систематического недоедания, даже приняв небольшую порцию сытной лапши, их желудки были полны, хотя неумолимое желание съесть больше было еще долго. Мудрая хозяйка ни разу не отвлекла их своими разговорами, понимая, что отрывать изголодавшихся гостей от трапезы нежелательно. Она внимательно наблюдала, с каким аппетитом девчата, едва прожевывая, ели приготовленную лапшу. И только когда по пиалам был разлит чай, Зауреш начала непринужденный разговор.

Чаепитие у казахского народа — это отдельный ритуал. Вот и сейчас он целиком и полностью соответствовал национальным традициям. Крепко заваренный напиток, сдобренный каймаком, Зауреш разливала по маленьким пиалам непременно небольшими порциями; очевидно, это испокон веков делалось для того, чтобы в процессе длительного утоления жажды можно было о многом поговорить. Ну и, само собой, при долгих разговорах чай должен быть всегда горячим, потому и порции наливались маленькие. Сама хозяйка, подвернув под себя ногу, сидела на краю кошмы рядом с печкой. Справа от нее, на земляном полу, находился специальный металлический поднос

с высокими краями, в который из печи был насыпан жар. На тлеющих горячих углях шумел большой чайник. Заварной фарфоровый чайник во избежание повреждения хозяйка ставила рядом с подносом, периодически поворачивая его к источнику тепла разными сторонами. Времени для застолья требовалось немало, и для того, чтобы напиток был всегда горячим и вкусным, придумывались вот такие приспособления. Разливая чай по пиалам, Зауреш шепотом принялась рассказывать о том, как летом ей приходилось в ночное время воровать с колхозного поля зерно, чтобы зимой можно было как-то прокормить своих малолетних детей. Из накопленной впрок пшеницы она теперь может толочь в ступе муку, из которой понемногу и готовит то лапшу, то бауырсаки (маленькие пышки круглой формы).

— Не будь этого, я не знаю, как бы мы смогли дожить до сегодняшнего дня, — закончила свою речь Зауреш, помешивая при этом мастемером (щипцами для углей) жар на металлическом подносе. В комнате наступила минутная тишина; вероятно, каждая из девушек с болью в сердце задала вопрос Богу: «Ну когда же это все закончится?!»

Напившись досыта чаю и поблагодарив хозяйку за ужин, гости с трудом добрались до своей постели. Перебитый сытной пищей сон уже не пленил так в свои объятия, и ничего не оставалось делать, как стать невольными свидетелями того, как заботливая хозяйка и добрая мать будила и усаживала за достархан своих детей. Глядя на эту картину, окончательно и бесповоротно становилось ясно, что по обычаям их предков в первую очередь почет и уважение и все лучшее к столу отдается гостям, и только потом кормят детей, а если что осталось, едят сами, в каких бы тяжелых условиях ни жила семья.

* * *

На всю свою жизнь я запомнил этот рассказ моей матери, и не раз слышал, как с восхищением о подобных жиз-

ненных ситуациях рассказывали мне мой отец и тетя Надя. Мне самому в дальнейшем приходилось убеждаться в том, что это не отдельный случай, а закономерность, и каждый раз не переставал этим восхищаться!

Я до безумия люблю свой русский народ и горжусь им, как истинно великим, из жизни которого можно с таким же успехом перечислить множество подобных историй, происходящих в разные эпохи и времена. Такие традиции и обычаи существуют у многих наций и народностей — в мире нет границ и предела гостеприимству, радушию и благородству. Их и должно быть много! Но я не имею права в данном случае промолчать, не отметив особой строкой то, что происходило со мной и моими близкими людьми, за что я хочу низко поклониться казахскому народу. Возможно, мы стоим на пороге другого времени, когда нет таких трудностей, при которых проявляется все самое ценное в человеке. Возможно, поэтому я не осмеливаюсь плохим словом назвать того, кто, встав перед выбором — кого накормить первым, гостя или своего ребенка, заведомо зная, что тебе, но самое главное, твоему дитю еды может и не достаться, — не дрогнул бы в последний момент. Какую ты должен иметь душу и какими должны быть твой нрав и твое сердце, чтобы без капли сомнения ты смог поделиться последним куском хлеба с незнакомцем, который придет в твой дом в первый, а может, и в последний раз? Разве только с широтой местной степи я могу сравнить широту души казахского народа, доброте и радушию которого нет предела! Именно этому народу, низко поклонившись и от чистого сердца, с благодарностью и любовью я готов сказать огромное спасибо! За его искренность, добродушие, скромность и простоту.

ПЕРЕДОВАЯ

Год прошел как целая вечность. Но наступил долгожданный апрель, и к концу месяца Дружинин вольной птицей выпорхнул из ворот тюремного лагеря — свобода! С первых дней заключения он дал себе слово, что сюда больше ни ногой. Как только Анатолий оказался за пределами злополучного учреждения, то, не оглядываясь, со всех ног рванул в сторону вокзала; в голове была только одна мысль: как можно быстрее добраться до дома. Вот только дорога в Джаныбек тоже не из легких: поездом, да еще с пересадкой. Хотя это все по сравнению с пребыванием в лагере — легкая прогулка.

Не прошло и двух суток, как Анатолий, обходя лужи после весеннего дождя, шел с вокзала домой, наслаждаясь теплом первого майского дня. Вот она, низенькая землянка, внутри — знакомый запах родного дома, теплые объятия сестренки и матери, у которой сердце разрывалось и от радости, и от сознания того, что в августе сыну исполнится семнадцать лет, а это значит, что и его скоро заберут на фронт.

Весенний призыв по всей стране шел полным ходом; военкомовских представителей Дружинину долго ждать не пришлось. Через несколько дней после регистрации в отделении милиции ему принесли повестку. В районном военкомате Анатолия определили в группу, которую в конце мая должны отправить в подготовительный лагерь для прохождения новобранцами курсов боевой подготовки. Накануне

отправки сына на фронт Мария Ивановна втайне от посторонних пригласила домой молоканского пресвитера. Его появление для Анатолия было делом неожиданным. Конечно, он догадывался, что мать что-то затеяла, потому как утром попросила его вечером никуда не отлучаться. Усадив Анатолия за стол, духовный пастырь достал из портфеля две стареньких потрепанных книжицы и, положив на них сухие старческие руки, стал молиться. Свершив молитвенный обряд, священнослужитель вручил ему листочек бумаги, на котором от руки, карандашом, был написан девяностый псалом из Ветхого Завета.

— Запомни, детка, этот псалом поможет тебе на поле брани. Надо только верить, сынок, в силу Господа нашего Иисуса Христа, верить и молиться. Тысячи и десятки тысяч будут погибать рядом, как сказано в великом Писании, но с тобою ничего не приключится, ибо ангелы по велению Всевышнего будут охранять тебя на всех путях твоих. Прибегающий к Богу становится сыном Божьим, — тихим голосом приговаривал милый старичок с седыми реденькими волосами вокруг блестящей лысины, — молись, сынок, вдали от дома сам, а мы с твоей матерью тут за тебя молиться будем. Бог обязательно услышит слова наши, если мы искренни будем. А молитву эту, детка, храни при себе, где бы ты ни был, — ненавязчиво напутствовал его старенький пресвитер, постоянно поправляя поломанные очки, дужки которых были стянуты на затылке потрепанной резинкой.

Процедура благословения для Анатолия была совершенно непонятным да и неприятным ритуалом, а наказ о том, что нужно молиться, он попросту не признавал по причине своих атеистических взглядов. Но перечить воле своей матери не смел — так он ею был воспитан с детства. И тетрадный листок он выбрасывать тоже не стал, а аккуратно сложил его вчетверо, засунув в потайной карман своего старенького пиджака на тот случай, если вдруг возникнут трудности.

Девятнадцатого мая на железнодорожной станции Джаныбека собралась шумная толпа из призывников и провожающих со всего района. Вся эта многоликая толпа ожидала прибытия поезда: состав должен был подойти к полудню. Вскоре привокзальный гомон заглушился шумом вагонных колес, свистом тормозных колодок и протяжным гудком прибывающего локомотива, тянущего за собой ряд теплушек и грузовых платформ. Суматошная процедура проводов незамедлительно оборвалась окриками военкомовских офицеров, по команде которых призывники выстроились в неуклюжий извилистый строй. Он представлял собой два неровных ряда мальчишек в гражданском одеянии, за плечами которых торчали скромные вещмешки. Многим из них, как и Анатолию, не исполнилось и восемнадцати. И они, еще не нюхавшие порошу безусые пацаны, уже этой осенью должны будут окунуться в пучину ожесточенных боев. Но это будет потом. А сейчас они с романтическими мыслями в юных умах как на экзотическую прогулку отправлялись в дорогу, со смехом и шутками подбадривая друг друга. Не понимали еще неоперившиеся юнцы того, что многие из них в последний раз видят свой поселок, лица родных и что сюда они уже никогда не вернуться. Прозвучавшая команда «По вагонам!» породила женский плач, крик, вопли, заглушавшие команды офицеров. Матери, сестры, отцы и братья в истерике бросались в объятия своих родных, стараясь задержать их еще на несколько секунд, чтобы хоть еще миг побыть рядом. Громче всех голосили те, кто на этой войне уже потерял близких, к кому в дом уже пришла беда в виде похоронки, кто не понаслышке знал горькую горечь потерь. Мария Ивановна, привыкшая боль хранить в себе, не могла в этих рвущих душу обстоятельствах сдерживать себя; прощаясь, она смотрела на своего отправляющегося на фронт сына сквозь слезы. В памяти одно за другим мелькали трагические события ее семьи: внезапная гибель мужа, смерть старшего сына, Александра, — тяготило давно

пришедшее извещение на пропавшего без вести второго сына, Матвея, а теперь у нее забирали и Анатолия.

— Толька, сынок!.. Прошу тебе: ты бережи себе там... Да сломя башку без надобности в пекло-то не суйся. Слухай старых солдат, они знают, што да как, лучше, чем вы, молодые да неопытные. Помни, што пресвитер, Сямён Грягорич, табе говорил: молись, детка, и бережи молитву свою, и я молиться за тебе буду. Храни тебе Бог, сынок. Может, там Мотькю встренешь, так вы там друг возля дружки будьтя, — целуя, в объятиях напутствовала она сына.

— Хорошо, мам, хорошо... Я и старых солдат слушать буду, и молиться буду, ты только не переживай, все хорошо будет; я, мам, писать вам обязательно буду. Ты, самое главное, не волнуйся, нас сразу на фронт не отправят, пока воинским наукам не обучат, — успокаивал как мог разволновавшуюся мать Анатолий.

В слезах, прижавшись к нему, рядом шли Надежда и Валентина.

— Ты, Толя, не забывай нам письма писать, а мы с Надеей обязательно тебе по очереди отвечать на них будем, — умоляла брата Валентина, крепко держась за его руку.

— А мы с Валею знаем, что ты куришь, и втайне от мамки кисет тебе на память сшили, — оглядываясь на мать, прошептала Надежда, — чтобы ты там, на войне, чаще вспоминал про нас, — добавила она и сунула ему в карман брюк красный, с черным шнурком кисет.

— Букву Т я на нем вышивала! А Надя — Д. Ну, «Толя Дружинин» значит, — спешила сообщить младшая, Валентина. — Хотела я, как положено, А вышить — то есть «Анатолий». Но тогда получилось бы «АД» — жутковато как-то. Правда? — тараторила Валя, крутя головой из стороны в сторону. Маленькая, со смешными косичками, она в последние дни как привязанная ходила за братом, сознавая, что увидеться им теперь придется не скоро. — А я у мамки еще и табачку тебе стащила, — хихикая сквозь слезы, про-

шептала она на ухо Анатолию. — На-ка вот, держи, — и сунула ему в другой карман газетный кулек со щедрой пригоршней мамкиного самосада.

— Ах ты, озорница такая!.. — смеясь, погрозил ей пальцем Анатолий и, нежно приобняв, поцеловал сестренку в темечко.

Распознавшись с родными, Дружинин запрыгнул в теплушку. Состав со скрежетом и скрипом, дергаясь и натужно пыхтя, тронулся, медленно набирая ход. Новобранцы, торопясь, в спорах и суматохе стали устраиваться в тесном помещении вагона, выбирая себе понравившиеся места на деревянных нарах. Правда, шум и толчея продолжались недолго; скоротечный спор и гомон медленно переросли в обеденную процедуру. Определившись небольшими группами, молодежь принялась за трапезу из тех запасов, что передали им в дорогу заботливые родственники и родители. Смех, шутки, разговоры вскоре тоже стали стихать, и после незапланированного обеда люди стали расходиться по своим местам, обособливаясь в своих мыслях.

Уединился и Дружинин. Место ему досталось возле входа, как он и хотел и чему был непременно рад. Самое главное, отсюда, не слезая с нар, можно было наблюдать меняющийся за широким проемом пейзаж. Ворота теплушки были открыты, и через них с улицы в душное помещение вагона врывался прохладный воздух набравшейся силы весны. Однообразная равнина степи, изредка пересеченная узкими речушками и неглубокими балками, была покрыта зеленым ковром травы. Выгнанный на выпас скот имел возможность наслаждаться сочным, зеленым кормом. Суслики, перебегая с места на место, шныряли между мелкими кустиками горькой полыни и другого разнотравья. Становясь на задние лапки, эти чудные зверьки, пересвистываясь между собой, с интересом осматривали, что происходило вокруг; щебеча, порхали над землей серые хохлатые жаворонки; выискивая жертву, высоко в небе парил орел. Все это было по-весенне-

му мило и привлекательно. Но пройдет полтора месяца, и выжженная горячим солнцем степь изменит свой зеленый окрас на мрачно-желтый цвет. Жаворонки и суслики в полуденный зной будут редкими гостями, и лишь гордый орел по-прежнему будет намётывать круги над безжизненной и выжженной солнцем степью. Это Анатолий знал с раннего детства, а потому наслаждался тем, что видел именно сейчас. Устроившись удобнее на нарах, он вытащил из кармана кисет и внимательно стал его рассматривать. На мешочке, аккуратно сшитом из темно-красной ткани, с двух сторон черными изящными вензелями были вышиты две большие буквы: Т и Д.

«Ух ты! Как красиво!» — сразу же мелькнула первая мысль. И только теперь Анатолий почувствовал ту теплоту и любовь, с которой сестренки, стараясь, вышивали ему этот подарок. «Обязательно сохраню его до победы, если не убьют», — поклялся себе он и ссыпал в кисет табак, купленный ранее, втайне от матери, на базаре. А мамкин самосад, что сунула ему в карман проворная Валентина, он отложил на черный день.

На вокзале Чкалова среди немногочисленной толпы гражданских и военных Анатолий заметил раненого солдата. Боец, который одиноко сидел на скамейке, был в уже изрядно поношенной форме и при погонах; на груди служивого поблескивала медаль «За боевые заслуги». На ногах фронтовика — начищенные до блеска ботинки с обмотками, за плечами — вещмешок; левая рука солдата от кисти до предплечья перебинтована и висит на повязке. «Вот это настоящий фронтовик», — подумал Анатолий.

— Вася! А давай подойдем и спросим у него, как там, на фронте? — предложил товарищу Дружинин.

— Давай! Наверняка человек на передке побывал, вон, смотри, даже ранен, — согласился Василий. Вдвоем они направились к солдату. Уж очень одолевало любопытство: как там, на войне?

— Здорóво, браток, — обратился первым Анатолий. По-
дойдя к фронтовику, он протянул ему руку.

— Здорóво, коль не шутите, — улыбнулся солдат, привет-
ствуя друзей.

— С фронта? — сразу перешел к делу Чурзин.

— Оттуда, — коротко и как-то вроде нехотя ответил сол-
дат.

— А нас вот в учебный лагерь отправляют. Ну а потом
тоже на фронт поедем, — с гордостью сообщил незнакомцу
Анатолий.

— Понятно... Товарищи, а вы случайно табачком не бо-
гаты? — скромно поинтересовался раненый, — а то у меня
с этим делом сейчас туговато...

— Этого добра у нас пока с избытком, — похвастался
Дружинин, вытаскивая из кармана вышитый сестренками
кисет, — на-ка вот, угощайся. Может, познакомимся? Меня
Анатолий зовут, а моего друга — Василий.

— Иваном меня назвали, — нахмурил брови солдат, на-
бирая из кисета Дружинина щепотку табака. — Это, навер-
ное, в Тоцк вас везут? — Иван улыбнулся, скручивая цигар-
ку.

— Туда... Мы сами из Джаныбека, есть такой поселок
в Западно-Казахстанской области. Может, слышал? — на вся-
кий случай спросил Анатолий, деловито накладывая из сво-
его кисета табак на газетный кусочек.

— Нет, не слышал, — отрицательно покачал головой
Иван. — Задержали нас маленько в Уральске, а так давно
должны были сюда приехать. Один из наших призывников
по пути заболел тифом, вот всю нашу команду в областном
центре на две недели и оставили на карантин. Хорошо, что
особой строгости в режиме там не было; мы смогли и по го-
роду погулять, и в Урале, и в Чагане искупаться. В выходные
посчастливилось даже в кино сходить.

— А ты что, в Тоцком лагере был? — прикуривая цигар-
ку, спросил Анатолий.

— Был. Тоже проходил там курсы по боевой подготовке. — Иван раскашлялся. — Хороший табачок-то у тебя! До самого нутра продирает, — похвалил он самосад Дружинина и одобрительно посмотрел на самокрутку.

— Да, это у меня еще домашний остался. Специально придержал, отложил его на потом. Мамаша моя сама на огороде такой выращивает, — смеясь, похвастался Дружинин.

— Ну и как там, в Тощке, командиры не зверствуют? — стал интересоваться Чурзин.

— Как вам сказать?.. — пожал плечами Иван. — Особо вроде и не зверствуют, но только и полезному ничему не учат. Строевой подготовкой гоняют с утра до ночи да в противогазах заставляют бегать — вот и вся наука. А на фронте это и не нужно. Там строевым маршем или бегом в противогазе на фашиста не попрешь.

— Ну а как там, на фронте-то? Расскажи, — сгорал от нетерпения Васька, — я смотрю, ты повоевать успел, даже награду имеешь и ранен. Как я понял, теперь с ранением в госпиталь едешь.

— В третий по счету еду. В двух-то я уже побывал, теперь вот поближе к дому направили, — пояснил Иван, махнув рукой в сторону юго-запада. — Я же сам здешний, потому в Чкаловскую область и попросился. Хорошо, что во втором госпитале военврач дядька добрый попался, отзывчивый такой мужик, порядочный. Он, оказывается, сам раньше в нашем Соль-Илецком госпитале служил. Вот, откликнулся на мою просьбу и дал мне направление поближе к дому.

— Что, сильно зацепило? — сочувствуя, спросил Анатолий.

— Да... Осколок, зараза! Кость повредил. Вот теперь никак не заживает — гниет...

— Ну ничего, может, на родине подлечат и поправишься, — поддержал его Чурзин.

— Подлечат... Дома и стены помогают, — улыбнулся Иван. — У нас там лечебное озеро с соленой водой есть, еще

до войны на том месте санаторий был, а теперь вот госпиталь. Наша соленая водичка обязательно поможет, — утешал себя раненый.

К скамейке постепенно стали стягиваться остальные члены команды. Любопытных становилось все больше.

— А ты на каком фронте воевал? — наседали с вопросами Чурзин. Ему, как и всем остальным, не терпелось услышать, как обстоят дела там, на передовой.

Пододвинувшись к Ивану поближе, Василий уточнил:

— Что, давит фашист?

— Давит... — процедил сквозь зубы Иван и, как в подтверждение, погладил перебинтованную руку, — но и мы даем фрицу прикурить! — уже восторженно произнес фронтовик. Оглядывая вокруг себя десятки любопытных глаз, Иван расправил плечи и, смачно затаившись, продолжил: — Я службу-то начал на Донском фронте. Вот там, под Сталинградом, прошлой зимой мы высыпали и немцам, и румынам, и итальянцам — всем от нашего брата досталось.

— А что, разве против нас румыны и итальянцы воюют? — возмутился кто-то из толпы новобранцев.

— Ну ты темнота! — пристыдил невежду Ломакин. — Да против нас пол-Европы воюет, — проинформировал он безграмотного.

— Чего ты, Гриша, ему тут политзанятия проводить собрался?! — возмутился Чурзин. — Не отвлекайте человека! Давай, Ваня, дальше рассказывай!

— Но надо прямо сказать: что румыны, что итальяшки — вояки так себе, — продолжил Иван, — чуть придавишь, сразу драпают или в плен сдаются. Тогда, в декабре сорок второго и в январе этого года, морозы как раз стояли недетские — за сорок градусов зашкаливало. Смотришь на этих пленных вояк, и самому еще холодней становится. Ста-а-а-ят «герои», сопли до подбородка висят, сгорбились, как деды столетние, поверх своих шинелей барахло бабское напялили — тьфу, смотреть противно. А вот немцы —

нет! Те совсем другие. И воют грамотно, да и дисциплина у фашиста — будь здоров! Ну, мы этим тоже наваяли. Сводки информбюро, наверное, слышали? Триста тысяч фашистов тогда в окружение попало!

— Слышали, слышали, — загудела толпа.

— Вот здесь я свою первую награду и получил, — с гордостью высказался фронтовик, покосившись на свою медаль. — Потом наш Донской фронт, правда, расформировали и перебросили нас по железной дороге под Ольшанку (село такое есть в Курской области), да и фронт у нас стал называться не Донской, а Центральный. А вот здесь, братцы... нам и с венграми повоевать пришлось, — прищипнул языком Иван, — эти своим «героизмом» от румын да итальянцев особо тоже не отличались, но зато зверствами над мирным населением «прославились». Так мы с ними и не церемонились! Был приказ... венгров в плен не брать! А приказы в армии не обсуждают... Приказ есть приказ! — нахмутив брови, гордо произнес Иван и в знак подтверждения своих слов жестко, как отрезал, махнул рукой: — Так наши хлопцы на месте этих гадов и кончали.

— Правильно! А чего с ними церемониться? — поддержал кто-то слова раненого бойца.

— Конечно! Так и надо этим гадам. Пусть знают, как издеваться над мирным населением... — загудела толпа.

— Ну ладно, ладно... Не мешайте слушать, — остановил возмущенных Чурзин. — Давай, Ваня, дальше рассказывай.

Иван плюнул на огарок своей самокрутки, затушил ее носком ботинка и, перекинув ногу на ногу, продолжил:

— Да... повоевать нам здесь пришлось нелегко. Как раз март — весна началась, а мы в валенках: днем все тает, промокнешь насквозь от мокрого снега и пота, а в ночь — вот он тебе и морозец... Туговато было, конечно, нечего сказать. А в апреле, это когда уже потеплело, мы как раз в обороне стояли, тут-то меня и зацепило, мать бы его... — выругался Иван. — Так с тех пор по госпиталям и мотаюсь. Братиш-

ка! — повернувшись, обратился он к Дружинину: — Ежели не жалко, сыпани еще малость своего самосаду. Больно он у тебя хороший — ядреный! — засмеялся Иван.

— Какой разговор, Ваня?! Конечно бери, — протянул ему табак Анатолий.

— Кисет, смотрю, у тебя красивый. Невеста небось подарила? — щурясь и загадочно улыбаясь, спросил Иван, наблюдая добрую щепотку самосада.

— Нет пока у меня невесты. Это сестренки постарались, — пояснил Дружинин, затягивая шнурок.

— Строиться! — прозвучал приказ, и новобранцы, прощаясь и нехотя отходя от раненого фронтовика, стали собираться в строй.

После высадки в Тоцке и непродолжительного марша команда оказалась на затерявшемся в степях военном полигоне. Молодежь наголо подстригли и после бани переодели в военную форму. Обмундирование сделало всех похожими друг на друга. С непривычки, когда люди оказались в одинаковом одеянии, в этой однородной массе друзья, смеясь, с трудом узнавали друг друга. Вырытые в земле бараки, в которых разместили молодых солдат, выглядели ужасающе: перекошенные нары из пересохшего искореженного леса и грязные, набитые соломой матрасы совсем не радовали глаз. Конечно, со временем с этим свыклись. Приспособившись к новым условиям, люди стали налаживать немудреный лагерный быт — ведь они теперь солдаты Рабоче-крестьянской Красной армии. Двадцать второго июня новобранцы приняли присягу, и с этого дня по-настоящему началась ратная служба со свойственным ей режимом, воинскими законами и прочими премудростями солдатского быта. Как раз премудростям военного искусства молодежь и не обучали. Подтвердились слова Ивана: молодых солдат донимали бесконечными маршами и бессмысленными занятиями по строевой подготовке, со временем ставшей им ненавистной.

«Ничего, вот еще несколько мучительных дней, и потом нас обучат стрельбе, метанию гранат и даже будут занятия по рукопашному бою», — утешали друг друга люди непонятно откуда пришедшими домыслами. Но ничего грандиозного в ближайшие дни да и потом не произошло. Два дня подряд бойцы ходили на стрельбы и метание учебной гранаты, а после короткого инструктажа практиковались во владении трехлинейкой в ближнем бою, отрабатывая удары штыком и прикладом на чучелах, набитых соломой. А потом опять строевая и бег в противогазах.

Техникой рукопашного боя увлекался Гриша Ломакин. Он и стал инициатором создания группы, которая, по его мнению, в дальнейшем должна была стать неким разведотрядом. Для этого Григорий уговорил сержанта Бондарева, чтобы он проводил с группой энтузиастов специальные занятия.

Олег Бондарев на тот период действительно имел богатый опыт боевых действий. Он участвовал в Финской кампании тридцать девятого — сорокового годов, а с первых дней войны с гитлеровской Германией воевал с фашистами на Северо-Западном фронте. В конце сентября сорок второго года в ожесточенных боях в районе озера Ильмень Олег получил тяжелое ранение и после госпиталя был направлен в Тоцкие лагеря, где занимался подготовкой новобранцев. Бондарев не особо желал проводить подобные занятия и идею Григория принял за ребячество. Но Ломакин был парнем настойчивым, и вместе с Василием Чурзиным они со своим предложением дошли до командования учебного полка.

Седой как лунь майор стоял на ступенях штаба и внимательно слушал обращение молодых солдат.

— Ну что, товарищ капитан, удовлетворим просьбу активистов? — обратился он к политруку.

— Давай, товарищ майор, пусть попробуют, — согласился капитан, едва сдерживая улыбку. Командиры прекрасно

понимали, что серьезных результатов от этой затеи ждать не стоит, но и вреда такая команда не принесет. Так пусть хоть чем-то будет занята молодежь, если имеет к этому интерес. На следующий день группа приступила к занятиям. Дружинин, воодушевленный идеей своих друзей, тоже записался в состав созданной команды, мечтая побыстрее овладеть навыками рукопашного боя.

— Ты так вилы на своем сеновале в солому втыкать будешь, — остановил Бондарев Анатолия, когда он штыком пытался проткнуть соломенное чучело. Сержант выхватил у него из рук винтовку и встал перед манекеном в позе атакующего бойца Красной армии: — Резким движением наносим удар противнику в живот — вот так! — комментировал свои движения сержант. — Не думайте, что врага, если он в шинели, так легко проткнуть штыком. Летом — это запросто, а вот зимой — уже другое дело, нужно усилие прикладывать. Еще раз повторяю, всем своим телом налегаете на винтовку и резким движением вонзаете ему в тело штык на глубину одной третьей его длины, — отметил он ладонью на штыке то расстояние, на какое тот должен был проникнуть в тело неприятеля, — и так же резко вытаскиваете его обратно. Прием выполняется как одно целое движение — это ваше драгоценное время, — давал наказ сержант неопытным новобранцам. Вся группа неумело, но стараясь, продолжала выполнять упражнения, представляя пред собой лицо истинного врага. Со временем движения курсантов становились увереннее и оружие в их руках ощущалось уже несколько привычней.

— Товарищ сержант, разрешите вопрос, — обратился к Бондареву Григорий, когда занятия перенесли непосредственно в траншеи.

— Валяй, — разрешил командир.

— А на кого в первую очередь нападать в бою, если передо мной фашистов будет много? — недоумевал Ломакин.

— Кто ближе к тебе оказался, на того и при! — кричал Бондарев. — Думать в бою времени не будет. А если рукопашная идет в траншеях, то здесь еще сложнее. Места для маневра в окопах мало, особенно не развернешься, потому и сноровка должна быть при этом особенной. Не убьешь ты — убьют тебя! Зарубите это себе на носу! — строго объяснял сержант.

С большим трудом бойцы постигали эту науку, осваивая и оттачивая упражнения. Со временем их движения стали более выверенными и точными. Но постепенно временное воодушевление стало угасать, ведь тренировки проводились в свободное от основных занятий время. А личное время всегда было дорого. Потому уроки стали проводиться реже, и скоро совсем сошли на нет. Однако первоначальные навыки из проведенных занятий Дружинин для себя все-таки почерпнул. А вот строевой подготовки и занятий по химической защите было с избытком. Как только не кляли бойцы ненавистного командира учебной роты Перебатько, какими прозвищами его ни награждали — добрым и рациональным для их службы офицер не становился.

Шла третья декада августа, летний зной изматывал людей так, что каждому хотелось на пару минут оказаться в январе или в марте, чтобы охладить тело от невыносимой жары и жажды. Задыхаясь от очередного марша и обливаясь потом, Дружинин наконец достиг заданного рубежа. Он снял противогаз и вместе с подсумком откинул его в сторону. Солнце нещадно пекло, а выгоревшая от зноя степная трава, как сплошной ковер, вся была желтого цвета. Расстегнув пуговицы гимнастерки, Анатолий прищурил глаз и, недовольно морщась, посмотрел на солнце.

— Ну и жара! — возмущаясь, выдохнул он и сел на сухую поляну у края пыльной дороги. Некоторые из новобранцев, не выдерживая нагрузки, ложились здесь же, прямо на землю. Разговоров не слышно. Люди после бега восстанавлива-

ли дыхание. Дружинин вытащил из-за ремня пилотку и вытер ею мокрый лоб.

— Я этому ироду первому пулю в спину пущу, как только на фронт попадем. Порою мне кажется, что немцы на фронте наших солдат только газами и травят. Ну о другом и не подумаешь, если остальным наукам эта сволочь нас не учит — только муштре на плацу да бегу в противогазах, — сетовал он на своего командира, глядя на мокрые от пота гимнастерки друзей. Солдатская форма от солнечных лучей и стирки за полтора месяца службы выгорела до белизны.

— Я не знаю, как ты, Толя, но мне кажется, этого Перебатько я уже сегодня голыми руками задушу, не дожидаясь, когда нас до фронта довезут. Сколько нашей крови этот гад выпил? Ну хоть какая-то польза была бы от этого кровопийцы — никакой! — поддержал Анатолия Ломакин.

— Правильно, Гриша! Здесь этого аспида и задуши. Его на фронт все равно не отправят, у него ограничение по состоянию здоровья, теперь наш старший лейтенант только к службе в тылу и годен; так что на передовой вам встретиться все равно не придется, — советовал ему Чурзин.

— Ничего, товарищи, зато в случае газовой атаки на фронте вы, в отличие от других, противогаз наденете, когда еще букву «г» в команде «Газы!» едва успеют произнести, чем себе жизни свои драгоценные и спасете, — смеялся Рогожкин, расстегивая ворот мокрой гимнастерки.

— Ты знаешь, Саша, на букву «г» много слов. И если на фронте тебя твой боевой командир предупредит «Смотри: г..но, не наступи!», а ты вместо того, чтобы отойти в сторону, противогаз на свою морду натянешь, — наверное, он этому очень удивится, — парировал Анатолий под громкий смех сослуживцев. Он отряхнул свой противогаз от капелек пота, аккуратно сложил и засунул его в подсумок.

Как бы ни был тяжек ратный труд, солдаты все равно находили время и место для минутки радости. Не знали эти мальчишки, что невыносимая нынешняя служба там,

на фронте, покажется им отпуском в курортной санатории. А пока они роптали на своего бестолкового командира да на однообразие скучных занятий, не имеющих ничего общего с обучением молодых бойцов тактике ведения современного боя.

Календарь отсчитывал числа, и за теплыми летними днями ожидалось приближение дождливой и холодной осени. В один из последних августовских дней новобранцев построили на плацу. На трибуну поднялось командование учебного полка. После непродолжительной напутственной речи командира и политрука, а также недолгих сборов всю команду маршем отправили на железнодорожную станцию.

По дороге на фронт к составу прицеплялись все новые солдатские теплушки из других регионов страны, превращая его в крупный воинский эшелон.

Бесконечные станции, разъезды и перегоны заставляли солдат прибегать к разным хитростям: продаже или обмену личного обмундирования на продукты питания и спиртное. В результате чего по прибытии в Харьков оказалось, что более чем у половины бойцов нет ни портянок, ни обмоток, ни нижнего белья, обменного или проданного для пополнения съестных запасов. Таковую армию теперь пришлось снабжать новым нижним бельем и формой, чтобы «доблестные» защитники Страны Советов не замерзли на поле боя или, еще не доходя до передовой, не околели прямо на марше. Анатолий свою форму, а тем более нижнее белье не продавал и не обменивал, как бы ни был велик соблазн. В его памяти еще сохранились тридцатые годы, когда ему приходилось бегать в школу босиком по холодному снегу, без теплой верхней одежды — ощущения были не из приятных. Умереть от голода на передовой, надеялся он, ему не дадут. А вот риск обморозиться или, хуже того, превратиться в ледяшку от холода, оставшись без нижнего белья, — велик. Поэтому оставаться раздетым к наступающим холодам он себе не желал. Даже наоборот, по совету одного из старых солдат,

с которым ему пришлось накоротке поговорить на одной из железнодорожных станций, Анатолий выменял себе на табак вторую пару зимних портянок, которые бережно хранил теперь в своем вещмешке.

* * *

Стояли последние теплые и сухие дни осени. Деревья, засыпающие в радужных красках листвы, застенчиво обнажались. В чистом голубом небе тянулись на юг стаи перелетных птиц. Солнце отдавало природе свое последнее, еще нерастраченное за лето тепло, которого было уже недостаточно, чтобы ходить по улице в легком летнем одеянии. Разноликий люд на городских улицах разрушенного войной Харькова постепенно облачался в осенне-зимнюю одежду. В городе и особенно в районе вокзала было много военных. Крупный транспортный и железнодорожный узел, который представлял собой Харьков, был от линии фронта на расстоянии чуть более четырехсот километров. Воинские эшелоны с людьми и техникой занимали почти все свободные пути железнодорожной станции, которая была в движении и днем и ночью.

Дважды Дружинина определяли в команды, которые должны были отправить на фронт, и каждый раз отменяли. Но вот наступил тот день, когда ему наконец под подпись выдали оружие. Так как Анатолий до войны работал помощником телефониста, его и определили как специалиста связи. В этот день Анатолий стоял перед воротами оружейного склада и крутил в руках блестящий на солнце карабин. Он осмотрел его ствольную коробку, несколько раз передернул затвор и, убедившись в исправности изделия, стал прилаживать под себя ремень. Ощущение в руках своего личного боевого оружия придавало какое-то непередаваемое чувство уверенности или защищенности. Этого пока Анатолий не понимал, но вороненая сталь завораживала, дурманя юное сознание. Желание применить новенький карабин

в деле не давало Дружинину покоя, отчего он с искрящимися от счастья глазами пытался ощупать каждую деталь. Только вот времени на это не оставалось, командиры торопили, резкими окриками подгоня молодых солдат. Эта спешка как-то насторожила Анатолия. Во время построения кто-то из новобранцев сообщил, что команду вот-вот отправят на фронт. Такой оборот событий Дружинина не устраивал. Находясь в строю, Анатолий, недовольный таким положением дел, с возмущением стал интересоваться возникшей ситуацией.

— Товарищ лейтенант! Разрешите вопрос? — обратился он к офицеру через плечо впереди стоящего товарища.

— Да! Я слушаю! — дал добро командир, глазами выискивая в строю любопытного новобранца.

— Если мы на фронт едем — где патроны взять? А то если немцы в плен будут брать, мне даже застрелиться нечем будет.

— Чтобы застрелиться, патрон у товарища возьмешь! — шуткой ответил офицер, усмехнувшись.

— Так у товарища их тоже нет! Как ехать на фронт с карабином в руках, но без патронов? — упрекал молодого командира Анатолий. Наслушавшись историй о том, что молодых солдат отправляют на передовую порой без оружия, он не на шутку был возмущен. Строй загудел, поддерживая протест Дружинина.

— Разговорчики в строю — отставить! — повысил голос лейтенант, пожалев о том, что неудачно пошутил. — Вы, товарищ... как ваша фамилия?

— Рядовой Дружинин.

— Ну вот, красноармеец Дружинин, патроны вам выдадут, как вы придете в свой полк. Без боеприпасов вас на фронт никто не отправит. Можете не переживать. А сейчас ваша основная задача — выполнять приказы! — стараясь не раздражаться, разъяснил лейтенант. — Я думаю, все знают, что приказы в армии не обсуждаются! Может, кому-то еще непонятно?!

— Приказом, товарищ лейтенант, из винтовки не выстрелишь, — сострил Дружинин, и строй опять загудел, как пчелиный улей.

— Прекратить панику! — строже прежнего произнес офицер. — Для тех, кто не понимает, еще раз повторяю: прежде чем отправить на фронт, из тех подразделений, куда вас определят, приедут представители. Они и доставят вас на место временной дислокации воинской части, где в дальнейшем вы и будете служить, — это полк, батальон, рота, взвод и, наконец, отделение. Боеприпасы к оружию вы тоже получите там и только потом отправитесь непосредственно на передовую, — медленно и доходчиво объяснял лейтенант. — Это, надеюсь, всем понятно?! И мой вам совет, товарищи красноармейцы: никогда не слушайте бредни трусов и дезертиров. Это они, дабы скрыть свое малодушие и страх, распространяют слухи о том, что, дескать, когда их брали в плен, патронов не было, а другие, оправдываясь, говорят, что их вообще без оружия в бой отравили. Конечно, идет война, и там, на фронте, бывают разные ситуации. Вот только сейчас не сорок первый год, когда наши войска отступали. Но я думаю, что и тогда умышленно никто не бросал в бой солдат невооруженными. Достаточно в нашей Красной армии и оружия, и техники, и боеприпасов, — несколько сдержаннее стал говорить лейтенант, — потому фашистов и от стен Москвы, и от Сталинграда уже за Днепр отбросили. И вот что я хочу еще добавить. Это всех касается: не знаете истинного положения дел на фронте — не паникуйте сами и не распускайте слухи о том, чего не знаете.

Люди, слушая слова командира, стояли в строю молча. Понимая, что он напрасно поднял переполох, теперь молчал и Дружинин. Молодой лейтенант, сдерживаясь от раздражения, не срываясь в ярость и крик, смог достаточно внятно и доходчиво донести до молодежи суть истиной обстановки. И это теперь понимал каждый новобранец, про-

никнувшись чувством уважения к командиру, который без лишних эмоций смог все объяснить.

— А тебе, товарищ Дружинин, до фронта еще доехать надо, прежде чем из карабина стрелять, — улыбнулся лейтенант, — а то, смотрю, ты прямо сейчас в бой собрался идти, — и с какой-то лукавой усмешкой добавил: — Ну етит твою... Молодец!

Строй тут же разразился громким смехом. Смеялся вместе со всеми и Дружинин.

— Ну что, я надеюсь, вопросов больше ни у кого нет? — спросил офицер, с пониманием и добрыми чувствами окинув взглядом повеселевшие лица солдат.

— Никак нет! — дружно ответили бойцы, убежденные доходчивыми словами командира.

— Тогда слушай мою команду, — со строгостью произнес лейтенант. — Направо! Левое плечо вперед... шагом марш! — распорядился офицер, и солдаты, подчиняясь приказу, чеканя шаг, ровным строем отправились на плац.

В последних числах октября Дружинина с группой таких же, как он, пацанов, рвущихся на передовую, направили в Первую гвардейскую армию Первого Украинского фронта. Сформированную команду построили и с оружием и вещмешками отправили на вокзал. Неуютная и холодная теплушка, в которую забрался Анатолий, вскоре наполнилась шумной и многоликой толпой; настроение всем поднимал конопатый юморист, придумывавший на ходу всевозможные шутки.

— Ну что, братцы! Не посраим Страну Советов? А?! Надерем задницы фрицам! Это они еще не знают там, какие орлы на фронт едут. А то сразу бы пятки смазали для того, чтобы убегать можно было быстрее. Ха-ха-ха! Так что, товарищи?! Покажем фашистам самую короткую дорогу на Берлин? А?! — подбадривал весельчак своих сослуживцев. Последним в вагон с помощью других забрался боец, за плечами которого кроме вещмешка был баян. И по тому,

как он к нему бережно относился, видно было, что этот инструмент ему дорог.

— О! Гармонист?! — расплываясь в улыбке, спросил конопатый балагур.

— Да. Есть такое... только правильнее будет «баянист», — немного смутившись, ответил боец.

— Так тогда тем более! А чего ты скромничаешь?! Это же хорошо! Значит, с музыкой фашиста бить будем! А ну-ка, пробегись по кнопкам, чтобы харьковчане нас запомнили, — не унимался рыжий солдат. — Тебя как зовут?

— Семён.

— А меня Сашка, или просто Рыжий, — рассмеялся он, обращаясь ко всем присутствующим, — все равно так звать будете — куда от этого денешься, я с детства к этому привык. А чего обижаться, если я и на самом деле рыжий?

Под солдатский хохот Сашкин взгляд зацепился за небрежно разбросанные ящики у вагона, стоящего напротив.

— Братцы! А ну, давайте-ка дополнительный стол себе в вагоне организуем, да и стул у баяниста, как положено, должен быть.

С этим внезапно возникшим энтузиазмом Анатолий вместе с двумя бойцами выпрыгнули из теплушки еще до того, как состав стал набирать скорость, и под льющийся из вагона марш «Священная война» они закинули несколько ящиков для благоустройства своего помещения. Сашка своим задором и весельем поднял всем настроение; Анатолий был счастлив, что оказался с ним в одном вагоне. Такая обстановка воодушевила всех, отчего в теплушке стало как-то уютней.

— Слушай, Семён, ты знаешь песню «Прощай, Москва»? Я ее здесь вчера на перроне слышал — ребята воронежские пели, — обратился к баянисту Рыжий, окинув его вопросительным взглядом, — я даже слова у них переписал.

— Нет, не слышал. Так ты напой мне мелодию, а я подыграю, — уверенно ответил Семён и деловито поправил на плечах ремни своего инструмента.

Поезд мчался все дальше и дальше на запад, стальные колеса отбивали монотонную дробь, вагон кренился из одной стороны в другую, качался и скрипел, а из паровозной трубы в его узкие щели с улицы проникал запах угольного дыма. Но это еще больше придавало какой-то особый колорит всему пути. Дневальный растопил стоящую посреди вагона буржуйку, и вскоре от чугунной печки повеяло приятным теплом.

— Приказ был ясен: явиться в час назначенный.

И вот на запад мчится эшелон... —

распевал рыжий Сашка, а Семён, растягивая меха, украшал слова песни переливами аккордов. Мелодию потом еще долго напевали многие обитатели тесного вагона. Слова автора стихов, фронтовика Сергея Орлова, переписывали на клочки бумаги и тетрадные странички. Никто тогда и не знал его имени, как всегда, считая стихи народными.

Безжалостно текли минуты, часы, в периодически открытых воротах теплушки мелькали железнодорожные станции, разъезды; состав, сокращая расстояние, приближался к фронту.

К двум часам пополудни на небольшой железнодорожной станции Зазимье, что в сорока километрах от Киева, воинский состав стал тормозить. Раздались удары буферов и скрежет тормозных колодок. Дернувшись, поезд остановился.

— Выходи из вагонов!.. Строиться! — раздались команды сержантов и офицеров.

Анатолий со своими друзьями, выгрузившись из вагона, пополнили подразделения прибывшей ранее Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии. Новички оказались среди

тех бойцов, кто уже имел боевой опыт. Новобранцев они принимали, как всегда, с юмором, подтрунивая над неопытной молодежью. Анатолий, глядя на них, обратил внимание, что по поведению такие бойцы выделялись среди вновь прибывших. Даже форма смотрелась на этих людях как-то по-особому: создавалось такое впечатление, что они как будто родились в ней. Отсутствие лишних и неловких движений в обращении с оружием и особая сноровка выделяли опытных бойцов из толпы. Они даже разговаривали какими-то незнакомыми фразами. Фронттовики, не первый день смотревшие смерти в глаза, могли моментально ориентироваться в любой обстановке. Это было заметно невооруженным глазом.

Дружинина назначили связистом в роту связи Тысяча сто шестьдесят седьмого стрелкового полка, снабдив его патронами к карабину, о которых он так беспокоился в Харькове. Кроме боеприпасов он получил новенький полевой телефон с катушкой. Слава богу, во время марша это имущество перевозилось в конной повозке — на себе такой груз далеко не унесешь. С наступлением темноты после пополнения новобранцами пешие колонны дивизии с повозками и техникой маршем выдвинулись к передовой по раскисшей от осенних дождей дороге. Путь оказался неблизким, и ночь для Дружинина была утомительно долгой.

Но вот наконец за спиной, на востоке, едва забрезжил рассвет. Уставшие от ночного марша люди подошли к речной переправе. Западный берег Днепра заметно возвышался над его восточной частью. Построенный наскоро свайный мост, на котором их торопили командиры, опасаясь немецких бомбардировщиков, заскрипел и закачался под ногами, когда по его доскам зашагали тысячи солдатских сапог и ботинок.

Киевская наступательная операция, начатая третьего ноября сорок третьего года, дала возможность советским войскам освободить столицу Украины — город Киев —

и создать на западном берегу, по линии Днепра, важный стратегический плацдарм. Потерпев поражение на киевском направлении, германские генералы спешно перегруппировывали свои основные силы; в этот район фашисты стали стягивать резервы с других направлений. Цель перегруппировки заключалась в том, чтобы не дать возможности Советам накопить на плацдарме достаточно сил и средств, а также, подтянув сюда свои резервы, стабилизировать положение в районе Киева. Затем, перейдя в контрнаступление и разгромив противника, овладеть городом, а в дальнейшем ликвидировать данный плацдарм, восстановив тем самым свою оборону по Днепру. Эрих фон Манштейн, командовавший группой армий «Юг», значительно усилил свои группировки; наспех переброшенными силами он настойчиво пытался восстановить прежнее положение. Пятнадцатого ноября шестью танковыми дивизиями немцы перешли в контрнаступление в направлении шоссе Киев — Житомир. Буквально за неделю немецким частям удалось захватить город Житомир и вернуть себе часть территории на границе Киевской и Житомирской областей. Советские генералы в свою очередь также стали перегруппировывать войска, чтобы организовать прочную оборону. Для того чтобы отразить контрнаступление противника и усилить войска Первого Украинского фронта, на правый берег Днепра переправлялась Первая гвардейская армия. По ночам через Днепр тянулись бесконечные колонны различной бронетехники, людей, автомашин и конских повозок.

— Товарищ лейтенант!.. А как далеко нам еще идти? — задал вопрос своему новому командиру взвода Анатолий, когда от моста прошли еще несколько километров. — А то долго грязь месить как-то не очень хочется. Не мешало бы и отдохнуть, — подметил Дружинин, обращая внимание на то, как молодой офицер часто поглядывает на часы.

— Долго еще... долго! Как придем, так я вам первому об этом сообщу. А пока шагайте, товарищ рядовой, и не задавайте глупых вопросов. Сколько нужно, столько и будем идти, — строго ответил лейтенант, не желая объяснять новобранцу подобные мелочи. — Сейчас главная задача — быстрее до ближайшего леса добраться, — вглядываясь в чернеющую впереди колонны рощу, пробубнил себе под нос молодой офицер. Постоянно всматриваясь в небо, лейтенант заметно нервничал.

Этот маршрут колонна должна была пройти затемно — части дивизии запаздывали. И командиров не на шутку беспокоило обнаружение походного строя и техники немецкой авиаразведкой.

— А что, товарищ лейтенант?.. Сообщить, через какое время большой привал, — прямо-таки военная тайна?! Мне хотелось бы хоть примерно знать, сколько еще километров по этой грязи ноги волочить! — возмущился Анатолий, недовольный ответом своего командира.

— Отставить разговоры в строю! — крикнул лейтенант. — Шире шаг! Не растягиваться! — отдал команду своему подразделению молодой офицер, ускоряя ход.

«Не понимаю, зачем он про лес говорит?» — пробормотал Анатолий, поправляя ремень карабина.

— Ты когда-нибудь с такими разговорами на неприятность нарвешься, — предупредил Дружинина Никифор, шедший с ним в одной шеренге.

— А что, ему запрещено говорить, когда у нас привал, или он думает, что пока наша колонна на дневке стоять будет, я успею сбежать к немцам и рассказать им, куда нас молодой лейтенант ведет?! Нелюдимый он какой-то! — негодовал Анатолий, сожалея, что непосредственный командир слишком строгий.

— Ну, знаешь, тут и постарше его офицеры есть. А командиров, как и родителей, не выбирают, какого назначили — будь добр, почитай. Тем более нам из всех офицеров

чаще с ним встречаться придется. Так что лучше иметь командира-друга, чем командира-врага, — назидательно советовал Никифор.

— Я смотрю, ты прямо как философ рассуждаешь. В институте небось учился?

— Институт!.. Тоже скажешь. Так, с горем пополам семилетку закончил — и шабаш. Я бы и в первом классе со школы сбежал, если бы не отец. Порол он меня, как сидорову козу, — учиться заставлял. Только что толку, закончил семь классов — и в колхоз помощником бригадира работать отравили, вот и вся философия.

— А у меня отец погиб, когда мне всего шесть лет отроду было, но мать ремнем порола, наверно, не меньше, чем тебя твой папаша; вот, правда, учиться не заставляла. Мы же без отца росли. А чтобы с голоду не умереть, работать приходилось, потому всего четыре класса и закончил.

— Воздух! Воздух! — слышалась предупредительная команда наблюдателей по колонне.

Здесь впервые Анатолий, как и многие его друзья, воочию увидел и на себе ощутил, что такое вражеский авианалет. Два немецких истребителя, обнаружив колонну, переваливаясь с одного крыла на другое, стали разворачиваться. Задрав голову, Анатолий наблюдал, как немецкие асы в красивом вираже заходят на курс для атаки его колонны.

— Твою мать!.. Какого хрена ты рот открыл и стоишь?! — кричал на него командир взвода, увидевший своего бойца, мирно наблюдающего за маневрами вражеских самолетов. — Вы что, не знаете, что нужно делать?! — орал он, сталкивая зазевавшихся людей с дороги.

— Так что делать-то надо? — невозмутимо спросил Анатолий. Только сейчас он заметил, что ездовые спешно уводят подводы прочь с дороги, а большинство опытных солдат разбегаются в разные стороны, открывая огонь из личного оружия по истребителям. Треск выстрелов по немецким самолетам загremел по всей колонне.

— Рассредоточиться всем! рассредоточиться! в лес бегом все! в лес! — разрывались в крике офицеры. В ярости они метались среди зевак, расталкивая любознательных новобранцев, решивших понаблюдать за действиями вражеской авиации. Раздраженные тем, что большинство молодых бойцов совершенно ничему не обучены, командиры негодовали. Пролетая над колонной в бреющем полете, «мессершмитты» обрушили на разбегающийся строй свинцовый град пушечных и пулеметных очередей, отрезвив тем самым беззаботные головы неопытных новичков. Ровные строчки смертоносного металла вспахивали сырую землю, раскидывая брызгами грязь. К ногам Дружинина упало несколько дымящихся гильз крупнокалиберного пулемета. Изо всех сил он рванул в сторону леса, где можно было укрыться за стволами деревьев. Вспоминая слова лейтенанта, только теперь он понял, про какой лес говорил офицер на марше. Достигнув спасительного укрытия, он со страхом в глазах наблюдал за каруселью смертельных атак, которую внезапно устроили им летчики люфтваффе. Обстреляв с нескольких заходов походную колонну из бортовых пушек и пулеметов, немцы для издевки помахали нашим солдатам крыльями и, выровняв в полете машины, безнаказанно улетели на запад. Командиры спешно стали собирать свои подразделения, рассредоточившиеся при атаке с воздуха вражеской авиацией.

По приказу Ставки верховного главнокомандования для маскировки перемещения войск на западный берег Днепра передвигаться личному составу и технике предписывалось только в ночное время суток. Не укладываясь в график, некоторые командиры позволяли себе нарушать данное распоряжение, за что могли понести жестокое наказание.

Построенным среди деревьев в две шеренги новоиспеченным бойцам командир роты, брызгаясь слюной, стал внушать азы боевой подготовки:

— Вас что, на курсах не обучали, что при налете вражеской авиации подается команда «Воздух!»? И что необходимо делать при этой команде — тоже не учили?! Так объясню всем: если ваше подразделение во время подачи команды «Воздух!» находится на марше, то нужно, удаляясь от дороги в любое укрытие — яму, канаву или воронку, — открывать огонь по врагу из личного оружия. Или просто упасть мордой в землю и дожидаться конца авианалета. Вам это понятно?! В том случае, если кроме атаки с воздуха на вас надвигается техника и живая сила противника, вам необходимо еще и окопаться, и чем глубже, тем лучше! Зарубите это себе на носу, — громко наставлял своих солдат командир, понимая, с кем он идет на передовую.

К утру следующего дня дивизия вышла на южную окраину города Киева, сосредоточившись в районе населенного пункта Вята-Почтовая. Полк, в котором служил Дружинин, еще не раз менял позиции. Его дивизия на короткий период передавалась в состав Сто седьмого стрелкового корпуса, раз за разом укрепляя и передавая без боя другим частям занятые рубежи. Но двадцать первого ноября она вновь вернулась в распоряжение своего Девяносто четвертого корпуса и маршем отправилась по маршруту Святошино — Королёвка — Забубень.

Чем ближе полки приближались к линии фронта, тем отчетливее и громче слышалась артиллерийская канонада, при звуках которой неистово трепетало сердце. Словно раскатами грома рокотала передовая, освещая вечернее небо багрово-красным светом. Что-то загадочно-зловещее ощущалось в этих глухих и раскатистых звуках, отчего, часто глядя на запад, Анатолий желал хоть одним глазом посмотреть, что же происходит там, на передовой.

Поздним вечером двадцать пятого ноября полки прибыли в район населенного пункта Строевка с новой боевой задачей: сменить потрепанные в боях части Тридцатой стрелковой дивизии. Здесь же, в Строевке, располо-

жился и штаб Тысяча сто шестьдесят седьмого стрелкового полка.

Из-за недостатка тяговой силы и плохой проходимости дорог артиллерия отставала. Заметно сказывалась нехватка подвижных соединений. В связи с этим не все артиллерийские дивизионы прибыли на боевые позиции, чтобы огнем своих батарей поддерживать наступающие стрелковые батальоны. Отставала не только артиллерия, не поспевали и тылы, и снабжение. А фашист давил... Постоянно контратакуя, немцы пытались вытеснить наши войска с занятого плацдарма. По данным разведки, в полосе обороны Девяносто четвертого стрелкового корпуса действовали части дивизии СС «Дас Райх», Второй полк дивизии СС «Адольф Гитлер», части Седьмой танковой дивизии, а также части Двести сороковой пехотной дивизии вермахта. Противник в этом районе сосредоточил до двухсот танков и бронетранспортеров с мотопехотой.

Темное небо над юго-западной окраиной села периодически освещалось яркими лентами ракет. С разных сторон доносились звуки пулеметной перестрелки; редкие выстрелы артиллерийских орудий и разрывы снарядов громыхали в пахнущем гарью и еще неизвестно чем влажном воздухе осени. Передовая, на которую так торопился попасть Анатолий, была совсем рядом. Но что-то страшное и тревожное от этих звуков отзывалось в глубине души, а страшнее всего была неизвестность. Зябликова сразу забрали на пост ночного дежурства; распрощавшись, друзья расстались. Прибывших людей накормили ужином и распределили на ночлег по пустующим домам местных жителей.

В доме, куда определили Дружинина, печь уже была растоплена. На добротном столе, отливая латунным блеском, стояла коптилка. Сооруженная из артиллерийской гильзы, она скупо освещала помещение. В просторной, чисто выбеленной крестьянской хате с небольшими оконцами пахло жилым домом, здесь было уютно, тепло и сухо. Посреди

комнаты — широкая печь. Дневальный, сурово насупив брови, обломком доски ковырял горящие дрова в пылающей топке. Поленья приятно потрескивали. В углу комнаты — потемневшая икона, покрытая белым с красными узорами рушником. Земляной пол устлан грубой ржаной соломой. Возле разожженной печи люди развесили мокрую от дождя одежду, стараясь просушить портянки и обувь. Уставший от бесчисленных маршей по бездорожью, под постоянно морозящим дождем, Анатолий стал устраиваться на застеленном грубой соломой полу. Свернувшись калачиком и подсунув под голову вещмешок, он сразу заснул.

Ранним пасмурным утром прибывших людей покормили завтраком и после построения телефонистов распределили по подразделениям, в которых они должны были поддерживать связь. Вскоре стрелковый взвод, в который попал Дружинин, вышел на окраину села, где полным ходом шли оборонительные работы. В траншеях Анатолий увидел Зябликова.

— Здорóво, Никифор! — обрадовался он, увидев напарника. — Как ночь прошла, нормально?

— Нормально. Вот сейчас отдыхать пойду. Принимай пост, Толя! — крикнул Никифор, кивая на стоящий на краю траншеи телефонный аппарат. Дружинин успел перекинуться с другом всего парой слов. Поступил приказ обеспечить связь командира стрелковой роты с командиром батальона. Анатолий, хватая катушку и телефон, сопровождая ротного, потянул за собой полевой провод из блиндажа комбата на передок. Командиром четвертой роты, к кому приставили Дружинина телефонистом, был недавно назначенный на эту должность лейтенант Кирдяпкин. Возрастом молодой офицер был лет двадцати, с небольшими серыми глазами на слегка вытянутом лице потемневшим от суровых фронтовых будней. Он высок, строен, по характеру вспыльчив, хотя в нужную минуту, как настоящий командир, сдерживаясь, умел овладевать собой. Но, как ни странно, внимание Анато-

лия привлек не командир роты, а командир стрелкового взвода. Им оказался худощавый паренек, всего-навсего на год старше Дружинина. Младший лейтенант, стараясь не терять командирской выправки, был туго перетянут ремнями; держался молодой офицер пристойно и подчеркнуто строго. Его карие глаза из-под свода узких бровей смотрели несколько нерешительно; изредка на сухощавое лицо набегала робкая, растерянная улыбка.

— Не отставать! Шире шаг! — оглядываясь назад, периодически подтягивал свое подразделение командир. Ступал младший лейтенант размашистой походкой, бодро, но неуверенно. Его новенькой, с иголки форме, перетянутой скрипящими кожаными ремнями, можно было только позавидовать. Анатолий, разматывая провод, старался не отставать от командира, поглядывая то на офицера, то на вращающуюся катушку.

Проходя по узкой просеке, батальоны повзводно приближались к передовой. Всего через десять минут ходьбы лесная дорога вывела стрелковые подразделения на опушку, за которой через поле виднелось украинское село колхоза «Лисица». На краю леса командир роты построил своих людей в четыре шеренги и, оглядев внимательно своих людей, удалился вдоль строя, приказав Дружинину оставаться на месте. Оставшись без командира, младший лейтенант забеспокоился. Заметно нервничая, он окинул взглядом лежащее через поле село и посмотрел на то, как вели себя командиры других взводов. Было заметно, что молодой офицер сомневался в своих действиях. На передке он был впервые, а здесь, в строю, в его подчинении среди новобранцев были и те, кто был старше по возрасту, и воевали эти люди на фронте не первый год. Это обстоятельство явно тяготило его — вдруг он сделает что-то не так?! Пауза несколько затянулась. Сам не зная для чего, младший лейтенант вновь взглянул на соседний взвод, сурово сдвинул к переносице брови и, собрав волю в кулак, командирским голосом прохрипел:

— Товарищи красноармейцы! Слушайте боевой приказ! Перед фронтом наших наступающих батальонов — населенный пункт, в котором расположились фашистские захватчики! Мы своим взводом в составе двух батальонов, охватывая село с разных сторон, идем в наступление! Наша боевая задача — выбить противника...

— В атаку! Вперед! — прозвучала команда приближающегося командира роты, прерывавшая речь младшего лейтенанта.

— Взвод, в атаку, вперед! — скомандовал младший лейтенант, поднимая вверх пистолет. Строй, подчиняясь приказу командиров, ошетилившись штыками, выдвинулся в атаку. Под ногами снова противно зачавкала промокшая от дождей земля.

Отматывая с катушки провод, Дружинин продолжал идти рядом с командиром роты и взводным, которые шли сзади, за основной цепью своих солдат. Периодически бросая взгляд то на село, то на нашу наступающую пехоту, Анатолий наблюдал, как по команде офицеров шеренги, растянувшись на открытой местности, медленно приближались к населенному пункту. Редкие окрики командиров вскоре замолкли, а напряжение, повисшее над извилистой цепью наступающей пехоты, повергло Анатолия в состояние смертельного трепета. В лицах молодых и таких же неопытных, как он ребят, просматривался ничем не прикрытый страх. Не выдерживая душевного напряжения, некоторые из них оглядывались назад. Под мелким морсящим дождем над полем повисла гнетущая тишина. Это была тишина, рвущая нервы. В ней Анатолий слышал ровный, как на параде, чавкающий по разжиженному полю шаг солдатских сапог и ботинок, шуршание сматывающегося с катушки провода и стук своего сердца. Каждый шаг приближал его к неизвестности, отчего хотелось любым способом увеличить это расстояние, но оно, вопреки его желаниям, сокращалось.

И вот, когда до населенного пункта осталось около трехсот метров, из немецких укреплений, расположенных на окраине села, по нашей приближающейся пехоте ударили из всех видов оружия. От неожиданности и страха Анатолий вздрогнул. Дыбом перед ним поднялась земля. Глядя на то, как рядом на землю падали его товарищи, он в испуге закрыл глаза и, как его учил непосредственный командир, также упал на землю, прижавшись к мокрой траве щекой. Боясь вздохнуть полной грудью, он открыл глаза. Перед его взором, прошитый пулями, падал на землю младший лейтенант: он как подкошенный вздрогнул, упал на колени, а потом, склонив голову, свалился набок. Через минуту под ним зардела темно-красная лужица крови. Впервые в жизни Дружинин с ужасом наблюдал, как взрывной волной невероятной силы солдат как щепки разбрасывало на десятки метров. Как осколками разрывало людей на части, отрывало конечности, а раненые, глядя на свои изувеченные тела, в ужасе извергали дикие крики. В нескольких метрах от него лежал солдат с распоротым животом. Какими-то обезумевшими от страха глазами он осматривал лежащих рядом с ним людей. Как будто боясь, что кто-то увидит, что с ним произошло, молодой боец сгребал под себя руками свои окровавленные внутренности вместе с разорванным обмундированием, травой и грязью. Анатолий, скованный страхом, глядел на все происходящее вокруг и не понимал, что ему надо делать. Страшные увечья и людскую смерть так открыто он видел впервые. Гудела и стонала от разрывов земля, разрывающие сердце крики о помощи и стоны раненых погрузили его в ад, какого он ранее не видел и не представлял. Свист пуль, визг и разрывы летящих откуда-то сверху мин, взрывы артиллерийских снарядов порождали желание как можно глубже зарыться в землю.

— Вот сейчас! вот! вот! вот сейчас и меня убьют! вот сейчас! — шептал он, отчаявшись.

Сверху на спину и голову продолжали сыпаться куски земли и вырванные взрывами корни полевой травы. Все поле заволочло едким дымом, отчего неприятно щекотало в носу, сбивало дыхание. Какие только картины своего первого боя не рисовал в уме Анатолий и как только не представлял себе его с первых дней, как объявили войну, но такого ужаса он не мог представить даже в жутком сне. Мечтал Анатолий о том, как он будет ходить в разведку, как будет брать «языков» и как, проявляя образцы героизма, будет свершать подвиги, за что непременно будет отмечен наградами. Но это было там, далеко от передовой, а на самом деле здесь все оказалось иначе. Ужас представшей перед глазами картины вверг его в состояние лихорадочной дрожи. Зубы от страха и холода выбивали мелкую монотонную дробь. Казалось, что тело стало трясти и подбрасывать от земли так, что это было видно даже врагу из его укреплений. Пытаясь удержаться, Анатолий стал цепляться за сырую землю руками. Какая-то сила сковывала все тело, и оно отказывалось подчиняться сознанию. Медленно поворачивая голову, Дружинин стал осматриваться вокруг себя — никого из живых не трясло и не подбрасывало так, как его.

Минометный и артобстрел со временем стихли, лишь изредка противно стучал пулемет, когда кто-то на поле подавал признаки жизни. Анатолию казалось, что все поле усеяно трупами, а в живых осталась лишь горстка людей. Где-то рядом, справа от него, гремела канонада, шел бой. Но здесь, на поле, теперь стояла мертвая тишина. Он насквозь промок, шинель, пропитанная дождевой водой, набухла и казалась необыкновенно тяжелой.

Люди, имевшие за плечами боевой опыт, давно сползли в образовавшиеся от снарядов воронки, в которых можно было укрыться от пуль и осколков. Но Анатолий, боясь пошевелиться, до боли в животе вжался в землю и, притворившись мертвым, продолжал лежать на открытом поле; сохранить себе жизнь таким образом ему казалось надежней.

За ненадобностью рядом лежали его телефонный аппарат с оборванным взрывами полевым проводом и карабин, из которого даже при желании невозможно было выстрелить. Не дождавшись поддержки своей артиллерии да перидически прижимаясь еще сильнее к земле, когда оживали вражеские пулеметы, Дружинин пролежал в поле, пока не стемнело.

Когда наступившая ночь скрыла красноармейцев от вражеских глаз, подбирая время между пусками осветительных ракет и пулеметными очередями, люди стали ползком выбираться на опушку леса, откуда началась их роковая атака. Унылой цепью потянулись в тыл раненые. Для кого-то из них, едва успев начаться, война уже закончилась, а кто-то, подлечившись, вернется снова в строй, чтобы вновь и вновь подниматься в атаки, преодолевая в себе удушающий страх. С сожалением Анатолий смотрел вслед угрюмой веренице людей, не зная, кого больше жалеть: убитых на поле боя солдат или их — страдающих от невыносимых болей раненых. Немного успокоившись и осмотревшись вокруг, он понял свою ошибку: там, на поле, ему только показалось, что в живых осталась горстка солдат, — это было не так. Постепенно к окраине леса стало стягиваться все больше и больше насквозь промокших и дрожащих от холода бойцов. Анатолия поражало то, что, опустившись в самые глубины ада, столько людей смогло остаться в живых.

В темноте леса Анатолий увидел ротного. Легко раненый в руку Кирдяпкин сидел на заваленном дереве, ругая на чем свет стоит нашу артиллерию и командиров. Заметив рядом с собой Дружинина, он приказал ему немедленно наладить линию связи. Анатолий сравнительно быстро нашел повреждение и через несколько минут на другом конце провода услышал голос своего коллеги. После перевязки, собрав волю в кулак, лейтенант стал разговаривать с командиром батальона. Не скупясь в выражениях, офицер решил не только доложить обстановку, но и выразить свое мнение

о проведенной операции, на что вскоре получил не менее красноречивый ответ и мудрый совет от старшего по званию и должности «придержать своих вороных...». Эмоции раздраженного лейтенанта несколько поостыли, и теперь в его речи все чаще стали звучать фразы «Есть!» и «Так точно!». С блиндажа комбата поступил новый приказ: возвращаться на прежний рубеж.

В отличие от бывалых бойцов, новобранцы еще долго приходили в себя, прежде чем стали осознавать, что с ними произошло. Обдумывая произошедшее, Анатолий понял, что человеческая жизнь на войне ничего не стоит. Как кино-пленка, резко оборвалась его мирная жизнь, и теперь на огромном экране явилась взору жуткая картина войны. Те, кто несколько часов назад были рядом, теперь навсегда остались на этом проклятом поле. По роковому стечению обстоятельств здесь погибли никогда не унывавший рыжий Сашка и баянист Семён.

Многое с годами забудется, сотрется из памяти, но свой первый бой Дружинин запомнит на всю свою долгую жизнь. А сейчас здесь, в глубине леса, оставшиеся в живых приводили себя в порядок, перевязывали раненых да с ужасом поминутно вспоминали этот трагически прошедший день.

ОТЧАЯННАЯ АТАКА

Пытаясь выдавить советские войска с занятого плацдарма, противник в направлении на Киев стягивал все больше и больше техники и людских резервов. Сюда же, к передовой, со всех концов нашей страны — из Средней Азии, с Дальнего Востока и из Сибири — прибывали все новые и новые эшелоны пополнения. Здесь, за Днестром, с той и с другой стороны фронта в жерновах адской машины перемалывались тысячи человеческих жизней.

Часть пополнения полка состояла из призывников из Средней Азии — это была в основном молодежь из Узбекистана и Туркмении.

— Как те ребята, кто не понимает русского языка, будут выполнять команды? Трудно им будет в боевой обстановке, пока научатся, — сокрушался Анатолий, обращаясь к Никифору, когда поздно ночью после первого в своей жизни боя взвод выдвинулся на новые позиции.

— Ничего... научатся. Ты же свой первый урок пережил?!

— Да! Теперь я твердо знаю, что при любом обстреле или бомбежке мордой в землю падать надо и глубже зарываться, да при этом еще и надеяться, что тебя не ранят или, хуже того, не убьют.

— Ну вот, видишь, кое-чему ты уже научился, а в бою-то был всего один раз.

— Мне этого сегодняшнего раза на всю жизнь хватит. Сколько буду жить, столько и помнить буду.

— Подожди, даст бог, еще насмотришься. Не забывай, что мы не на праздник приехали. Живы будем — думаю, нам еще и не такое придется увидеть.

— Ну спасибо на добром слове! Вот в чем ты велик, Никифор, так в том, что друга нужным словом в трудную минуту поддержать умеешь. А самое главное, я по адресу обратился.

— Пожалуйста. Если что, обращайся, всегда буду рад помочь.

— Я вообще-то беспокоился по поводу этих ребят, — кивнул Анатолий в сторону таких же, как он, новобранцев.

— Эти тоже военному искусству обучатся — кому повезет в живых остаться.

— Вот и дело в том — кому повезет?!

— Смотри, что мне вчера один старый связист подарил, — вдруг радостно воскликнул Никифор и вытащил из висевшего на поясе чехла коротко обрезанный и заостренный штык от трехлинейки.

— Ух ты! Хорошая штука для связиста! — удивленно воскликнул Анатолий. — Целый штык таскать неудобно, а с этим совсем другое дело! Тем более и чехол есть.

— Оказывается, раньше солдатам такие кожаные чехлы выдавали, чтобы на винтовке штык не таскать. Только потом этот приказ отменили. Знаешь, этот служивый рассказал мне, что его товарищ с полковым кузнецом за сахар договорился, чтобы тот им штыки обрезал и заточил. А чехлы он тоже где-то раздобыл, и они их под размер короткого штыка сами потом перешили.

— А товарищ твоего служивого куда делся, его что, убило?

— Нет, тяжело ранило. В госпиталь его друга отправили, на фронт он уже не вернется. Жаль, говорит, шустрый приятель был, с таким, как он, в жизни не пропадешь. Вот его штык он мне и подарил. Представляешь, я его совсем не знаю, а он мне с первой встречи подарок такой преподнес. Во дела!

— Да, история, — Анатолий похлопал Никифора по плечу.

Зябликов теперь шагал рядом, и Дружинин был рад тому, что они снова вместе.

Выяснилось, что вновь назначенный вместо убитого младшего лейтенанта командир стрелкового взвода оказался земляком и хорошим знакомым Никифора. Прибывший на фронт в июне сорок третьего года молодой офицер уже успел повоевать, был даже ранен, но после госпиталя опять вернулся на фронт. Пока взвод шел на свой рубеж обороны, земляки накоротке перекинулись обоюдными новостями.

Линия обороны полка была еще не настолько прочной, чтобы бойцы могли беззаботно приступить к своим обязанностям; друзьям пришлось еще долго трудиться саперными лопатками, прежде чем обустроиться на новом месте. Осваивая окопный быт, они до полуночи подготавливали себе ровики, соединяя их в общую извилистую траншею. Основная задача оставалась прежней: поддерживать связь командира роты с комбатом.

Утро следующего дня после завтрака продолжилось коротким артобстрелом немецких позиций. Как только отгремели последние залпы дивизионных орудий, в атаку поднялась наша пехота.

— Короткими перебежками — правый фланг, вперед! — поступила команда, и командиры отделений принялись поднимать людей в атаку. Часть солдат, перемахивая через бруствер, начала покидать траншеи. Небольшая сумятица, возникшая среди тех, кто плохо понимал русский язык, заставила командира взвода самому подключиться к организации атаки. Наконец, разобравшись, новобранцы выбрались из укрытий и короткими перебежками стали перемещаться в сторону немецких позиций.

Оправившись после нашего артобстрела, теперь ожили пулеметы и минометные расчеты врага. Несколько мин легли за линией нашей обороны. Но противный вой с каждой

секундой стал нарастать, и вражеские снаряды стали разрываться все кучней и ближе, стремительно приближаясь к траншеям. Вот уже клубы вонючего дыма окутывают близлежащее пространство, а несметное количество смертоносных осколков с противным свистом пронизывает сырой воздух, вспарывая бруствер земляных укреплений. Поправив расчеты, немецкие минометчики перенесли огонь на линию, находящуюся впереди нашей обороны. Анатолий, пригибаясь при каждом разрыве, наблюдал, как мины стали рваться в рядах нашей атакующей пехоты.

— Ах ты ж, нечисть фашистская... — выругался он на врага, переживая за однополчан, попавших под минометный обстрел. И тут краем глаза он обратил внимание на Зябликова. Тот настойчиво дул в трубку телефона, ошупывая клеммы.

— Что случилось?

— Толя! У нас обрыв, — взволнованно сообщил Никифор, стряхивая с шинели куски земли. — Я побежал исправлять линию, — крикнул он, на ходу поправляя на спине закинутый карабин.

«Ага, побежишь!.. Здесь ползти — и то опасно, а ты побежишь», — подумал Анатолий, периодически вжимаясь в свой обустроенный накануне ровик. Нервно отсчитывая вслух секунды, он с нетерпением ждал возвращения напарника, наблюдая за полем боя и действиями первого взвода оказавшегося рядом.

Бойцы тем временем залегли. Теперь младшему лейтенанту, убедившемуся, что его подразделение в полном составе покинуло траншеи, требовалось правильно организовать атаку залегшего взвода; выждав паузу, взводный забрался на бруствер. Но не успел командир сделать и шаг, как за его спиной разорвалась вражеская мина. Младший лейтенант упал на край траншеи и, корчась от боли, стал скатываться вниз, зажимая правое плечо рукой.

— Санитара сюда! Санитара! Взводного ранило! — закричал один из бойцов пулеметного расчета. По окопу к раненому командиру стал пробираться санитар Сулейменов. Усиливая натиск, немцы начали артобстрел. Засвистели снаряды, вспахивая и поднимая вверх сырую землю. Атака нашей пехоты захлебнулась, бойцы возвращались на свои позиции, стаскивая в траншеи раненых.

— Ничего, товарищ младший лейтенант, мы еще повоюем. Рана не смертельная, навывлет, — приговаривал Сулейменов, ловко перебинтовывая раненого офицера. Обстрел постепенно затихал. Анатолий наблюдал, как санитар помогал перевязанному взводному встать и идти, не понимая, как тот при таком ранении мог самостоятельно передвигаться. Осколок, зайдя младшему лейтенанту под лопатку, навывлет вышел в районе ключицы. Но, вопреки предположениям Дружинина, командир в сопровождении санитаря, ссутулившись и прижимая подвязанную руку к груди, медленно пошел в сторону медсанбата. Неожиданно на связь для ее проверки вышел Зябликов. «Слава богу», — подумал Анатолий и облегченно вздохнул. Вскоре появился и сам Никифор.

— Ну вот и я. Как ты тут? Живой?! — спросил напарник, лихо прыгивая в траншею.

— Быстро ты! Я думал, что не скоро вернешься, — обрадовался пришедшему другу Анатолий.

— Миной провод порвало, вот тут, недалеко от нас, — махнув рукой в сторону тыла, похвастался о выполненном задании Никифор.

— Ты знаешь, что произошло, пока тебя не было? — спросил Анатолий, глядя в распаленное лицо напарника.

— А что тут произошло? — нахмутив брови, удивился Никифор.

— Взводного ранило, санитар его в медсанбат повел. Теперь твоего земляка опять в госпиталь отправят, — поспешил сообщить ему Анатолий. — И как он только при таком

ранении в живых остался, да еще своими ногами пошел? — не переставал удивляться Дружинин.

— Да ты что?! Моего земляка, Саню?.. Ранило?! Да не может быть! — Никифор не верил словам Дружинина.

— Чего мне врать? Я сам лично видел, как мина разорвалась и как он упал раненый. А потом санитар перевязал его и в медсанбат повел... вот только что, — Анатолий указывал рукой в сторону тыла, куда увели раненого командира взвода.

— Во дела! Слушай, Толя, можно я сбегаю попрощаюсь с земляком? А?! Его наверняка в госпиталь отправят. Когда теперь с ним свидеться придется? Я быстро! Одна нога здесь, другая там, — заявил Зябликов и, не дожидаясь разрешения, побежал вслед за удаляющимся от передовой младшим лейтенантом. Санитары продолжали перевязывать раненых, уносили и уводили их в медсанбат. Убитых бойцов сносили в отдельные щели, накрывая плащ-палатками. Анатолий смотрел еще детскими глазами на этот ужас, кровь, страдания и смерть, осознавая, что такое война.

— Немцы!.. Всем занять свои позиции!.. — услышал команду Кирдяпкина Анатолий и насторожился. С переднего края немецких траншей показались танки и бронемшины; растянувшись за ними цепью, уверенно двигалась пехота. Атаку врага Дружинин видел впервые, по телу пробежали мурашки. С облегчением вздохнул, когда увидел прибывшего на пост Никифора, с ним он чувствовал себя увереннее. Сверкая огнями стволов, заговорили башенные орудия немецких танков. Над головой со свистом пролетело несколько осколочно-фугасных снарядов. Опять разрезаясь металлом, застонала земля. В ответ на атаку врага заработала и наша артиллерия, с глухим звуком выплевывали свой груз минометы.

— Подвинься, — обратился к Анатолию Никифор, прыгивая в траншею. Только Дружинин подвинулся, чтобы выслушать друга, как среди грохота стрельбы и разры-

вов рядом с их ровиками раздался хлопок разорвавшейся мины.

— Ой... — тут же вскрикнул Зябликов, хватаясь за правый глаз. Из-под ладони потекла струйка крови.

— Что с тобой? — повернулся к нему Анатолий, пытаясь убраться в сторону его руки, которыми он зажимал рану.

— Сука... — матерился Никифор, мотая головой.

— Дай я посмотрю, что там у тебя, — торопился Дружинин, вытаскивая из кармана товарища перевязочный пакет. С трудом он успокоил раненого, и, когда Зябликов наконец убрал руки, Анатолий увидел на его лице вместо глаза зияющую рану. Сердце сжалось от боли.

— Что там? Глаз выбило, да? — требовал ответа Никифор. — Чего ты молчишь? Я им ничего не вижу! — негодовал его товарищ, морщась от боли. Невольно Зябликов руками пытался нащупать глаз, чтобы определить степень ранения, мешая Дружинину наложить ему повязку.

— Да не дергайся ты, дай я тебя спокойно перебинтую, — настаивал Анатолий, делая перевязку. Трудно было подобрать слова, чтобы как-то поддержать напарника. — Я не думаю, что тут что-то серьезное, просто кровью все затекло, вот глаз и не видит, — успокаивал его Дружинин, понимая, что глаз Никифор потерял навсегда. После перевязки Зябликов несколько успокоился и, казалось, уже смирился с тем, что произошло.

— В медсанбат тебе надо, Никифор, — заботливо порекомендовал Анатолий, заправляя повязку на его голове, — не дай бог, заражение начнется. С этим шутить не стоит.

— Да, надо идти, — невесело согласился Зябликов и с какой-то необыкновенной тоской посмотрел на Анатолия здоровым глазом. — На-ка вот, Толя, возьми себе на память, — предложил вдруг Никифор. Он расстегнул ремень и стал снимать с него обрезанный чехол для четырехгранного штыка. — Сам штык вóткнут под нулевой провод там, у телефонного аппарата, — поникшим голосом произнес Зябликов.

— Ладно тебе, Никифор. Он еще тебе самому пригодится, — пытался из вежливости отказаться Анатолий, — подлечишься в госпитале и вернешься. Чего ты сразу отчаиваешься и раздаешь нужные тебе вещи?

— Нет, Толя, комиссуют меня. Если бы левый, а то правый глаз выбило. Вряд ли я вернусь теперь на передовую. Бери... тебе он больше пригодится, чем мне, — настаивал Никифор, протягивая кожаный чехол. — Представляешь... а я у того связиста даже имени не спросил, — с сожалением произнес он.

После дежурных фраз и невеселых прощаний Никифор отправился в медсанбат. Только теперь Анатолий понял, что друг спас его от ранения или, хуже того, от смерти. Не попроси Никифор подвинуться, осколок принадлежал бы ему. По телу вновь пробежала легкая дрожь.

Бой продолжался; дивизионная батарея огнем своих орудий уже подбила бронетранспортер, и он, застыв на поле с пробоиной в передней части, коптил небо черно-серыми клубами едкого дыма. Резко дернулся и застыл на месте подставивший нашим артиллеристам свой украшенный крестом бок танк Т-3; прижатая к земле артминометным огнем вражеская пехота медленно попятилась назад.

Первый взвод, приготовится к атаке, — послышалась команда ротного. — Так боец — неожиданно обратился он к Дружинину, — ты тоже идешь в атаку. Будешь рядом с сержантом Артюшиным. От него ни на шаг не отставать! Понятно?!

— Так точно, товарищ лейтенант, — выпалил Анатолий, забирая с собой из траншеи телефон и катушку.

— В атаку, вперед! — прокричал Артюшин, заменивший на время командира взвода. Бойцы один за другим стали выбираться из траншей и короткими перебежками рванули в сторону атакующих немцев. Анатолий вместе с сержантом выбрался за бруствер и, не отставая от командира, двинулся в атаку. Рвались мины, свистели осколки и пули, но он, то

падая на землю, то поднимаясь вновь, продвигался вперед. Фашисты, ожесточенно сопротивляясь, отступали.

Вот и крайние хаты северо-восточной части села Лисица; немцы, укрываясь за стенами домов и хозяйственными постройками, упорно отстреливаются. Там, где возможно, они используют окна зданий как амбразуры дотов. Темп атаки заметно стал спадать. Дружинин неотступно следует за Артюшиным, наблюдая, как он, быстро ориентируясь в обстановке, успевает отдавать команды и стрелять короткими очередями из своего ППШ. Укрываясь от усилившегося огня противника, они с сержантом ворвались в один из дворов. Артюшин неожиданно пропал из вида, и Анатолий стал осторожно пробираться среди саманных сараев. Сзади грянул взрыв, Дружинин невольно оглянулся назад, а когда повернул голову обратно, обомлел: он чуть не уперся в спину немецкого солдата. Кожаные ремни португепи поверх серой шинели, ранец и ребристый цилиндрический футляр противогаза оказались прямо перед его глазами. С карабином на изготовку фриц пятился назад. Растерявшись от неожиданной встречи, держа в правой руке карабин, а в левой — катушку с проводом, Дружинин замер. Упершись взглядом во вражеский затылок, Анатолий что-то хотел крикнуть. Он уже раскрыл рот, напряг мышцы гортани... но тут фашист резко повернулся, и на миг они встретились глазами. В растерянности Дружинин продолжал стоять перед фрицем с раскрытым ртом; язык прилип к нёбу, и им невозможно было пошевелить. Жизнь Анатолия здесь бы и оборвалась, если бы вовремя не подоспел Артюшин. Короткой очередью сержант скошил фашиста, и фриц, прошитый пулями автомата, разворачиваясь вполоборота, упал.

— Рот не разевай, боец, пока тебя как куропатку не подстрелили, — злобно бросил Артюшин, продолжая крутить головой, как сова. Немцы, оправившись, усилили огонь, и наша пехота, отстреливаясь, попятилась назад.

— Напирает, сука... — выругался сержант, бросив из-за угла дома гранату. — Отходим! — подал он команду, продолжая палить из ППШ. Подбирая раненых, батальоны стали отступать на прежние позиции. Немец осыпал отходящую к своим траншеям пехоту градом мин и снарядов, так что казалось, живым до своих рубежей уже не добраться. Но вот и спасительная линия нашей обороны. Анатолий под громкие крики, мат, поминание Гитлера, черта и его матери спрыгнул в спасительную траншею. Отдышавшись и установив телефон, он присел на корточки, чтобы перевести дух. Перед глазами то и дело мелькало лицо немецкого солдата.

«Не зря Бондарев говорил: не убьешь ты — убьют тебя», — вспомнил Анатолий наказ сержанта в Тоцком учебном лагере.

— Командирам отделений доложить о погибших и раненых, — дал команду Артюшин, бросив сочувственный взгляд на Дружинина. Анатолий поднялся на ноги, понимая, что, не оказавшись рядом сержанта, он остался бы трупом там, на окраине села.

— Что, связист, растерялся?! — воскликнул Артюшин, но уже не так злобно, как во дворе дома.

— Да, товарищ командир, сбобел малость, — признался Анатолий, стыдясь осуждения.

— Страшно, говоришь?.. Ничего! Это первый раз так, когда лицом к лицу с фашистом встречаться приходится! Не бзди! Знай, что фриц нашего брата боится поболее, чем ты его. И это потому, что не мы к нему в дом с войной пришли, а он к нам приперся. Мы с тобой за свою землю воюем, за матерей, за сестер да детишек своих, потому и правда за нами. И он — фашист — знает это дело! Оттого и страшнее ему, чем тебе, — давал наставления Артюшин, прищуривая глаза.

Была в этих глазах и ненависть к врагу, и какая-то отеческая забота к неопытному Дружинину. Слушая его, Анатолию уже не было так стыдно за свою растерянность.

— Ты взрывов да свиста пуль шибко не пугайся. Если их слышишь — они не твои. Свою пулю ты не услышишь, — смеясь, закончил свою речь сержант, и его смех развеселил людей. Посыпались шутки, присказки, уже никто не обращал внимания на обстрел. Обернулись бойцы, когда заметили идущих на позиции молодых солдат в сопровождении политрука.

Капитан лет тридцати пяти шел уверенной поступью, невзирая на затихающий артминометный обстрел. Во всем его облике просматривался образ бывалого воина. На его фоне шагающая впереди молодежь выглядела совсем не повоенному. Анатолию показалось, что кого-то из них он вчера уже видел в составе этого взвода. Безоружные, они по проходу прошли в траншею и, скучившись, сконфуженно стояли, переминаясь с ноги на ногу. Анатолий сразу и не понял, что произошло; в недоумении он смотрел то на стоящего рядом с ними капитана, то на растерянных бойцов. Лица этих людей бледны; понуриив головы, они стыдливо отводят глаза.

Анатолию самому стало как-то неловко в этой ситуации. Не знал он, что некоторые из вновь призванной молодежи после вчерашнего боя в испуге разбежались по окрестностям лесного массива. Командованию об этом происшествии стало известно. И уже утром для несения заградительной службы и прочесывания леса командиром полка из взвода автоматчиков был создан заградительный отряд в количестве двадцати человек. Перепуганных людей долго искать не пришлось. В страхе сбежавших с передовой бойцов отряд обнаружил тут же, в лесу. По закону военного времени их, конечно же, могли привлечь к трибуналу. Но не стали ни комполка, ни политрук вершить над ними суд за временную слабость и малодушие. Для начала их в штабе полка отчитали, как нашкодивших первоклассников, а потом капитан привел их непосредственно в траншею. Стоя перед однополчанами, солдаты, краснея от стыда, прятали глаза.

Кирдяпкин, как положено по уставу поприветствовал капитана и доложил о положении дел в роте.

— Здравия желаю, Федор Васильевич, — поприветствовал командира роты политрук, крепко пожимая лейтенанту руку. — Как жарковато у вас сегодня? — задал он улыбаясь вопрос, кивая в сторону немцев.

— Да, товарищ капитан, жарковато, — соглашаясь ответил Кирдяпкин.

— Что беглецов вчерашних привели, — спросил лейтенант, указывая на скучившихся бойцов.

— Да привел, — вздохнув ответил политрук и поправив шапку обратился к присутствующим.

— Товарищи красноармейцы и командиры, — после приветствий громко обратился ко всем политрук полка, — прошу обратить внимание вот на этих товарищей, — указывал пренебрежительно рукой капитан на стоящих рядом с ним новобранцев, — перед вами стоят далеко не герои и не доблестные воины Красной армии, а наоборот, трусы и, я бы сказал, дезертиры. Эти люди, подвергнувшись панике и малодушию, после вчерашнего боя позорно сбежали с передовой. Проявив трусость, они предали своих товарищей, то есть вас всех, кто здесь находится, — в знак подтверждения своих слов капитан обвел рукой присутствующих в траншее людей. — Более того: они предали свою Родину и весь наш советский народ, наших матерей, отцов, сестер и братьев. Стыд и позор! Они опозорили честь наших доблестных воинов, тех, кто, проливая кровь в борьбе с фашистскими захватчиками, не щадя своей жизни, защищает нашу Родину. Командованием и партийным руководством полка, а также руководством комсомольской организации принято решение вынести этот вопиющий случай на всеобщее обсуждение, — ровным и уверенным голосом произнес свою речь капитан. — Вот как вы, товарищи, решите, так и будет. Судьба этих людей в ваших руках: решите предать их суду трибунала — значит, они пойдут под трибунал.

Оставьте на поруки — значит, здесь, в траншеях, рядом с вами они будут кровью искупать свою вину.

Поставив вопрос на обсуждение, капитан прекрасно знал, что вряд ли найдется в роте или даже в батальоне тот человек, кто этих еще не обстрелянных в боях пацанов отправит под суд. Но для порядка и в назидание провинившимся требовалась такая процедура.

Стоя рядом с капитаном, ротный, как показалось Дружину, был осведомлен в затее политрука. Скрывая улыбку он умышленно молчал, давая возможность бойцам самим во всем разобраться.

— Товарищ капитан, — первым подключился к обсуждению сержант Артюшин, — я думаю, они вовсе и не струсили. Просто пацаны растерялись в первый в своей жизни день на передовой. Они же еще, так сказать, не обстрелянные... ну что с них взять? — с пониманием и со снисходительностью заступился за молодежь опытный фронтовик. — Первый в своей жизни бой тяжело выдержать. Вы же сами знаете, товарищ капитан, — перемещая за спину автомат, убедительно говорил сержант.

— Конечно... молодые еще, растерялись. С кем не бывает?.. — стали заступаться за молодежь бывалые фронтовики.

— Знаю, что тяжело, но другие же не сбежали, — для правдоподобия задуманного спектакля продолжал настаивать политрук.

— Товарищ капитан, что нам их осуждать? Наверняка они уже осознали свою ошибку и готовы искупить свою вину. А мы постараемся помочь им, поддержим ребят... Что их под трибунал-то сразу — необстрелянных? — подключился к защите командир отделения роты связи Мендрик. — Пусть они сами покаются в содеянном и, взяв в руки оружие, бьют врага вместе со всеми, — предложил он.

— Но они же молчат! — возмутился капитан, — может, они и не хотят воевать! — умышленно подводил разговор

политрук к тому, чтобы опереться на осознание вины сбежавших с поля боя.

— Чего вы молчите, как в рот воды набрали? — стал напирать на новобранцев Мендрик.

— Осознали мы... Искушим вину... Будем бить фашистов... — неуверенно затараторили беглецы.

«Ну наконец-то. Что и требовалось доказать», — вздохнув, подумал капитан, но виду, что доволен происходящим, не подал.

— Так, с вами понятно. А как вы, товарищи, к этому отнесетесь? Простим их на первый раз или все-таки пусть ответят, как положено по закону?.. — окидывая взглядом бойцов, строго спросил капитан.

— Конечно, надо простить... Присмотрим за ними... Пусть берут в руки оружие и идут бить фашиста... Конечно, пусть остаются и идут воевать... — загудела траншея.

— Значит, так тому и быть, — решил капитан и в знак согласия покачал головой. — Ну смотрите!.. — погрозил он потечески пальцем. — Имейте в виду: это в первый и в последний раз. Пощады вам больше не будет. Скажите спасибо вашим товарищам, что они поручились за вас.

— Идите получайте свое оружие — и в бой, — распорядился политрук.

— Есть получить оружие, — в один голос прокричали на радостях беглецы и со всех ног рванули к оружейному складу полка. Воодушевленные благополучной развязкой, люди ободрились. Под шутки и смех зашелестела газетная бумага, стали закручиваться сигарки.

— Товарищ капитан, может, нашего табачка закурите? Наша-то махорочка солдатская подреней ваших папиросок будет, — с улыбкой предложил политруку Артюшин и протянул кисет.

— Ну что же, если так хорошо предлагаете, не откажусь, — засмеялся капитан, принимая угощение. — Табачок хороший... Да! До печенок достает...

Посыпались шутки солдат, довольных тем, что политрук никогда не чурался общения с простыми людьми. Любили его бойцы, он им был как отец родной, заботился, за их спины не прятался; бывало, и сам поднимал солдат в атаку. В период затишья не донимал их лишней политической болтовней, не изрекал патриотических лозунгов и призывов к самопожертвованию с нагромождением громких и непонятных фраз. Говорил простым, доступным каждому солдату языком и, самое главное, горячку никогда не порол. Вот и сегодня капитан постарался сделать все, чтобы не отправлять еще не обстрелянных пацанов в штрафную роту, а решить этот вопрос проще, на месте, в траншеях.

Еще дважды батальоны поднимались в отчаянные атаки, и дважды приходилось возвращаться на исходные рубежи, увеличивая число раненых и убитых. Но теперь Анатолий чувствовал себя уверенней. Тверже и решительней стали его мысли и действия. Страх несколько притупился, да и не так часто он стал кланяться взрывам, свисту пуль и осколков.

Во второй половине дня с тыла вдруг послышался быстро нарастающий надсадный гул моторов. Дружинин повернул голову назад — дымя выхлопными газами, к траншеям приближалось три наших танка.

— Ну что, товарищи... проверим на вшивость фашиста?! — задорно крикнул появившийся в траншеях комбат. — Четвертая рота, приготовиться к атаке! — приказал старший лейтенант, продолжая оценивать боевую обстановку. Восточные черты лица выдавали в нем степняка. Анатолий услышал в речи комбата знакомый акцент. «Скорее всего, мой земляк», — подумал он.

Борамбай Тулепов действительно был казах по национальности, но родом из далекой Омской области.

Увидев командира батальона, Анатолий засуетился. Ему все время казалось, что он не справится с должностью телефониста. Одно дело, когда рядом с тобой сержант, а другое — командир батальона; стыдно будет перед людьми, ес-

ли у него не получится, а тут, как назло, Никифора тяжело ранило — с ним было надежнее. Рядом с комбатом в траншее появился лейтенант из полковой артиллерии.

— Связист с тобой? — обратился комбат к лейтенанту-артиллеристу.

— Так точно! Он сейчас будет, — заметно волнуясь, ответил лейтенант. Очевидно, телефонист задерживался, и лейтенант нервничал перед командиром.

— Злости не вижу в твоих глазах, солдат, взбодрись, не на прогулку идем, — выпалил комбат и хлопнул Анатолия по плечу. — Сейчас тебе напарника дадут, он будет рядом с лейтенантом из полковой артиллерии, а ты со мной. И смотри, от меня ни на шаг! Будешь держать связь с командиром полка! Понял?

— Так точно, товарищ старший лейтенант! Быть рядом! — отчеканил Дружинин, сдерживая волнение. Прибежавший из штаба батальона связист передал ему другую линию. Накинув через плечо ремень телефонного аппарата и держа в руках новую катушку, Анатолий ожидал дальнейших распоряжений.

— Ну и где ваш телефонист, товарищ лейтенант?! Немедленно обеспечьте себе связь! — разгневавшись, требовал Тулепов. — Немцы что, будут ждать, пока ваш связист придет?! — не унимался комбат.

— Понял! Товарищ старший лейтенант, сейчас будет, — козырнул артиллерист, убегая в блиндаж. Через секунду из бревенчатого укрытия, поправляя шапку, выбежал боец, которого лейтенант вслед осыпал бранью за нерасторопность.

— Илья, — тихо сказал солдат, протягивая Анатолию мягкую, по ощущениям совсем не мужскую руку. Дружинин не сразу понял, что сказал ему напарник.

— Илья меня зовут, — улыбнулся боец.

— Толя.

— Анатолий, значит. Будем-таки знакомы...

— Приготовиться к атаке! — громко огласил приказ Тулепов, закинув пистолет в кобуру. Теперь в руках офицера красовался новенький ППШ, а его кожаный поясной ремень тяжело оттягивали запасные диски. Анатолий, преодолев растерянность перед офицером, настроился на очередной рывок.

— В атаку! Вперед! — как гром прогремела команда. Пропустив танки, рота ринулась в бой. Дружинин вместе с новым напарником под свист пуль рванули по полю короткими перебежками.

Анатолий не осознавал ни себя, ни своих действий, страх куда-то исчез, и только одна-единственная цель стояла перед ним: добраться живым до позиций врага, а там ворваться в его траншеи и...

Рядом с комбатом, то падая на землю, то перемещаясь по-пластунски, то поднимаясь вновь, он прокладывал кабель, обеспечивая связь. Нестерпимо мешали передвигаться висевший сбоку телефонный аппарат и катушка, которую он тянул за собой, сматывая с нее провод. Каждая секунда на открытом поле под градом вражеских пуль, мин и снарядов казалась Анатолию такой длинной, как вся его жизнь.

Немцы, вернувшись в траншеи, которые проходили за первой линией редких домов села Лисица, продолжали отчаянно сопротивляться. Через множество коротких рывков ряды красноармейской пехоты были в одном броске от позиций врага. Преодолевая изувеченные взрывами заграждения из колючей проволоки и смяв боевое охранение, которое на совесть проутюжили наши танки и артиллерия, они оказались у переднего края фашистских укреплений. В ход пошли гранаты. До вражеских траншей — считанные метры. Теперь над головой не свистел, а сплошным потоком гудел веер пулеметных очередей. В сырую землю спереди, сзади и по бокам с жутким звуком, разворачивая сырую землю, впивались пули.

Среди грохота, криков красноармейцев и бесконечной стрельбы Дружинин стал слышать и обрывки немецкой речи. Еще один отчаянный бросок — и теперь бой продолжался непосредственно в окопах противника. В ход пошли ножи, штыки, слышались отчаянные крики, мат, выстрелы в упор. Жуткая резня шла не на жизнь, а на смерть. Все это смешалось здесь, в извилинах траншей, где природный инстинкт срабатывал быстрее мысли. Малейшая ошибка, замешательство — и все, смерть! От такого зрелища волосы вставали дыбом.

Слева от Анатолия первым прыгнул в немецкие окопы комбат. Подражая примеру командира, ринулся в укрепление врага и он, оставив на бруствере катушку. Едва его ноги коснулись дна достаточно широкой траншеи, как перед ним возникла огромная фигура немецкого солдата. Глаза матерого фашиста были полны гнева, перекошенный от ярости рот что-то кричал. Только Анатолий неловко попытался отразить вражеский удар, как одним ловким движением немец выбил из рук его оружие, и карабин Дружинина, описав дугу, отлетел в сторону, упав рядом с катушкой.

«Нападать надо было, а не обороняться! Эх ты!..» — прощаясь с жизнью, ругал себя Анатолий. В голове яркими молниями стали пролетать эпизоды наставлений его командиров. Тоцкий лагерь и слова Бондарева: «Если бой идет в траншеях, здесь места для маневра мало, особенно не развернешься, потому и сноровка должна быть особенной, не убьешь ты — убьют тебя!» Крик Артюшина во дворе хаты: «Рот не разевай, боец!» Назидательный окрик комбата перед атакой: «Злости не вижу в твоих глазах, солдат, взбодись, не на прогулку идем!» Все это в голове промелькнуло так быстро...

От жуткого страха перед смертью Дружинин сжался в комок. Вдавливая голову в плечи, он вдруг увидел, как подскочивший ему на выручку комбат с разворота вlepил физиу в челюсть прикладом своего ППШ. Анатолию даже

показалось, что среди шума боя, выстрелов и отчаянных криков он смог услышать, как треснула челюсть немецкого солдата. Дух захватило от произошедшей сцены, но голова заработала яснее, что привело его в то состояние, которое требовалось при таких обстоятельствах. Только Тулепов короткой очередью пристрелил фашиста, как сзади на него навалился другой, и они слились с ним в жестокой схватке. Теперь Анатолий понимал, что ему нужно немедленно спасти своего командира. Одним движением он сбросил с себя телефонный аппарат, но была другая проблема: не было в руках оружия. Тогда он схватил то, что было совсем рядом: маузер фашиста, которого застрелил Тулепов. Сама обстановка, в которой оказался Анатолий, заставила крепко сжать в руках трофейный карабин. Прямо у его ног возникла спина немецкого солдата, нависшая над телом комбата. Страх за жизнь командира породил в душе то остервенение, от которого он, не помня себя, с диким воплем вонзил штык маузера в спину врага. В стенаниях немец обмяк, и Тулепов, скидывая фашиста с себя, как-то выразительно взглянул на Дружинина. Анатолий протянул командиру руку и помог ему встать.

— Все в порядке, солдат! Вперед! — крикнул комбат.

Возбужденный боем Дружинин с трофейным оружием в руках двинулся по траншее впереди командира. Он успел сделать только один выстрел; перезаряжать карабин не было времени. В исступлении Анатолий бил прикладом, колот штык-ножом, что-то кричал, уворачивался от ударов, и теперь ему ничего не мешало: ни телефон, ни катушка. Перед глазами мелькали искаженные лица в немецких касках, ужас в глазах незнакомых ему людей, и ощущалась какая-то свирепая ярость, которая таилась где-то внутри, а теперь, пробудившись, неустанно двигала им. Дикий нечеловеческий взгляд цеплялся в первую очередь за то, что могло угрожать его жизни. Немыслимый звериный инстинкт подсказывал, как нужно действовать там, где

на осмысление своих действий требовались сотые доли секунды. Необыкновенная сила в мышцах была в сотни раз выше той, которой он обладал ранее. Как лев, вырвавшийся из клетки, трофейным оружием он прокладывал себе путь вперед, нещадно круша своего врага.

Не выдержав отчаянного натиска нашей пехоты, немцы отступили. По заранее подготовленным проходам противник спешно покидал первую полосу своей обороны. Не до конца осознавая происходящее, Анатолий рассматривал фашистские траншеи, тут и там заваленные трупами наших и немецких солдат. В этой схватке повезло не всем. Стиснув зубы, он продолжал стоять, сдавливая железной хваткой добытое в бою оружие.

— Боец, очнись! Что с тобой? — окликнул его Артюшин. Слова сержанта вернули его в действительность.

— Все нормально, товарищ сержант. Я в порядке, — откликнулся Дружинин.

— А ты молодец! В этот раз не сбобел, — похвалил его командир стрелкового отделения. — Где твой телефон? — спросил он, обращая внимание на связиста, стоящего с немецким карабином в руках. Только теперь Анатолий понял, что где-то далеко от этого места бросил телефон и катушку. Нервно оглядываясь вокруг, он стал искать глазами вверенное ему имущество; немецкие траншеи зигзагами тянулись с юга на север. Наконец в тридцати метрах от себя он увидел Илью. Его напарник, установив оба телефонных аппарата на край траншеи, налаживал связь. Анатолий, переступая через трупы убитых, подошел к товарищу. По дну траншеи в вырытых нишах и наверху валялись предметы прежних обитателей этих рубежей: котелки, ложки, противогазные футляры, каски, оружие с разбитыми ложами и прикладами, бесчисленное количество стреляных гильз. Здесь протекала окопная жизнь немецких солдат.

— Я никак не могу понять!.. И что это ты, Анатолий, таки в атаку пошел?! — возмущенно удивлялся Илья, пожимая

плечами. — Мы с тобой, Толя, телефонисты! Наше дело — поддерживать связь! Вот скажи мне: и что я буду делать с двумя телефонами, если тебя ранят или, не дай бог, убьют? — негодовал напарник, разводя в недоумении руками. Его черные навывкате глаза от возмущения стали необыкновенно большими. — Штык свой давай, надо же наконец нулевой провод на твоём аппарате заземлить, — требовал Илья, закручивая на катушку отмотанную ранее лишнюю длину провода.

Выслушивая роптание своего напарника, Анатолий обратил внимание, что в его возмущении совсем отсутствовало чувство гнева или злобы. Скорее наоборот, Илья был озабочен тем, с какой беспечностью Анатолий относился к собственной жизни. И такая забота трогала его до глубины души. Выслушав с улыбкой назидания товарища, Анатолий зачем-то схватился за штык-нож трофейного карабина и тут же одернул руку назад: лезвие ножа было в какой-то неприятной слизи.

— Фу, какая гадость!.. — выругался он, откинув маузер на бруствер траншеи. — Зачем я вообще за него схватился? — возмутился Анатолий, вытирая ладонь о подол шинели. Отстегнув от пояса подаренный Зябликовым штык, он воткнул его в землю у аппарата и занялся своими прямыми обязанностями. Продолжая осматриваться вокруг, Анатолий только теперь по-настоящему пришел в себя, осознавая весь ужас произошедшего. «Не зря там, в Тоцком лагере подготовки, Ломакин привлек меня к тренировкам по рукопашному бою, — подумал Дружинин, — пригодилось!» Неприятный озноб прокатился по телу, отчего заметно стали дрожать руки.

— Закрепитесь на позициях!.. — требовал комбат. Раздавая распоряжения, Тулепов бегло прослеживал взглядом исполнение своего приказа. Смуглое лицо старшего лейтенанта напряжено. В узких разрезах карих глаз блестели огоньки. Левый рукав его ватной куртки разрезан, очевид-

но, вражеским штык-ножом. — Командирам взводов доложить о потерях! — кричал Тулепов, продвигаясь по траншее к телефонистам.

На занятой вражеской позиции кипела работа. Среди бойцов и офицеров суетился командир четвертой роты. Размахивая пистолетом, он расставлял людей по позициям. Санитары перевязывали раненых, уводили их в блиндажи. Погибших бойцов укладывали в щелях. Убитых немецких солдат складывали отдельно.

— Ну что, связист, живой? — спросил Анатолия подошедший комбат. — А ты настоящий боец! Воюешь так, как будто всю свою жизнь на фронте пробыл. Молодец! — подмигивая, похвалил его Тулепов. — Только запомни на будущее: твоя первоочередная задача — обеспечивать своего командира связью. Вот что я буду делать, если тебя убьют или тяжело ранят? — смотрел на него комбат искрящимися глазами. Анатолий виновато молчал. Тулепов прекрасно понимал: не окажись рядом Дружинин, кто знает — смог бы он в одиночку справиться с навалившимся на него фашистом?.. — Ладно, это, как я уже сказал, на будущее. А так — молодец, конечно! Сколько немцев убил? Не считал?

— Не знаю, товарищ старший лейтенант, — скромно пожимал плечами Анатолий, не понимая, о каких убитых немцах тот спрашивает. Дружинин в этот момент перекинул через голову свой карабин и взял в руки немецкий маузер, которым несколько мгновений назад крушил врага. Он обратил внимание на две небольшие царапины на прикладе и с недоумением стал их рассматривать.

— Что, не поймешь, отчего бывают такие повреждения на прикладе? — спросил, улыбаясь, комбат.

— Я вот смотрю, они свежие... — заметил Анатолий, разглядывая трофейное оружие.

— Это царапины от немецких касок. Когда фашисту бьешь по зубам прикладом, то приклад, соскакивая, бьется о край его каски. Отсюда на нем и появляются такие отме-

тины, — объяснял Тулепов причину повреждения. Но Анатолий ничего не помнил. Все было как в кошмарном сне. Наверное, мозг специально в таких случаях стирает из памяти страшные картины, чтобы уберечь человека от жутких воспоминаний.

— Странно!.. Я ничего не помню, — удивился Анатолий, пытаясь напрячь память.

— А это и к лучшему! Не помнишь — и дай бог. Лучше будешь спать, поверь мне, — убедил его комбат. — Давай мне Калугу, — требуя связь с командиром полка, Тулепов протянул руку. Анатолий установил на край окопа телефон. Связавшись со штабом, он подал командиру трубку телефонного аппарата. Немцы усилили минометный и артиллерийский обстрел; после нескольких предложений комбат нервно стал повторять: — Алло! Алло!..

Дружинин засуетился — что-то не так...

— Связь давай мне, боец! Связь! — крикнул командир, возвращая трубку.

Анатолий, не задумываясь, положил ее на аппарат и, схватив провод, пополз исправлять повреждение. На перепаханном снарядами поле то там, то здесь лежали мертвые тела наших и немецких солдат. После нескольких упавших впереди снарядов Дружинин, не выпуская из рук провода, продолжал ползти по-пластунски, стараясь быстрее обнаружить обрыв. Пули, посвистывая, как голоса певчих птиц, ложились то справа, то слева, впиваясь в землю.

— Быстрее, быстрее, — торопил себя Анатолий. До своих позиций, откуда началась атака, было еще далеко. Вражеские снаряды стали взрываться реже, и он короткими перебежками вдоль провода двигался дальше по направлению к прежней линии обороны. Телефонный кабель скользил по ладони, оставляя на ней небольшие кусочки раскисшей грязи. Мешала бежать сумка с противогазом, которая при беге со спины смещалась вперед. По правой ноге хлопала саперная лопатка, вызывая желание сбросить с себя весь

лишний груз. Недалеко от своих траншей Анатолий обнаружил обрыв. Оглядевшись вокруг, через несколько метров он нашел другой конец провода. Ликвидировав повреждение и убедившись в том, что линия исправна, Анатолий отправился обратно.

Холодало. Багровое солнце опускалось к закату. Промокший, грязный, в копоти Дружинин приближался к окопам, недавно отбитым у врага; теперь их ровняли с землей немецкие минометы и артиллерия. Наши танки, вышедшие с пехотой в атаку, маневрируя в складках местности и за сельскими строениями, вели ответный огонь по немецким позициям. Над траншеями грохот стоял невероятный. С треском слева разорвался 75-миллиметровый снаряд, лицо обдало жаром, сверху на шинель посыпалась земля. Удушливый запах немецкого тола моментально заполнил траншею. Звонкая россыпь мин, укладываясь в шахматном порядке, противно резала слух. Одна из них шлепнулась совсем рядом, обрызгав его грязью, сбив дыхание тротиловой вонью. Немецкие крупнокалиберные пулеметы долбили короткими очередями, и веер пуль, летевший с вражеской стороны, распахивал землю перед траншеей, пролетал над головой, впивался в бруствер. С трудом пробираясь под шквальным огнем, Анатолий наконец добрался до своего поста. Но увиденное совсем не обрадовало взор. Присыпанный землей телефон, как и прежде, стоял на краю окопа. Попавшая в траншею немецкая мина разворотила его и своим осколком смертельно ранила в голову напарника. Илья с искаженным лицом корчился в судорожных муках.

— Связь! Связь! Давай мне, боец! — пробираясь по траншее, кричал комбат. Дружинин схватил трубку телефона и протянул ее командиру; мучаясь от безысходности, он пытался оказать помощь своему раненому напарнику.

— Огнем дивизионной артиллерии поддержите, товарищ полковник! — просил комбат. — Нам до темноты еще немного продержаться надо. Немцы сейчас в контратаку

могут пойти, мы не выдержим, потери большие, — кодовыми словами информировал он командира полка. Через минуту разговор закончился, и комбат, придерживая телефон левой рукой, положил трубку обратно.

Он бросил сумрачный взгляд на Илью, чья перевязанная голова лежала на коленях у Анатолия.

— Ничем ты ему теперь не поможешь, он мучается в предсмертных конвульсиях. Жаль парня. Сколько их, таких, как он, сегодня полегло?.. Порой вечером отправляешь оперативную сводку в штаб полка и представляешь себе, сколько матерей там, в тылу, слезами умоются, когда получат похоронки на своих сыновей. Да так тяжело на душе становится, что самому хоть плачь, — тяжело вздохнув, высказал свою боль Тулепов, — но что поделаешь — это война.

Дружинин аккуратно положил голову Ильи на его шапку, и теперь карие глаза однополчанина безжизненно смотрели куда-то ввысь. Закрыв их своей рукой, комбат повернулся к Анатолию.

— Как зовут тебя, солдат?

— Анатолий.

— А фамилия?

— Дружинин.

— Ну вот, Анатолий Дружинин, радуйся, что ты сегодня живой остался, да еще и не ранен. Не каждому так повезло, как тебе. Цени это, Анатолий, да себя береги. Хотя, если честно сказать, как себя на войне сберечь — не знаю! — пожав плечами, сказал командир. — А тебя за сегодняшний бой надо будет обязательно отметить, — добавил он.

Канонада стала стихать. Тулепов, припав к биноклю, стал внимательно осматривать позиции врага.

— Укрепился фашист хорошо. Основательно... Просто так, с наскока его не возьмешь, — рассуждал комбат, — за тих фриц, значит, перегруппировался и сейчас поперет.

Забегая вперед, могу сказать, что не знал тогда Анатолий, да и не мог знать, что через шесть с небольшим меся-

цев, первого июля сорок четвертого года, отважный комбат погибнет на поле боя, отражая контратаку численно превосходящего противника. А сегодня было еще далеко до июля сорок четвертого, и старший лейтенант принимал решения, исходя из сложившейся на сегодняшний день обстановки. Провожая взглядом командира, Анатолий подметил, как прост в отношениях со своими людьми Тулепов.

С таким трудом занятый рубеж удержать не удалось: уже через час под натиском превосходящих сил противника роте пришлось отойти на прежние позиции.

По роковому стечению обстоятельств Дружинин оказался там, где за двое суток кровопролитных боев его полк потерял более пятидесяти человек убитыми и свыше ста ранеными.

НА ВОЙНЕ БЫСТРО ВЗРОСЛЕЮТ

В ожесточенных и изнурительных схватках иссякали и вражеские силы; удары противника ослабевали. Окончательно обескровленные и измотанные атаками наших подразделений, фашистские войска выдыхались. Тяжелые потери вынуждали немецкое командование прекратить контрнаступление. Но отказываться от планов овладеть Киевом противник не собирался, он настойчиво готовился к новому прорыву. Так, к концу ноября, после продолжительных и ожесточенных боев фронт постепенно стабилизировался. Армии Первого Украинского фронта нуждались в пополнении резервами, требовалось создать запасы горючего, боеприпасов, продовольствия. Двадцать восьмого ноября в войска дивизии пришел приказ: «Занять жесткую оборону с задачей: не дать возможности противнику прорыва нашего оборонительного рубежа».

За короткий период линия нашей обороны заметно укрепилась, представляя собой траншеи полного профиля. Пулеметные и стрелковые окопы были связаны между собой ходами сообщений, которые в свою очередь соединялись с опорными пунктами. Боевые порядки умело располагались на местности и были хорошо замаскированы.

Здесь, на передовой, во втором батальоне служил теперь уже малость поднаторевший в сложной фронтовой науке рядовой Анатолий Дружинин. Всему за двенадцать дней боев обучиться невозможно, но, как гласит послови-

ца: «Век живи — век учись». Хотя этого времени хватило, чтобы Дружинин по звуку мог определить, какое оружие врага ведет огонь по их позициям и куда может угодить снаряд или мина. Всех тонкостей, что пришлось познать и чему еще предстоит обучиться, конечно, не описать. Но самое главное, теперь это был не тот необстрелянный в боях новобранец, который чуть больше десяти дней тому назад мало понимал, что ему нужно делать и зачем его сюда привезли. Перенеся на своей шкуре несколько штурмовых атак, артралетов и контратак противника, незаметно для себя Дружинин стал другим человеком. Он научился управлять своими чувствами и держать над собой контроль. Так на фронте формировались характер и воля. Теперь это был заметно возмужавший боец и, как говорится, стреляный воробей. На войне быстро всему учатся и быстро взрослеют.

* * *

В напарниках с Лопатиным Анатолий дежурил на посту уже несколько дней подряд. За этот короткий период они успели привыкнуть друг к другу и подружиться.

Стефан Васильевич Лопатин — худощавый человек среднего роста с сединой на висках и внешностью настоящего воина. Он был на год старше матери Анатолия, потому и отношения у бойцов сложились как у заботливого отца с сыном. Родного отца, трагически погибшего в далеком тридцать первом году, Анатолий смутно, но помнил. Помнил и его похороны, а вот уточнять мелкие детали гибели всегда боялся, опасаясь услышать что-то страшное. Эту жуткую историю во всех подробностях он услышал от матери незадолго до своего отбытия в Тоцкие лагеря. В тот вечер вся семья уже улеглась спать. На улице шел проливной дождь, гремела пугающими раскатами гроза, а извилистые линии ярких молний периодически освещали темное помещение маленькой землянки. Спать совсем не хотелось, и они, лежа

в постели, переговаривались между собой, вспоминая различные истории. Вот тогда Анатолий и попросил мать рассказать о том, как и при каких обстоятельствах погиб отец. А дело обстояло так...

После начатой в Казакской АССР коллективизации, дед Сергей испытывать судьбу своей многочисленной семьи не стал. Избегая раскулачивания, он в двадцать девятом году распродал свое немалое хозяйство и большую часть многочисленного скота, распределив запасы продовольствия между сыновьями. Оставив хутор в предместьях Акобы брошенным, он переехал в свой дом, расположенный в Джаныбеке.

Добротный бревенчатый дом с полуподвалом и большим приусадебным участком достался ему, как младшему сыну, от родителей. Перезимовав в доме деда, ранней весной родители Анатолия перебрались на постоянное место жительства в Эльтон. Своего жилья не было, семья вынуждена была снимать две комнаты и ряд хозяйских построек у Козловых. Дом у Козловых был большой, дети их давно разъехались, а хозяйство старики хоть и держали, но не крупное. Катухи и сараи стояли свободные. На дворе у молодой семьи Дружининых были куры, бараны, досталась от раздела крепкого хозяйства деда и молоденькая телочка. Имея при себе оборудование и кузнечный инструмент, отец без особого труда устроился на работу в колхоз, где самостоятельно организовал кузнечный цех. Его в только что образовавшемся коллективном хозяйстве попросту не было. Работы было много; кроме колхозных нужд отец выполнял и частные заказы, имея от этого ремесла дополнительный доход. Не зря говорят: «У кузнеца — что стукнул молотом, то копейка». Семья была достаточно большой: пятеро детей, — но родители справлялись. Уже следующей весной стельная телушка отелилась, и теперь, чтобы излишки молока не портились, требовалась их переработка.

— Ну што, Мари Ванна, почитай, цельный год мы с тобой в Эльтоне прожили. Уже вон и тёлка наша коровкой сталá. Тяперяча и молочко своё есть. Што, так и будем до соседей бегать молоко сепарировать? Самим, наверное, сепаратор приобретать надыть, ты сама-то как думаешь? — задал вопрос Степан, понимая, что для производства сливок и масла нужен столь необходимый в домашнем хозяйстве аппарат.

— Да, Стяпан Сяргеич, надыть... Всего молока нам не продать, а значит, оно пропадать будет. Жарко уже на дворе, — согласилась с мужем Мария Ивановна, хлопоча возле посуды с молочной продукцией. — Можно, конечно, и у соседей через их сепаратор своё молочко пропускать, вот как сёдня. Так за енто дело тожесть сливки им отдавать надыть. Бесплатно ништо тебе инструмент свой использовать не разрешит, — рассуждала по-хозяйски жена, прислушиваясь, не проснулась ли Валентина; самой младшей дочери в семье едва исполнилось два года. Сегодня девчушка что-то раскапризничалась и улеглась спать намного раньше обычного.

— Што ж, тады надыть в Жанбек ехать да покупать. Деньжонок я вроде поднакопил, на сепаратор должно хватить. Заодно можно на базар с собой сметану прихватить да яиц пару десятков. Глядишь, там и детишкам сладенького на енти деньги прикупить можно будет, а то и поменять яйца аль сметану на конфеты да пряники. Пушай детвора порадуется.

— И кады ты ехать тяперяча собрался?

— Так, завтра у нас суббота?! Как раз базарный день! Вот завтра и надыть ехать. А чаво дело в долгий ящик откладывать? — твердо решил Степан, планируя скорую поездку.

— Ну раз завтра, так завтра, — согласилась супруга. В хозяйских делах она мужу никогда не перечила.

— Тока, пожалуй, схожу я, предупрежу Василя Михалыча, што на субботу мене отлучиться надыть. Тады можно бу-

дет и в путь-дорогу, — добавил Степан и, поправив фуражку, вышел во двор. Вечерело. На улице, как обычно, слышалась вечерняя суета села, не умолкал крик и визг играющей детворы, мычал и блеял скот, гремели у колодцев ведра, из хозяйских подворий доносился людской гомон. Теплый воздух весны наполнялся запахами отцветающей сирени, парного молока, дымом горящего кизяка и ароматом вкусно приготовленной пищи. Тихий майский день подходил к концу. Выйдя за двор, Степан поприветствовал соседа, закрыл калитку и направился к заведующему мастерскими отпроситься у него с работы на завтрашний день.

Дома Мария Ивановна принялась собирать мужа в дорогу. Сборы были не особо долгими: в трехлитровый бидончик она переложила сметану и поставила его в оцинкованное ведерко. Пустое пространство в ведре заполнила двумя десятками куриных яиц, аккуратно обернув их двумя старенькими полотенцами. На базар все-таки муж едет. Приготовить надо все на завтра заранее. Чтобы продукция не испортилась, она опустила ее на веревке в колодец.

Утро в доме было ранним. Встали с постели еще до рассвета. Необходимо на хозяйстве управиться, да еще вовремя успеть на поезд: он стоит на станции всего пару-тройку минут, опоздаешь — можешь поездку отложить.

— Штой-то мене, Мари Ванна, на душе больно тяжко, — вздохнув через силу, неожиданно заявил муж. Опершись рукой на край стола, он, как это делают по обычаю старики, устало присел на лавку. — Вот прямо так тяжко, што аж ехать расхотелось. Да и сон, как назло, поганый приснился, — поникшим голосом, сконфуженно добавил Степан.

Бросив свои женские хлопоты, Мария Ивановна подошла к мужу. Выглядел он неважно. Лицо бледное как полотно, обычно горящие огоньками озорные глаза мутны и тоскливы. Таким своего супруга ей видеть еще не приходилось.

— Да ты, Стяпан Сяргеич, никак захворал, на табе прямо лица нету. Сидишь вон как молоко белый, и глаза мутные,

как с похмелья, — забеспокоилась Мария Ивановна, глядя на мужа. — Может, ты вчерасть простудился на своей кузне? Там скрозь сквозняки гуляют, а ты возля горна сваво потный день-деньской крутишься. Вот, может, тебе там и продуло?

— Да будя табе!.. Ничаво мене не продуло. Здоровый я! — запротестовал Степан. — Говорю же, на душе паскудно, да и сон нехороший приснился.

— А што за сон? — озабоченно поинтересовалась супруга.

— Та-а-а так... Ерунда какая-то, — махнув рукой, слабым голосом протянул Степан. — Снится мене, енто уже под утро, што я с Михал Тимафеичем Сушилиным еду вдвоем с Агубы в Жанбек. А едем мы с нём скрозь лиман, — начал свой рассказ Степан, — смотрю я, а лиман-то наш... весь воды до краёв полный! Так нет штоб объехать, а я чрез ево пешим-то напрямик и пошёл. И вот прямо на середине ентова лимана я тонуть начал да водой захлёбываться. Ногами-то пытаюсь дна достать, а его и нету! Тады я стал кричать Михал Тимафеичу: помоги, мол, тону, плыть сил совсем нету! А он, самое главное, руки-то вроде бы как и тянет, а сам всё дальше и дальше от мене отходит. Барахтаюсь я, значит, в воде, захлёбываюсь и чую: хто-то мене ишо и ноги щипает. Глядь вниз-то... А под водой лебеди белые мене за ноги щиплют. Та так больно щиплют! Пряма вот до сих пор ногам больно!.. — эмоционально рассказывал Степан, а сам изображал руками, как птицы ему во сне ноги клевали.

Послушала его рассказ Мария Ивановна, и ей самой не по себе стало. Вздохнув, она почувствовала, как по телу пробежала мелкая неприятная дрожь.

— Нехороший сон табе, Стяпан Сяргеич, приснился, нехороший, — нахмурив брови, произнесла Мария Ивановна. В ее голосе почувствовалась тревога. — Может, ну её, енту затею с сепаратором? Будем пока пропускать своё молочко у соседей, как и раньше, а сепаратор потом, в другой раз съездишь да купишь. Чаво спешку-то пороть? А?! —

не на шутку заволновалась она за своего супруга: уж очень скверным показался ей рассказанный им сон.

— Та ладно, чаво там. Енто просто хандра, да всё тута. Пошто тяперяча дела откладывать на потом? Мало ли чаво приснится магёт. Молотобойца вчерась у нас на работе не былó, мене самóму пришлось кувалдой помахать пуще прежнего, вот с непривычки тело и заболело. Видимо, от ентова и погано мене. А сон — енто так... — пренебрежительно махнул рукой Степан. — Ничаво, расхожусь, да оно и полегшает. Вроде бы оно и неохота ехать-то, но раз надумал — то надыть, — окончательно решил он и, хлопнув по коленям, поднялся с деревянной скамьи.

Всю свою мужскую работу по хозяйству Степан выполнил в полном объеме, как бы плохо он себя ни чувствовал. Потом умылся, переделся в одежду на выход и, уже облаченный в чистый костюм, сел перед дальней дорогой перекусить. Вот только завтракал он без обычного аппетита да и без настроения. Марию Ивановну это обстоятельство еще больше стало тяготить.

— Может, всё-таки не поедешь, Стяпан Сяргеич? А? — еще раз на всякий случай переспросила она, беспокоясь о муже, когда тот закончил трапезу. Сердце ее за это утро изнылось. Никогда ранее ей не было так тревожно за супруга, как сейчас, да и дурные мысли одолевать стали.

— Нет, Мари Ванна, взялся за гуж — не говори, што не дюж. Раз решил вчерась ехать, так надыть сполнять своё решение. Поеду я, — твердо сказал Степан и в знак подтверждения своих слов легонько стукнул по столу кулаком. Потом он аккуратно смел хлебные крошки в ладонь и высыпал их в глубокую тарелку из-под каши.

Поднявшись из-за стола, Степан уверенно направился к двери. Хотел сразу перед выходом из дома надеть на голову фуражку с высокими бортами, но потом передумал, повесил ее обратно на широкую вешалку. Повернувшись, крепко обнял жену, расцеловал ее и только потом, поправив при-

чески, надел свой фасонистый головной убор. Мария Ивановна как привязанная крутилась вокруг мужа, ни на минуту не отходя от него. То поправляя ему одежду, то смахивая с него пылинки, она все это время старалась быть рядом. С поклажей в руках, в сопровождении верной супруги Степан вышел за калитку и ровным шагом направился к станции, куда через несколько минут должен был прибыть пассажирский поезд. Со щемящей болью в сердце провожала Мария Ивановна своего мужа в дорогу. Выйдя за калитку на улицу, она долго смотрела на его удаляющуюся фигуру. Так хотелось помахать ему вслед, когда он обернется, но Степан, уходя, так и не повернул головы, чтобы увидеть супругу, так на этот раз разволновавшуюся перед его отъездом.

На рынок в Джаныбеке Степан поспел вовремя. Соответственно, и место ему досталось удачное — бойкое. Долго расторгивать свою продукцию не пришлось, раскупили ее быстро, потому и времени для покупки сепаратора осталось предостаточно. Приобрел он его тоже удачно, без проволочек; как раз в хозмаге последний экземпляр остался. Не забыл Степан и детишкам сладостей прикупить; денег хватило и на подарки: жене с матерью купил красивые платки. Довольный удавшимся днем, он с ведром, бидончиком с подарками и новым сепаратором быстрым шагом направился к дому родителей. Надо повидать папашу с мамашей, подарить матери платок, похвастаться покупками и успеть до отъезда зайти к сестре Евгении. С ее мужем, Михаилом Сушилиным, они были хорошими друзьями. С зятем не мешало бы поговорить о делах насущных да и самогоночки выпить — она у него отменная, из пророщенной пшеницы. Такой целебный напиток да при хорошей закуске грех не употребить.

Слабость тела и духа прошла быстро, настроение было отличным; Степан, забыв о своей тревоге по поводу дурного сновидения, сидел за столом в доме родителей за самова-

ром, ведя с отцом и матерью беседы про перемены в стране и нынешнюю жизнь жителей села. Родители делами детей были довольны. Хозяйство у них хоть и небольшое, но было, есть работа, внуки и сами дети сыты, одеты и обуты. А то, что еще нет собственного жилья, так это дело наживное. Они еще молоды, полны сил, есть руки, ноги, голова на плечах, значит, жилье себе смогут построить. Чаепитие в камнатке (неотапливаемом помещении в доме) было долгим, беседы — размеренными и душевными.

Во второй половине дня, как Степан и планировал, он отправился навестить Сушилиных. Встретились родственники с радостными объятиями, оно и понятно, более двух месяцев не виделись. Как положено после приветствий, хозяин повел гостя на огород показать результат хозяйской деятельности, а только потом к столу. Времени до вечернего поезда было вполне достаточно, застолье за четвертной бутылью было долгим, разговоры — жаркими, до споров, но все в рамках приличий. Забыв про свое утреннее угнетенное состояние, в этот раз уже со смехом Степан рассказал зятю про свой сон, в котором они ехали из Акобы в Джаныбек. Вместе они пошутили, посмеялись над дурным сновидением. Не обошлось душевное мероприятие и без песни:

— Хулиганы все носят фуражки,
На фуражках у них ремешки,
Они носят пальто нараспашку,
А в карманах стальные ножи...

С задором и залихватски тянул первым голосом Степан; не отставал, подпевая ему хулиганскую песню, и Михаил. Встреча шурина проходила чинно, при хорошей выпивке и приличной закуске. Стоящий на краю большого стола самовар пыхтел горячим паром, несколько раз пополнялся водой и приготовленными заранее мелкими дровами. Долгожданная встреча родственников удалась на сла-

ву. Но за душевными разговорами, песнями и чаепитием время пролетело быстро. День уже приближался к вечеру, гостя требовалось по обычаю проводить до вокзала и посадить на поезд. Попрощавшись с сестрой и племянниками, Степан в сопровождении зятя отправился на железнодорожную станцию.

До вокзала они добрались быстро, настроение у родственников было отличным. Но вот известие о том, что поезд задерживается прибытием на один час, Степана совсем не обрадовало.

— Енто што, мене тута цельный час куковать надыть? — возмутился он, узнав неприятную для себя новость от сотрудников станции.

— Ну ничаво, подождём, — утешая шурина, промолвил Михаил, — спешить нам некуда, — заверил он, размеренными движениями скручивая сигарку.

— Так через час уже и темно будет! Вот вечно у нас всё не слава богу!.. — продолжал негодовать Степан. Он все это время крутился вокруг Михаила, как будто не находил себе места. — Вот кады я тяперяча домой приеду? А ишо и со скотиной управиться успеть надыть, — беспокоился он, не переставая суетиться.

— Та ладно табе, Стяпан!.. А то Мари Ванна твоя со скотиной сама не справится?! Тожесть, канителишься тута, как будто у тебе дома цельная отара овец да ишо лошадей табун. Не смехи мене. Супружница твоя и без тебе всё как надыть сделает, — как мог старался успокоить его Михаил.

В это самое время, натужно пыхтя, с пронзительным сигнальным свистом, со скрипом и скрежетом в направлении на Астрахань со второго пути станции стал трогаться товарный состав. Окутанный белым паром и черным угольным дымом паровоз с надрывом тянул за собой не особо длинную цепь грузовых платформ, испачканных нефтью цистерн и ряд кургузых коричневых теплушек. Степан, глядя на трогаящийся состав, успокоился и замолк. Он стоял

молча, провожая взглядом каждый проезжающий мимо вагон. И когда уже поезд стал набирать ход и удаляться, он вдруг неожиданно крикнул:

— Я на ём поеду!

Михаил и опомниться не успел, как шурин подхватил с земли ведро и тяжелый сепаратор, рванул к набирающему скорость составу. На стремительный бег Степана сразу обратили внимание все ожидающие прибытия поезда пассажиры и провожающие, собравшиеся на привокзальной площади.

— *Обай-ай, сен, балам не істеп жатырсың? Мулдем басын жоғалтты!* (Ой-ей-ей! Ты что, сынок, делаешь? Совсем голову потерял!) — крикнул ему вслед пожилой казах.

— Ты куды, Стяпан?! Енто же опасно! Сто-о-ой!!! — так же отчаянно кричал Михаил, пытаюсь уговорить и остановить своего родственника и друга.

Но Степан, не слыша вразумительных слов, изо всех сил пытался догнать предпоследнюю в составе теплушку. Он уже миновал высокую водонапорную башню из красного кирпича, приближаясь к старой деревянной мельнице, расположенной на левой стороне железной дороги. Ноги скользили по сыпучей щебенке, замедлял бег вес тяжелого сепаратора, мешало в правой руке ведро с бидончиком и подарками, а он, выбиваясь из сил, все равно пытался выровняться с краем вагона. Задыхаясь от бега, Степан уже поравнялся с тамбуром теплушки, закинул в него ведро и, цепляясь правой рукой за поручни, попытался запрыгнуть на подножку. Но состав все набирал и набирал ход. Вагоны жутко качало и трясло, земля из-под ног куда-то быстро бежала, а сил, чтобы подтянуться и поставить ногу на металлическую подножку тамбура, уже не было: слишком тяжелым был сепаратор, который тянул его обратно к земле. Вагон в очередной раз резко качнуло, и пальцы рук, уставшие от напряжения, разжались. По инерции Степана сильно мотнуло, закинув в простран-

ство между вагонами. Осознавая возможные последствия, он в самый последний момент успел откинуть в сторону свою недавнюю покупку; приобретенный сепаратор, разрывая о щебень упаковку, полетел вниз по насыпи. Степана спиной сильно ударило о буфера вагонов и тут же откинуло вниз, на отшлифовано-блестящие стальные рельсы. За грохотом и стуком не было слышно хруста бедренных костей, которые как гильотиной отсекали тяжелые колеса вагона.

Степан в горячке даже и не почувствовал боли. Только когда он перевернулся на спину и его тело без ног стало скатываться вниз, а кровь, фонтанируя из отрезанных конечностей, стала окрашивать насыпь, он понял, что с ним произошло. Тридцать лет жизни пронеслись перед глазами в сотые доли секунды. Жуткая боль осознания, что это конец, как молнией ударила по голове. «Моя семья... детки... Мари Ванна! Как им жить без мене?! А папаша с мамашей, братья, сёстры?!» — мелькали мысли в его голове, когда звуки удаляющегося вдаль состава стали стихать. Он по-прежнему не чувствовал боли физической, но боль души и муки сознания конца своей жизни давили так, что он ничего не слышал и не видел, что происходило вокруг. А в это самое время со стороны вокзала с громкими возгласами и женскими истерическими криками к нему бежала огромная толпа людей. Обгоняя бегущих, сюда неслись несколько конных повозок. С перекошенным от страха лицом впереди всех бежал его зять Михаил. Распаленное от бега лицо еще большеказилось от той картины, что пришлось ему увидеть.

— Стяпа-а-ан!!! — душераздирающе крикнул Михаил. Он не поверил своим глазам. Ведь всего несколько минут назад они сидели вместе за столом, смеялись, пели песни. А что теперь?! Истекая кровью, на насыпи лежало куцее тело еще живого шурина, а его ноги, отрезанные под самые бедра, как отдельные части тела лежали между двумя рельсами бесконечного железнодорожного полотна. Увиденное

привело Михаила в ужас. Со всех ног он бежал к Степану, чтобы оказать помощь, а прибежав, обомлел, был совершенно растерян и разбит. Михаил даже не знал, чем теперь можно ему помочь. Картина была невыносимо страшной. Только теперь он вспомнил дурной сон Степана, про который тот рассказал недавно. Трудно поверить в такое совпадение, но в тот момент они вместе над этим смеялись.

— Ой-ей-ей!.. Господи боже мой!.. Какой ужас!.. Не приведи боже!.. — слышались отчаянные возгласы прибывших на место происшествия людей. Не все, кто прибежал на помощь, смогли стойко выдержать это жуткое зрелище — многих тут же стало тошнить. Отворачиваясь и отходя в сторону, люди опустошали свои желудки. Только пожилой мужчина-казах, подоспевший к месту трагедии на подводе, одним из первых оказался способным совладать собой. Не теряя выдержки, он без промедления смог сообразить, какие меры в таком случае необходимо принять в первую очередь.

— *Мәссаған! Обай-ай, Алла сақтасын!* (Ничего себе! Ой-ей-ей! Господи помоги!) — ужаснулся Жумагалий, увидев покалеченного Степана. — *Кімде белбеу бар?! Маған жылдам белбеу немесе жіп керек! Оның аяғын байлау керек, канды тоутату үшін!* — крикнул он на казахском и, тут же сообразив, что не все его поймут, перешел на русский язык: — У кого есть ремень?! Дайте мне быстро ремень или веревку! Ноги ему надо перевязать, чтобы кровь остановить!

Присев на колени возле раненого, мужчина как мог пытался пальцами зажать ему разорванные сосуды отрезанных конечностей, из которых хлестала кровь. Михаил второпях стал снимать с брюк свой поясной ремень, кто-то из прибывших сюда на тарантасе подал Жумагалию длинный кожаный кнут. Сосед отчаянного старика, также приехавший с ним на вокзал на конной подводе, спотыкаясь, принес ему из своего тарантаса ремни от конской упряжи.

— *Мине, Жумагалий, ал* (На вот, Жумагалий, возьми), — протянул он старику принесенные вожжи. Окровавленными руками Жумагалий изо всех сил старался остановить кровотечение, но проделать такую процедуру оказалось достаточно сложно: слишком обширной была рана. Жумагалий сделал перетяжку, как смог, и тут же распорядился погрузить пострадавшего на повозку, чтобы доставить его как можно быстрее в районную больницу.

От большой потери крови и болевого шока Степан терял сознание. Ощущая жуткий пронизывающий холод, он перестал узнавать лица знакомых ему односельчан, в сумрачном тускнеющем свете ему вокруг казались только чужие люди и слышались совсем незнакомые голоса. Боясь остаться неопознанным, он без конца твердил одни и те же слова:

— Я Дружинин Стяпан, сын Сяргея Афанасича Дружинина... Он здесь, в Жанбеке живёт. Сообщите яму и жане моёй Мари Ванне сообщите, она в Эльтоне у мене осталась с детками. — Но вскоре голос его ослаб, он совсем перестал говорить, а тяжелые веки стали закрывать глаза.

Стараниями местных жителей и хирурга, прибывшего через некоторое время в больницу, жизнь Степану спасти не удалось. Тут же, на операционном столе, он и умер...

Тяжелым и драматичным оказался рассказ матери. Закончив его, она замолкла. Молчали и дети. Тишину комнаты нарушали мелкие капли дождя, бьющие по стеклам маленьких окон, да редкие раскаты удаляющейся грозы. В этой сумрачной тишине Анатолий слышал тихие всхлипывания сестер. Горько и больно было слышать, в каких страданиях и муках принял смерть родной человек, хотя отца девчата совсем не помнили — слишком они были малы. Анатолию самому в тот год было всего шесть лет. Но лицо отца он еще помнил, помнил, как тот учил его весной «выливать» сусликов, как они вместе ездили на подводе в степь, косили сено, пасли скот. Много лет прошло с того времени, и в каждой трудной ситуации Анатолий чувствовал, как ему не хватало

мудрого совета отца. А вот здесь, в траншеях передовой, пришлось встретиться со Стефаном Васильевичем, который своими манерами и поведением почему-то напомнил ему родного человека. Он настолько проникся к нему чувствами, что готов был постоянно быть рядом и без принуждения слушать его назидания.

— Ты башку-то из окопа понапрасну не высовывай, — советовал Анатолию Стефан Васильевич, когда над их головами в очередной раз засвистели пули вражеского пулемета. — Немец, он ни патронов, ни мин для нашего брата не жалеет, стреляет по всему, что движется. Это нам боеприпасы приказано экономить, вечно у нас их мало. Бывало и такое, что по окопам подбирать приходилось. Ну это в начале войны, конечно. Сейчас уже намного лучше. А вот у немчуры этого добра с избытком. Потому они и палят почем зря, могут и минометами, и даже из пушек по одиночной цели стрелять. А у нас, понимаешь, лимит, особенно когда в обороне стоим. Я, Анатолий, не первый день на фронте; приходилось и от истребителя немецкого в чистом поле убегать. Вот спроси: на кой черт немецкому летчику на одного бойца патроны тратить?! Так нет, он один хрен на меня как на целую колонну стал пикировать, обстреливая так, как будто я один целого батальона стою. Так что ты имей это в виду и не думай, что фашист на тебя одного боеприпасы расходовать не будет, — обучал Стефан Васильевич еще не набравшегося боевого опыта Дружинина. У закаленного в боях старшего товарища было чему поучиться. Лопатин показал Анатолию, как опытные связисты закрепляют бинтом на ухе телефонную трубку, чтобы не держать ее постоянно рукой.

— Гудок ты при обстреле можешь и не услышать, постоянно возле уха трубку держать рука устает, а так бинтом ее за ухо через голову закрепил — и сиди себе покуривай. А самое главное, таким способом ты сэкономишь расход питания батарей, который уходит на сигнал зуммера. Так что учись,

Анатолий, премудростям бойца-связиста, — подмигивая, объяснял старый солдат, привязывая при этом бинт к телефонной трубке Дружинина. — Вот наблюдаю я, как ты на ликвидацию обрыва отправляешься. Так ведь ты туда бежишь так, будто за смертью своей гонишься! Ты ж перед своим носом ничего не видишь. Вот что нужно в бою солдату?.. Нужна военная хитрость — смекалка. Твоя жизнь на фронте, так сказать, на волоске от этой самой смерти висит. И ты ее, косую, перехитрить должен. Нужно, Толя, каждую воронку, каждую канаву, каждый бугорок на своем пути запоминать. Ведь при обстреле или бомбежке они тебе жизнь могут спасти. Зная, где такая ямка или канава есть, запрыгнул в нее — и жизнь твоя драгоценная спасена. Про это в уставе не написано, такую премудрость надо в бою приобрести. Так сказать, на собственной шкуре все испытать и научиться. Но тут, конечно, еще и удача тебе должна сопутствовать. Так сказать, солдатское счастье, чтобы в живых остаться. А жизнь, Толя, у нас с тобой одна. Правильно?

— Правильно.

— Вот видишь! Значит, ее беречь надо. На-ка вот, держи и пользуйся ей, как я тебе сказал, — протягивал ему Лопатин телефонную трубку с примотанным к ней бинтом.

За этот короткий период напарники привыкли друг к другу так, что им казалось, что они знакомы всю жизнь.

Дневная сырость по вечерам сменялась ночными заморозками; к наступающим холодам солдат стали обеспечивать теплым зимним обмундированием. Штаб, где нужно было получить теплые вещи, находился в населенном пункте Строевка, за окраинами которого и располагались позиции стрелкового батальона.

Сегодня наряд находился на первой линии обороны. Вот отсюда, с самой передовой, и нужно было сбегать в штаб, чтобы получить обмундирование. Лопатин снисходительно решил отправить своего младшего сослуживца в первую очередь, а самому не торопясь сходить потом. Уж очень он

привязался к этому мальчишке, которого терпеливо и без нареканий обучал тонкостям солдатской науки.

— Ну что, Толя... иди получай теплое бельешко, дабы не околеть нам от наступающих заморозков. Сегодня наша очередь. Ты у нас молодой боец, значит, тебе первым и идти. «Молодым везде у нас дорога». А я, по-стариковски, потом схожу, — распорядился Стефан Васильевич, облизывая после завтрака ложку. Улыбаясь, Лопатин заботливо осмотрел Анатолия с ног до головы, как будто что-то еще хотел сказать, но потом, вздохнув, махнул рукой: — Ладно, придешь — тогда скажу, — он потряс ложкой перед лицом, а затем небрежно бросил ее в свой котелок.

— Тогда я пошел, — согласился Дружинин, бросая взгляд на запачканные грязью ботинки.

— Не торопись там в штабе, если возможность будет, посиди в теплом месте возле печки, погрейся да портянки посуши. Вспомни, что такое натоленный дом, печка, а то когда еще придется в тепле посидеть? — советовал Лопатин, осматривая внешний вид молодого напарника.

— Хорошо! — Анатолий еще раз посветил фонариком на свои перепачканные башмаки.

— Что, грязные ботинки тебе покоя не дают? — подметил напарник.

— Да, Стефан Васильевич, ботинки надо чем-нибудь почистить. Не куда-нибудь, а в штаб батальона все-таки иду, — беспокоился Анатолий.

— А!.. Так это мы тебе мигом организуем, — быстро сообразил Лопатин. Он выдернул из бруствера кусок чьей-то шинели и протянул Дружинину.

Тот несколько смутился. Это все, что осталось от бойца после взрыва... Лопатин сразу заметил замешательство в глазах Анатолия.

— Не заморачивайся. Ему это уже ни к чему, — сказал Стефан Васильевич и сунул в руки Анатолия кусок шерстяной полы.

Отбросив сентиментальность, Дружинин, переставляя по очередности на приступок ноги, стал тщательно очищать свои ботинки от окопной грязи. Закончив с обувью, Анатолий еще раз поправил обмундирование и кинул взгляд на Лопатина. Стефан Васильевич продолжал смотреть на него с улыбкой.

— Ну ладно, теперь я уже точно пошел, — засмеялся Анатолий и повернулся в сторону прохода. Оглядываясь по сторонам, он еще раз оценил обстановку. — Вроде все тихо, — успокоил себя Анатолий, направляясь по проходу к основным рубежам нашей обороны.

Под покровом темноты и утреннего тумана он сравнительно быстро преодолел все линии траншей, выйдя на извилистую дорогу, идущую в сторону села Строевка. Под ногами хрустела подмерзшая трава и тонкая ледяная корка в мелких лужицах, а легкий утренний морозец щипал обнаженные пальцы рук. Скоро в темноте показались соломенные крыши крайних хат большого украинского села. Из печных труб некоторых домов в предрассветное небо поднимался едва заметный серовато-белый дымок. Соблюдая маскировочную дисциплину, к рассвету печи топить прекращали. Ровная широкая улица, на которую вышел Анатолий, вся в колеях от автомобильных колес. Хорошо видны прихваченные морозцем, отпечатанные в грязи следы танковых гусениц. Дворы сельских жителей — на большом расстоянии друг от друга, все как один с большими огородами. К сожалению, на глаза попадались не только хаты, крытые соломой или черепицей, щемили душу печные трубы, одиноко чернеющие среди пепелищ, стоящие теперь на пустеющих дворах как памятники пострадавшим от войны хозяевам. Война не щадила никого: ни солдат, ни мирных жителей.

Штаб батальона находился на противоположной окраине села, в добротном доме из полубруса. Нерасторопный расшнурованный с изрытым оспой лицом выдал Анатолию зимние

ватные штаны, куртку, подшлемник, теплые кальсоны, портянки и двупалые рукавицы. С полученными вещами он зашел в коммутаторную. Женщин в помещении не было, и Дружинин по совету Лопатина переоделся, наслаждаясь свежестью чистого белья. Греясь у теплой печки, он стал сушить снятые с ног портянки, радуясь теплу жилого дома. Непринужденную беседу с коллегой по службе нарушил зашедший командир взвода.

— Дружинин...

— Товарищ младший лейтенант... — все, что успел проговорить вытянувшийся в струну Анатолий, пытаясь доложить командиру о цели своего визита.

— Я знаю, зачем ты здесь, но не понимаю, почему ты расположился тут, как на пункте обогрева. А ну-ка, шагом марш на свой пост! — приказал офицер, сурово нахмутив брови.

— Есть идти на свой пост, — козырнул в ответ Анатолий и спешно стал собирать вещи. Расстроенный тем, что командир не дал возможности погреться, он вышел из помещения связистов и выдвинулся по направлению к передовой. Утренний туман, окутавший окрестности, нависал над селом. В этой туманной тишине едва слышимый выстрел немецкой гаубицы слился со свистом снаряда, по звуку которого Анатолий понял, что он должен упасть где-то за его спиной. Когда он повернулся назад, содрогнулся разверзнутый взрывом воздух. Вражеский фугас разворотил угол дома, где находилась коммутаторная. Дружинин со всех ног рванул назад. Было ясно, что следующий снаряд может разнести дом в щепки и времени для эвакуации — считанные секунды. В зияющей дыре развороченных брусьев Анатолий увидел своего недавнего собеседника. Связист лежал среди дымящегося строительного мусора и имущества с раздробленными в решето ногами. Легко раненный в руку и оглушенный взрывом снаряда командир взвода тряс головой, стараясь прийти в себя. Отправив Анатолия на пост, лейте-

нант невольно спас его от неминуемой смерти. Оправившись от легкой контузии, офицер стал стряхивать с себя пыль, оглядываясь вокруг.

— Застрелите, братцы! Прошу вас, лучше умереть, чем терпеть такие муки! Прошу вас, не пожалейте патрона — пристрелите! Сил моих нет!.. — надрываясь, кричал раненый, корчась от невыносимых болей.

Дружинин такую просьбу слышал впервые: обычно раненые просили о помощи. К разбитому дому сбегались солдаты и офицеры, чтобы помочь раненым, эвакуировать людей и имущество. Через завалы Анатолий попытался подобраться к страдающему от ран товарищу, чтобы быстрее вытащить его из полуразрушенного помещения.

— Дружинин! Ты почему еще здесь? Я же сказал тебе — бегом на пост! — еще строже, чем в первый раз, крикнул ему младший лейтенант.

— Есть бегом на пост, — отдав честь, ответил Анатолий. Развернувшись кругом, он отправился в сторону передовой, а перед глазами еще стояло искаженное от боли лицо раненого однополчанина. Второго и последующих выстрелов не последовало, возможно, это был шальной снаряд, но только теперь немецкая артиллерия обрабатывала передний край нашей обороны.

Вражеский артобстрел закончился так же внезапно, как и начался. Утренняя дымка постепенно рассеивалась. Воздух прогревался. Анатолий по узким ходам сообщений, разбитых снарядами немецких гаубиц, пробирался к своему посту. Там, где располагались их ровики, траншея дымилась вывороченной землей. Вокруг разбросаны и неуклюже торчат из земли доски и обрывки тлеющего обмундирования. Его напарник Лопатин исчез, не оставив после себя никаких следов. Не улыбнулось ему на этот раз солдатское счастье... В нескольких метрах в стороне валялся разбитый вдребезги телефон, который теперь совсем не интересовал Дружинина — разбит он, или нет его вообще. Сердце болело оттого,

что теперь нет и не будет рядом с ним Стефана Васильевича, заменившего ему на этот короткий период родного отца.

«Да что же это такое?! Какая неведомая сила забирает людей, тех, кто оказывается рядом, тех, кто становится дорог мне, и тех, кто волей судьбы оказывается на том месте, где должен быть я, — уводя от меня смерть?» — осматриваясь вокруг, подумал Анатолий в надежде, что, может, еще увидит друга живым.

С неба посыпался мелкий снег, как будто он старался скорее скрыть то место, где несколько минут назад погиб его старший товарищ и боевой друг. Еще долго тосковал Дружинин, переживая гибель Стефана Васильевича. Нахмурившись, он представлял, как в рыданиях будет страдать его жена, Федора Игнатьевна, и какое горе принесет детям несчастная похоронка на отца, когда она придет в одну из степных станиц Ростовской области. Пребывая в своих переживаниях, Анатолий не заметил, как сержант Мендрик доставил новый телефонный аппарат, и то, как назначил ему другого напарника. Иван Матвеевич Матвеев хоть и был на пять лет младше и строже его прежнего товарища, но это тоже был старый, закаленный в боях солдат, у которого много чему можно было поучиться.

* * *

Враг продолжал артиллерийские и минометные обстрелы наших подразделений каждый день, пока было светло. Стрельба стихала только с наступлением темноты.

В один из таких вечеров Дружинин дежурил на посту, вслушиваясь в ленивый перестук пулеметных очередей. Ночное небо освещал фейерверк ракетниц. Ближе к полуночи перестрелка стала стихать. Наблюдая за умолкающей передовой, Анатолий, подняв голову вверх, взглянул в темное, исколотое звездами небо. Вопреки войне, в высоте мирно повисла луна. В наступившей тишине откуда-то издалека легкий ветерок донес до слуха ржание лошадей. Это как-то

невольно наваяло воспоминания о родине. К лошадям Анатолий относился с опаской, очень осторожно. Зато брат Матвей был неудержим и любил их до безумия. Еще мальчишкой он напросился ездовым к председателю колхоза только для того, чтобы быть ближе к работе, связанной с этими умными животными.

Старший брат Александр был рассудительным, домовитым. Он всегда помогал по хозяйству матери, трудился на плантации, чтобы на зиму заготовить для семьи овощей. А Матвей — нет, тот был другим. Ранней весной тридцать третьего он, захватив кнут, потащил маленького Толю за собой к коровнику. Там, в летнем базу, стояли лошади, пригнанные для нужд армии. В дальнейшем животных должны были отсортировать, выбраковать и признанных пригодными передать армейским представителям. Прибывшие со степи лошади были полудикие и, само собой, не объезжены. Страшно было даже приближаться к этому буйному табуну. Чтобы не рисковать, Толя на всякий случай остановился у соседнего загона и наблюдал за происходящим через пустующий баз. А он, Матвей, с горящими от страсти глазами, бесстрашно залез на деревянную изгородь загона, выбирая из этой необузданной массы самую норовистую. Уравновешенные и покорные его не интересовали. Длинным кнутом он несколько раз перемещал животных по территории база, оценивая каждую особь. Наконец через несколько минут его взор пал на молодого, резвого жеребца темногнедой масти. Конь не стоял на месте; от избытка необузданной энергии он играл мышцами, отчего шерсть его упругого тела шелком лоснилась на солнце. Фыркая, жеребец гарцевал, топтал копытами утрамбованную землю.

— Вот он... красавец! — воскликнул Матвей, соскакивая с жердей на середину загона.

Щелкая кнутом, он смело прошел несколько кругов среди пугливого молодняка. Полудикие животные не подпускали к себе непрошеного гостя. Но брат, расхаживая по загону,

не спеша осматривался, оценивал обстановку. И, когда бдительность животных несколько притупилась, изловчившись, с нескольких прыжков он заскочил на спину гнедого красавца. Заржав, жеребец рванул свечой вверх; он то вставал на дыбы, то лихо закидывал круп, пытаясь скинуть взгроздившегося на него седока. Сжимая руками жерди изгороди, Анатолий стоял затаив дыхание. Но Матвей, вцепившись мертвой хваткой в гриву строптивного коня, продолжал восседать на нем перпендикулярно земле; и как бы жеребец ни старался сбросить его с себя, у него ничего не получалось. Конь неистово носился из стороны в сторону, выписывая всяческие фигуры.

Перепуганные лошади стали метаться по периметру заграждения, пытаясь найти выход. Мечась вдоль изгороди, дикий табун навалился на жидкие ворота загона, и они, не выдержав напора, неожиданно открылись. Тут же вся эта живая масса по загороженному проходу рванула в открытые ворота стоявшего напротив коровника. Взрослая лошадь в низкие ворота помещения проходила свободно. А вот сидящего верхом Матвея заскакивающий в галопе конь мог насмерть разбить о стену саманного здания. Сердце маленького Толи замерло от страха...

«Сейчас брат разобьется!» — подумал он, поднимаясь на цыпочки соседнего база. Но, когда до ворот осталось меньше метра, Матвей так ловко соскочил со спины жеребца, как будто прыгнул с первой ступени невысокой лестницы. Только теперь, увидев брата живым и невредимым, Толя смог спокойно перевести дух. Проворно перескакивая через жерди загонов, Матвей подбежал, взволнованно дыша ему в лицо:

— Вот это здорово! Ай да конь! Ай да красавец! — громко выпалил он, сверкая счастливыми глазами. — Я бы за такого жеребца полжизни отдал, — радовался брат.

Оглянувшись назад, он соскочил с ограждения база, побежал за забытым на жердях кнутом и тут же вернулся об-

ратно. Его глаза сверкали искрами восторга и радости. Вдруг, повернув голову влево, Матвей насторожился.

— Сматываемся, Толя! Завфермой сюда верхом едет. Сейчас нам с тобой попадет, если он нас здесь застукает, — предупредил Матвей, дернув Анатолия за рукав. Спрыгивая с жердей, они побежали прочь за коровник, а оттуда к соседнему телятнику.

— Если Михаил Фёдорович узнал нас издалека и скажет матери, что мы здесь натворили, мать нас точно выпорет, — задыхаясь от бега, опасался Толя.

— Да откуда он узнает? Думаешь, он заметил нас? Фиг там! Если бы заметил, то давно бы шум поднял. А так, видишь, едет себе на своей кляче и дальше своего носа ничего не видит, — успокаивал брата Матвей, выглядывая из-за стены телятника. — Вовремя мы смотались, — улыбался он, лукаво подмигивая.

На следующий день братья вновь решили пойти на ферму. В обеденный перерыв, когда взрослые ушли на обед, они, придя к загону, стали выискивать там пригнанный со степи табун. Но коней уже не было.

— Жаль... — огорчился Матвей. — Я бы этого жеребца объездил. Хороший конь, резвый. Я проворных люблю. Такой сам в галоп идет, его и подгонять не надо. Не то что какая-нибудь захудалая кляча, которую постоянно кнутом лупить надо, чтобы она костью начала шевелить.

Не находя себе занятий, Матвей стал лихо щелкать кнутом, отчего издавался звук, похожий на выстрел.

— Хочешь, я выбью любое стекло, на которое ты мне покажешь? — вдруг заявил он, глядя на оконные рамы коровника. — Вот, смотри! Три ряда стекол в высоту и пять — в длину. Какое звено тебе выбить? — подойдя к коровнику, спросил Матвей, щурясь от солнца.

— Давай самое верхнее, справа, — пожелал Толя, заразившись баловством от брата.

Матвей встал, вымеряя расстояние до окна, и, широко расставив ноги, прицелился. Он хлестанул кнутом, и стекло, на которое указал брат, со звоном разлетелось вдребезги.

— Ух ты! Вот это да! — воскликнул Толя, удивившись: неужели брат действительно так искусно владеет кнутом, или это случайность? Надо проверить!

— Говори, какой следующий глазок разбить, — раззадорился Матвей, хлеща кнутом.

— Давай второй сверху, третий справа.

— Средний?

— Да! Средний. Сможешь?!

— Средний так средний! Смотри! — и Матвей вновь хлестнул кончиком кнута прямо в цель. Азарт баловства охватил их не на шутку. В пылу хулиганства они несколько оконных рам перебили начисто. Опомнились шалуны только тогда, когда Анатолий увидел верхового, который направлялся в сторону фермы. И вновь братья пустились наутек, как всегда, в сторону телятника.

С Матвеем они часто шалили. Иногда к их баловству подключался и старший брат Александр. Как правило, инициатором озорства был Матвей. А если их шкоду обнаруживала мать — это непременно грозило наказанием.

Чаще всего свидетелями шалостей пацанов оказывались сестренки, в этом случае за хулиганство попадало Анатолию. Но братьев он не выдавал. Так закалялась и крепла их братская дружба. Сестренки в свои мальчишеские дела они старались не посвящать. «Это сексотки», — говорил про них Матвей. Хотя девчат братья не обижали, ведь они одна семья и тем более девчонки были младше. А младших обижать нехорошо! Этому их учили с малства.

Воспоминания Анатолия нарушил хлесткий выстрел, который неожиданно вспорол тишину передовой. Грянул он совсем рядом, справа по окопу, приблизительно в ста метрах от него. Сначала Дружинин насторожился, но вскоре успокоился: за выстрелом ни стрельбы, ни суеты не последовало.

довало. Через несколько минут с той стороны, откуда стреляли, по траншее к Анатолию подошел солдат. Его левая рука была в крови; прижимая ее к груди, он морщил лицо.

— Меня ранило, — с сильным кавказским акцентом обратился к Анатолию боец.

Дружинин сразу понял, как его могло ранить. Он прекрасно знал, откуда прилетела пуля, но упрекать солдата и поднимать шум по этому поводу не стал. Молча перевязав раненого, Дружинин отправил его в медсанбат.

Следующей ночью десять человек вновь призванных из соседней части бойцов добровольно перешли на сторону врага прямо с передовой, оставив в окопах оружие. После таких событий свою работу в подразделениях усиленно стали проводить политработники. Перешедших на сторону немцев людей, конечно, никто больше не встречал, а вот бойца, который прострелил себе руку, без труда разоблачили. Судом трибунала он на три месяца был отправлен в штрафную роту, о чем по всем подразделениям сообщали комсомольские и партийные активисты.

* * *

Вторую декаду декабря противник, пытаясь провести разведку боем, протупывал рубежи нашей обороны. Он периодически отправлял из района Раковичей небольшие группы автоматчиков, иногда подразделения до роты солдат, которые, как правило, поддерживала бронетехника. Укрепляя свои позиции, фашисты проводили и авиаразведку самолетами «Фокке-Вульф 189». За свой необычный вид этот двухфюзеляжный самолет наши солдаты прозвали «рама».

— Запомни, Толя! Где эта зараза появляется, там жди или немецких бомбардировщиков, или арналет, — пояснял Дружинину Артюшин. Анатолий, задрав голову, рассматривал летевший высоко в небе двухмоторный вражеский самолет-разведчик.

— Вот бы наши истребители его сбили, — вслух высказался Анатолий, желая наказать нахального врага.

— Ага! Сейчас ты его собьешь. Не тут-то было. Это он с виду такой неказистый, но мало того что эта сволочь хорошо летает, она еще и пулеметами огрызается. Просто так к нему не подступишься. Даже если его и подбивают наши истребители, он чаще всего умудряется до своих дотянуть — живучий, гад, — высказался о достоинствах немецкого летательного аппарата Иван Степанович, не скрывая при этом ненависть к вражескому самолету.

Справедливости ради надо отметить, что желание Дружинина в этот день частично исполнилось. Во второй половине дня над нашими позициями завязался воздушный бой. В небе стоял страшный рев авиационных моторов. Задрав головы, пехотинцы наблюдали за замысловатыми выражами вертких истребителей. Безграничное пространство неба рассекали трассирующие очереди авиационных пушек и пулеметов. Сбитые самолеты, охваченные пламенем и густым черным дымом, падали, как подстреленные птицы. До боли в затылке Анатолий следил за тем, как один из наших летчиков, застигнув немецкого аса в вертикальном пике, огненной очередью вспорол его топливные баки. «Мессершмитт» как будто завис в воздухе и в тот же миг вспыхнул, словно большой сверкающий факел. Объятый пламенем вражеский истребитель камнем рухнул на нейтральную полосу обороны. Пехотинцы в окопах ликовали. Радовался и Анатолий. Пусть под огонь нашего пилота и не попала ненавистная «рама», но свалившийся на землю немецкий самолет придал ему немного хорошего настроения.

— Так тебе... чтобы ты знал, что наши летчики тоже воевать умеют, — приговаривал Дружинин, сопровождая взглядом пылающий «мессершмитт».

— Вы знаете, Иван Степанович, что-то я со вчерашнего вечера чешусь, как паршивая овца, — пожаловался Артюши-

ну Анатолий после того, как вдоволь насмотрелся на обгорающий фюзеляж немецкого истребителя. — Помыться не мешало бы. Вот только где и как?..

— Чешешься? — спросил Артюшин, искоса поглядывая на него. — Поздравляю! Это, брат, вши у тебя, — пояснил он совершенно спокойно.

— Вши?! — удивился Дружинин, отпрянув назад. — Да что вы, Иван Степанович, такое говорите?!

— Что есть, то и говорю! Обыкновенные солдатские вши. Которые периодически теперь будут при тебе, пока будешь в окопах. Их нет только у тыловиков да у офицеров, кроме Ваньки-взводного конечно. Командиры взводов — они ведь тоже с нами в окопах, потому успешно эту живность своей кровью вместе с солдатами и кормят.

— Это что, теперь мне, как блохастой собаке, постоянно ходить и чесаться? — возмутился Анатолий.

— Ну а ты как хотел?! Вместе со всеми чесаться и будешь! Со временем, конечно, приспособишься и от этих паразитов избавляться. Когда бельишко с себя снимешь да отрясешь, а когда на мороз его выложишь, чтобы эти гады померзли, да потом палкой их, замерзших, со своих кальсон выбьешь. А вот когда во второй эшелон обороны перейдем, тогда помыться посчастливится и дезинфекционную обработку пройти от этой сволочи. В таких случаях командиры дадут нам возможность наши вшивые кальсоны на чистое белье поменять. Вот тут уже и полегче будет. А летом — там еще проще, лето есть лето. Вот как-то так и будем жить, Толя. На войне главное — в живых остаться, а вши — это так, мелкие временные неприятности, — утешал его как мог старый солдат. — Не переживай! Эти гады теперь не только у нашего брата. Они даже у нынешнего фрица есть. Сейчас немец — он не тот, что в сорок первом был. А вошь, она, брат, что заемный грош, — спать не дает! А значит, не только нам, но и врагу нашему, — смеялся Артюшин.

Утром следующего дня отделение Ивана Степановича отправили на правый фланг нашей обороны. Там его подразделение накрыло вражеским артналетом. Бил фашист по нашим траншеям долго и упорно, несколько часов кряду приходилось вжиматься в стенки окопа. Когда вражеский обстрел окончательно прекратился и все понемногу оправились, Дружинин решил написать пару строк домой. Он опустился на дно траншеи, подточил карандаш и принялся за письмо: *«Здравствуйте, дорогие мои родные: мама, сестренки Надя и Валя. С первых строк своего письма спешу сообщить, что я жив и здоров, чего и вам желаю...»*

Анатолий размашисто выводил слова карандашом на листке. Изредка поправляя буквы, он исписал уже добрую половину тетрадного листа, когда почувствовал, что рядом кто-то стоит. Подняв голову, Анатолий увидел перед собой сержанта Мендрика.

— Артюшин при артобстреле погиб, — сказал как отрезал сержант.

Дружинина от его слов как током прошибло. Не хотелось Анатолию верить в эту беспощадную и злую правду, ведь его глаза произошедшего не видели. Но только он понимал, что теперь рядом никогда не будет и Ивана Степановича. Из его жизни уходили те, кто был только что призван на фронт, и те, кто, имея богатый боевой опыт, обучал его всем тонкостям фронтовой науки. Война методично забирала куда-то далеко его боевых друзей, и он, стискивая зубы, понимал, что из той дали они уже никогда не вернуться.

Дальнейший разговор с Мендриком казался ему пустым, и, как только тот удалился, Анатолий попытался дописать начатое письмо, но теперь он путался в мыслях, и строчки еще долго не ложились на листок. Слова с трудом складывались в предложения, и лишь ближе к вечеру карандаш побуждал по бумаге, коротко сообщая о его самочувствии и делах на фронте. Начинало уже темнеть, когда Анатолий заканчивал свое послание родным, выводя последние предложения:

«Передавайте от меня привет всем родным и знакомым. С нетерпением жду вашего ответа. Крепко обнимаю и целую вас. До свидания. Ваш сын и брат Анатолий. 14.12.1943».

Дружинин закончил письмо, поставив точку.

«Ну вот и все, письмо готово, — подумал он, складывая листок в аккуратный треугольник. — Завтра надо не забыть отдать его почтальону».

Трудно жить в неведении, ничего не зная о тех, кто каждый день стоит пред лицом смерти. Тяжкое бремя — ждать почтальона и не получать известий, это Анатолий хорошо знал еще с того самого дня в начале войны, когда прервалась связь со старшим братом Матвеем. Понимая, как переживают за него мать и сестренки, ответы на их письма он отправлял сразу, как только представлялась возможность.

Дневные обстрелы и попытки врага прорвать нашу оборону сменялись холодными ночами, проводить которые приходилось в сырых и неуютных окопах. Кроме холода, от скудного питания донимало постоянное чувство голода. Мясного супа или жидкой солдатской каши, которыми кормили людей в основном в темное время суток, для молодого организма было недостаточно. Весь световой день приходилось обходиться без пищи. Анатолию, как и остальным молодым бойцам, постоянно хотелось есть.

Несколькими днями ранее произошло еще одно событие, которое не только Дружинину, но и многим его однополчанам не давало покоя. Испуганная артиллерийским налетом, сорвалась с привязи и выскочила на поле боя ездая лошадь. Угодив под перекрестный огонь, несчастное животное тут же погибло, оставаясь безжизненным трупом на нейтральной полосе между нашими и немецкими окопами. В первый же день ее гибели красноармейцы с передовой линии нашей обороны стали свершать ночные вылазки к трупу животного. Немцы сразу обратили на это внимание. Регулярно освещая это место ракетницами, они обстреливали его из пулеметов, отбивая страсть и желание у любителей

отведать свежего конского мяса. Со временем таковых стало меньше, и внимание к этому месту у противника заметно снизилось. Но Дружинину, как и многим другим бойцам, эта туша продолжала щекотать нервы. Очень хотелось есть — а мясо вот оно, рядом. Долгое время он не осмеливался на риск, но после долгих раздумий наконец-то решился. В этот вечер напарником у него был Рыков, человек степенный, ему около сорока лет. Выслушав Анатолия, Григорий Филиппович отнесся к его предложению без особого энтузиазма.

— Зачем, Толя, ради куска мяса жизнью своей рисковать? — изрек спокойно Рыков, глядя на озабоченного Дружинина. — Понятно, что поесть хочется, но ведь мы с тобой с голоду пока не умираем. А вот от вражеской пули возле этой лошади можно и погибнуть, — рассуждал старый солдат, поправляя лопаткой ровик.

— Да я вам, Григорий Филиппович, идти туда и не предлагаю. Я сам к трупку этой лошади поползу и отрежу нужный кусок мяса. Вы, главное, костер в ровике разожгите и согрейте воду в котелке до моего прихода. Ну чтобы времени не терять и мясо сразу в кипящую воду бросить, — не унимался Анатолий, предвкушая предстоящий ужин из заветной конины.

— А, это!.. Это я тебе с удовольствием организую, — растягивая слова, заверил его Рыков. — Благо вон дров сколько, — указывал он саперной лопаткой в сторону поломанных взрывами досок из траншеи. — Коль скоро ты ползти за мясом собрался, нож свой хорошенько наточи. А то, ежели он у тебя тупой будет, ты им до самого утра пилить замерзшую плоть будешь. Ведь тебе не только мясо, а еще и шкуру отрезать придется. А шкуру резать тупым ножом, я тебе скажу, не так-то просто. Не будешь же ты свой тупой как валенок нож точить у трупа убитой лошади, да еще под носом у фрицев?! Так что к ентому делу ты должен быть готов основательно, — давал наставления Рыков своему молодому напарнику.

— За нож, Григорий Филиппович, не переживайте, он у меня острый! Им хоть сейчас бриться можно, — заверил Анатолий, поглядывая в сторону немецкой линии обороны. То и дело подпрыгивая на дне окопа, он проверял свое скудное снаряжение, чтобы ничего не гремело при передвижении.

— Ну, я пошел, — подбадривая себя, произнес Дружинин. Проверив лямки вещмешка, он двинулся вперед по ходу сообщений и вышел к переднему краю линии обороны.

Предупрежденные о его боевой операции караульные пожелали ему удачи и снисходительно помогли выбраться из траншеи. Ловко перелезая через бруствер, он ползком выдвинулся в сторону вражеских позиций. Передвигаясь по замерзшей, покрытой тонким слоем снега земле, Анатолий опасался осветительных ракет, что периодически запускались с немецкой стороны. Но больше всего он боялся попасть в руки вражеским разведчикам, которые могли караулить любителей полакомиться кониной прямо у трупа лошади. Им даже не надо было штурмовать нашу линию обороны, чтобы взять «языка». Такие гурманы, как он, к ним в руки приползали сами.

Сердце колотилось как сумасшедшее. «Да! Легко было рассуждать там, в траншее, о такой вылазке. А здесь... я теперь один на один с собственной судьбой остался, — корил себя Анатолий за рискованную затею. — Ну и кто теперь виноват? Я ведь сам пошел на этот шаг. Хотя... выбор у меня есть. Можно, пока не поздно, вернуться назад. Но есть одна загвоздка: стыдно будет завтра перед друзьями. На смех поднимут, — рассуждал Анатолий. — Теперь остается двигаться только вперед», — вздохнул он и, извиваясь змейкой, пополз дальше по холодной земле.

Его тело то замирало при взлете осветительных ракет, то двигалось вновь к заветной цели, когда наступала мгла. Ну вот и то место, куда он несколько дней подряд хотел непре-

менно попасть. Перед его глазами — заочневший и изрезанный с разных сторон труп отощавшей лошади. Он, внимательно прислушиваясь, осмотрелся вокруг. Убедившись, что рядом никого нет, подполз ближе. Заметно, что здесь побывало немало его однополчан, которые срезали с трупа куски мяса, причем вместе со шкурой. И теперь стоило потрудиться, чтобы выбрать ту часть туши, откуда можно было вырезать приличный кусок.

«Плохо за тобой ухаживали, — подумал Анатолий, глядя на истощенный труп животного. — Кожа да кости. И вырезать-то нечего. Нерадивый, видимо, был у тебя ездовой: скудно тебя кормил».

Наконец, через несколько минут тщательного осмотра обнаружилась та часть, откуда можно было еще срезать достаточно большой кусок мышцы. Поворачивая в руке специально заточенный для этого дела нож, Дружинин стал резать им оочневшее на морозе мясо. Шкура резалась с трудом, как и сама замерзшая плоть. «Прав был Григорий Филиппович, тупым ножом я бы не справился», — размышлял Анатолий, напрягая все тело. Ему и с острым ножом пришлось прилично попотеть, пока он отрезал вместе со шкурой кусок весом килограмма на полтора. Мясо он завернул в чистый кусок ткани и положил в вещмешок, который, закинув за плечи, закрепил, чтобы не мешал передвигаться. До передовой Дружинин добрался сравнительно быстро. И, когда спрыгнул в свои траншеи, от сердца отлегло: «Все, наконец-то я на месте!»

Вода в котелке уже кипела. С гордостью Анатолий подошел к своему ровику, небрежно скидывая вещмешок.

— Ну, вытаскивай, показывай, что ты там раздобыл, — обрадовавшись возвращению своего молодого напарника, произнес Рыков и протянул руку.

— Вместе со шкурой пришлось отрезать, там времени не было отделять его.

— Оно понятно, что ты не в разделочный цех мяскоком-

бината ходил, — улыбался Рыков, глядя на счастливое лицо Анатолия. — Сейчас мы глянем, что тут притащил.

Сидя у горевшего на дне ровика небольшого костра, он стал тщательно разглядывать кусок мяса, принесенный Дружининым.

— Должен тебя огорчить! Вряд ли ты будешь это есть... — выразил свое мнение Рыков, пренебрежительно обнюхивая кусок конины и брезгливо перекладывая его из одной руки в другую.

— Почему вы так решили? — удивился Анатолий, подойдя ближе. — Невкусное будет, потому что лошадь тощая? — спросил огорченно он.

— И это, конечно, тоже. Во-первых, как я понял, это уже немолодой мерин, и срезал ты этот кусок с его вечно потного при жизни живота. Такое мясо само по себе будет иметь неприятный запах. Что поделать — это рабочая лошадь.

— Как это ты, Григорий Филиппович, по такому куску мяса смог определить, что оно с живота срезано, а не с другой части тела, да еще и установить, что это именно мерин, а не кобыла жеребая? — удивленно возмутился Анатолий. Уж очень хотелось ему верить в то, что его напарник потропился с выводами и мясо, принесенное им, вполне пригодно для употребления в пищу.

— Э-э-э... сынок. Поживешь с мое да перережешь столько скотины, сколько мне пришлось, тоже научишься определять. Опыт — он с годами приходит, — вздохнул тяжело Рыков и подошел ближе к Анатолию. — Во-вторых, что я хочу тебе сказать: уж слишком долго этот мерин там валялся. Сколько?.. Больше десяти дней прошло, как его, бедолагу, ухлопали. А температура до сегодняшнего дня была плюсовая — вот оно, мясо твое, и подпортилось. На-ка вот, понюхай, чем оно пахнет, — предложил Рыков и протянул кусок Анатолию.

— Что-то там, у трупа, я этот запах не чувствовал, — с сожалением вздохнул Анатолий. — Может, пока будет ва-

риться, вся эта вонь выйдет из него? — продолжал надеяться Дружинин, что не зря рисковал жизнью.

— Нет, Толя... Поверь моему богатому жизненному опыту: запах не исчезнет, а только обострится, — заверил его Рыков. Он вытащил из кармана нож и стал отделять кожу от мышцы.

— Чтобы ты не сомневался, я отрежу небольшой кусок и брошу его вариться в кипящую воду. А через несколько минут ты сам поймешь, что я был прав, — сказал Григорий Филиппович и, отрезав небольшой кусок, бросил его в котелок.

Анатолий сидел на корточках в траншее и с нетерпением ждал, когда вновь закипит вода, чтобы проверить, прав ли был его напарник. Дымя самокруткой, он тешил себя мыслью, что в этот раз Григорий Филиппович наверняка ошибся, что пройдет всего несколько минут и они вместе будут наслаждаться вкусом добытой им конины. Время томительно тянулось, прежде чем Рыков вновь приблизился к котелку.

— Фу!.. Ну вот! Можешь сам теперь убедиться в том, что я тебе говорил, — произнес недовольно Рыков, подзывая Анатолия к ровику, где варился в котелке принесенный им кусок конины. Дружинин неуверенно подошел к огню и, когда почувствовал отвратительный запах, сильно расстроился. Напрасны были его старания. Такой продукт невозможно было употреблять в пищу. Вроде бы мясо и не было протухшим, но запах был скверный.

— Ничего, Толя, не расстраивайся. Живы будем — еще покушаем мы с тобой хороших щей со свежим мясом, — успокаивал его старый солдат, — главное, что твой поход обошелся без приключений. Плохо было бы, если из-за этого куска гнилой конины ты бы в руки немцам попал! Вот тогда была бы беда. А так... ну подумаешь, несъедобное... да и черт с ним. Главное, мы живы. Давай-ка мы с тобой, дружище, лучше сальца хорошего отведаем. У меня тут в знач-

ке малость осталось. Вот сейчас с тобой вымоем руки и перекусим, — весело добавил он и стал поливать Анатолию на руки теплую воду из котелка. Жалко стало ему наивного мальчишку, который, рискуя жизнью, пытался добыть мясо, чтобы утолить постоянное чувство голода. А оно, как назло, оказалось непригодным.

— Ну что, заморил червячка? — смеясь, спросил Рыков, когда Дружинин, едва прожевывая, съел его угощение.

— Да! Спасибо, Григорий Филиппович, заморил трошки, — уже веселей ответил Анатолий, довольный тем, что старший товарищ пожалел его, поделившись своими запасами.

— Раз так, ступай отдыхать в блиндаж. Поспи малость. Утром тебе на пост, — заботливо распорядился Рыков, отправляя Дружинина на отдых.

— Хорошо, Григорий Филиппович, пойду покомарю немного, — согласился Анатолий, отправляясь спать.

Услышав шорох отодвигаемого полога, дневальный, дежуривший у буржуйки, лениво приоткрыл тяжелое веко, но, завидев в дверном проеме Дружинина, снова опустил голову. В полутемном помещении блиндажа стоял запах непросохших шинелей и прогорающих дров. Тонкий луч света из узкой щели приоткрытой дверцы печи едва освещал бревенчатые стены и лежащих на полу людей. Расположившись на земляных уступах, застеленных ельником, спали однополчане. Кто-то громко посапывал, кто-то кашлял, а кто-то бормотал во сне и, ежась от холода, поджимал под себя ноги. Аккуратно передвигаясь по проходу, Анатолий нашел себе место. Стараясь не разбудить спящих товарищей, он снял шинель, присел на уступ и стал аккуратно расшнуровать ботинки. Обмотав ноги высушенными на себе портянками, он вновь обулся. Процедура не из легких: пришлось вновь задирать вверх гимнастерку, нательную рубаху и промокшими портянками, что были на ногах, обмотать живот и нижнюю часть груди. Сырая, холодная ткань неприятно липла

к телу. Но с этим приходилось мириться, другим способом портянки не просушить. Еще по дороге в Харьков он выменял себе запасные портянки на табак, и здесь, на передке, они ему по-настоящему пригодились. «Ну все, порядок, — решил для себя Анатолий, — ноги в сухом, теперь можно и поспать». Снятый с плеч вещмешок он переместил к бревенчатой стене и, радостно вытянувшись во весь рост, уложил голову на ладони. От лежащего на полу ельника приятно пахло хвоей. Теплый воздух обжитого блиндажа радовал душу. Только теперь Анатолий по-настоящему почувствовал усталость от прошедшего боевого дня. Немного поворочавшись, поправляя шапку и натягивая на лицо ворот шинели, Дружинин, перемещая под головой вещмешок, быстро уснул.

Еще несколько раз в декабре немецкие войска пытались прорваться к Киеву, но попытки врага пробить нашу прочную оборону были безуспешны. Окончательно измотав и обескровив ударную группировку противника, а также накопив на захваченном плацдарме достаточно людских ресурсов и техники, войска Первого Украинского фронта были готовы к наступлению. К утру двадцатого декабря Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия сосредоточилась в районе перекрестка старых троп между урочищем Дошатое и болотом северо-западнее населенного пункта Раковичи.

На двадцать четвертое декабря была намечена Житомирско-Бердичевская наступательная операция. О предстоящем наступлении личному составу объявили только утром. Хотя подготовку к бою было видно и без объявления, невооруженным глазом. Все командиры находились на своих местах, боеприпасы — в полном комплекте в траншеях и возле орудий. Дружинин, вспоминая мудрые советы погибших друзей, Артюшина и Лопатина, во избежание тяжелых последствий в случае ранения, от завтрака перед атакой отказался. Не мог он и не вспомнить свой первый в жизни

бой, отчего заметно нервничал. Чувствуя душевное беспокойство, Анатолий заметил за собой, что по несколько раз беспричинно проверял то телефон, то катушку.

В восемь часов загрохотала наша артиллерия. Не умолкая ни на минуту, она целый час громила фашистские траншеи так, что дымом и копотью заволокло все небо. Анатолию показалось, что от немецких позиций не осталось и следа. И когда по извилистому ряду нашей обороны командиры прокричали «В атаку! Вперед!», на врага всей своей массой выдвинулась наша пехота и танки. Страх куда-то исчез, и мышцы сами сокращались, заставляя тело двигаться в нужном направлении.

Только Дружинин стал перепрыгивать траншеи боевого охранения, как треснувший звон резко оглушил его. Яркая вспышка ослепила глаза, земля вдруг под ногами резко качнулась, и какая-то невыносимая сила резко подбросила его вверх. Казалось, что с высоты птичьего полета Анатолий видел, как по полю катятся наши танки, а за ними, стреляя на ходу, бегут на вражеские позиции его боевые товарищи. Ключьями раскидывают землю снаряды, со свистом сыплются сверху мины, а косые пулеметные очереди выбивают из строя бегущих в атаку красноармейцев. Рядом с убитыми с криками о помощи падают раненые. Но наступающая волна катилась вперед, и ее уже невозможно было остановить. Через миг его сильно ударило спиной о дно траншеи, сверху посыпалась земля; удаляясь куда-то далеко, звуки боя медленно стихли, стало холодно, темно и тихо...

Не мог видеть Анатолий, как выбитые по всему фронту со своих оборонительных рубежей фашистские полчища, оставляя свои позиции, отступали. Теснимые нашими наступающими частями вражеские войска, прикрываясь своими арьергардами, медленно отходили в западном и юго-западном направлениях. Противник, оказывая упорное огневое сопротивление в населенных пунктах и на промежуточных рубежах, огрызаясь, пятился назад.

ИЗ ПЕХОТЫ В АРТИЛЛЕРИЮ

Очнувшись, Дружинин открыл глаза. Скорее всего, его разбудило ощущение затекших конечностей. На дне траншеи виднелся тонкий луч дневного света.

Анатолий лежал, присыпанный досками и песком. Во рту пересохло, очень хотелось пить. В голове все кружилось, шумело, мелькали недавно минувшие события, и он, прилагая все усилия, старался собрать свои мысли, чтобы облачить их в некоторую логическую форму: артобстрел, начало атаки, вспышка — дальше ничего, темнота. «Наверно, ранило?» — пытался сосредоточиться Анатолий, выбираясь из траншеи.

Нервно стал ощупывать себя. «Вроде все на месте. Руки, ноги без повреждений. Голова если гудит — значит, тоже целая», — на всякий случай ощупал и голову. С трудом понимая, что с ним произошло, Анатолий потихоньку начал выкарабкиваться из-под завала.

Выбравшись, стал осматривать позиции, где недавно его полк занимал оборону. Удручающая картина предстала пред его взором. Перепаханные снарядами траншеи с трудом узнавались. Перед глазами возник искореженный пулемет «максим»; торчащее из-под завала оружие зияло разорванным ребристым кожухом ствола. Разбросанные взрывами обломки карабинов, разорванные солдатские вещмешки, пустые гильзы, детали орудий. Перебитые стволы деревьев со свалившимися на землю верхушками, вывороченные с корнями сосны были припорошены утрен-

ним инеем; крона одной из них свисала над извилистой линией траншеи.

«Что же произошло после начала атаки? Успешна она была или нам пришлось отступить?..» Прислушался. Теперь сквозь шум в голове стал отчетливо слышать справа от себя, где-то очень далеко артиллерийскую канонаду. «А может, я попал в окружение? Так чего тяну время? Немедленно надо искать оружие!» — в испуге подумал Анатолий, бросаясь в траншею за своим карабином.

Страх плена встряхнул сознание. Разгребая песок, он надел свою шапку, а потом и оружие. Шапкой смахнул с карабина песок, проверил казенник — все в порядке; как попало надел головной убор. «Но если придется встретиться с врагом лицом к лицу — патронов мало. Надо найти еще». Теперь он переместился к траншеям, где была основная линия нашей обороны. В спешке стал метаться, пытаясь взглядом зацепиться за оружие и боеприпасы, которые были разбросаны повсюду. Через полчаса возле командирского блиндажа он разложил четыре винтовки и ракетницу с патронами, готовый твердо и решительно держать оборону своего огневого рубежа.

Не давала покоя жажда, очень хотелось пить. Но где взять воды? Сосны, покрытые инеем, давали единственную надежду: если растопить тонкие кристаллики льда, то можно напиться. Подойдя к дереву, Анатолий дрожащими руками смел в ладонь холодный иней и сразу положил его в рот. От холода и горечи свело челюсть, и он тут же все выплюнул. Образовавшийся на иглистых листьях утренний иней пропитался смолянистыми хвойными экстрактами — казалось, этой горечью невозможно утолить жажду. «Надо растопить его на огне. Возможно, вода не будет такой горькой, как иней», — рассуждал Дружинин, хватаясь за котелок.

Для разведения костра он стал искать по карманам спички — увы, карманы пусты. Напрягая мысли, вспомнил про ракетницу. Подойдя к сосне, стал сламывать со ствола

мелкие сухие ветки с хвоей для розжига. С большой охапкой хвороста он вернулся к блиндажу, зарядил сигнальный пистолет и выстрелил вверх. Ракета улетела, сгорев дотла высоко в воздухе. Второй выстрел произвел над землей — бесполезно: извиваясь по непредсказуемой траектории, ракета улетала вдаль.

Шум в голове по-прежнему не давал возможности сосредоточиться. Анатолий вновь спустился в траншею, безнадежно стал оглядываться вокруг. И вдруг его взгляд зацепился за блестящие в бруствере окопа разноцветные песчаные жилы; переплетаясь между собой, они как будто сплывались от высокой температуры. Он быстро вернулся назад, дрожащими руками приготовил самокрутку, еще раз проверил приготовленные для костра ветки и выстрелил в бруствер окопа. Застряв в песке, ракета продолжала гореть. От радости долгожданный огонь он был готов схватить голыми руками. Костер разожжен, самокрутка дымится — уже веселее. Теперь, жадно затянувшись, он присел на пустой снарядный ящик, чтобы перевести дух. На сердце потеплело. Отдохнув несколько минут, Дружинин поднялся, достал свой котелок и принялся собирать в него иней, плотно утрамбовывая его в металлической посуде. Набив котелок доверху холодными колючими кристаллами, он повесил его над огнем.

Вода в котелке была еще пополам с кристалликами льда, когда, сгорая от жажды, Анатолий, обжигая губы о горячие края посуды, попытался напиться. С жадностью он отхлебнул первый глоток и тут же выплюнул его на землю. Вода по-прежнему была невыносимо горькой. В итоге с этим пришлось смириться: хоть какая, но это вода. Еще пару часов он безнадежно томился в траншеях, пытаясь принять единственно правильное решение.

Захотелось есть. Прямо в горькую воду Дружинин кинул две горсти ячневой крупы из выданного перед наступлением сухого пайка и немного соли. Но сваренная на такой воде каша также горчила и была невкусной. Нехотя Анатолий

съел половину из того, что приготовил, сидя на ящике с котелком, который небрежно держал между широко расставленных ног.

Только теперь он заметил, что начинало темнеть. Тягучее, безнадежное уныние овладевало им, сбивая и без того разрозненные мысли. От гнетущего состояния обреченности и одиночества становилось не по себе. «Что дальше? Куда идти и как правильно сориентироваться, чтобы выйти к своим?.. — роились в голове вопросы, на которые он, как ни старался, не мог найти ответы. — Придется остаться на ночь здесь. Переночую в блиндаже, а завтра с раннего утра выдвинусь в ту сторону, откуда доносятся звуки канонады», — наконец решил Анатолий, пожившись от надвигающегося холода.

Стемнело. Выйдя из траншеи, он стал ломать для костра сухие ветки, которые натаскал сюда заранее. Когда Анатолий вновь присел на ящик перед тем, как закурить очередную сигарку, с противоположной стороны, откуда периодически доносился далекий гул канонады, послышались посторонние звуки. Насторожился. Быстро перекинул на другую сторону траншеи оружие, внимательно прислушиваясь и до боли в глазах всматриваясь вдаль. Вскоре все четче стали доноситься подступающие звуки и непонятные голоса людей. «Кто это? Наши? Немцы? Если немцы, то сколько их? Может, это разведка, а за ними целая колонна идет? Нет! Живым я не сдамся! Буду отстреливаться до последнего патрона — последний себе. Главное, раненым к ним в плен не попасть», — размышлял Анатолий, еле дыша, чтобы лучше слышать приближающиеся голоса.

Все яснее он стал различать по звукам, что едет конная повозка, которую, фыркая, тянет пара лошадей. Слышны голоса двух разговаривающих между собой мужчин, но чья это речь, непонятно — русская или немецкая? Сердце колотилось как сумасшедшее, кровь как будто закипела в жилах,

отчего стало жарко и на лбу проступили крупные капельки пота. Но вот они, первые отчетливо услышанные русские слова, которые невозможно спутать ни с какими другими языками мира.

— Наши! — радостно, чуть не во весь голос воскликнул Дружинин. Ловко выбравшись из траншеи, он направился к повозке, готовый броситься в объятья к этим незнакомым людям.

Во второй день нашего наступления командира Семьсот девятнадцатого артиллерийского полка разрывной пулей ранило в ногу. Прямо из медсанбата адъютант с ездовым повезли своего командира в госпиталь на подводе. Возвращаться обратно в полк младший лейтенант Привалов решил по старой, заброшенной дороге. «Так наш путь намного короче будет», — решил он, изучая маршрут по карте; определив направление, Привалов с ездовым Ефимом Трощенко тронулись в обратный путь. Заброшенная дорога проходила как раз мимо прежних позиций дивизии, где в одиночестве после контузии и оказался Анатолий. Не прими младший лейтенант такого решения, неизвестно, как бы в дальнейшем сложилась судьба Дружинина.

— Стой! Кто идет? — услышал окрик Анатолий, когда стал приближаться к повозке.

— Свой я, товарищи! Свой я!.. — поспешил сообщить Дружинин, подходя ближе.

— Ты кто, боец? Из какого подразделения? — требовал ответа младший лейтенант, держа на всякий случай руку у кобуры.

Свой карабин из повозки вытащил и Трощенко. В густеющих сумерках Привалов настойчиво пытался разглядеть незнакомого красноармейца. Но лицо Дружинина было до неузнаваемости покрыто копотью. Таким его в темноте вряд ли мог узнать даже знакомый.

— Я рядовой... стрелковой дивизии... — докладывал офицеру Дружинин, отдавая честь дрожащей рукой.

— Связист? — переспросил офицер, глядя на чумазого бойца.

— Так точно, товарищ младший лейтенант. Связист! — ответил Анатолий, надеясь, что офицер его здесь не бросит.

Подсвечивая фонариком, Привалов проверил документы и терпеливо выслушал рассказ Дружинина о том, что с ним произошло. Убедившись в том, что это отставший от своей части боец их же дивизии, а не диверсант или дезертир, офицер наконец расслабился, присел на повозку и закурил.

Привалов — блондин с большими серыми глазами и резкими чертами лица, ему двадцать два года. Он довольно строен, высок и, что для Анатолия было немаловажно, приветлив и дружелюбен. Родом младший лейтенант был из Крыма. Посмотрев в глаза незнакомому офицеру, Анатолий увидел в нем простого и надежного человека.

— А вода у вас есть? — спросил Дружинин, облизывая сухие губы.

— Конечно есть. Что, пить хочешь? — спросил Трошенко, доставая из-под полога повозки бачок с водой.

— Да. Очень пить хочется. Пытался иней с сосен растопить — так вода из него горькая, пить почти невозможно, — поделился Анатолий.

— Это не ты первый, кто инеем или снегом с хвоя жажду утолить пытался, — смеясь, заметил Привалов. — А ты, Анатолий, знаешь, какое сегодня число? — спросил он Дружинина, глядя, как тот жадно пьет воду.

— Так двадцать четвертое декабря сегодня было, когда мы утром в наступление пошли, — ответил Анатолий и, заметив, как Привалов с Трошенко переглянулись, с недоумением спросил: — А что? Разве не так?

Бойцы засмеялись.

— Да-а-а! — протянул младший лейтенант. — Сегодня, Анатолий, двадцать восьмое декабря, а не двадцать четвертое, — уточнил Привалов, улыбаясь. — Это ты четверо суток

после контузии без сознания в окопах провалился — и живой?! — удивился офицер. — Ну и дела!.. — покачал он головой. — Умыться тебе надо, Анатолий. А то если тебя ночью кто со слабыми нервами увидит — умрет от страха! Ефим, полей ему воды на руки, пусть человек умоется, — непридуманно попросил офицер, застегивая кобуру.

— Повезло тебе, что морозы нынче не такие, как в сорок первом или сорок втором. Так и замерз бы в траншее, не приходя в сознание, — подметил Трощенко, поливая ему на руки воду. — Значит, долго еще жить будешь, — добавил он, причмокнув.

— Это точно, жить будет долго, — повернувшись к Дружинину, повторил слова Ефима Привалов. — Вот что я тебе скажу, Анатолий! Чтобы тебя кто-то из твоей же части подобрал, ты не дождешься. Дивизия наша далеко вперед ушла. Само собой, тебе теперь с нами идти: она-то у нас с тобой одна. Бывает, наш штаб рядом с вашим располагается, в одном боевом порядке, а бывает, и далеко мы друг от друга. Но в любом случае тебе повезло, долго разыскивать свой полк не придется. Мы тебе в этом поможем. Только вот мой тебе не командирский, а дружеский совет. В наш артиллерийский полк, как правило, поступает пополнение артиллерийской специальности. А связистов, да если они еще и толковые, дивизионное начальство при распределении в ротную связь дивизии отправляет или в пехотные полки. А мы, как никто другой, в таких специалистах нуждаемся. Связь как-никак — управление войсками! Как я погляжу, ты парень толковый. Да и какая тебе разница, где служить, в пехоте или в артиллерии, — связь она и есть связь. Если согласишься, я перед нашим командованием похлопочу, чтобы они тебя у нас в артполку оставили. Сотруднику Смерша все, что с тобой произошло, расскажешь. Мы с Ефимом в свою очередь то, что видели, подтвердим. Преступления в том, что тебя контузило, нет. Ну промурьжит он тебя малость для порядка. Он всех

на вшивость проверяет, у него служба такая. Зато не будет у тебя надобности дальше свой пехотный полк искать, — непринужденно советовал младший лейтенант, когда Анатолий вытирал полотенцем лицо и шею.

Привалов привстал с телеги, заботливо помог Дружинину надеть шинель, потом, положив по-товарищески руку на плечо, еще раз настоятельно предложил:

— Ты подумай...

— Соглашайся, Анатолий! И тебе меньше времени тратить на поиски своего полка, и нам меньше забот по поиску связистов, — поддержал предложение адъютанта Ефим.

Анатолий был рад тому, что встретившиеся ему на пути люди относились к нему доброжелательно и с пониманием.

— А что тут думать? Если вы оказались первые, кого я здесь повстречал, значит, мы и служить вместе должны, — решил он без промедления. — Принимайте в ваше подчинение, товарищ младший лейтенант, — козырнув, обратился с предложением к Привалову Анатолий, довольный тем, что не остался брошенным в одиночестве в сосновом бору.

— Ну, значит, так тому и быть, буду перед своими командирами за тебя хлопотать, — не сдерживая улыбку, утвердительно сказал адъютант, хлопнув рукой по борту подводы.

— Клади сюда свое оружие и вещмешок, — радостно предложил Ефим, приподнимая полог на повозке, — что лишний груз на себе тащить, если телега рядом?

Ефиму Трощенко отроду двадцать лет. Он сухощав, гибок, с открытым и веселым лицом. Человеком Ефим был решительным, смелым, без труда мог ориентироваться в любой критической обстановке. Родом он из Черниговской области Украины, в арtpолку служил ездовым взвода связи штабной батареи. Остается добавить, что Ефим был обладателем прекрасного тенора. В период коротких передышек он с друзьями обязательно находил минутку для душевной песни. С первых минут знакомства Анатолию было легко и приятно общаться с таким человеком.

Прошло шесть суток, как колесили они по дорогам Житомирской области. По местам недавних боев, где в кюветах и за обочинами дорог все чаще приходилось видеть то, что оставалось их молчаливым свидетельством: разбитые и искореженные остовы машин, сгоревшие танки с обугленными трупами людей, бесчисленное количество погибших наших и немецких солдат, изуродованные орудия, перевернутые конные повозки и зачоченевшие группы лошадей.

В одном из населенных пунктов, находящемся в стороне от основных дорог, которого не коснулась война, Привалов указал рукой на «журавля».

— Давайте подойдем к колодцу, надо свежей воды набрать, тут же и лошадей напоим, — предложил адъютант.

— И в самом деле, товарищ младший лейтенант, холодной водички не мешало бы хлебнуть, да и, как вы правильно подметили, лошадок тоже пора напоить, — согласился с предложением командира Трощенко.

Пребывая в хорошем настроении, группа направились к центру села. Заметив наших военных и конную повозку, к ним навстречу сломя голову, приветствуя и восторженно крича, уже неслась ватага местных ребятишек. С любопытством и восторгом детвора рассматривала незнакомых солдат, осыпая их с разных сторон вопросами. Для мальчишек военные всегда представляли особый интерес. Глядя на эту чумазую ребятню, Анатолий вспомнил свое босоное детство. Вроде бы недавно он так же бегал по сельским улицам в компании своих сверстников, а теперь он уже солдат. «Как все-таки быстро бежит время!» — подумал он, вглядываясь с грустной улыбкой в любопытную детвору.

С разных концов длинной извилистой улицы к колодцу стали подходить женщины и старики. Одежда сельских жителей была, откровенно сказать, скромна. Но при взгляде на то, с какой любовью эти бедные и измученные войной люди встречали своих освободителей, сердцу было тепло и приятно.

Местные жители, подходя к колодцу, с интересом разглядывали уставших с дороги бойцов. Вскоре в самом центре села собралась большая толпа. С сочувствием и заботой женщины совали им в руки еду. Кто хлеб, кто яйца, кто отваренную картошку, кто сало — отдавая последнее, что у них было на столе. Каждая женщина старалась, чтобы солдатики гостинец приняли именно из ее рук, приговаривая при этом:

— *Беріть хлопці, беріть. Їжте. Спасибі, що ви прогнали від нас цю німчуру погану. Наших хлопців теж на фронт забрали. Можливо, там, на фронті, їм інші жінки також шматочок хліба дадуть* (Берите, ребята, берите. Кушайте. Спасибо вам, что вы прогнали от нас эту немчуру поганую. Наших ребят тоже на фронт забрали. Может быть, там, на фронте, им другие женщины также кусочек хлеба дадут).

Такие слова трогали самые тонкие струны души. Анатолий в этот миг представил свою бедную мать, которая за тысячу километров отсюда с любовью сейчас заботится в госпитале о раненом солдате, надеясь на то, что в свою очередь, может быть, мать этого человека в трудную минуту пожалеет ее сына. Порою эта женская солидарность и спасала многих наших солдат от голода, холода и смерти.

Настроение Дружинину испортила женщина, что называется, с ядовитым языком, одетая лучше остальных своих односельчан. Смеясь и разводя руками перед невысоким Дружининым, она с сарказмом произнесла:

— *Ну тепер ми швидко німця переможемо! Якщо такі «богатири» нас звільняти прийшли* (Ну теперь мы быстро немца победим! Если такие «богатыри» нас освободят пришли).

Ножом по сердцу резанула ее дурная выходка. Внутри как будто с невероятной силой полыхнул огонь, нервно дернулась голова, и глаза Анатолия в один миг налились кровью. Приступ небывалого гнева затмил сознание. Молча Анатолий сделал несколько шагов в сторону повозки и, приподняв полог, правой рукой нащупал свое оружие.

— Убью, сука! — процедил он сквозь зубы, выразив вслух мелькнувшую в обезумевшей голове мысль.

— Она просто женщина, — шепотом произнес Привалов. Заметив разгневанное состояние Дружинина, офицер прижал своей рукой его карабин к днищу повозки, не давая возможности Анатолию взять в руки оружие. — Мы, Толя, с женщинами не воюем, тем более с советскими. Успокойся, мало ли что могла ляпнуть глупая баба. Что с нее взять? У нее мозга в голове, как у курицы, — действительно добавил младший лейтенант.

Глядя в упор Анатолию в глаза, он настолько тихо и сдержанно произнес эти слова, что никто из присутствующих намерения Дружинина и не заметил. А на солдат теперь никто и не обращал внимания. Вся многоликая толпа односельчан тут же ополчилась на эту языкастую бабу. Неодобрительные возгласы и даже оскорбления уже сыпались в адрес Ганны со всех сторон. От неожиданного натиска озлобленных людей она вынуждена была пятиться назад. Стало совершенно очевидно, что не было в селе человека, кто хорошо бы относился к ней, а возможно, и к остальным членам ее семьи.

— *Ой! Дивіться, яка розумаха прийшла посміятися над людиною! А скажи мені, Ганно, де зараз твій «герой» ховається? Щось я не бачила, щоб він пішов нас від німців захищати!* (Ой! Смотрите, какая разумная пришла, чтобы посмеяться над человеком! А скажи мне, Ганна, где сейчас твой «герой» прячется? Что-то я не видела, чтобы он пошел нас от немцев защищать!) — обрушилась гневом на нее старушка в стареньком, с заплатками пальто, по всей видимости, как и все остальные, не очень любившая свою вредную соседку. — *Чи він досі у тебе під спідницею сидить? Не задихнеться він там випадково? А?!* (Или он до сих пор у тебя под юбкой сидит? Не задохнется он у тебя там случайно? А?!) — под смех односельчан подтрунивала старушонка, намереваясь приподнять ей длинную клетчатую запаску.

— Тю! — многозначительно произнесла Ганна, на всякий случай прижимая рукой подол своей юбки. — *А чого він повинен вас захищати, якщо він хворий? Це нехай здорові на фронт воювати йдуть. А йому вдома лікуватися треба* (Тю! А чего он вас защищать должен, если он больной? Это пусть здоровые на фронт воевать идут. А ему дома лечиться необходимо), — парировала она, отходя подалее от напористой старушки.

— *А я й дивлюся, що твій хворий з червоною, як буряк, пиною восени замість коняки сам рало по вашому городу тягав. А потім ти, напевно, в хаті лікувала його з особливою ретельністю, щоб він від такої роботи у тебе не помер. Дивись, Ганно!.. Не залікуй його до смерті!* (А я и смотрю, что твой больной с красной, как свекла, мордой осенью вместо лошади сам плуг по вашему огороду таскал. А потом ты, наверное, в хате его с особым усердием лечила, чтобы он от такой работы у тебя не помер. Смотри, Ганна!.. Не залечи его до смерти!) — не растерялась старушка.

Смех грянул по улице. Тетя Маня (так звали пожилую женщину) умела разрядить обстановку. Она была остра на язык и, как говорится, за словом в карман не лезла. Ганна знала характер своей соседки, потому вступать в спор с ней не планировала. Конечно, она уже пожалела, что сказала такие слова в адрес Анатолия, но слово не воробей, выпустила — не поймаешь. Теперь у нее оставался один вариант: отступать. Но молча отступать самолюбие не позволяло.

— *А ти, стара, просто заздриш, що у мене є чоловік, а у тебе його немає* (А ты, старая, просто завидуешь, что у меня есть муж, а у тебя его нет), — огрызнулась Ганна, удаляясь от толпы.

— *Тю! Було б чому заздрити. Якби мій дід живий був, то я б його так само, як і ти, лікувала* (Тю! Было бы чему завидовать. Если бы мой дед жив был, то я бы его так же, как и ты, лечила), — под женский хохот добавила она шутку вслед удаляющейся соседке. — *Слава богу, нас звільнили.*

От тепер радянська влада твого хворого з-під твоєї спідниці витягне і швиденько вилікує (Слава богу, нас освободили. Вот теперь советская власть твоего больного из-под твоей юбки вытащит и быстренько вылечит), — подметила тетя Маня, намекая Ганне, что их ожидает.

— Ось теж, налякала! А чого нам боятися? І що нам радянська влада зробить, якщо людина насправді хвора? (Вот тоже, напугала! А чего нам бояться? И что нам советская власть сделает, если человек на самом деле больной?) — кричала Ганна, заходя к себе во двор, подальше от нежелательного скандала.

— А що, тьотю, у цієї жінки чоловік справді хворий або він прикидається? (А что, тетя, у этой женщины муж действительно больной или он притворяется?) — спросил у тети Мани Ефим, укладывая бачок с водой в свою повозку.

— Тю! Та який він хворий?! Ти б його бачив, яка це свинюка! Та у нього така пика — хоч цуценят бий. Хворий він! (Тю! Да какой он больной?! Ты б его видел, какая это свинья! Да у него такая морда — об нее щенков убивать можно. Больной он!) — разводила руками старушка. — Як тільки війна почалася, так він відразу ж і захворів. Німці ще й в село не встигли заїхати, як цей бовдур вже одужав, а потім весь період окупації у місцевих поліцаїв найкращим корягою був. А ця хвойда перед тими німецькими підлабездниками гузном своїм як качка вертіла до тих пір, поки наші цю погану німчурку геть не погнали (Как только война началась, так он сразу же и заболел. Немцы еще и в село не успели заехать, как этот остолоп уже выздоровел, а потом весь период оккупации у местных полицаев лучшим корешем был. А эта потаскуха перед теми немецкими подхалимами задом своим как утка вертела до тех пор, пока наши эту поганую немчурку вон не погнали), — эмоционально розказувала тетя Маня, жестикулюючи. — Не встигли радянські війська нас звільнити, як дивимося — цього невзграбу знову хвороба звалила. И тепер він начебто як хворий вдома лежить. Ось такі у нас в селі

справи! (Не успели советские войска нас освободить, как смотрим — этого увальня снова болезнь свалила. И теперь он вроде как больной дома лежит. Вот такие у нас в селе дела!) — прищурился глаз, причмокнула тетя Маня, посвящая военных в хитрые трюки своих соседей. — *А зараз, бачите, ця вертихвостка ще й міркує, хто нас визволяти повинен! А то ми не знаємо, який він хворий і яка вона розумаха! Ти, синку, на цю задрипанку не звертай уваги. Воно — це таке...* (А теперь, видите, эта трясогузка еще и умничает, кто нас освобождать должен! А то мы не знаем, какой он больной и какая она разумная! Ты, сынок, на эту засранку не обращай внимания. Она ничего не значит...) — махнула рукой старушонка в сторону Ганны. — Мал золотник, да дорог! Воюй так, чтобы или грудь была в крестах, или голова в кустах, — добавила она, подбадривая Анатолия, на чистом русском языке без акцента в протест тому, что сказала ее соседка, подтрунивая над ним за его невысокий рост.

Сознание постепенно прояснялось, и внезапно нахлынувший приступ гнева отступил. Анатолий в таком состоянии еще никогда не был. Не мог он понять, почему вдруг так отреагировал на обидные слова незнакомой женщины. Не в первый раз он слышал в свой адрес и язвительные шуточки, и даже оскорбления. Но никогда ранее это не вызывало у него такого приступа гнева, при котором он был готов убить обидчика. Не мог Анатолий знать, что это есть следствие контузии и теперь с этим недугом ему придется бороться всю жизнь. Привалов первый заметил чрезмерное возбуждение бойца и вовремя принял необходимые меры. Когда Дружинин успокоился, офицер, решив поговорить с селянами, подошел к старикам; предложив закурить, он протянул им свои папиросы. Трощенко в это время занялся своими лошадьми. Заботливо осматривая упряжь, Ефим продолжил разговор с тетей Маней:

— *Я дивлюся, тьотю, ви й російською мовою добре розмовляєте,* — удивился Ефим, поправляя сбрую, — *ви, мабуть,*

не з тутешніх місць? (Я смотрю, тетя, вы и на русском языке хорошо разговариваете, вы, наверное, не из здешних мест?)

— Так, синку, все в моєму житті було, тільки про це довго розповідати (Да, сынок, все в моей жизни было, только об этом долго рассказывать), — со вздохом ответила тетка. Очевидно, от тяжелых воспоминаний о прошлой жизни в ее глазах показалась грусть. — *Женіть ви, хлопці, цих німців з землі нашої, та себе бережіть. Адже вас вдома матері чекають. А материнське серце, воно і день і ніч за дітей своїх болить. Бережи вас Бог* (Гоните вы, хлопцы, этих немцев с земли нашей, да себя берегите. Ведь вас дома матери ждут. А материнское сердце, оно и день и ночь за детей своих болит. Храни вас Бог), — крестила она бойцов, а на ее глаза наворачивались слезы. Вскоре в слезах стали причитать и остальные женщины, обнимая и расцеловывая солдат, как родных, с любовью провожая своих освободителей в дорогу.

Измученные войной лица стариков, женщин и детей, в чьих глазах были боль, страх и слезы, Анатолий еще долго видел перед собой, шагая по дорогам Украины.

* * *

Прорвав оборону противника, Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия в составе войск Первого Украинского фронта с боями ушла далеко вперед. Прорыв был значительно расширен по фронту, а его глубина достигла более ста километров. Фронт стремительно двигался на запад. Ежедневно освобождая новые населенные пункты, наши войска приближались к Житомиру. Фашистская оборона рушилась как карточный домик, разлетаясь под мощными ударами с фронта и с флангов. Избегая позорного окружения, немецкое командование приняло решение отступить, оставив этот важный стратегический узел. Первого января сорок четвертого года город Житомир был окончательно освобожден.

1 января 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего в ознаменование одержанной победы и отличие в боях за освобождение города Житомир Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии присвоено почетное наименование Житомирская.

Шестого января части дивизии вели бои южнее Житомира, к тому времени стрелковые батальоны заняли населенный пункт Янушполь. Командный пункт артполка находился в небольшом селе Пятки. Зайдя в штаб, Привалов, как положено по уставу, доложил новому командиру о своем прибытии. Штабом армии вместо тяжелораненого Иванова на должность командира полка был назначен майор Красновский. Майор выслушал доклад адъютанта, а также его предложение оставить Дружинина в артполку. На минуту задумавшись, Красновский велел телефонисту соединить его со штабом артиллерии дивизии. Дружинину в этой ситуации оставалось только ждать...

Как предполагалось ранее, перед тем как Анатолия зачислить в состав артиллерийского полка, ему предстояла «душевная» беседа с оперуполномоченным сотрудником контрразведки. Представители этой службы имели дурную репутацию. Об их жестокостях и беспринципности среди солдат ходили разные слухи. Тревожно на сердце было и у Анатолия, когда он зашел в кабинет сотрудника Смерша.

За широким столом сидел налысо выбритый капитан в возрасте тридцати пяти лет с косым, еле заметным шрамом на лице и узкими, щеточкой, усами. Во всем его облике ощущалась какая-то невидимая сила, данная ему властью, отчего Анатолий почувствовал легкую дрожь во всем теле. Офицер отложил в сторону бумаги и, как ни странно, ровным голосом ответил на приветствие. Протянув руку за документами, он измерил зашедшего к нему в кабинет Дружинина совсем не злобным взглядом. Это вселило в Анатолия некую надежду. Капитан молча покрутил в руках

его красноармейскую книжку, внимательно просмотрел каждую страницу, а потом стал задавать довольно простые вопросы: откуда призывался, где проходил подготовку, номер полка и фамилии командиров. Пришлось объяснить капитану и причину задержки на прежних рубежах обороны, где его подобрал Привалов и Трощенко. К великому удивлению Анатолия, капитан оказался не таким злодеем, каким он его себе представлял. После непродолжительной беседы контрразведчик отправил Анатолия в санитарную службу полка, где его обследовали на предмет контузии. Подтвердив увечье, полковой врач дал свое медицинское заключение.

К концу дня Анатолий, назначенный связистом штабной батареи, ознакомился с новыми командирами и сослуживцами; неожиданно на улице он встретил Трощенко.

— Ну что, Толя, как дела? Оставляют тебя в нашем полку или как?.. — спросил Ефим, останавливая возле него повозку.

— Оставляют. Определили во взвод связи штабной батареи.

— О-о-о, поздравляю! Значит, вместе воевать будем! Я ведь тоже ездовым при штабной батарее служу, — радостно сообщил Ефим. — Повезло тебе. Ребята там хорошие, веселые, с ними не соскучишься. Есть, правда, у них там один тип, Сергей Сомиков его зовут. С ним будь осторожнее. Уж очень он ненадежный товарищ, проще говоря, стукач. Чуть что, сразу сообщать замполиту бежит или особисту. Так что лишнего при нем ничего не болтай — сразу донесет.

— Носит же земля таких... — возмутился Анатолий.

— Представь себе, носит. И ничего не напишешь. Сейчас я тебе одну историю про него расскажу. — Ефим слез с повозки и стал рассказывать о былом: — В декабре сорок второго года наша дивизия вела бои в районе реки Богучарки. Сомиков тогда только начинал службу, можно сказать, там он свое боевое крещение и получил. Бои на этих рубежах

были жестокие. События, про которые я тебе рассказываю, происходили в районе хутора Талы, на юге Воронежской области.

В самый разгар сражения напарник Сомикова побежал на исправление поврежденной связи, а тут, как назло, враг в контратаку двинулся; нашел брешь в нашей обороне и попер на прорыв. Пехоте вместе с артбатареями пришлось отступить. Люди отошли на прежние позиции, а вот товарищ Сомикова не успел, раненым попал в окружение. Что делаешь — война...

На следующий день полки дивизии опять пошли в наступление, и, когда фашиста прогнали, нашли мы нашего однополчанина убитым. Оказалось, он к итальянцам в плен попал. Так они его не просто убили, а зверски замучили. Изуродовали до неузнаваемости лицо: выкололи глаза, нос отрезали... в общем, когда его обнаружили, картина была ужасающая. Сомиков, как только увидел истерзанное тело своего товарища, от страха сознание потерял — нервы у этого гада не выдержали.

С тех пор как надо идти на повреждение линии, так у Серёги истерика начинается. Представь, настолько страх запал в его гнилое нутро, что он до сих пор боится. Если бы ты знал, на какие он только хитрости не идет, чтобы послать на обрыв линии кого-то другого, лишь бы самому не идти. И как он только не изощряется, чтобы утаить свою трусость от посторонних, но скрыть-то такой порок на фронте невозможно. Тут души людей, как перед Богом на исповеди, обнажены. Понятно, что деваться некуда и выполнять свою работу Серёге приходится, как всем. Но если он и делает ее, то трубит потом об этом, как о героическом подвиге, так, как будто он каждый день закрывает собственной грудью амбразуру вражеского дота. За это бахвальство Васька Солянок его Макаром Чудрой прозвал.

Имей в виду, если с этим товарищем в наряд попадешь, он обязательно свои обязанности постарается на тебя пере-

ложить, а командирам будет докладывать, что это он работу выполнял. Даже с теми, кто его знает как облупленного, он пытается хитрить, а уж с новичками тем более найдет способ, как отправить вместо себя линию исправлять. Так что смотри: во всех отношениях осторожнее будь с ним, — прищуривая глаз, предупредил Ефим.

— Спасибо, буду иметь в виду, — едва успел поблагодарить товарища Анатолий, как его окликнул командир отделения Тёмин. Обменявшись рукопожатиями, друзья расстались.

В районе населенного пункта Янушполь, где располагались полки Пятьсот тридцатой дивизии, враг упорно сопротивлялся на рубеже шоссе Хозатин — Любар. В заранее подготовленный укрепрайон немецкое командование стягивало подкрепления, усиливая их живой силой и техникой. Седьмого января в двадцать три часа ночи дивизия перешла в наступление с задачей овладеть населенным пунктом Жеребки.

В течение ночи и последующего дня полк успехов не имел, оставаясь на прежних позициях. Из-за напора нашей пехоты противник был потеснен с северной окраины Жеребок в южном направлении, но следующим огневым воздействием немецкие подразделения установили свое прежнее положение и перешли в контратаку. После неудачной попытки контратаковать наши позиции и потеряв на поле боя два своих танка, противник ретировался.

Наступило временное затишье. Как назло, день выдался сырым и пасмурным, ненастная погода во второй половине дня окончательно испортилась. С неба посыпался крупный снег, поднялся ветер, и вскоре над окопами разыгралась метель, напоминая Анатолию казахстанские степные бураны.

Поздним вечером в штабе дивизии стучали наперебой печатные машинки, перебирались донесения, оперативные и разведывательные сводки полков. Заместитель начальни-

ка штаба диктовал писарю боевое донесение для командира Девяносто четвертого стрелкового корпуса:

«Отражая сильные контратаки противника (танков и пехоты) в период 6.01.1944 — 8.01.1944 г., а вместе с тем ведя наступление, части дивизии остались почти без личного состава стрелковых подразделений. Если на 5.01.1944 г. в ротах было до 10 человек, то на сегодня в полках остается по 40–50 штыков при проведенном сокращении тылов на 50%. Дальнейшее выполнение активных задач сильно затруднено и будет неэффективно. Прошу срочно пополнения и отвести в резерв хотя бы на 3–4 дня для приведения частей в порядок и расстановки сил».

К утру следующего дня метель улеглась; наши наступающие полки подверглись активному артиллерийскому и минометному обстрелу, после чего последовала контратака противника несколькими группами пехоты при поддержке танков и бронемашин.

Сразу после отбитой контратаки немцев подразделения дивизии начали наступление, которое вновь подверглось массированному артобстрелу. К двенадцати часам со стороны немецких позиций показалась вереница украшенных свастикой пикирующих бомбардировщиков с изломанными формами крыла и неубирающимися шасси, за что наши солдаты прозвали самолеты врага «лаптежники».

— Воздух! — услышал знакомую команду Анатолий.

«Юнкерсы 87» большими группами со свирепым воем сирен ринулись вдоль наших боевых порядков. Приблизившись к позициям, бомбардировщики заходили в пике для атаки. Справа по немецким самолетам захлопали выстрелы наших зенитных счетверенных пулеметов и ружейная стрельба из укрытий. Отвратительный свист наводил ужас, разрывы бомб перепыхивали временную линию нашей обороны, ключья земли с корнями растительности падали на спину. Дрожали стенки ровика, вниз сыпался песчаный

грунт. Приторно-сладкий запах сырой земли и едкий запах немецкого тротила сбивали дыхание.

Зловеще свистевшая в воздухе бочка, сброшенная с одного из немецких бомбардировщиков, с треском ударилась о землю, превратившись в изувеченный кусок металла. Одна атака сменялась следующей, а за теми самолетами, что сбросили свой смертельный груз, появлялись новые.

Отважившись, Анатолий решил взглянуть вверх; задрав голову, он ужаснулся. Один из «юнкеров» пикировал прямо на него. Дружинин даже успел разглядеть лицо немецкого пилота, сидевшего за штурвалом. Казалось, что самолет уже не сможет выйти из пике и врежется точно в его ровик. Душераздирающий вой сирены порождал животный страх, сковывал рассудок и тело. Он увидел, как от «юнкера» отделилась бомба и с пронзительным свистом полетела вниз. Боясь прямого попадания, Анатолий накрыл голову руками так, будто это могло его спасти от смерти. У самой земли двигатель взревел, и «юнкерс», сверкнув желтым брюхом, вновь рванул в небо. Через миг рядом раздался оглушительный взрыв. Каждую секунду Анатолию казалось, что следующий летящий сверху кусок смертоносного металла упадет ему прямо на спину. Время тянулось долго, словно этому ужасу не будет конца. Но, к счастью, взрывы стали слышаться реже; израсходовав боекомплект, самолеты стали улетать. Кончился авианалет, наступило затишье.

— Вот суки! Опять бочки сбрасывать стали, — услышал Анатолий голос заместителя командира взвода связи. — Запугать нашего брата решили, — неистовствовал сержант, глядя на изуродованную бочку. Солдаты выбирались из своих укрытий и из-под завалов; тех, кто самостоятельно не смог выбраться, приходилось откапывать.

Сегодня в напарниках у Анатолия был как раз тот Сомиков, о неблагонадежности которого предупреждал ранее Ефим Трощенко.

Сергей Сомиков — среднего роста, крепкого телосложения, с неприятным и суровым лицом. Это было настоящее исчадие ада в человеческом обличье. Человеком он был трусливым, но безгранично наглым и бессовестным, ни на что не способным, но до безумия самолюбивым и завистливым. Робких и неуверенных в себе людей Сомиков унижал, оскорблял, демонстрируя свое мнимое превосходство. С командирами, людьми решительными и дерзкими вел себя очень осторожно и услужливо, порой заискивающе. Как только в обществе солдат появлялся офицер, Сомиков не без подобострастия менялся в лице, всячески стараясь завести со старшим по званию непринужденную беседу. Таким образом он всем своим видом старался продемонстрировать перед однополчанами равное положение с офицерским составом. С политруком и уполномоченным контрразведки полка этот прихвостень имел хорошие отношения и часто приглашался к ним на беседы. Все приказы, назначения, чрезвычайные происшествия и новости Сергей, таким образом, узнавал первым. И потом с гордостью сообщал об этом, подчеркивая свою важность и осведомленность. По этой причине друзей не имел, хотя хитрил и регулярно пытался некоторым навязать свою дружбу.

С первых минут общения Дружинину стало ясно, что наладить добропорядочные отношения с этим товарищем вряд ли получится: уж слишком высоки были его амбиции. Окинув пренебрежительным взглядом пришедшего на пост Анатолия, Сомиков на правах бывалого вояки важничал. Вальяжно расположившись на посту, он принялся учить вновь прибывшего бойца азам артиллерийской связи, настойчиво доказывая, что в пехоте все совсем по-другому. С новичками Сомиков всегда вел себя именно так: с позиции знатока и неформального командира.

Утро этого дня началось с вражеского артобстрела. Части дивизии продолжали вести наступление в районе села Янушполь. Постоянной линии обороны не было — атакуя,

нашей пехоте приходилось вгрызаться в землю, довольствуясь одиночными окопами. Анатолий, укрываясь в своем ровике, периодически стряхивал с шинели и с шапки сыпавшуюся сверху песчаную землю. Рядом в своем ровике устроился Сомиков, он обеспечивал связь наблюдательного пункта пушечной батареи с наблюдательным пунктом полка; Дружинин обслуживал линию штаба. Ближе к полудню, когда активность вражеской артиллерии усилилась, Анатолий заметил, что его напарник засуетился.

— Связь... Связь, Дружинин, у нас оборвалась, — объявил он, смотря на Анатолия надменно-наглым взглядом.

— Волга, Волга... я Днепр, — сделал запрос по своей линии Анатолий.

— Волга слушает, — раздался голос на другом конце провода.

— Проверка связи, — уточнил Анатолий и положил трубку. — У меня связь исправна, — сообщил Дружинин.

— Это у тебя исправна, а у меня нет! Давай дуй на повреждение, — приказным тоном заявил Сергей. — А я, как старший, на посту останусь, — самонадеянно произнес он, изображая из себя командира. Тут же Анатолий вспомнил рассказ Ефима о хитростях этого наглеца.

— Слушай! Старший на посту! На твоей линии обрыв?! Вот поднимай свою задницу и как можно быстрее беги исправлять повреждение. Будет неисправность у меня на проводе — тогда я пойду.

— Даже так?! — с гневом изрек Сергей, окинув Дружинина загадочно-ненавистным взглядом. Он совершенно не ожидал такого оборота, заранее приняв Анатолия за слабака. Но с наскака подчинить Дружинина ему не удалось. Теперь нужно было включать второй вариант: запугать неизвестными, но, возможно, страшными последствиями произошедшего разговора. — Ладно, посмотрим!.. Только ты, прежде чем мне перечить, хорошенько подумай. Ведь нам еще не один раз придется вместе бывать на посту. Так

что учти... — с угрозой на загадочное будущее злобно прошипел Сергей.

— Учти, Серёга, и ты и, чтобы в дальнейшем не портить себе настроение, с подобными приказами ко мне никогда более не подходи. Если, конечно, командиром не станешь! А если вдруг тебя назначат — вот тогда, пожалуйста, обращайся, — подытожил Анатолий.

Сомиков, в очередной раз злобно сверкнув глазами, выбрался из ровика и по-пластунски пополз исправлять повреждение на своей линии.

«Придется, видимо, нам с тобой пободаться», — подумал Анатолий, провожая взглядом удаляющегося с позиции напарника.

Была у Сомикова еще одна слабость, о которой не успел предупредить Ефим: уж очень любил Сергей поспать на посту. И когда засыпал, для того чтобы его разбудить, нужно было приложить немало усилий. Об этом знали все. Неоднократно заместитель командира взвода, командиры отделений предупреждали, делали замечания, грозились подать на него рапорт, отправить под трибунал, но дальше предупреждений и угроз мер никто не принимал. Люди были вполне порядочные, а потому портить ему жизнь никто не хотел. Неизвестно, сколько судеб загубил бы этот подлец, не имея такого порока. Именно эта слабость и сдерживала негодяя от больших подлостей.

К концу дня поступил новый приказ: закрепиться на заданных рубежах. Весь последующий вечер и половину ночи пришлось порядочно потрудиться лопатами, обору́дывая позиции для себя и командного состава. Времени для сна осталось всего ничего. Ранним утром неожиданно зазвонил телефон, Анатолий поднял трубку. В хриплом скрипе динамика он услышал знакомый голос сержанта Тёмина.

— Днепр, я четырнадцатый, как слышишь меня? — спросил, покашливая в трубку, сержант.

— Здравия желаю, товарищ четырнадцатый, слышу вас хорошо, — приподнимаясь с места, отозвался Анатолий.

— Слушай приказ: оставляешь свой пост напарнику и направляешься к Бате. Как меня понял? — четко выговаривая слова, спросил Тёмин.

— Приказ понял, идти к Бате, — так же четко ответил Анатолий, понимая, что сержант приказал ему явиться на пост при штабе полка.

Не зная о пристрастии Сомикова, Анатолий пытался его разбудить. Сначала легонько дергая за рукав шинели, потом толкая в плечо, он безуспешно старался привести напарника в чувство. Не открывая глаз, тот что-то бормотал себе под нос, менял позы, но просыпаться не собирался. Неоднократные попытки так и не увенчались успехом. Глядя на спящего Сергея, Анатолий пребывал в некоторой растерянности. Пост без бодрствующего связиста не оставишь! «Что ж делать?..» — недоумевал он. Но через несколько минут Анатолий вдруг заметил в туманной дымке пробирающегося на пост Лаврушина. Тёмин направил Лёшку на наблюдательный пункт сменить Дружинина.

— Что, пытаешься товарища пробудить ото сна? — спросил Лёшка, с пренебрежением глядя на спящего в неуклюжей позе Сомикова. — Зря стараешься. Здесь нужны более радикальные меры, — твердо заявил Лаврушин, по-хозяйски располагаясь на боевом посту.

— Битый час пытаюсь его разбудить, но все напрасно. Спит... — оправдывался Анатолий, как будто сам был виноват.

— А ну-ка, поднимайся! Хватит дрыхнуть! — в резкой форме обратился к Сомикову Лёшка, толкнув его в бок носком сапога. Сомиков в ответ лишь пробурчал что-то невнятное и, поевжившись, беззаботно продолжал дремать.

— Хорошо!.. — решительно произнес Лаврушин, осматриваясь по сторонам. Обойдя спящего Сомикова со спины, он потянул за лямки его вещмешок и одним движением от-

стегнул с него котелок. Выбравшись из окопа, Лёшка стал разбивать им лед в небольшой луже, находящейся за бруствером. Тонкая ледяная корка раскололась быстро; из рваной пробоины на лед стала вытекать желтая, грязная вода. Зачерпнув в котелок мутной жидкости, Лёшка направился обратно в траншею. Предстоящий спектакль стали наблюдать разведчики и батарейные связисты. Кто-то, не сдерживаясь, начал смеяться. Анатолий с нетерпением ждал, что же будет дальше. Сомиков как ни в чем не бывало продолжал спать. Нисколько не сомневаясь в своих намерениях, Лаврушин с размаха выплеснул из котелка Сомикову в лицо мутную ледяную воду.

Рев дикого зверя прогремел над наблюдательным пунктом. Пулей Сергей вылетел из своего окопа, жадно глотая воздух; от страха его глаза, казалось, стали стеклянными. Легкий вчерашний дождь промочил его верхнюю одежду, а ночной мороз сковал ее именно в той позе, в которой он спал на дне своего ровика. Застывшие на морозном воздухе полы шинели Сергея со спины выглядели как подобие балетной пачки. Выскочив из своего укрытия, он был больше похож на индюка, веером распутившего свой хвост. Грянувший в предрасветном тумане хохот насторожил даже противника, мирно принимавшего утреннюю трапезу. Немецкий пулеметчик на всякий случай выпустил в нашу сторону пару коротких очередей. Но на просвистевшие правее наблюдательного пункта трассеры пуль никто не обратил внимания.

— Прекратить демаскировать позицию! — строго вполголоса крикнул комбат. Смех немного стих, но еле слышные насмешки и шутки продолжились.

— Ты что!.. Ты что делаешь?! — возмущенно кричал Сомиков, когда окончательно разобрался, что с ним произошло. Жадно глотая воздух, он стал вытирать мокрое лицо руками. Смех в траншее несколько умерил его пыл. Да и своему обидчику дать достойный отпор Сомиков не смел. Лёшка был парень отчаянный.

Ранее Лаврушин служил телефонистом при штабе артиллерии дивизии. Шестнадцатого марта сорок третьего года Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия попала в окружение под Харьковом. Бои там происходили жестокие. Лёшке трое суток без сна и отдыха вместе с группой старших офицеров пришлось по немецким тылам пробиваться к своим отступающим частям. Для сбора информации Лаврушину трижды приходилось ходить в разведку по селам, занятым противником. Благодаря собранным им разведанным группа без потерь перешла линию фронта и вышла к своим. Не каждый был способен на такой подвиг. За проявленную отвагу и героизм Лаврушин был представлен к ордену Красной Звезды.

Играя желваками, Сергей кипел в страшном гневе, но перечить оппоненту не смел: знал, что от Лёшки можно и по зубам схлопотать.

— Ты так, Серёжа, и победу нашу проспийшь, — глядя в заспанное и перепуганное лицо Сомикова, упрекнул его Лаврушин.

— Не переживай, не просплю. Я отойду на минуту... — недовольно буркнул Сомиков, понимая, что в этой ситуации лучше без шума на некоторое время отлучиться. Он еще раз бросил гневный взгляд на Лёшку и удалился по своим делам.

— С этим будь осторожнее, он штатный информатор политрука и особиста, тем более что тебя еще долго и тот, и другой проверять будут, — предупредительно посоветовал Лёшка. Дружинин удивился тому, что Алексей едва знает его, а уже старается предупредить, чтобы не болтал ничего лишнего в присутствии осведомителя.

Алексей Лаврушин — красавец мужчина, хорошо сложен, по характеру решителен, дерзок и в то же время прост, в общении прямодушный и искренний. Лёшка азартен, а порой чрезмерно горяч даже в тех ситуациях, где целесообразнее было бы проявить сдержанность или хладнокровие. С дет-

ства Лаврушин занимался боксом, достигнув в этом виде спорта хороших результатов. Выезжая на соревнования разных уровней, он, как правило, занимал призовые места. Тренеры пророчили ему хорошую спортивную карьеру. Но все изменил его величество случай.

В марте сорок первого года на очередном свидании с одной из своих поклонниц у Лёшки возник конфликт с местной шпаной, решившей прогнать чужака со своей территории. В результате за несколько секунд потасовки трое из нападавших остались лежать на тротуаре. Двое из них отделались черепно-мозговыми травмами, а вот третьему повезло меньше: точным ударом Лёшка сломал ему нижнюю челюсть. Пострадавших доставили в больницу, а Лаврушина до выяснения обстоятельств — в местное отделение милиции. Уголовное дело, что ему грозило, с большим трудом, но закрыть удалось, а вот со спортивной карьерой пришлось распрощаться и даже на какой-то период времени сменить место жительства. А в июне началась война, и жизнь Лаврушина, как и всей страны, потекла уже по другому руслу. Вскоре и Лёшка получил из военкомата повестку и вместе со своими ровесниками отправился на фронт.

Этот жизнерадостный весельчак и большой любитель женского пола родом был из Тульской области. При редких встречах на фронте с дамами Лёшка расплывался в улыбке и, поправляя военную форму, начинал отвешивать в адрес слабого пола различные комплименты, изощряясь при этом в красноречии. Кстати, дамы с удовольствием отвечали ему взаимностью. В своих рассказах из довоенных историй Лаврушин регулярно упоминал о своих отношениях с барышнями. За пристрастие к женскому полу среди однополчан в его адрес то и дело звучало: «Ну ты, Лёшка, и ходок!»

Прежде чем начать беседу, Лаврушин посчитал нужным предупредить новичка о местном стукаче. Вскоре о том, что Сомиков неблагонадежен, Анатолия стали предупреждать

и другие бойцы полка, с кем ему приходилось быть в напарниках или просто общаться в процессе службы.

Коллектив взвода связи штабной батареи подобрался в основном из вполне порядочных людей. Поэтому и обстановка в подразделении была доброжелательной, чему Анатолий был непременно рад.

Главным балагуром во взводе был, конечно, Васька Солянок. Это никогда не унывающий жизнелюб, неистощимый оптимист с открытым лицом и широкой доброй улыбкой. Во всем аккуратный и подтянутый, Васька был любимцем полка; оказываясь в центре внимания, он умел заряжать друзей своей неутомимой энергией. Родом Васька был из Черниговской области. В глубине души Солянок сожалел, что ему не пришлось лично освободить родные края. В тридцать один год он, воевавший на фронте с первых дней войны, имел за плечами богатый боевой и жизненный опыт. Своим возрастом Солянок никогда не бравировал, здесь были люди и постарше его, но нажитым опытом с молодыми бойцами Василий делился охотно. Солянок был женат; дома его ждали не только родители, но и любимая жена с детьми, за которых он болезненно переживал в период немецкой оккупации Украины. Если наши войска и продвигались медленно на запад, Василия это обстоятельство нисколько не смущало. Он ни на минуту не сомневался в нашей победе и сокрушительном поражении фашистской Германии. В своих рассказах он разноцветными красками расписывал будущую беззаботную жизнь советского народа после войны, чем вселял в сердца однополчан неотвратимую веру в нашу победу.

— У тебя, Толя, сегодня больше шансов в живых остаться: в штабе полка на посту будешь службу нести, — предрекал Солянок, когда узнал, что Дружинина направили на командный пункт (его довольно часто перекидывали с одного поста на другой). Но в памяти Анатолия возникла картина, когда связисту штаба стрелкового батальона осколками снаряда изрешетило ноги.

— Ты знаешь, Вась, я в пехоте однажды чуть сам в штабе батальона под снаряд не угодил. Спасибо командиру взвода за то, что вовремя меня оттуда прогнал, а через минуту прямо в этот дом немецкий снаряд попал. Не прогони меня тогда лейтенант, так я бы перед тобой сейчас и не стоял, — рассказал вкратце свою историю Анатолий.

— Согласен! Война есть война; не знаешь точно, где тебе больше повезет. Но в штабе шансов выжить все равно больше! — произнес Васька, щелкнув пальцами.

— Это точно! Пойду поближе к начальству, может, целее буду, — засмеялся Дружинин, отправляясь на пост.

Штаб артполка находился в районе сахарного завода. Но служба на командном пункте Анатолию не понравилась сразу. Здесь было меньше опасности, чем в окопах или наблюдательных пунктах, но тут солдаты были всегда перед глазами полкового начальства. Единственное, чем Дружинин здесь наслаждался, так это теплом домашнего очага. В зимнее время это было немаловажно. Суета офицерского состава несколько нервировала его, поэтому уютнее Анатолий чувствовал себя там, на передовой.

В полдень на пороге штаба появился пожилой каптенармус, принесший новому командиру полка обед. Майор Красновский поблагодарил бойца, вымыл руки и, присев за стол, приступил к трапезе.

Каптенармус в это время стал важно расхаживать по пустой комнате. Он вынул из кармана шинели кисет, оторвал от аккуратно сложенной газеты длинную полоску бумаги и подошел к окну. Скручивая сигарку, боец покряхтел и беззаботно через запотевшие стекла заглянул во двор жилого дома. Анатолий внимательно наблюдал за солдатом, который не спеша и уверенно расхаживал по помещению штаба так, как будто здесь главным был не командир полка, а он. Писарь, очевидно, заметив, что за ним наблюдают, бросил свой взгляд на Дружинина. Он небрежно подвинул ногой к окну табурет и с явным желанием присесть стал что-то

выискивать в кармане своей изрядно поношенной шинели. Как только в руках самоуверенного солдата появилась зажигалка, во дворе дома с отвратительным свистом и грохотом разорвался снаряд. Дом содрогнулся от взрыва; Дружинин в мгновение ока упал на пол. Взрывной волной выбило окна, а с потолка и со стен посыпалась штукатурка. Дым из печки вместе с сажей и пеплом, как из огромного оружейного ствола, влетел обратно в комнату. Еще несколько снарядов один за другим упали рядом, разворотив крышу одного из соседних домов напротив штаба. Присутствующие в комнате стали подниматься с пола, отряхиваясь от пыли и пепла. Не поднялся только уверенный в себе капитанармус. Когда его перевернул на спину адъютант Привалов, оказалось, солдата убило осколком снаряда через окно, к которому он подошел в тот роковой для него момент.

— Да! Знай, где упасть, — соломки бы постелил, — прошептал поговорку Анатолий, припоминая утренний разговор с Васькой о менее безопасном месте на фронте.

— Не повезло тебе, солдат! — глядя на погибшего бойца, с сожалением высказался майор.

Майор Красновский — атлетического телосложения, с добрым и всепрощающим взглядом. Медлителен, скуп на эмоции, всегда с непроницаемо-спокойным лицом. Едва заметная проседь проступает в его смолисто-черных короткостриженных волосах. Командиром он был внимательным и рассудительным, чем с первых дней на своей должности заслужил уважение как среди солдат, так и среди офицерского состава полка. Нужно отметить, что Красновский имел необычную привычку завязывать на носовом платке узелки; они в дальнейшем напоминали ему о важных и неотложных делах, про которые он мог забыть в суматохе дня.

Десятого января под натиском наших стрелковых батальонов фашисты наконец оставили населенный пункт Жеребки. Прикрывая отход основных частей, враг своим передним краем закрепился на высоте с отметкой двести во-

семьдесят один и два метра. Возле населенных пунктов Хуторисько и Смела противник занял оборону Сто шестьдесят девятым пехотным полком Шестьдесят восьмой пехотной дивизии. Поддерживая свою пехоту танками Первой танковой дивизии СС «Адольф Гитлер», немцы под постоянным артобстрелом проводили попытки контратак, как будто прощупывали слабые места в нашей обороне. Ожесточенные бои с утра до поздней ночи продолжались в течение двух последующих суток. Особенно жарким сражение было двенадцатого января, всего за этот день в дивизии погибло семьдесят пять и ранено семьдесят три человека. В числе раненых оказались два командира стрелковых полков.

Затяжные, с переменным успехом бои выматывали людей. С надеждой в душе солдаты ожидали долгожданную передышку.

* * *

Утром тринадцатого января Анатолий, находясь на передовой, оказался свидетелем атаки нашей бронетанковой группы. Совершенно неожиданно из-за опушки леса появилось несколько наших танков и самоходных установок с десантом на броне. Вышедшая из укрытий бронетехника выстроилась в боевой порядок и мощным железным валом навалилась на передний край противника.

В десять часов утра, после согласования вопросов взаимодействия частей механизированной бригады с командованием Пятьсот тридцатой дивизии, двадцать танков Т-34, два танка Т-70 и семь СУ-85 при поддержке моторизованного батальона автоматчиков и батареи истребительно-противотанкового полка вступили в бой. Требовалось прорвать оборону противника на рубеже Беспечна — Смела.

Сломив передовые укрепления врага, наши танки пересекли дорогу, стремительно продвигаясь вглубь немецкой обороны. Вслед за танками в атаку поднялись и наши заметно поредевшие в боях стрелковые батальоны. Но под-

нятая в атаку пехота тут же была остановлена сильным артминометным и ружейно-пулеметным огнем противника. Произошла некоторая заминка. Люди, прижатые к земле вражеским огнем, залегли. Перемещаясь короткими перебежками, пехотинцы попытались продвинуться вперед, но этот маневр удавалось совершить с трудом. Противно выли мины, свистела шрапнель, пулеметы противника с разных сторон отбивали монотонную дробь. На головы солдат обрушился кромешный шквал огня. Начатая атака пехоты, основной задачей которой была поддержка нашей бронетехники, захлебнулась.

Резким броском, ломая оборону немецких подразделений, танкисты к десяти тридцати достигли населенного пункта Липятин. Оторвавшись на большое расстояние от своей пехоты, танки и самоходные орудия вступили в бой с основными силами врага. Но к этому времени активизировались немецкая артиллерия и бронетехника. Со стороны села Беспечна по атакующим стрелковым батальонам открыли фланкирующий огонь танки противника. И без того прижатая к земле пехота помочь своей вырвавшейся вперед бронетехнике не могла: иссякли силы как стрелковых батальонов, так и наших артиллерийских подразделений; в строю оставалось меньше половины личного состава.

Наши танкисты, прорвавшиеся вглубь немецкой обороны, остались без прикрытия пехоты и артиллерии.

— Третий, третий, я пятый! Триста тридцать три. Триста тридцать три! — кричал по радию командир танковой группы. Так по таблице взаимодействий вызывалась помощь дивизионной артиллерии в районе Липятина. Капитан продолжал надеяться, что атаку его бронетехники поддержат дивизионные гаубицы.

Наблюдая за тем, как противник начинает уничтожать ничем не прикрытую бронетехнику и в неравном бою бессмысленно гибнут люди, командир бронетанковой бригады, срывая голос, требовал от заместителя командира Пятьсот

тридцатой дивизии немедленно поднять стрелковые полки для поддержки атаки его танковой группы и огнем гаубичных батарей подавить огневые точки противника.

Чувствовал себя полковник не в своей тарелке. Обычно Якубовича можно было видеть в танке или в крайнем случае в штабном автомобиле. В штабе полковник находился крайне редко. Он не был привередлив и основное время проводил в боевых порядках своих подразделений, ел и спал со своими танкистами. Это был отчаянный и решительный командир. Якубович был неоднократно ранен, горел в танке, но, подлечившись, всегда возвращался в строй, продолжая выполнять свой долг перед Родиной. Находясь в опасной близости к противнику, Иван Игнатьевич всегда при себе имел на вооружении кроме автомата ППШ пару гранат Ф-1 и пистолет для подстраховки, если вдруг один из видов оружия в критический момент заклинит или откажет. Попадать в плен к противнику живым полковник не собирался.

Понимая, что скорой поддержки ждать не стоит, Якубович вышел на связь с командующим артиллерией Девяносто четвертого корпуса. Сохраняя хладнокровие, полковник попытался подробнее изложить сложившуюся, критическую для его подразделений обстановку. Эмоционально жестикулируя, Якубович требовал от командующего немедленно принять все необходимые меры. Только, кроме обещаний во всем разобраться, далее так ничего и не последовало.

Всегда уверенный в своих действиях и крайне редко поддающийся эмоциям, теперь Якубович сдерживал себя с трудом. Прикуривая одну сигарету за другой, он нервно метался среди своих связистов. Пытаясь сохранять самообладание, полковник продолжал требовать от них соединить его с командирами тех частей, от которых ожидал должной поддержки. Начальник штаба бригады изо всех сил старался поддержать своего командира. Пытаясь оказать посильную помощь своим подразделениям, он по телефону настоятель-

но требовал от штаба Пятьсот тридцатой дивизии разъяснений. Ровным и уверенным голосом подполковник говорил в телефонную трубку, не обращая внимания на внезапно разгневавшегося командира. Тот в свою очередь упорно продолжал призывать уже свое командование: просил согласовать необходимую помощь от соседних подразделений, находящихся на флангах. Перекладывая телефонную трубку от правого уха к левому, Якубович указывал рукой в сторону происходящего боя, как будто доходчивее пытался объяснить суть трагической ситуации, в которой оказались его люди и техника. Перейдя к другому телефону, он, теперь уже угрожая, требовал от заместителя командира Пятьсот тридцатой дивизии немедленно организовать масштабный артиллерийский налет и мощное огневое сопровождение атакующей бронетехнике. Но тщетно: кроме единичного неорганизованного огня дивизионной артиллерии помощь оказать никто не смог.

Отрезав пехоту от наших танков и самоходок, немцы оперативно подтянули сюда свои ближайшие резервы. Пропустив советскую бронетехнику вглубь своей обороны, на Липятин, противник перешел в контратаку. Шесть немецких танков в сопровождении мотопехоты с направления на Смелу ударили по нашей бронетехнике с флангов. Из шести атакующих три немецких танка были типа «тигр». Одновременно по боевым порядкам нашего танкового десанта обрушился артминометный огонь, особенно интенсивный из шестиствольных реактивных минометов. К двенадцати часам дня с направления населенного пункта Беспечна к контратаке подключились еще восемь немецких танков, курсировавших по улучшенной дороге Беспечна — Смела. Кроме того, на юго-восточной окраине совхоза «Краснополь» немецким командованием была организована засада, в которую были поставлены еще пять танков Т-4. Пристрелявшись, немцы методично расстреливали нашу ничем не защищенную бронетехнику и с фронта,

и с флангов. Для танкистов Девятнадцатой танковой бригады это был настоящий ад.

Только на маршах пехотинцы могли завидовать танкистам, которые, сидя на броне, лихо пролетали мимо пеших колонн, обдавая их дымом дизельных двигателей. Им не надо было, стаптывая обувь, пылить по дорогам под палящим солнцем на бесконечных маршах и месить сапогами грязь по раскисшей колее в весеннюю распутицу или дождливую осень. А вот в бою завидовать там было нечему. Танкисты задыхались до рвоты в дыму пороховых газов, в тесном ограниченном пространстве боевой машины, их трясло и бросало из стороны в сторону на всех ухабах и поворотах. А нужно было на ходу вести бой, обнаруживать цели, заряжать орудие, производить стрельбу и при всем этом уводить машину от огня вражеских танков, самоходок и артиллерии.

При рикошете о башню артиллерийских болванок от брони отлетали мелкие куски стали, поражая экипажи не меньше, чем осколки от мин и снарядов. А если снаряд пробивал броню и взрывался боекомплект, то башню срывало с погона и отбрасывало на несколько метров в сторону, а экипаж погибал на месте. И это, наверное, была легкая смерть. Страшно было, когда подбитый танк загорался. Чтобы не сгореть вместе с техникой, боевую машину нужно было покинуть в считанные секунды. Порой раненые танкисты без помощи других членов экипажа сделать этого не могли; обреченные, они сгорали в своей подбитой технике заживо. Нередко после ожесточенных боев выжившим приходилось извлекать из сгоревших машин обугленные останки своих боевых товарищей.

Экипажи наших танков и самоходок упорно отстреливались, безудержно расходуя боекомплект. На заснеженном поле у села Липятин полыхала подбитая наша и немецкая бронетехника, окутывая местность густым черным дымом с запахом горелой человеческой плоти. Выжившие члены экипажей под свинцовым ливнем пуль немецкой пехоты

спасали своих раненых товарищей, вытаскивая их из горящих машин. Двум тридцатьчетверкам от взрыва боекомплекта сорвало башни, и они, уткнувшись стволами в землю, беспомощно свисали с горящих корпусов. Моторизованный батальон автоматчиков, отсеченный от своей бронетехники и прижатый к земле обстрелами реактивно-минометных батарей противника, медленно отступал. Неся большие потери, подразделения танкового десанта отошли на исходные рубежи.

Неся невосполнимые потери, наши танкисты, маневрируя, отступали. Упорно сопротивляясь, они продолжали наносить противнику ощутимый урон в живой силе и технике. Только вот силы были слишком неравны: двенадцать танков Т-34, два танка Т-70 и пять СУ-85 были уничтожены противником и навсегда остались на поле боя.

Далеко за полночь томимый душевными муками Якубович зашел в пустой кабинет, освещенный ярким светом двух керосиновых ламп. Боль за сорванную боевую операцию, гибель людей и потерю материальной части его танковой бригады рвала сердце. Он долго стоял в центре помещения при полной тишине. Плотный лист бумаги, который полковник готов был скомкать и выбросить прочь, он скрепя сердце небрежно бросил на стол. Перед тем как подписать донесение, адресованное в военный совет Третьей танковой армии, Якубович решил еще раз перечитать только что напечатанный писарем документ. Пробегая бегло глазами по тексту, он заострил свое внимание на его заключительной части:

«Выводы

1. В результате неподготовленности 530 СД и ее бездеятельности противнику удалось ликвидировать созданный бригадой прорыв, отсечь часть танков и МБА от основной массы и уничтожить их отдельно, нанеся бригаде большие потери, тем самым выиграв дневной бой 13.01.1944 года.

2. Бои показали силу противника в обороне, его средства насыщения оборонительного боя на данном участке, перешед-

шие впоследствии в проявление активных боевых действий со стороны противника.

3. Своевременное использование созданного прорыва танками и пехотой 530 СД обеспечило бы бесспорный выигрыш боя, что заставило бы противника откатиться на юг».

ОТЧАЯНИЕ

Неся потери, полки Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии наступление, начатое утром тринадцатого января, при поддержке бронетехники развить не смогли. Батальоны продвинулись вперед лишь на незначительное расстояние. Измотанные жестокими боями люди нуждались в отдыхе. Требовалось пополнение живой силы и боеприпасов. Командир дивизии принял решение закрепиться на достигнутых рубежах, подтянуть артиллерию, пополнить боезапасы и организовать противотанковую оборону. Отражая сильные контратаки танков и пехоты противника и вместе с тем ведя наступление, части Пятьсот тридцатой дивизии остались почти без личного состава своих подразделений. Дальнейшее выполнение задач сильно затруднялось, о чем в своем боевом донесении комдив обращался к командующему корпусом еще восьмого января, обращая внимание на неэффективность выполнения боевых задач.

Вечером четырнадцатого января разыгралась метель, ближе к полуночи она стала набирать обороты. Сквозь завывающую вьюгу можно было слышать усиливающийся гул моторов: немец стягивал к передовой бронетехнику. Было понятно, что фашисты подбрасывали очередное подкрепление для своих подразделений, действовавших в направлении Беспечной и Смелы, концентрируя в этом районе свои силы.

Зима сорок четвертого года на территории Украины была сырой и холодной, частые дожди сменялись мокрым сне-

гом, а снег — легкими заморозками и метелью. Наступление войск Первого Украинского фронта, начатое в конце декабря сорок третьего года, длилось уже более двадцати дней без отдыха. Это сказывалось на состоянии нашего солдата. Слякоть, метели, холод в сырых и неудобных окопах превращали жизнь людей в невыносимое испытание.

Войска фронта постоянно перемещались. В таких условиях, не имея прочной линии обороны, закрепляться приходилось, вгрызаясь в сырую и холодную землю, порой по несколько раз на дню. Постоянно меняя позиции, на каждом новом рубеже обороны нужно было снова копать и копать, перекидывая лопатой очередные кубометры земли. А если к тому добавить постоянные контратаки врага, бомбежки и регулярные артминометные обстрелы, можно сказать, что такие невыносимые испытания доводили людей до иступления.

Частые обрывы на линии Анатолий, как и другие телефонисты, ликвидировал под плотным вражеским огнем. Заменяя со своих позиций любые передвижения специалистов связи, противник для их ликвидации не жалел ни патронов, ни мин, ни снарядов. Враг прекрасно понимал, что, если нарушить связь, можно лишиться управления какое-то отдельное подразделение. Телефонисты, как и сами линии связи, у немцев находились всегда под прицелом.

От постоянного напряжения и страха психика Дружина начинала сдавать, Анатолий находился на грани нервного срыва. Последние десять дней нахождения на передовой его чувство близости смертельной опасности обострилось. Вроде бы и не первый день на фронте, и казалось, что он уже приспособился к окопной жизни, к бомбежкам, обстрелам и тяжелой работе, но теперь была другая, непонятная и невидимая проблема: он не знал, как можно избавиться от раздражительности, доходящей порой до необузданной ярости. Давала о себе знать полученная в декабре контузия.

«Сколько друзей уже погибло? А сколько времени осталось до моей смерти — секунды, месяцы, дни, годы?» — донимали его вопросы, на которые он не находил ответа. Не верилось в то, что война когда-то закончится. Переживая минуты духовной слабости, вспоминал Анатолий и тот случай, когда декабрьской ночью на сторону врага перешли несколько человек из соседнего пехотного полка. «Может, и мне к немцам уйти? — думал он, дрожа от холода. — А нужен ли я своему врагу? Немцы что, молиться на меня будут? Скорее всего, выставят в первые ряды своей пехоты да против наших же и погонят, чтобы своих солдат сберечь. И в кого мне стрелять придется? В своих друзей?! А что будет, если наши фашистов разобьют?! Как потом в глаза своим родственникам и друзьям-товарищам смотреть? Я же для них буду предателем! Кто со мной будет разговаривать? Как врага народа к стенке поставят и расстреляют. А с другой стороны — сможем ли мы победить?! Кто мне скажет?! Можно ли мне здесь, под обстрелами, в сырых и холодных окопах живым остаться? Не знаю! Сил моих больше нет! Нет возможности терпеть такие муки. Ну когда это кончится?! А по-моему, никогда. Так, может, застрелиться, чтобы не мучиться?»

Такие мысли вертелись в голове Анатолия сырым и туманным утром, когда на смену Цаплину на пост пришел Солянок.

— Здравия желаю, Анатолий! — протянул ему руку Васька. — И что ты, Толя, снегом засыпанный, призадумался? Устал от боев и замерз в холодном ровике? — как будто прочитал его печальные мысли Василий. Браво располагаясь на посту, он, в отличие от Дружинина, совсем не выглядел уставшим. Создавалось впечатление, что Васька только что вернулся из отпуска, где успел забыть обо всех трудностях суровой солдатской жизни.

— И замерз, и жрать хочется, да и конца этой войне не вижу. Если учитывать, какими темпами у нас наступле-

ние идет. Только и делаем, что топчемся на месте. По мне, так лучше уж застрелиться, чем так страдать, — сжавшись в комок, жаловался Анатолий.

— Святые угодники! (Это было любимое выражение Васьки.) Да я вижу, ты отчаялся, дружок! С такими дурными думками на фронте долго не проживешь! Заболеешь, а потом так в окопе и загнешься или, хуже того, с ума сойдешь. А ну-ка, гони прочь такие мысли поганые! Ты чего это, Толья?! — строго упрекнул его Василий. — Так! Сейчас мы тебя из удрученного состояния на свет белый выводить будем, — добавил Солянок, глядя на бойца хозяйственного взвода. Тот, пробираясь от соседнего поста, нес связистам завтрак.

— Давай котелки, связь, завтрак прибыл, — скидывая термос, пробубнил солдат.

— Что же ты, кухня, жратву-то холодную нам доставляешь? — придиричиво спросил нерасторопного бойца Василий. — Мало того что эту кашу жрать невозможно, так она, по-моему, у вас еще и позавчерашняя! Скажи мне, из чего вы ее варите?! На-ка вот, Анатолий, попробуй, — недовольно нахмутив брови, Василий протянул котелок Дружинину. — Мерзлая земля в нашем окопе и то теплее будет. Сам-то небось горяченькую кушаешь? А нам так, что попало, в окопы доставляешь! И где чай горячий, хотел я у тебя спросить. Где второй боец с термосом чая?

— Да ладно тебе врать, Вася... каша холодная... тоже скажешь... — вяло пытался протестовать повар-раздатчик. — Понятно, что пока до вас доберешься да пока все посты обойдешь — она остынет. Но не до такой же степени она холодная, что ты тут рассказал. Да и чего ты мне претензии по ее вкусу предъявляешь? Я же ее не готовлю. Я всего-навсего помощник повара. Только и делаю, что рублю дрова, ношу воду да вам на посты еду доставляю, — оправдывался боец, накладывая кашу в котелок Дружинина, — не готовили сегодня чай. Что я еще могу тебе сказать? Все вопросы старшему повару и старшине задавайте. Я тут при чем?

— Ох... загнал бы я вас, поваров, в окопы на пару недель! Да на самый передок, чтобы вы малость пороху понюхали да зады свои толстые в холодных траншеях поморозили. Вот тогда бы, может, вы и поняли, как дорога горячая каша бойцу, что в окопах вшей кормит, да еще вовремя доставленная и не на сухую глотку, а с чаем! — пытался воззвать к совести неповоротливого солдата Васька.

— Да ладно тебе, Вася... — флегматично отмахнулся помощник повара, закрывая термос.

— Вот, Толя, ты только посмотри! Ну что ему можно еще сказать?! Он же как железобетонный немецкий дот! — негодовал Солянок. — Такого даже из крупнокалиберной пушки не прошибешь! Вот где бы к месту была поговорка про божью росу... Ох же и гвардия, мать вашу!.. — бранился Васька, стараясь пристыдить служителя кухни. Но солдат был невозмутим. Он совершенно без эмоций закинул за спину термос и, поправив ремни на плечах, вяло отправился на следующий пост. А Василий, проводив солдата уже более спокойным взглядом, потер руки и как ни в чем не бывало принялся заготавливать дрова для костра.

— Для начала мы завтрак на огне подогреем и сдобрим его чем-нибудь вкусненьким, — весело подмигнул он Дружинину, — пока начальства нет да пока темно. А на сытый желудок и жить веселее! Правильно, Толя?!

Солянок возился с костром, а потом, видимо, вспомнив прерванный разговор с Дружининым, воскликнул:

— Это ты брось! Какими темпами мы наступаем!.. Да мы немца от самой Москвы и Сталинграда уже за Киев отогнали! — попрекал его Василий за пессимизм. — А ты говоришь, у нас темпы слабые. Ты просто не воевал, когда мы, как раки, назад пятились. Вот в то время я бы еще мог тебя понять: немец к Москве подкатывал и у берегов нашей Волги-матушки своими коваными сапогами топтался. В ту пору действительно несладко нашему брату было. А теперь мы уже пол-Украины освободили и скоро на нашу

границу выйдем. И вот когда выйдем, тогда ты еще вспомнишь мои слова!

Враг перед нами, Толя, серьезный стоит, одолеть его с наскока не получится. Потому и темпы, как ты говоришь, невеликие. Но ты, Анатолий, не переживай, такое со всеми бывает! Это поначалу кажется, что конец света наступил и тебя все равно убьют не сегодня, так завтра. Так если не все, то большая часть людей думает, пока по-настоящему воевать не научится. Честно тебе признаюсь: я, как попал на фронт, тоже поначалу отчаялся; даже перейти на сторону врага мысль подлая была, — оглядываясь по сторонам, делится сокровенным Солянок, — да спасибо Сашке Иванову — царствие ему небесное, на Донбассе его прошедшей осенью убило. Вот такой парень был! — Васька поднял большой палец. — Так вот он меня на путь истинный направил, вовремя поддержал и объяснил, что жить в любой ситуации надо по совести. Чтобы потом не было стыдно перед людьми. А самое главное, что он мне тогда сказал: «Духом не надо падать!» Понял?! — улыбался во все лицо Василий.

Дружину уже стало досадно за свои недавние мысли.

— Здесь и сейчас, Толя, как никогда надо проявить стойкость и жизнелюбие. Пойми! Страх и уныние тут, в окопах, убьют тебя быстрее, чем немецкая пуля или осколок от мины. Спасти тебя может только любовь к твоей собственной жизни и к твоим родным, которые ждут тебя дома. И еще вера!.. Вера в нашу победу! Любовь и вера, Толя, они в сто раз сильнее страха и отчаяния — поверь мне! Вот потому за жизнь свою драгоценную зубами цепляться и нужно. Нет, ты не подумай, я не то имею в виду, что нужно бежать в тыл от страха за свою жизнь. Я призываю сражаться с врагом за жизнь! И только тогда мы фашиста одолеем да с победой, как истинные герои, домой придем! Вот у тебя пока нет наград? Но ничего, будут! — уверенно и твердо заверил его Василий. — Пока, Толя, мы до Берлина дойдем, они точно у тебя будут. Да к тому времени у те-

бя вся грудь в орденах и медалях утонет. Вот и представь, как такой герой с войны в родные края вернется. Все девки вашего поселка к твоим ногам сами падать будут! А как после войны мы счастливо жить будем! Ты себе это только представь! Ух, как заживем! А ты сидишь тут, духом павший! «Плохие темпы нашего наступления... жрать охота!» — смеялся Васька, в шутку передразнивая сказанные ранее Анатолием слова. — Что, совсем уж нас плохо кормят? Нет! Без еды мы не бываем. Значит, жить можно. А жрать, Толя, охота, потому что ты молодой. Молодому организму всегда кушать хочется. Вечно кажется, что еды не хватает.

Своим энтузиазмом Солянок так вдохновил Дружинина, что в этот же миг он представил себя выходящим из вагона на вокзале родного поселка. И как на перроне с радостью и цветами в руках его встречают родные односельчане, искренне чествуя победителя. Как в поклонах старики благодарят героя за освобождение Родины от немецко-фашистских захватчиков, а все внимание местных барышень привлекают блестящие на солнце ордена и медали, которые от каждого шага звенят на груди победителя. Тут же Анатолий поменялся в лице; сменив холодное уныние, в душе затеплилась надежда на счастливое будущее. Васька при всем этом что-то колдовал в ровике над огнем с котелками и вскоре вытащил оттуда парящую ароматом кашу. Что Солянок умудрялся туда добавлять, вытаскивая из недр своего сидора, и какие приправы он для этого использовал, никто не знал. Но завтрак или ужин, доставленный с кухни, после Васькиного колдовства над ним становился намного вкуснее и ароматней. Да и когда он сам брался что-то готовить, у него это получалось не хуже, чем у лучших из прославленных поваров мира.

— Так! Завтрак готов. Давай, Толя, подкрепимся маленько, пока немец первым на нас не навалился, — предложил Василий, расставляя котелки. Приправленная его специями каша была необыкновенно вкусной. Дружинин, сидя в рови-

ке, забыл про свои негативные мысли и теперь уплетал за обе щеки кашу, довольный тем, что Солянок вовремя смог поддержать его нужным словом и вселить надежду в завтрашний день.

Не знал Анатолий и того, что его уже ждала первая в жизни боевая награда. Процедура награждения, конечно, была еще впереди, но Васькины пророчества сбывались.

Много будет в его службе трудностей, боли, страданий, но сказанные в этот день Васькой слова на всю жизнь врежутся ему в память — как молитва, как установка на жизнь. Они как огонь будут греть его сердце, не давая в трудную минуту пасть духом. Из беседы с другом Анатолий смог постичь ценную для себя науку выживания на войне. Понял он, что здесь, на фронте, нужно побороть в себе не только страх, но и сомнения, которые сидят в каждой клетке твоего тела. Находясь в таких обстоятельствах — на грани человеческих возможностей, на грани жизни и смерти, — важно не потерять человеческий облик, сохранив в себе все самое ценное и дорогое.

Ближе к полудню воздух прогрелся до десяти градусов. Выпавший ранее снег растаял, превращая дороги в грязное месиво, а образовавшаяся слякоть отбивала всяческое желание куда-либо передвигаться. Вечером Анатолия сняли с поста и вместе с Цаплиным отправили на наблюдательный пункт в район села Хуторисько. Сюда, на открытые боевые позиции, выдвинулись два 76-миллиметровых орудия четвертой и одно орудие пятой батареей. Расчетами четвертой батареи командовал временно исполняющий обязанности командира батареи лейтенант Зайцев. На боевые позиции с ним прибыл и командир огневого взвода младший лейтенант Кощурин. Орудийным расчетом пушки пятой батареи командовал временно исполняющий обязанности командира батареи младший лейтенант Ткачук. С прибытием на позицию боевые расчеты произвели разведку местности, стали окапываться, тщательно маскируя свой рубеж обороны.

В оперативном порядке были назначены ориентиры и произведена кодировка местности.

— Если немцы все-таки решатся двинуть танки в атаку на наши позиции, то считаю, что пойдут на нас со стороны села Смела, — рассуждал вслух Кощурин. Пользуясь стереотрубой, он знакомился с местностью.

— Я с тобой категорически не согласен. Вероятность того, что твое предположение сбудется, весьма мала. Я считаю, что если и будут немцы атаковать, то наверняка со стороны совхоза «Краснополь». И будут, кстати, немедленно подавлены огнем нашей батареи, — твердо сказал Зайцев.

— Гм, — язвительно ухмыльнулся Ткачук, выслушав мнение Зайцева. — Ну-ну... — Исказив лицо пренебрежительной гримасой, Ткачук припал к биноклю.

По характеру Зайцев не был лидером, он никак не мог осмелиться взять возложенные на него обязанности командира батареи в полном объеме, как полагалось по уставу. Это обстоятельство и мешало лейтенанту занять должную позицию среди молодых офицеров. Его место было на наблюдательном пункте, а младших лейтенантов следовало отправить к орудиям. Нерешительность лейтенанта породила хаос. Командовать расчетами кроме него пытались то Ткачук, то Кощурин.

Наблюдательный пункт батареи находился в трехстах метрах от огневых позиций, в бывшем немецком блиндаже. Оборудованный с должной немецкой педантичностью, блиндаж был хорошо замаскирован и укрыт бревнами в три наката. Пол помещения был устлан соломой, в середине стоял небольшой стол, на котором горела коптилка, освещающая сосновые бревна тусклым оранжевым светом.

— А что, мне здесь нравится! Жить можно, — весело произнес Цаплин, заправляя провод, чтобы его при входе в помещение не цепляли ногами.

Иван Цаплин — под стать своей фамилии — двухметрового роста, светловолосый, слегка неуклюжий, но достаточ-

но уравновешенный и интересный в общении человек. В полку он был известен как страстный любитель и большой знаток стрелкового оружия. Иван наизусть знал все технические характеристики известного современного оружия, интересовался новинками, и, если в руки попадал ранее неизвестный ему экземпляр, он, имея при себе необходимый для этого инструмент, с легкостью разбирает его до мелочей. Скрупулезно изучив новинку, Иван запоминал, зарисовывал в своем блокноте все детали и только потом собирал ее вновь. Скромной мечтой Цаплина была служба в разведке. С этой просьбой он неоднократно обращался к командованию полка и всякий раз, получая вежливый отказ, очень расстраивался. Родом Ваня был из Саратовской области и Анатолия принимал за своего земляка. За короткий период пребывания в артиллерийском полку Дружинину второй раз приходилось быть с ним в наряде, чему он был необычайно рад.

Наладив связь и приведя в надлежащий порядок место работы, друзья разместились в правом углу. Два других телефониста обеспечивали связь НП с батареей и со штабом своего дивизиона. Они находились в траншее и в блиндаж заходили по очереди только для того, чтобы погреться.

— Говорят, пушки выдвинули на танкоопасный участок?.. — с тревогой в сердце спросил Цаплин, когда они в помещении остались одни, без офицеров.

— А у нас куда ни глянь — везде танкоопасные участки. Я еще не видел, чтобы немец одной пехотой, без поддержки бронетехники в атаку ходил. У фрицев все по уставу выполняется: немецкая дисциплина!

— То, что фашист воевать умеет, я не спорю. Когда его пехота на нас при поддержке двух-трех танков наваливается, это особой опасности не представляет. А вот когда в атаку десять, а то и пятнадцать танков пойдет — это уже другая ситуация! С двух выстрелов нашими 76-миллиметровыми

пушками их всех не перещелкаешь, — рассуждал Цаплин, прислушиваясь к звукам снаружи.

— Я не думаю, что немец на ночь глядя таким количеством танков в наступление пойдет. Едва ли фашисты помышляют о ночной танковой атаке. Тут днем по этой слякоти еле ноги волочишь, а атаковать в потемках, да еще и по колено в грязи, вряд ли они решатся — они что, сумасшедшие?! — возражал Анатолий. Ему так хотелось, чтобы предстоящая ночь в этом уютном блиндаже прошла спокойно! — Не должны они в ночь полезть, — добавил Дружинин.

Прервав мирную беседу связистов, в блиндаж снова ввалились неугомонные офицеры, продолжая спор, каждый при этом пытался доказать свою правоту. В действиях командиров чувствовалась несогласованность.

Работы по оборудованию боевых порядков приближались к концу, когда с наступлением темноты со стороны села Смела стал доноситься надсадный звук моторов. Командиры прильнули к приборам, стараясь разглядеть в густеющей темноте силуэты приближающейся бронетехники. Требовалось определить ее направление и принадлежность: наша она или вражеская? Вскоре у траншеи появился запыхавшийся от бега разведчик.

— Со стороны Смелы в направлении на Хуторисько движется вражеская колонна в количестве двадцати пяти танков, — задыхаясь, доложил он.

— Я вам обоим говорил, что если противник и будет выдвигать свои бронетанковые силы, то с направления села Смела! — кричал Кощурин, упрекая офицеров, установивших орудия в направлении на Краснополь.

— Если тебя слушать, то нужно занять круговую оборону и стрелять во все, что движется, — огрызнулся Ткачук, стараясь что-то разглядеть в окулярах стереотрубы.

— Смела, Краснополь!.. Я у тебя забыл спросить, откуда надо ждать вражеские танки! Развернуть батарею на двадцать пять градусов труда не составляет! Здесь я прини-

маю решения! — наконец набравшись смелости, сделал замечание Кощурину Зайцев. — И вообще, шагом марш оба к своим орудиям! Нечего вам делать на наблюдательном пункте, — нахмутив брови, распорядился лейтенант. — Приготовиться к бою! Ориентир «три»! Цель — приближающиеся танки противника!..

Зайцев стал отдавать команды на огневые рубежи через связиста. Но тут взору молодых офицеров предстала картина убегающих со своих позиций солдат. В страхе перед приближающейся немецкой техникой покидала свои траншеи наша пехота. На огневых рубежах командиры орудий неуверенно стали отдавать приказание огневым расчетам, глядя на то, как прямо через их позиции в тыл убегают испуганные пехотинцы.

— К какому бою?! Ты что, с ума сошел?! Нас здесь раздавят — и мокрого места не останется! Ты соображаешь, на что толкаешь людей?! Если нам и удастся внезапно пару машин подбить, то остальные и тебя, и наши расчеты вместе с орудиями в землю втопчут. И поддержки пехоты не жди, она уже убежала! Командир хренов! — Кощурин налетел на Зайцева, хватая его за ворот шинели.

— Это ты с ума сошел! Да я тебя под трибунал как паникера отдам! — хватаясь в свою очередь за ворот Кощурина, кричал в ответ лейтенант. С другой стороны на Зайцева стал наседать Ткачук. Хватая лейтенанта за рукав шинели, он стал отчаянно кричать ему в лицо:

— Это тебя под трибунал отдать надо! Если ты по своей тупости батарею с людьми и материальной частью здесь положить собираешься! На наши позиции двадцать пять немецких танков движется! А у нас всего три орудия! Понимаешь?! Всего три! Ты в своем уме?!

Зайцев замолк. Сбросив руку Кощурина, а затем и Ткачука, он нерешительным взглядом огляделся. Потом, поправляя ремни, спросил:

— Так что будем делать?

— Что делать, что делать!.. Снимать с орудий замки, прицелы и уходить, — настаивал Ткачук, нервно поглядывая в сторону приближающейся бронетехники.

— А орудия здесь бросим? — забеспокоился Зайцев.

— Нет, на себе потащим! Пока ты с пушками возиться будешь, нас всех немецкие «тигры» тут, на позиции, и похоронят!

— Быстрее принимай решение, пока и людей, и пушки с землей не сровняли, — торопил лейтенанта Кошурин.

Находясь в растерянности, Зайцев еще как-то пытался справиться с нарастающим чувством страха, но Кошурин и Ткачук давили на него с двух сторон. Боевые расчеты находились в недоумении. Люди были напуганы, колебались.

— Снять с орудий замки и панорамы! — наконец командовал Зайцев, решив не докладывать о сложившейся обстановке в штаб своего дивизиона и в штаб полка. Связист тут же передал его команду на огневую позицию. За командой лейтенанта в расчетах началась беспорядочная суматоха, батарейцы в панике стали покидать боевые порядки, оставляя на поле боя свои орудия.

Услышав внезапно возникший в траншее шум, Дружинин вместе с Цаплиным вышли из блиндажа посмотреть, что происходит снаружи.

— Быстро уходим! Танки! Немецкие танки! Бегом!.. — в ужасе крикнул кто-то из офицеров стоящим у блиндажа связистам. Дружинин с Цаплиным, со страху забыв про телефон и катушку, рванули от блиндажа, догоняя командиров и их расчеты.

Раскисшая от растаявшего снега земля для убегающих не была помехой. Чавкая под ногами, грязь разлеталась в разные стороны. Анатолию состязаться в беге с длинноногим Цаплиным было тяжеловато, Иван уверенно бежал впереди. Дружинин, еле поспевая за ним, изо всех сил старался от товарища не отставать.

Остановились друзья, когда добежали до командного пункта второго дивизиона. Переведя дух, люди постепенно стали приходить в себя. С восстановлением дыхания в умы бойцов стали приходить и трезвые мысли: «Не зря ли мы покинули занимаемые рубежи?» И только здесь Дружинин вспомнил об оставленном в блиндаже телефоне. Эта мысль как током прошила его сознание; на лбу моментально выступили капельки холодного пота.

— Ваня! Мы же телефонный аппарат вместе с катушкой в блиндаже оставили! Что мы теперь командирам объяснять будем?

Порозовевшее от бега лицо Цаплина стало багрово-красным.

— Елки-палки! Как же это мы опростоволосились?! По моему, Толя, нам конец! — в ужасе произнес Цаплин.

— Что, испугались немецких танков так, что телефон на посту оставили? — услышав разговор связистов, сурово спросил начальник штаба дивизиона.

— Так точно, товарищ старший лейтенант. Оставили... — виновато произнес Дружинин.

— Понятно! Хотя что там телефонный аппарат по сравнению с тремя орудиями — так, мелочи!.. — развел руками старший лейтенант.

Прибежавшим расчетам вместе с офицерами капитан Махлеев был крайне удивлен. Выслушав неуверенный доклад лейтенанта Зайцева, он пришел в ярость.

— Как вы, лейтенант, могли оставить орудия на позициях, не приняв бой? — гневно требовал командир дивизиона отчета от своего подчиненного.

— Наша пехота побежала... а мы что, бой должны вести без поддержки стрелковых подразделений? — мямлил Зайцев, вытянувшись по стойке смирно. Рядом с ним, покрасневшие от стыда и позорного бегства, в один ряд стояли Ткачук и Кошурин.

— Пехота в страхе побежала — и вы за ней?! Что, так

страшно стало, что вы, как перепуганные бабы, поддались трусливому настроению стрелковых подразделений и без боя оставили свои позиции?! Вы в страхе даже не попытались использовать возможность близкого выстрела по танкам противника! Почему со мной на связь не вышли? Почему не доложили об обстановке в штаб? Что, со страху забыли, что у вас телефонная связь имеется и со мной, и со штабом полка?

— Штабные связисты и один из наших спешили так, что два телефона на посту оставили, — сказал, словно подлил масла в огонь, зашедший начальник штаба дивизиона.

— Час от часу не легче! Нашего связиста ко мне! А связистов штабной батареи отправь в штаб полка, пусть Бате о своем малодушии сами докладывают, — приказал начальнику штаба капитан, продолжая просверливать взглядом стоявших посередине помещения офицеров своего дивизиона.

Ближе к полуночи Цаплин с Дружининым прибыли в штаб полка, где им предстояло доложить командиру об утраченном имуществе.

В помещении горели две керосиновые лампы; за длинным столом сидели Батя, его адъютант и замполит полка. Невысокого роста Дружинин и рослый Цаплин, стоявшие в центре комнаты, выглядели смешно и неуклюже. Батя исподлобья окинул взором жалкое подобие бойцов. Опустив голову, он с трудом сдерживал смех. Было и горько, и смешно. Дрожащим и неуверенным голосом Цаплин стал излагать обстоятельства произошедшего. Майор нахмурил брови, и на его широкий лоб набежали морщины. Не дослушав рапорт, он еще раз пристально оглядел обоих.

— Достаточно! Вот, посмотрите, Василий Павлович, какие у нас герои! — обратился Батя к политруку полка. — Молодцы! Богатыри! Любо-дорого на них посмотреть! Эти в трудную минуту не подведут! Нет!.. С такими орлами хоть в наступление, хоть в разведку можно смело идти, они

не дрогнут! Фашисты только от одного их вида на передовой из своих траншей без боя в тыл убежать будут.

Лицо Дружинина от стыда горело бордово-красными красками. Он готов был провалиться на месте, лишь бы не слышать ироническую речь майора.

— Нет, ну на самом деле, товарищ капитан, вы только взгляните! У меня и слов нет... — указав рукой в сторону связистов, сказал майор и умолк. Пауза ненадолго затянулась.

— Какой позор! Безобразие! — возмутился вдруг молчавший до этого политрук.

— Ваше отношение к службе преступно! — прервав минутную тишину, воскликнул капитан. — Это можно объяснить только слабостью, малодушием и трусостью в сложной боевой обстановке! Ваш поступок — позор для солдата Рабоче-крестьянской Красной армии, — брызгая слюной, кричал капитан.

— Вы знаете, что с трусами и паникерами у нас разговор короткий!.. — наседал политрук, строго заглядывая каждому в глаза.

Раздраженный произошедшими событиями, капитан несколько минут подряд не переставал браниться, не особо стесняясь в выражениях. Связисты по-прежнему стояли по стойке смирно. Батя поднялся со стула; не останавливаясь, он стал отмерять широкие шаги у стола. Когда политрук исчерпал свой словарный запас и замолк, майор переместился ближе; теперь он вышагивал перед вытянувшимися в струну связистами. Три шага туда, три обратно.

— Вы понимаете, что если каждый из вас будет так беспечно растрачивать имущество полка, то через месяц мы вообще останемся без связи? — совершенно спокойно спросил майор, переводя взгляд то на Цаплина, то на Дружинина.

Анатолий молчал, не зная, как правильно ответить на прямой вопрос майора. Было и страшно, и стыдно. Но тут неожиданно заговорил Цаплин:

— Товарищ майор! Разрешите, мы возвратим утраченное имущество? Мы сейчас же вернемся к себе на пост и любыми путями заберем из блиндажа оставленный нами телефонный аппарат и катушку.

От сказанных Иваном слов у Дружинина подкосились ноги. Он и представить себе не мог, как можно было вернуть телефон с катушкой, учитывая то, что в том блиндаже, где они их оставили, возможно, хозяйничают немцы.

«Это что... нам придется двоим штурмовать немецкий блиндаж только для того, чтобы вернуть имущество полка?! Ну и сказанул ты, Ваня! И кто тебя за язык тянул? Понятно, что за оставленный телефон не наградят, но и расстреливать не будут», — рассуждал Дружинин. А к такому подвигу, ради которого нужно было идти на штурм немецких позиций вдвоем с Цаплиным, он готов не был — к чему такие жертвы?! Но слово не воробей, вылетело — не поймаешь. Анатолий стоял в молчаливом согласии, полагаясь на то, что командир все-таки примет правильное решение.

— Вернут они!.. Тоже мне, гладиаторы, мать вашу! Сначала со страху бросают телефон вместе с катушкой и позорно бегут, а потом, чтобы вернуть, пытаются героизмовать... — с иронией произнес Батя, глядя снизу вверх на высокого Цаплина. — Идите! Нам посоветоваться надо, — кивком майор указал на дверь.

Развернувшись кругом, связисты вышли. Уже за пределами кабинета Анатолий после долгого напряжения наконец-то смог вздохнуть полной грудью. По распоряжению Бати адъютант Привалов вызвал в штаб командира взвода разведки. После короткого совещания лейтенант вышел из кабинета и отвел их к избе, где размещалось его подразделение. Уточнив на карте место, где располагалась батарея, и после короткого инструктажа связисты в сопровождении двух разведчиков вновь отправились в направлении села Хуторисько. Старшим группы был назначен сержант Кузнецов. Это был опытный разведчик, не раз бывавший в рейдах за линией фронта.

Николай Кузнецов — блондин крепкого телосложения. В прищуре его серых, глубоко посаженных глаз просматривались решительность и сила духа. По характеру Николай был уравновешенный, спокойный, все свои действия и планы тщательно обдумывал, в общении был прост и добродушен. Он коренной сибиряк родом из Омской области. Ко всему прочему Николай Петрович — большой любитель народных песен; в часы редких передышек в кругу друзей любил от души повеселиться, попеть и, если позволяла обстановка, мог пуститься и в пляс.

Возглавляя отряд из четырех человек, Кузнецов шел впереди, за ним — Бейтурсиков; стараясь не отставать, следом за разведчиками шагали Дружинин и Цаплин. Надоевшая всем грязь неприятно перемешивалась ногами, налипая тяжелыми кусками на обувь. Перемещалась группа по своей территории достаточно быстро. Шли молча, без лишних разговоров, соблюдая предельную осторожность, внимательно всматриваясь при этом в темноту и прислушиваясь к различным звукам.

С недалекой позиции изредка звучали выстрелы ракетниц, заряды которых, описывая кривые дуги, с шипением освещали окрестность. Минуя траншеи третьего батальона и обходя Хуторисько справа, группа приближалась к брошенной ранее позиции. Далеко слева застучала пулеметная перестрелка. Очереди трассирующих пуль веером рассеивались в ночном небе; высоко вверх чаще стали подниматься осветительные ракеты. До позиции осталось две сотни шагов. Вот показали силуэты оставленных орудий. Блиндаж, в котором были телефонные аппараты, находился несколькими сотнями метров правее, там вполне могли хозяйничать немцы. Прижимаясь к земле, группа, стараясь остаться незамеченной, настороженно продвигалась вперед.

Прошло еще несколько минут напряженной ходьбы, когда впереди идущий Кузнецов предупредительно поднял левую руку вверх. Все как один остановились. Приблизительно

в том месте, где должен был находиться блиндаж, чернел непонятный темный силуэт, больше похожий на огромный танк. Держа оружие на изготовку, группа, затаив дыхание, замерла. Все внимательно вслушивались и всматривались в темноту. Сердце Анатолия бешено колотилось. Звуков речи и передвижения людей не наблюдалось. Мелкими шагами, озираясь вокруг, бойцы не спеша приближались к объекту. Отчетливее стал проясняться исполинский силуэт немецкого танка «тигр». Подошли вплотную. Осторожно осмотрелись вокруг. Ни в танке, ни рядом немцев не было. Странно! Перед ними без видимых повреждений стоял лучший образец немецкой бронетехники. Так близко Дружинин его еще никогда не видел. Ступенчатое башенное орудие с огромным дульным тормозом выглядело угрожающе. «Вот это громадина!» — подумал он. Противника поблизости не было, и бойцы, успокоившись, принялись очищать грязь со своей обуви о катки и гусеницы эталона гитлеровской пропаганды.

— Почему его здесь бросили? Пробоин на нем вроде не видно, — шепотом стал интересоваться у разведчиков Цаплин, продолжая чистить обувь.

— А кто его знает?! Может, поломка серьезная, а может, бензин кончился, вот и бросили. Такое у немцев тоже бывает, — попытался объяснить Бейтурсиков.

— Ну и где ваши... — не успел до конца задать вопрос Кузнецов, как со стороны блиндажа неожиданно донеслась немецкая речь. Молча бойцы метнулись за танк, наблюдая за происходящим из-за его брони. Только теперь Анатолий заметил едва видимый в темноте вражеский бронетранспортер. Он стоял в нескольких метрах за блиндажом, рядом прохаживался караульный, который обнаружил себя светом карманного фонарика.

— Ваня, неужели конец нашему телефону? — с сожалением произнес Дружинин.

— Да и хрен с ним, с телефоном, теперь главное — ноги отсюда унести, — ответил Цаплин, не спуская глаз с разгова-

ривающих в траншее немцев. Судя по количеству голосов, доносящихся со стороны блиндажа, стало понятно, что вступать в бой с превосходящим противником не стоит: силы совсем не равны. Да и приказ командира гласил не героизировать, а действовать по обстановке. При возможности вернуть имущество в полк, но бессмысленно в бой не вступать.

— Может, по фрицам из их же танка жахнуть? — неуверенно спросил у разведки Цаплин.

— Правильно! Вот ты сейчас залезешь в танк и жахнешь! — сказал ему Кузнецов, указывая большим пальцем на башню «тигра».

— А что я?! Я не танкист. Из танка стрелять не умею, тем более из немецкого, — виновато оправдывался Иван.

— А, ну да! Извини!.. Это остальные, присутствующие здесь, раньше в танковой группе Гудериана служили. Любой из нас сейчас, как ты сказал, из этого танка жахнуть сможет, — съязвил разведчик, прижимая ближе к земле голову невероятно высокого Цаплина. — Так! Тихо, без паники отступаем и возвращаемся в полк! — приказал шепотом Кузнецов. Озираясь по сторонам, бойцы осторожно стали отходить, скрываясь в темном сумраке ночи.

Ранее в район Хуторисько для выяснения обстановки выдвигалась другая группа вооруженных людей во главе с покинувшими позиции тремя офицерами второго дивизиона. Добравшись до населенного пункта, возглавляемая лейтенантом Зайцевым группа обнаружила зашедшие в Хуторисько танки. Не проведя тщательную разведку, офицеры приняли нашу бронетехнику за танки противника и вернулись обратно. Впоследствии оказалось, что немецкая колонна, вышедшая из населенного пункта Смела, минуя Хуторисько, прошла в направлении села Краснополь. В блиндаж, где был оставлен телефонный аппарат, на короткий период заезжало небольшое подразделение противника, которое вскорости покинуло его. Очевидно,

эти немцы ранее хозяйничали здесь и заехали сюда просто по старой памяти.

До полудня три орудия, оставленные на позиции, были вывезены из района Хуторисько исправными. А вот имущество телефонистов досталось врагу в качестве трофеев; с ним пришлось попрощаться.

По приказу командира полка за проявленную трусость и малодушие лейтенант Зайцев был арестован на десять, а младшие лейтенанты Кощурин и Ткачук — на пять суток домашнего ареста. Дружинин с Цаплиным отделались лишь легким испугом. Под смех боевых товарищей ранним утром они перешли на другой пост.

— Слушай, Толя! Ты хоть бы кофе с фрицами попил, раз в гости к ним на ночь глядя нагрязнул, — смеялся Солянок, похлопывая его по плечу.

— Ха-ха-ха! Да кофе в ту ночь у немцев хреновый был, вот он принципиально и отказался. Чего зря время тратить? — продолжил за Дружинина Лёшка Лаврушин.

— Если кофе хреновый, надо было хоть сала немецкого с чесночком отведать. Фашист, он любит салцом перекусить! — шутил Васька.

— От сала я и сейчас бы не отказался. А то от постной каши на завтрак жрать еще больше хочется, — смеясь, пожаловался Анатолий.

— Это точно! Ты, Толя, в следующий раз как к немцам в гости пойдешь, то сразу в плен их повара вместе с кухней бери. Тогда тебе и от командования орден на грудь, и весь наш взвод тебя за хороший обед искренне благодарить будет, — посоветовал Солянок, собираясь вместе с Анатолием на пост.

Только друзья расположились на посту и приступили к трапезе, как в это самое время со стороны немецких траншей со скрежетом заговорили шестиствольные минометы. Рывкая истошным ревом, вражеские орудия обрушили на центральную часть села Жеребки шквал смертоносного

металла. Был у этого немецкого орудия при залпе своеобразный звук, похожий на рев осла, за что наши солдаты иногда называли это орудие «ишак». Но все же больше данное чудо немецкой техники было известно под прозвищем «ванюша».

Анатолий наблюдал, как реактивные мины огненными стрелами, взлетая со стороны вражеских позиций, оставляли за собой длинный шлейф черного дыма. Прямо над головами проносились темные тени снарядов, которые потом разрывались на улицах и во дворах села Жеребки. Взрывы были такой силы, что казалось, при этом подпрыгивала земля. Опустившись на дно своего ровика, Дружинин с силой вжимался во влажный грунт, стараясь сохранить в своем котелке драгоценный кулеш. Но, слава богу, вражеский обстрел прекратился сравнительно быстро.

— Хорошо, что это адское орудие длительное время не обстреливает. Кстати, как и наша «катюша». Даст, даст залп... и быстренько покидает свои позиции, — делился своим опытом Солянок, рассказывая Анатолию про тактику шестиствольных минометов. — Ну это для того, чтобы их не накрыла авиация или артиллерия, — уточнил Василий, вылезая из своего окопа.

Через несколько минут над рядами траншей зашелестели снаряды наших орудий.

— О! Что я тебе и говорил! Теперь наша артиллерия немецкие расчеты накрыть пытается. Дай бог, накажут фашиста за обстрел во время завтрака, — жажда мщения, мечтал Солянок, глядя туда, где теперь разрывались снаряды наших 122-миллиметровых гаубиц. — Ну что, Толя, вот сегодня у нас шестнадцатое января? Так?

— Так.

— Мы с тобой живы?!

— Так и есть.

— Вот и хорошо! И самое главное — завтрак сберегли.

— Еще бы! Каша солдатская цела. Значит, жить будем! —

довольный тем, что остался жив, ответил Анатолий, продолжая орудовать в котелке ложкой.

— Правильно! Завтрак, Толя, надо съесть самому. Это обедом с другом можно поделиться, а ужин врагу отдать. Но мы ни обед, ни ужин врагу отдавать не собираемся: самим мало. Согласен?

— Конечно! Чего это я фрицу ужин отдавать свой должен? Немец — он и без того сытый, как кабан. Вон они, фашисты, сало свое немецкое с чесноком жрут да кофеем его запивают. А нам только позавчера американскую тушенку выдали, да и то одну банку на двоих, — возмущался Анатолий, глядя, как к ним подводит под уздцы своих лошадей ездовой Бахримов.

В центре села Жеребки укрывалось отделение тяги седьмой батареи, здесь подразделение и накрыло снарядами шестиствольных минометов. Неполная упряжь Турхумбая, состоящая из четырех лошадей, забрызгана грязью; на спинке орудийного передка повреждена доска. Очевидно, что осколками разорвавшейся мины убило двух левых, уносных лошадей. Погибли и находившиеся рядом ездовые. Из четырех оставшихся в живых животных ранило молодую кобылку.

Ее кровотокающая рана на левой задней ноге была небольшой, из нее торчал край маленького металлического осколка. Турхумбай, привязав вожжи к изгороди, как мог стал успокаивать своих подопечных. Подойдя к раненой лошади, солдат аккуратно выдернул из ноги животного металлический осколок. Лошадь дернулась, и он с сочувствием и любовью стал утешать ее на узбекском языке, заботливо поглаживая по спине.

Дружинин и Солянок за этой трогательной картиной наблюдали со стороны. Испуганная лошадь фыркала, дрожала всем телом, прыдала ушами, в ее добрых глазах стоял страх от пережитого обстрела. Не выдержав напряжения, Солянок подошел к лошади; проводя рукой по шелкови-

стой гриве, он стал с любовью гладить и трепать ее мускулистую шею.

— Ну все, моя хорошая, все, все... Успокойся. Успокойся. Обстрел закончился. Рана твоя небольшая, заживет быстро, — приговаривал Василий, поглаживая несчастное животное по загривку. — Что, Турхумбай, под обстрел «ванюши» попал? — обратился он Бахримову. — А вот немцы хотят своего «ванюшу» на нашей «катюше» женить. Ты как, не против такой свадьбы? — в шутку спросил у него Солянок. При этом он с любовью обнял голову пострадавшего от обстрела животного и ласково шепнул ему что-то на ухо.

— Пусть немцы свой «ишаком» на наш узбекский ишак женит, — в сердцах, раздраженно ответил Бахримов. — Сволош такой... немцы! Наш «катыш» сто раз лучше его «иван»! Жениться он собирался! — негодовал Турхумбай, вытаскивая из заднего кармана свой личный санитарный пакет. — Два мой друг убил, спинка передок разбил, два лошадей тоже убил, один молодой бедный лошадь ранил. Сволош... — продолжал ругаться Бахримов, не зная, как при этом утешить раненое животное.

Турхумбай по национальности узбек, но родом он был из Ошской области Киргизии. Будучи приветливым и добрым человеком, он всегда при встрече с друзьями по их обычаю кланялся, прижимая к левой стороне груди руку. Потом необычно протягивал обе руки, чтобы поздороваться. Говорил чудно и просто, с большим азиатским акцентом, что невольно у солдат вызывало улыбку. Теперь, когда под обстрелом погибли его боевые друзья, Турхумбай негодовал, сыпля проклятия в адрес фашистских извергов. В его глазах просматривалась жгучая ненависть к врагу. Сжимая кулаки, он то и дело бросал гневный взгляд в сторону немецких позиций. Но что мог сделать этот маленький щуплый человечек с теми, кто убил его боевых друзей, с которыми он с мая сорок третьего года вместе нес эту нелегкую службу?

— Хороший мой, хороший, — с нежностью приговаривал он уже на русском языке, успокаивая животное и прикладывая к его ране бинт с ватным тампоном. Васька пожалел о том, что он в такой тяжелый для Бахримова момент завел этот шуточный разговор. И чтобы теперь как-то сгладить свою ошибку, он подошел и с любовью обнял Бахримова за плечи.

— Ничего, Турхумбай, не расстраивайся, отомстим мы врагу за твоих друзей. Жалко, конечно, погибших товарищей, но что поделаешь — война. Людей убивают — жалко, животных — тоже жалко. Они не виноваты, что Гитлеру земли показалось мало и он решил ее у нас отобрать. Не переживай, дружище. Нам живым дальше жить надо и бить врага, чтобы отомстить фашистам за смерть наших боевых друзей. Дадут тебе новых коней, а мы, когда будет трудно, будем им помогать орудия перетаскивать. Не расстраивайся, прогоним мы Гитлера-гада с земли нашей, — как мог подбадривал Бахримова Васька, обнимая его и по-дружески похлопывая по плечам.

В течение нескольких дней противник при поддержке танков и артиллерии неоднократно переходил в контратаки, по всей вероятности, с задачей выявить огневые средства и прочность обороны наших частей. В последующем немцы перешли к несколько другой тактике: пытались вклиниться в нашу оборону танковыми подразделениями в ночное время суток. Теперь и ночью приходилось уху держать остро. Семнадцатого января полк Дружинина с боями переместился к южной окраине Жеребок. Погода в этот день испортилась. Наступившая оттепель сменилась заморозками. Температура воздуха опустилась намного ниже нуля, стал усиливаться ветер, с темного неба крупными хлопьями посыпался снег, превращая окрестности в сплошную непроглядную мглу. День походил к концу. Сумерки сравнительно быстро окутывали окрестности. В этот самый неподходящий момент Анатолий провалился в яму, наполненную

до краев водой, сильно промочив шинель, ботинки, ватные брюки и рукавицы.

— Что, Толя, портки промочил? — смеялся Васька, глядя, как Дружинин в протопленном блиндаже устраивал возле горячей печки свои промокшие вещи.

— Да, Вася, в яму с водой угодил, будь она неладна. Снегом все припорошило, вот я в нее и попал, как кур во щи.

— Вот как раз в таком виде ты очень мне напоминаешь мокрую курицу, — не унимался Солянок.

— Тебе бы, Вася, все шутки шутить, а мне что делать, если, не дай бог, придется на обрыв линии бежать?! В таком виде да при такой погоде и замерзнуть будет немудрено.

— Ничего, не переживай. Шинель быстро высохнет, она у тебя и не сильно промокла, а вот ватные штаны с рукавицами сохнуть будут долго. Остается надеяться, что повреждений на линии сегодня не будет, — улыбаясь, утешал его друг.

На улице продолжала бушевать непогода. В трубе металлической буржуйки завывал ветер. Прошло более часа, как Анатолий развесил одежду возле горячей печки. Шинель, как и говорил Солянок, высохла сравнительно быстро, а вот ватные брюки и рукавицы были еще достаточно влажными. То и дело Дружинин вставал со своего поста и, торопя события, без конца прощупывал их руками.

Около восьми часов вечера на линии произошел обрыв.

— Ну что ты будешь делать?.. — выругался Анатолий, обнаружив неисправность. — Сбой связи у меня на линии, Вася. Придется бежать, исправлять повреждение, — пожаловался он Солянку, застегивая шинель.

— Не вовремя ты свои ватные штаны промочил, смотри не замерзни там в такую пургу без теплых-то портков, — беспокоился о друге Солянок.

Выбравшись из теплого блиндажа наблюдательного пункта, Анатолий вышел в небывалую темень. То, что днем было легко заметить невооруженным глазом, теперь упорно

скрывала от взора непроглядная мгла, в которой, безумствуя, бушевала снежная стихия.

Положение спасал полевой провод, вдоль которого Дружинин и перемещался. Колючий снег нещадно бил в лицо; прикрываясь от него правой рукой в рукавице, Анатолий мечтал лишь о том, чтобы разрыв провода был небольшим. В противном случае в этом снежном хаосе второй конец можно и не найти. Спрятаться в открытом поле от пурги было невозможно; ветер сбивал дыхание, снег, ослепляя, бил в глаза, по мокрым щекам текли слезы. Промокшие рукавицы и ботинки сковало морозом, отчего пальцы рук и ног нещадно сводило от холода. В левой, покрытой льдом варежке скользил провод, уводя Дружинина все дальше от теплого блиндажа.

«Ну и погода! — негодовал Анатолий. — Обычно в метель сильного понижения температуры не бывает, а тут, как назло, еще и мороз давит».

Шагая по линии, Анатолий даже приблизительно не мог сориентироваться, на каком участке он находится. Вокруг сплошная непроглядная мгла. Вот и обрыв. Только где второй конец провода — непонятно. Несколько раз он пытался его найти где-то рядом, но из этого ничего не получалось. Отойти дальше — можно потерять и этот конец, тогда все!.. Наблюдательный пункт вряд ли найдешь: вокруг такая кутерьма! Можно в лучшем случае заблудиться, в худшем — забрести к немцам. Но выбора нет, надо искать.

В нескольких метрах от обрыва удалось найти кусок обшивки от сбитого вражеского самолета. Анатолий подтащил его к концу провода и обмотал несколько раз вокруг, чтобы легче было найти. Хоть какая-то заметная точка в чистом поле. Отправляясь на поиски, он несколько раз пытался зацепиться взглядом хоть за какой-нибудь другой ориентир кроме небольшого куска фюзеляжа, но ничего не получалось: зацепиться было не за что. Тогда он стал обследовать квадрат за квадратом, раскидывая ботинками наметенный снег.

Вьюга как будто еще больше старалась скрыть все из вида. Ветер порывами яростно налетал раз за разом, засыпая в лицо очередную порцию снега. Холод острыми кинжалами проникал под одежду, замерзающие кончики пальцев на руках и ногах начинало покалывать. Несколько раз Анатолий возвращался обратно, стараясь запомнить направление, куда удалялся от обрыва, с трудом находил его и вновь уходил на поиски.

«Скорее всего, здесь прошли танки, — подумал он, — только после их гусениц приходится долго разыскивать концы», — негодовал Анатолий, ругая танкистов. Время шло, а второй конец провода так и не найден. Продрогший насквозь от невыносимого холода, он все дальше и дальше уходил в снежную мглу. «Только бы не попасть в траншеи к немцам», — повторял он, продолжая разгребать ботинками снег. Вдруг его нога зацепилась за что-то похожее на провод. Он нагнулся, потянул вверх... и вот он, полевой кабель! От сердца отлегло.

— Ну наконец-то! — с облегчением произнес вслух Дружинин и потянул провод на себя, но оборванного конца не было. Целая, без повреждений линия вытягивалась из-под снега не без усилий.

«Где же обрыв, в какую сторону идти?» — недоумевал Анатолий. Наконец, хорошо обдумав ситуацию, решил: необходимо зачистить изоляцию здесь и проверить связь. «Если отзовется Коротков — надо будет идти по линии до обрыва влево, если Солянок — вправо», — сделал вывод Анатолий и замерзшими руками стал вытаскивать из кармана телефонную трубку и нож. Пальцы не слушались. Не обратив внимания на цвет провода, он зачистил изоляцию, кое-как подсоединил холодную трубку и поднес ее к уху. Но вместо родных слов с другого конца провода резанула слух противная немецкая речь. Как током прошибли Дружинина услышанные им вражеские слова. Оказалось, блуждая по степи, он зашел на территорию, где хозяйнича-

ли немецкие наблюдатели. Резко сорвав трубку с неприятельского кабеля, Анатолий сломя голову рванул прочь, подалее от злосчастного места.

Он сам не понял, как через несколько минут оказался там, где положил кусок самолетной обшивки. Повезло! Чередой неудач сочеталась с редким случаем удачных стечений обстоятельств. Тяжело дыша, Анатолий несколько минут постоял на месте, чтобы перевести дух. Метель продолжала бушевать. Под белым пробирались тонкие потоки холодного воздуха. Резко ощущалось отсутствие ватных брюк, которые остались просыхать в блиндаже. Долго оставаться на одном месте нельзя. Можно и замерзнуть. Необходимо было продолжать поиски. Дружинин еще раз осмотрелся и понял, что сместился от маршрута влево. Отправляясь вновь в направлении штаба полка, он теперь старался держаться правее. Северо-восточный ветер, обжигая холодом, продолжал свое дикое веселье, наматывая сугробы. Толщина снега увеличивалась, и это еще больше затрудняло поиск. По телу полз леденящий озноб. Замерзшие кончики пальцев на руках и ногах теряли чувствительность. Время шло, но второго конца кабеля так нигде и не было. Теряя надежду, он безнадежно всматривался в темень, прикрываясь от колючего снега двупалой рукавицей.

«Что же делать, не пропадать же здесь в поле? — путаясь в мыслях, задавал себе вопрос Анатолий. — И, не восстановив связь, на наблюдательный пункт тоже не явишься», — переживал он, не понимая, как выбраться из этой безвыходной ситуации.

Запорошенный снегом, насмерть промерзший, Дружинин стоял посреди поля, где свирепо бушевала снежная буря. Вокруг ни дороги, ни следов — ничего! Отчаявшись от безысходности, он готов был разрыдаться.

И вдруг сквозь летящие хлопья его взгляд зацепился за тонкую полоску, едва чернеющую из-под снега. Сердце замерло в нетерпении; опрометью он бросился туда, как

будто боялся, что увиденное вдруг исчезнет. Из-под небольшого сугроба торчал второй конец провода, который он больше часа безуспешно пытался найти. От радости он готов был обнять и прижать его к сердцу. Этот конец необходимо было проверить и сразу же нарастить. С большими усилиями закоченевшими на морозе руками Анатолий извлек из противогазной сумки кусок кабеля. Пальцы едва удерживали вытащенный из кармана шинели нож. Зачищать изоляцию было непросто. Снег на руках таял, а на холодном ветру пальцы становились ледяными. С трудом он содрал изоляцию, подсоединил трубку и на другом конце провода услышал знакомый голос Коробкова. «Хорошо ему... он сидит в штабе, там сейчас тепло», — не без зависти подумал Дружинин, корчась от жуткой стужи. Убедившись, что в данном направлении линия исправна, он отсоединил трубку; чертыхаясь на свирепствующую пургу и холод, непослушными пальцами с трудом сделал скрутку, заталкивая в карманы трубку и инструмент.

Поднимаясь с колен, он понял, что образовалась еще одна проблема — в малой нужде. И как всегда, не вовремя. Как тяжело свершить такую церемонию замерзшими руками, он помнил с детства. Полусогнутые конечности не двигались, а необходимо было как можно быстрее расстегнуть на шароварах гульфик. Но что делать? Другого варианта нет... Разгневанный от бессилия и готовый заплакать, он, подпрыгивая и сопя, в полусогнутом состоянии крутил в петлях неподдающиеся пуговицы. Как только ему не пришлось извиваться для того, чтобы проделать такую, казалось бы, обычную процедуру. И вот наконец, после нескольких минут мучительных манипуляций, он с облегчением вздохнул. Процесс завершен. Только расстегнуть гульфик было проще, а вот застегнуть пуговицы непослушными пальцами было уже невозможно. Матюгнувшись, Анатолий кое-как застегнул шинель и, надев заледеневшие рукавицы, выдвинулся к началу обрыва, который ранее отметил куском фюзеляжной обшивки.

Метель продолжала завывать звенящими голосами. Жуткая темень: ни звезд, ни луны. В этой непроглядной и устрашающей темноте, клубясь и мечась, обесформленные ворохи снега с завыванием падали вниз и тут же, подхваченные ветром, с бешеной силой уносились куда-то в сторону. Шинель Анатолия то надувалась куполом, то раздражающе путалась в ногах, то ее полы под порывами ветра вновь поднимались вверх. Передвигаясь вперед, плотное сукно зимней одежды периодически приходилось поправлять руками.

Выбранное направление оказалось правильным. Через пятнадцать-двадцать минут поисков Дружинин вышел к линии, идущей на наблюдательный пункт. Кусок обшивки вражеского самолета помог быстрее найти конец провода. Спасибо советскому летчику, который сбил врага как раз на этом месте. В спешке, осыпая бранными словами и танкистов, и непослушный провод, и бог знает еще кого, Анатолий с большим трудом, но наконец завершил скрутку. Убедившись в исправности линии, он на ходу затолкал в карманы инструмент и, чтобы не заблудиться, для уверенности взял в руку полевой провод. Не теряя ни минуты, Дружинин рванул в сторону наблюдательного пункта.

Весь заметенный снегом, сторбившийся, как девяностолетний дед, с онемевшими от холода конечностями Анатолий ввалился в теплый протопленный блиндаж.

— Толя, ты живой! Ну слава богу! — с радостным криком кинулся к нему Солянок. Глянув на своего боевого друга, он сразу понял, что ему необходима срочная помощь. — Братцы, помогите! — призвал на подмогу обитателей блиндажа Васька, снимая с Дружинина шинель и шапку.

Находящиеся в помещении разведчики и связисты стали помогать ему снять верхнюю одежду, принялись растирать водкой конечности, дали из фляжки отхлебнуть, чтобы согрелся изнутри. Анатолий был тронут таким вниманием. Друзья все это время с нетерпением ждали его возвраще-

ния, переживали. Каждый присутствующий как мог старался помочь и в свою очередь сказать нужные слова для моральной поддержки.

В обмороженные на холоде нос, пальцы на руках и ногах стала поступать кровь. И теперь их безжалостно кололо тысячами тонких иголок. Боль была нестерпимой, отчего Анатолий, завывая, приплясывал у горячей печки.

— Ничего, Толя, ничего! Сейчас отогреешься, и все пройдет. Потерпи, дружище, главное, ты живой, а озябшие пальцы согреются в тепле и перестанут болеть, — успокаивал его Васька, с улыбкой наблюдая за пританцовывающим другом.

Но это было еще не все. Только уже по прибытии в теплый блиндаж Анатолий пожалел о том, что зря поторопился, оставив расстегнутым гульфик на своих шароварах. Отогреваясь у печки, он почувствовал, что стало покалывать и то место, которое стыдно было показывать друзьям. Не так страшно людям на фронте было потерять руку или ногу, как ту часть тела, от которой зависело продолжение рода человеческого. А это уже серьезно! Страх за тяжелые последствия и невыносимая боль вынудили его расстегнуть штаны и максимально, насколько это было возможно, подступиться к печке, чтобы ускорить режим согревания.

— Святые угодники! Ты что, Толя, кроме рук и ног еще и птенчика своего умудрился в степи отморозить? — смеялся Васька, глядя, как Анатолий выгибается в поясе.

— Глупость великую, Вася, я сотворил, — голосил Дружинин. — Приспичило мне в самый неподходящий момент, а руки-то замерзли. Тут расстегнуть ширинку надо побыстрее, а я не могу — пальцы не слушаются. И как быть? Не делать же все в штаны? Расстегнуть-то я их кое-как смог и все необходимые дела свершил, как положено, а вот застегнуть штаны не получилось. Так вот с раскрытым забралом сюда и прибежал, — поддерживая двумя руками расстегнутые шаровары, жаловался Анатолий.

— А зря, Толя. В критической ситуации можно и в штаны... Теплее было бы! — смеялся Васька, заражая присутствующих своим смехом. Жаль было друга, но и без смеха эту картину наблюдать было невозможно.

— Тебе бы, Вася, только посмеяться, а мне, если я вдруг свои «документы» отморозил, то и жить далее уже незачем, — корчился от боли Анатолий.

— Ничего, Толя! Не переживай. Если все так критично окажется, так мы с коллективной просьбой к Матиевскому обратимся, и он, как опытный военврач, тебе от какого-нибудь смертельно раненного немецкого жеребца «аусвайс» приспособит, — продолжал балагурить Васька. В блиндаже люди заливались смехом. — С такими «документами» тебе и без боевых наград не стыдно будет на родину возвращаться, — хохотал Солянок, содрогаясь всем телом.

А Дружинин тем временем продолжал ужом извиваться у печки. Остро колющая боль не унималась, продолжая беспокоить его и физически, и морально.

Полог на входной двери в этот момент распахнулся, и в освещенный двумя коптилками блиндаж шагнул командир третьего дивизиона капитан Лосин. Приветствуя офицера, люди встали. Лосин не был приверженцем уставных отношений и в боевых условиях не был излишне строг.

— Да сидите, сидите, — сказал капитан, сдерживая бойцов останавливающим жестом, — на улице не унимается вьюга, а у вас тут, смотрю, весело, — улыбаясь, произнес он, отряхиваясь от снега. Смех продолжился.

— Понимаете, товарищ капитан, — стал объяснять причину потехи Солянок, — у нас тут с Дружининым оказия небольшая произошла. А может быть, и большая! — разводя руками, не унимался хохотать Васька.

Анатолий тем временем, смущенный появлением в блиндаже командира дивизиона, ссутулившись, семенил ногами у печки. Он то тряс отогревающимися кистями, то

хватался ими за расстегнутые штаны, удерживая их, чтобы они не спадали.

— Так что же с ним произошло, что вы тут заливаетесь жеребцами? — заражаясь смехом от присутствующих, интересовался капитан, сгорая от любопытства.

И Солянок, не прекращая смех, продолжил:

— Побегал наш герой в такую лиходейную погоду по линии обрыв устранять, а там, как назло, ему и приспичило. Расстегнуть-то пуговицы на ширинке он замерзшими руками кое-как смог, а вот застегнуть обратно не получилось. Так вот с раскрытым «скворечником» сюда и прибежал, — пытаюсь сдержаться от смеха, рассказывал Лосину Солянок, сваливаясь спиной на бревенчатый накат.

Понимая, что Ваське тяжело справиться с приступом смеха, в центр блиндажа вышел полковой разведчик Кузнецов, ему тоже не терпелось в красках описать офицеру произошедший с Дружининым курьезный случай. С трудом сдерживая себя от гогота, он продолжил:

— Так вот, товарищ капитан, в раскрытую ширинку Анатолию холодным ветром так надуло, что теперь он терзается в сомнениях: не околел ли насмерть его «пернатый»? — успел сказать Кузнецов и сам стал жертвой истерического смеха.

Немного успокоившись, рассказывать потешную историю снова принялся Солянок:

— Вы понимаете, товарищ капитан, мало того что наш Толик чуть пальцы ног и рук не отморозил, так ему теперь периодически в свои штаны приходится заглядывать. Только одна мысль Дружинина сейчас и терзает: запоет ли нынешней весной его «скворец», или все-таки придется его с почестями похоронить? — с трудом договаривал последние слова Васька, срываясь в раскатистый хохот.

Лосин сам закатился смехом. Смеялся вместе со всеми и Анатолий, чувствуя, как в отогревшихся в теплом помещении конечностях спадает боль и от прилива крови они наполняются приятным теплом.

— Что же ты, Анатолий, так беспечно к своему драгоценному имуществу относишься? — смеясь, обратился к нему Лосин. Расстегивая пуговицы шинели, он смотрел на покрасневшее в тепле лицо Дружинина. — Так по неосторожности можно и инвалидом остаться, — добавил капитан, поддерживая веселый разговор.

— Так откуда мне было знать, товарищ капитан, что это дело тоже обморозить можно? — с неподдельным удивлением заметил Анатолий. — У нас в Казахстане бураны случаются не слабее нынешнего, да и морозы там покруче украинских бывают. Меня этим не удивишь. И руки, и ноги, бывало, замерзали, да так, что потом до слез было больно, когда тело начинало согреваться. А вот чтобы «документы» отморозить — такого в моей жизни еще не было, — роптал Дружинин на курьез, произошедший с ним.

Долго еще люди балагурили в блиндаже, подтрунивая над Анатолием, вспоминая другие смешные эпизоды из своей жизни. В разговорах они отвлекали свои мысли от тяжелой солдатской службы.

Метель намела достаточно большие сугробы. Чистили на следующий день свои окопы от снега и немцы, привлекая к этой работе местное население. Теперь с наблюдательного пункта Анатолий в стереотрубу мог видеть, как противник вел окопные работы, минируя и укрепляя оборону в два — три кола спирали Бруно. С этого дня в войсках фронта стали проводить передислокацию; Пятьсот тридцатую стрелковую дивизию перевели во второй эшелон обороны, давая возможность бойцам помыться в бане, отдохнуть, принять пополнение личного состава и техники. Теперь свою работу стали проводить политработники, принимая в ряды ВЛКСМ и ВКП (б) новых членов. В подразделениях на должном уровне проводились политзанятия с информацией об успехах наших войск на всех фронтах, об экономической и политической обстановке в стране и в мире.

ФЕВРАЛЬ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО

Двадцать четвертого января началась Корсунь-Шевченковская наступательная операция, целью которой было окружение и уничтожение крупной группировки противника в образовавшемся глубоком выступе между Первым и Вторым Украинскими фронтами. На востоке выступ упирался в Днепр. Германским командованием этот участок не только готовился к устойчивой обороне, но и рассматривался как плацдарм для наступательных действий с расчетом на восстановление фронта по всему Днепру. Корсунь-шевченковская группировка противника состояла из частей группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна и насчитывала в своем составе более ста семидесяти тысяч человек. По плану Ставки верховного главнокомандования встречные удары двумя фронтами планировалось нанести под основание образовавшегося выступа в общем направлении на населенный пункт Шпола. Войска Первого и Второго Украинских фронтов должны были окружить и в дальнейшем уничтожить крупную группировку противника, соединившись в районе Звенигородско-Мироновского выступа.

Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия готовилась к длительным маршам в режиме полной секретности. Двадцать восьмого января по планам штаба Первого Украинского фронта дивизия вошла в состав Сто шестого стрелкового корпуса Тридцать восьмой армии и должна была находиться во втором эшелоне наступающих войск.

Артиллеристы побелили орудия, тщательно замаскировали командные пункты и наблюдательные посты. Разведчики, уходящие в рейд за линию фронта, облачались в белые маскировочные халаты. Двадцать девятого января части дивизии выдвинулись маршем по маршруту Янушполь — поселок Ленина с большим привалом в селе Семёновка.

Первого февраля сразу после обеда состоялось построение полка; отличившихся в боях людей награждали боевыми орденами и медалями. Дождался своей первой награды и Дружинин.

Четвертого января сорок четвертого года приказом 034/4 он был награжден первой в его жизни медалью «За отвагу». Анатолий этой награде был удивлен. Ведь он не успел отличиться в боях сорок третьего года. И в первоначальных списках безвозвратных потерь стрелкового полка, в котором он тогда служил, вообще числился погибшим. Наверное, старший лейтенант Тулепов вспомнил ту атаку в районе колхоза «Лисица», где в составе четвертой роты они вместе с ним брали штурмом вражеские траншеи. Видимо, за тот бой старший лейтенант и решил наградить своего связиста, а заодно и исправить свою ошибку: что не отметил бойца сразу, как обещал. Теперь это и неважно. Главное, перед строем состоялось торжественное вручение той медали, которую пророчил ему в начале января Васька Солянок. Люди радовались своим боевым наградам, рассматривая новенькие, еще блестящие ордена и медали. В этот же день приказом по полку Цаплина из взвода связи перевели в разведку. Иван этой новости был безгранично рад.

— Вот смотри, Лёша! За брошенный на посту телефонный аппарат Дружинина наградили медалью «За отвагу», а долговязого Цаплина, как самого «благонадежного», еще и в разведку перевели, — как бы возмущаясь, обратился к Лаврушину Солянок.

— Да, Вася! Я тоже тут подумал и решил: может, и нам с тобой телефоны немцам отдать — глядишь, и мы при наградах будем?! А?

— Попробуйте, товарищи! Только, думаю, в лучшем случае вам по десять суток ареста влепят вместо орденов. Это только Дружинина за такие «подвиги» медалями награждают, — присвистнул Прусов, в действительности искренне радуясь за друга. — Ты, Толя, не вздумай обижаться! Это мы шутя. На самом деле мы рады, что у тебя на груди теперь есть боевая награда.

— Да понимаю я, — улыбался Дружинин.

— А помнишь наш разговор тогда под Жеребками, когда я тебе говорил, что будут у тебя еще медали?! — хлопнув Дружинина по плечу, радостно спросил его Солянок.

— Конечно помню.

— Вот!.. Первая награда у тебя уже есть, а пока до Берлина дойдем, еще как минимум парочку медалей, а то и орден заработаешь, — подмигнул Васька, подбадривая друга. — Скоро девчата сами тебе дружбу предлагать начнут. Ну а если трудности возникнут, то Лёшка тебе в этом деле всегда рад будет помочь. У него с женским полом проблем никогда не было. Ежели что — обращайся. Он подсобит!

— Да помогу, помогу. Ежели что... — смеясь, согласился Лёшка. — Я всем, Вася, помогу, как только сам до этого женского пола доберусь. А то, знаешь, сейчас с этим делом туговато как-то, — заметил Лёшка, разводя руками.

— А что ты там, тезка, про Цаплина говорил — он что, уходит из нашего подразделения связи? — переспросил Прусов.

— Да! Добился-таки своего. С сегодняшнего дня его во взвод разведки перевели.

— Да ты что?! Как же этот громила ростом с пожарную каланчу пойдет за линию фронта?! Его же немцы со своих позиций и без бинокля могут рассмотреть! — возмутился Лаврушин, нахмутив брови. — Ну и дела!..

— Как видишь, после проявленного «героизма» с брошенным на посту телефоном его наши разведчики сразу заметили. Вот я тебе и предлагал повторить «подвиг» наших однополчан, чтобы быть при наградах, да еще в разведзвод перевестись, — шуткой укорил его за непонимание Солянок. — А Прусов сразу: десять суток ареста, десять суток ареста... — смеялся Васька, обнимая Анатолия за плечи. Так, балагурия и со смехом, друзья разошлись по своим постам.

Восьмого февраля, оставив прежние позиции, дивизия к часу дня вновь выдвинулась на марш. Уже два дня, не унимаясь, шел дождь, периодически вперемешку с мокрым снегом. Дороги покрылись снежной кашей, превратившись со временем в сплошное грязное месиво. Застревающие повозки и передки с орудиями приходилось выталкивать из выбитой колесами глубокой колеи. Ночные переходы выматывали. Выбивались из сил и люди, и лошади, выходила из строя техника.

Через двое суток марша во второй половине ночи полк прибыл в местечко Дзюньков. В ночной темноте село было разбужено неожиданным шумом подразделений полка. От одной окраины к другой волной покотился напористый лай собак. В окнах сельских домов стал загораться едва заметный свет. Хозяева вынуждены были открывать двери неожиданным гостям.

Людей на отдых стали распределять по сельским хатам. На широких улицах возле техники и орудий выставили караулы. Суматоха продолжалась около часа. Вскоре рокот моторов стал угасать, затих людской гомон, сник и разноголосый лай дворовых собак. Офицеры штаба с командиром полка расположились в двух комнатах знатного дома в центре села. В самой большой комнате разместились бойцы штабной батареи. Уставшие от ночного марша, люди укладывались прямо на пол; едва коснувшись деревянного пола, бойцы засыпали. Зайдя в помещение, Дружинин увидел пол, от стены до стены застланный телами однопол-

чан — не было места даже камню упасть. Неожиданно Анатолий обратил внимание на стоящую возле входной двери скамейку.

«Вот здесь я и устроюсь», — решил он, снимая с плеч вещмешок. Но не его одного посетила такая мысль: домашнюю утварь одновременно заметили сержант Тёмин и Лёшка Лаврушин. Скамейку пришлось делить на троих. Сон валил с ног. Едва устроившись на лавке, Анатолий стал медленно засыпать, незаметно для себя наклоняясь вперед. Чтобы не свалиться на пол, он оперся руками на ствол своего оружия. Найдя удобное положение, Дружинин вскоре крепко заснул. Сидевший слева сержант Тёмин мирно задремал, уложив голову ему на спину. Тишину, наполнявшую помещение дома, изредка нарушало чье-то посапывание или сонное бормотание. Измотанные ходьбой люди спали.

Проснулся Анатолий от непонятного звука. «Наверное, затвор из карабина выпал, — забеспокоился он, нащупывая рукой ствольную коробку своего оружия. — Нет, слава богу, затвор на месте! Зацепившись за колено, он просто открылся». В полудреме Анатолий вспомнил занятия в Тоцких лагерях. В учебном полку преподаватели неоднократно заостряли внимание курсантов на возможности утери затвора из-за неосторожного обращения с оружием. Не открывая глаз, Анатолий подал затвор вперед, тем самым заперев патрон в канале ствола. Где-то в глубине души он понимал, что делает что-то не так, но сон дурманил сознание, и в этом полусонном состоянии он зачем-то нажал на спусковой крючок. В доме прогремел выстрел.

Выстрел в ограниченном пространстве жилого дома грохнул, как залп из артиллерийского орудия. На голову с потолка посыпалась штукатурка. Хватаясь за оружие, сонные солдаты стали вскакивать с мест. Помещение наполнилось людским гомоном. Сообразив, что произошло, Тёмин со злобой пихнул Дружинина в спину, и тот, падая на колени, свалился на лежащих на полу товарищей. В рас-

пахнутой настезь двери показалась голова испуганного часового.

— Что случилось?! Кто стрелял?! — недоумевая, спросил боец.

— Не волнуйся. Сон дурной приснился Дружинину, вот он и пальнул! — успокоил часового сержант. Входная дверь закрылась.

— Что за стрельба?! — забасил из комнаты голос командира полка.

— Есть у нас, товарищ майор, такие бойцы, которые свое оружие на предмет боеспособности даже во сне проверяют, — пояснил Бате Тёмин, отряхиваясь от пыли.

Проснувшиеся люди, понимая, что выстрел был случайным, теперь вновь уstraивались ко сну. Кто-то недовольно бурчал, кто-то посмеивался, отвечивая в адрес Дружинина язвительные шуточки.

— Товарищ сержант, отправьте этого стрелка ко мне, — разобравшись в ситуации, распорядился майор.

— Иди за очередной наградой, — засмеялся Тёмин, указывая рукой на комнату, где отдыхал командир полка.

Пробравшись через лежащих на полу людей, Анатолий зашел в открытую дверь. Керосиновая лампа освещала простое убранство маленькой комнаты и сонное лицо майора. На кроватях, стоящих рядом, спали его адъютант и заместитель.

— Товарищ майор, рядовой Дружинин по вашему приказанию прибыл, — отчеканил Анатолий вполголоса, чтобы не тревожить и без того разбуженных его выстрелом товарищей и командиров.

— Давай докладывай, Дружинин, что произошло, — потребовал Красновский, разминая затекшую ото сна руку.

Вот уже во второй раз Анатолий стоял перед Батей по стойке смирно, объясняя суть анекдотических ситуаций, в которые он попадал: то история с брошенным на посту телефоном, а теперь нелепое обращение с оружием. Было

и неловко, и стыдно. «Подумает майор, что не боец, а какой-то недотепа», — рассуждал про себя Анатолий, глядя на сидящего на койке командира. Вкратце он изложил суть произошедшего, наблюдая, как остальные офицеры спали, не обращая никакого внимания на его доклад.

— Понятно! Ты знаешь, Анатолий, что по этому поводу говорил товарищ Ворошилов? — задал вопрос майор, глядя на него покрасневшими от недосыпания глазами.

— Никак нет, товарищ майор. Не знаю.

— Ты, как я понял, недавно на фронте?

— Четвертый месяц пошел.

— Понятно. Тогда слушай и запоминай! «Один раз в год стреляют даже вилы на хозяйском дворе!» — с предупреждением к молодым красноармейцам, вот каким, как ты, во время Гражданской войны обращался товарищ Ворошилов. А у тебя в руках карабин! Надеюсь, объяснять тебе больше ничего не надо по этому поводу?

— Так точно, товарищ майор! Понятно! Такого больше не повторится! — выпалил Анатолий, надеясь, что и на этот раз все обойдется.

— Попробуй еще раз разбудить нас своей стрельбой! Я уж постараюсь придумать для тебя достойное наказание. А пока иди отдыхай. И аккуратнее с личным оружием.

— Есть быть аккуратнее! Разрешите идти?

— Отправляйся спать, «ворошиловский стрелок»! — с иронией велел майор, устраиваясь на скрипучей кровати.

В полумраке через лежащих на полу однополчан Дружинин стал осторожно пробираться к своей скамейке. Но после произошедшего случая он долго не мог заснуть. Тепло жилого дома напомнило ему далекий Казахстан, его семью, друзей...

В памяти всплыл тот случай, когда сосед, Костя Пугачёв, поздней осенью тридцать второго года подарил ему кутенка; тому было месяца два-три отроду, не более. Забора во дворе не было, и, чтобы щенок не убежал, Анатолий поса-

дил его на привязь. Мать щенка, маленькая черная собачонка, теперь постоянно находилась во дворе Дружининых. И как ни старался Анатолий прогонять ее прочь, она раз за разом возвращалась обратно. С болью в душе Мария Ивановна наблюдала за происходящим. Детей нечем было кормить, а сын во двор щенка притащил. Но он ребенок — как ему это объяснить? С сожалением она смотрела и на суку, понимая, как разрывается от боли ее материнское сердце, переживая за свое дитя. Собачонка притаскивала щенку все, что доставалось ей от хозяев и что она находила на улице. В один из морозных декабрьских дней с расположенной рядом колхозной бойни собака приволокла внутренности забитого барана. Возможно, их выбросили более или менее состоятельные хозяева, а скорее всего, она их просто стащила. Щенок, не имеющий возможности быть вольным, грыз принесенные его матерью потроха. Когда сука убедилась, что он сыт, она утащила остатки и закопала их в снег, оставляя добычу про запас — на последующие дни. Наблюдая эту картину, Мария Ивановна стала терпеливо ждать, когда собачонка убежит. Убедившись, что сука удалилась, женщина выкопала из снега остатки внутренностей и забрала домой. Долго и тщательно Мария Ивановна очищала и вымывала потроха, чтобы потом можно было из них приготовить что-то съестное.

Семья жила впроголодь. Тогда в пищу шла не только безыдь. С бойни мать приносила ножки, иногда бараньи головы — всё, что обеспеченные люди попросту выбрасывали, не считая пригодным для еды.

Вспоминал Анатолий и то, как летом того же года ходил в эльтонский санаторий. Днем старшие братья работали в колхозе, сестренка мать отводила в детский сад, а он, предоставленный сам себе, между играми со сверстниками занимался поиском пищи. С соседскими пацанами он всевозможными способами отлавливал птиц, если повезет — сусликов, а когда поймать на обед какую-либо живность

не удавалось, в пищу шла различная трава и корни. В августовские дни с охотой получалось особенно плохо. И тогда он отправлялся к местному санаторию. Незаметно для посторонних пролезая под забором, Анатолий проникал на территорию лечебницы. На проходной таких сорванцов, как он, не пропускали сторожа, потому приходилось прокрадываться тайком. Пробравшись в полдень к столовой, он просил у идущих на обед взрослых вынести ему что-нибудь поесть. Были те, кто, проявляя неприязнь к пацану-попрошайке, начинали возмущаться, требуя от персонала оградить их от «нежелательных элементов». Кто-то проходил мимо, не подавая вида, что замечает его, но случалось, что люди относились с сочувствием и после обеда выносили тонкий хлебный ломтик. Безумной радостью было ощущать в своих детских руках этот небольшой кусочек хлеба. А наивысшим счастьем можно было считать тот миг, когда этот маленький кусочек был смазан едва заметным слоем сливочного масла. Но такое случалось редко, потому оно и было счастьем. Чаще всего мальчишку замечали и прогоняли прочь с территории сотрудники санатория.

Тогда оставалось еще одно удовольствие: идти домой мимо колхозной пекарни. Из открытых форточек низкого саманного здания доносился необыкновенный запах свежее испеченного хлеба. Анатолий невольно задерживался здесь, замедляя шаг. Глубоко вдыхая аромат свежей выпечки, он вспоминал свое раннее детство, когда они жили у бабушки в Джаныбеке. Дом у деда был бревенчатый, большой, с полуподвалом, в котором жила семья его сына Матвея Сергеевича. Детворы в доме было очень много. Шум и гомон во дворе умолкали лишь тогда, когда дома появлялся хозяин — дед Сергей. Он любил тишину и к детям был чрезвычайно строг. Зимой темно рано, вечернее время было достаточно долгим. Дед по обычаю сидел у самовара, а дети, укладываясь спать на русской печке, долго не засыпали, продолжая баловство. Там, на печи, за цвет-

ной занавеской, был свой особенный, детский мир. Им казалось, что эта тонкая холстяная полоска материи отделяла их — детвору — от всего остального взрослого мира, где у них были свои детские тайны и своя особенная атмосфера радости, от переизбытка которой хотелось баловства. Когда шум за широким полотном нарастал, дед, сидя за столом, предупредительно стучал по нему деревянной ложкой. Гомон и смех на короткое время прекращались. В доме наступала тишина, в которой слышались громкие хлебки дедовского чаепития и скрип колеса бабушкиной самопряжи. Ну как удержаться и не ущипнуть того, кто помладше? И тут вновь начинались возмущения, возня, тихий смех, перерастающий в хохот. Дед, не на шутку рассердившись, теперь к стуку ложки добавлял возмущенный окрик:

— А ну-ка, цыц! Шантрапа босоногая! Пока я вас всех двухвосткой не отпорол.

— Так! Ну-ка, немедленно перестаньте озорничать! Быстро всем спать! Пока дед всех вас своим кнутом не отходил! — предупреждала бабушка, отрывая свой взгляд от прялки.

Пауза на печке затягивалась на чуть большее время, только потом все повторялось заново. Толкотня и передразнивания под одеялом зарождались довольно робко, и споры тоже затевались шепотом, но потом гомон нарастал. Когда галдеж достигал своей критической точки, дед, окончательно рассердившись, вскакивал со своего места, снимал со стены небольшой кнут с двумя хлыстиками и быстрым шагом направлялся к источнику шума. На печке начинался настоящий переполох. Дед Сергей, отодвигая занавеску, поднимал одеяло и принимался хлестать кнутом всех подряд, не разбирая, кто тут зачинщик, а кто пострадавший, кто тут прав, а кто виноват. Попадало всем!

— Сяргей Афанасич!.. Та чавой-то ты лупишь-то всех подряд, не разобравшись, кто озорничал, а хто нет?! — заступалась бабушка, направляясь к лежанке.

Но переубеждать деда было делом бесполезным. Вешая на место орудие экзекуции, он садился за стол и продолжал чаепитие. А на печке под одеялом кто хныкал от обиды и боли, кто тихонечко смеялся от радости, что ему не досталось, а кто просто оставался безмолвным, покорно претерпевая наказание.

— Я же ведь вам говорила, штоб не озорничали, — сокрушалась бабушка, жалея своих внуков, — вот тяперяча будете знать... — приговаривала она, поправляя одеяло, под которым шел спор.

— Это все из-за тебе!..

— Нет, это из-за тебе!..

— Это ты сам все начал!..

— Нет, это ты первый начал!..

А вот зимнее утро Анатолий вспоминал теперь особенно часто. Такой же, как сейчас, доносившийся из колхозной пекарни запах стоял тогда в теплом протопленном доме деда. У печки хлопотала бабушка, а на маленьком столе, накрытые белым большим полотенцем, стояли недавно вытасщенные из русской печки калачи. После утренних процедур вся веселая компания детворы садилась за большой длинный стол, на котором стояли крынки с простоквашей. Хихикая и веселясь, малышня продолжала толкаться, щипаться, давать друг другу щелбаны и подзатыльники, шумно усаживаясь на скамейки. И вот на краю стола появлялся первый с хрустящей корочкой горячий калач, источающий необыкновенно сладковатый запах. Обжигаясь и отламывая от него маленькие кусочки, детвора макала их в кувшины с простоквашей. Передаваемый из рук в руки калач, уменьшаясь в размерах, быстро перемещался на другой край стола. Анатолий, задумавшись, с застывшей на лице улыбкой, мечтательно и беззаботно болтая ногами, сидел за столом сложа руки.

— Толька! А чавой-то ты сидишь да ворон считаешь? — обратилась к нему бабушка, подавая на стол очередной ка-

лач. — Макай каравай в кислое молоко да уплетай его за обе щеки, пока другие рты всё не съели, — предупреждала она зазевавшегося внука.

Гомон затихал. Теперь уже молча, жуя свежеиспеченную выпечку, детвора по-прежнему продолжала свое баловство.

Погружаясь в сладостные воспоминания и вдыхая аромат из пекарни, Анатолий на некоторое время представлял себя сытым. С этим чувством он шел дальше, чтобы за детскими забавами отвлечь себя от чувства голода, которое преследовало его второй год подряд.

После трагической гибели отца дед как мог помогал многодетной семье своего погибшего сына. Но в начале тридцать второго его по доносу соседа раскулачили, конфисковали и дом, и все находящееся в нем имущество. Конечно, те сыновья, кого не постигла участь экспроприации, приютили своих родителей, оставшихся на старости лет без крова. Вот только бабушка такого потрясения пережить не смогла. Тот очаг, который Василиса Васильевна так любила и с трепетом берегла, был безвозвратно утрачен; потеряв его навсегда, она как будто осиротела. Внешне еще красивая и полная сил женщина с редкой проседью в густых черных волосах, Василиса Васильевна до этого времени вовсе не выглядела семидесятилетней старухой. Неожиданная трагедия с реквизицией нанесла непоправимый удар ее уже немолодой психике. За несколько месяцев из вполне здоровой и энергичной женщины она превратилась в немощную старушку и через полгода, окончательно ослабев, умерла, оставив деда вдовцом.

Помнил Анатолий и то, как раскулаченных в тридцать втором году людей собирали во дворе эльтонской школы. Их было немного, всего три или четыре семьи. Они — детвора, ничего не понимающая в происходящих событиях, — бегали смотреть на это зрелище, как в зоопарк. Толя помнил лица этих несчастных людей. Униженных и оскорбленных местных крестьян, лишенных имущества и средств к существо-

ванию, выселяли из родных краев. Со скромным скарбом, с узелками в руках (это все, что разрешалось взять из дома), растерянные люди с болью и страхом в глазах ждали своей участи во дворе сельской школы. Эксплуататором в тот период могли объявить любого мало-мальски обеспеченного крестьянина. Имеешь на хозяйстве несколько голов крупного рогатого скота, пару лошадей да берешь в наем рабочих — вот ты уже и кулак! Конечно, все зависело от того, как на твое положение посмотрят местные власти. Если окажешься неугодным — могли объявить и мироедом. В разряд кулаков в тот год попал и Степан Иванович Тараканов (дядя Марии Ивановны). Как всех «эксплуататоров», его с женой и младшими детьми поздним вечером отправили на железнодорожную станцию и, погрузив в вагоны, выслали далеко на Восток...

Мария Ивановна как могла тянула одна своих пятерых оставшихся без отца детей. Кроме своей основной работы, на которой ей приходилось трудиться с раннего утра до позднего вечера, она успевала обрабатывать высаженные весной три участка своих бахчей. Кроме того, она нанималась обрабатывать и соседние участки, за что с полученного урожая хозяева уделяли ей небольшую долю бахчевых и овощей. Где только она брала силы, духовные и физические, чтобы, выполняя непосильную работу, не сломаться, не пасть духом, — непонятно. Из собранного на бахчах паслена она варила варенье. Отваренную ягоду ложкой выкладывала на заранее смазанную жиром ткань или доску и потом такие лепешки сушила на зиму впрок. Из арбузов варились нардек, а на сушку шли дынные и тыквенные дольки и даже корки от съеденных дынь. Зимой это все шло в пищу. Годы были очень суровые, не из легких. Особенно тяжелой была зима тридцать третьего года. Предыдущий, тридцать второй, был неурожайным, и такое явление хорошего ничего не сулило. Пожилые люди, перешептываясь, предвещали голод...

В один из сентябрьских дней этого года на пороге скромной землянки Дружининых появился двоюродный брат Марии Ивановны — Пётр Степанович Тараканов. Обняв сестру и обменявшись с ней дежурными фразами, он обратился к ней с неожиданным предложением:

— Манька, я к тебе по такому делу... Лето нонче было зашустливым — урожая, почитай, и не было. А раз урожая не было, значит, зимой голод страшный должён быть. А у тебе на руках пятеро ребятишек. Их всех тебе выкормить надуть будет да и самой с голоду не помереть. Так я вот как думаю. Ты знаешь, што нашего папашу раскулачили, а мы, значит, со своём братом семьями из Вишнёвки под Сталинград смотаться надумали — от греха, так сказать, подальше. А вот телка-полуторника продавать затеяли, штоб с собой лишнюю скотину не тащить. Так вот мы с братком посоветались и решили бычка ептова тебе продать.

— Та што ты, братишка! Иде ж я тебе деньги-то на телка тваво найду? У мене за душой — ни копыа... А в колхозе, ты же знаешь, не за деньги, а за трудодни работают...

— Та не тараторь ты... баба! Послухай, што я тебе сказать хочу. Я своему младшему брату Мишке шестьдесят рублёв должён, можно ептова телка ему отдать — да и в расчёте будем. Но мы с ним посоветовались и решили бычка ептова тебе продать. А ты кады смагёшь, тады Мишке енти деньги и отдашь. Он человек хозяйственный, в достатке живёт, яму енти деньги не к спеху. А ты, ежели мясом в зиму не запасёшься, сама с голоду помрёшь да и детвору свою погубишь. Вот такой мой сказ и, как можно её назвать, то помощь такая от нас с Мишкойю. Помогать в тяжкую годину своим надуть, а не поможешь — значит, грех на душу возьмёшь великий. Потому с таким предложением к тебе и приехал.

— Ну ежели так, тады я согласна. Спасибо тебе, братик, и Михаилу спасибо. Дай бог вам здоровья. А я и не знаю, чем смогу отблагодарить вас. Век буду обязана вам и вашим семьям, — проговорила Мария Ивановна сквозь слезы.

— Не причитай, не причитай, ни к чему енто, — приговаривал Тараканов, обнимая растроганную сестру, — ну будя тебе, будя, — утешал он Марию Ивановну, поглаживая ее своей мозолистой и натруженной рукой по голове и плечам. Распрощавшись, Пётр Степанович сел на конную подводку и уехал.

На следующий день во дворе Дружининых кроме коровы и маленького теленка стоял на привязи полуторогодовалый бычок, которого в начале декабря забили на мясо. В течение зимы Мария Ивановна как могла экономила, стараясь в первую очередь накормить своих пятерых детей. В этот год в нашей стране много людей пострадало от голода и тифа, были случаи, когда умирали целыми семьями. Но благодаря помощи двоюродных братьев семью Дружининых беда миновала.

После трагической гибели отца главным помощником матери был старший брат Анатолия Сашка. В зимнее время он ходил помогать ей топить в колхозной конторе печи, твердым топливом для которых были камыш и кизяк. В один из поздних мартовских дней Сашка услышал разговор заведующего плантацией с председателем колхоза. Главный плантатор выпрашивал у руководителя хозяйства людей для будущих сезонных работ. Сашка с детства отличался своей домовитой жилкой: он не по годам слыл старательным и исполнительным в хозяйских делах. Когда мальчишка оказался невольным свидетелем беседы двух руководителей, подойти к ним и заявить о своей просьбе не решился, но и откладывать дело в долгий ящик тоже не стал. Со всех ног он бросился уговаривать мать:

— Мам, поговори с Семёном Платоновичем, пусть он возьмет меня на работу! А я за лето для нашей семьи в зиму овощей заработаю. Денег, понятно, не заплатят, но ведь овощи с плантации нам хорошим подспорьем будут!

— Та куды ты пойдёшь работать? А школа?!

— Мам, я справлюсь. Обещаю, что в школе по всем предметам успевать буду. Я ведь старший в семье и тебе, как мужчина, помогать должен. А кто тебе еще поможет кроме меня — Толя, что ли? Он же еще маленький. А мне уже четырнадцать лет. Я уже взрослый.

— Взрослый ты мой, — улыбнулась мать, потрепав старенькую шапку на голове своего старшего сына, — хорошо, поговорю с заведующим. Может, он и возьмёт тебе на работу, — пообещала мать.

На следующий день Мария Ивановна в беседе с Лухмановым договорилась, чтобы тот взял ее сына для работ на плантации. Семён Платонович знал Сашку как старательного и работающего парня, потому легко согласился на ее просьбу. Сашка был этому безгранично рад; трудился он честно, выполняя все, что ему поручали. Дел на плантации летом было много. А когда настроили для полива насос-цигирь, его назначили следить за ним и управлять быками, вращающими огромное колесо.

В середине сентября сезон работ подходил к концу. В эти непогожие дни Сашка заболел, но, преодолевая недуг, старательно продолжал выходить на работу. На третий день своей хворобы он окончательно ослаб и ближе к полудню, потеряв сознание, упал прямо на поле. Лухманов на подводе привез его в поселок и, оповестив мать, занес беспомощного мальчишку в дом. Узнав о случившемся, Мария Ивановна незамедлительно вызвала на дом врача.

— Это, Маня, менингит, — как гром среди ясного неба прогремел категоричный вердикт местного эскулапа, — очень нехорошая болезнь. Не буду давать тебе лживых обещаний, скажу только одно: мне его не вылечить. Не выживет он... А если чудом и выживет, то на оставшуюся жизнь останется инвалидом. Крепись, Маня, помочь я ему ничем не смогу, — с сожалением предрекал неутешительные последствия болезни колхозный доктор.

Защемило от боли материнское сердце. Не могла она принять и понять то, что говорил ей Мололкин.

— Как енто — нельзя вылечить? Ведь он ишо мальчишка! Он же не старик немощный, у которого сил нету! Он же молодой ишо! — недоумевала Мария Ивановна, не желая верить в слова местного врача.

— Маня! Мне не меньше, чем тебе, жаль парня. Но пойми, его и в Палласовке, и в Сталинграде, и в Саратове спасти не смогут. Слишком тяжелая форма этой болезни у него, Маня! Слаба пока наша медицина перед этим недугом, — пытался как-то объяснить свое бессилие Мололкин. Но какие слова могли убедить и утешить обезумевшую от безысходности мать?

Со слезами на глазах да в бесконечных молитвах она восемнадцать дней и бессонных ночей просидела рядом с больным сыном. Как и после смерти отца в тридцать первом году, для всей семьи это время было одним из самых тягостных и гнетущих. Больно было смотреть и на мать, и на беспомощно лежавшего на кровати Сашку. Он мучился от боли и жара, сильно стонал, и мама, спасая его от жажды, поила водой с ложечки.

Лишь однажды, на десятые сутки, он, на несколько секунд придя в сознание, открыл глаза. Увидев перед собой родное лицо, Сашка приподнялся на кровати и пронзительно громко прокричал: «Мама!» — и тут же, опустив голову на подушку, вновь впал в беспамятство. На восемнадцатый день своей болезни Сашка умер. Убитая горем мать выплакала все слезы. Ее первенец, ставший ей надежной опорой, ушел из жизни в свои четырнадцать лет. С горечью вспоминал Анатолий эти дни.

Трагическая гибель отца, скоропостижная смерть Сашки, извещение о том, что без вести пропал Матвей, голод, тюремный лагерь, война — все свалилось на него за эти короткие восемнадцать лет. А каково было его матери? Сестрам? Всему советскому народу?..

За воспоминаниями, опираясь на плечо Лаврушина, Анатолий задремал. В маленькие окна дома с улицы стал проникать робкий свет. Слышались недалекие звуки пробуждающегося села. Мычал скот, где-то звонко гремели ведра; ожидая пищи, лаяла в соседнем дворе собака. Туманное февральское утро уныло поднимало ото сна всю округу. Во дворе дымила полевая кухня, суетились возле котлов повара, распространялся запах готовящейся пищи. Озябшие на морозном воздухе часовые ждали смены караула.

Команда «Подъем!» пробуждала отдыхающих в помещении людей. Анатолий нехотя открыл глаза, осматривая сонным взглядом просыпающихся однополчан. Начинался новый день.

* * *

Одиннадцатого февраля Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия вошла в состав Сто второго стрелкового корпуса Тридцать восьмой армии. Полкам предстояло занять полосу во второй линии обороны: передним краем по рубежу юго-западная окраина Королёвки — восточная и юго-восточная окраина Журницы, Блажнивки, Сосновки и Свиты. Противник сосредотачивал крупные силы пехоты и танков на участке Шендеровка — Опатув. Не исключалась возможность его активных наступательных действий в направлении на Шендеровку — Ширмовку. После проведенной рекогносцировки местности командиром дивизии и командирами полков были обозначены огневые позиции и главная линия обороны.

Сплошной туман окутывал окрестности. Погода была совсем не февральской. Десятые сутки подряд моросил мелкий дождь. Корейкин собрал свободных от наряда связистов своего взвода, поставив им задачу рыть траншеи и укрепления. Те, кто получили задания, стали расходиться по местам. Остались стоять Дружинин, Солянок и Лаврушин.

— Так... теперь вы трое, — протяжно, сквозь зубы проце-

дил Корейкин. — Вам необходимо выкопать и оборудовать землянку для личного состава вон там, — указал рукой командир в сторону разбитого войной коровника. — К завтрашнему вечеру землянка должна быть готова, — строго потребовал лейтенант, потирая на холоде руки.

— Завтра к вечеру?! Завтра к вечеру землянка может и не быть готова, — с сомнением произнес Солянок, глядя на Корейкина. — Мне, товарищ лейтенант, сооружать землянки не приходилось. Ровик выкопать я смогу, траншеи копал, и не одну. А вот землянки строить не приходилось. Специалист я в этой области никудышный, да и товарищи мои в этом деле разбираются не очень. Может, вы нам со строителями поможете? — обратился к командиру взвода Васька в надежде, что тот не будет их торопить.

— Так... Солянок! В чем дело?! — возмутился Корейкин, изменившись в лице.

— А что сразу — Солянок? Я же вам, товарищ лейтенант, говорю: мы плохо разбираемся в строительстве...

— Отставить разговоры, товарищ Солянок. Жить захотите — научитесь! — гневно крикнул в ответ командир взвода. Брови его сдвинулись к переносице, широкий лоб покрылся морщинами, лицо от гнева стало багрово-красным. — Вы не первый день на фронте и не морочьте мне голову. Шагом марш исполнять приказ! — сурово крикнул лейтенант, еще убедительнее указав рукой в сторону коровника. И друзья, не желая испытывать терпение командира, отправились на земляные работы.

Полки приступили к рытью траншей, блиндажей, оборудованию огневых позиций и наблюдательных пунктов. Для проведения оборонительных мероприятий командованием дивизии привлекалось и гражданское население общей численностью более четырехсот человек. На земляные работы приходили в основном женщины. И это немного меняло ситуацию: присутствие женского пола несколько воодушевляло солдат.

У разбитого коровника, как раз в том месте, где Корейкин указал выкопать землянку, друзья обнаружили воронку от бомбы.

— О! Вот это нам как раз кстати, — произнес с восторгом Лаврушин, осматривая яму и местность вокруг нее.

— А!.. Я понял твою мысль, Лёша. Сейчас мы ее расширим, подровняем края — и котлован готов. Потом укрепим бревнами стены, соорудим потолок — и все! — радостно воскликнул Солянок. — Все просто изумительно!

— Совершенно верно, а бревна можно будет из разбитого коровника натаскать. Наши ребята, надеюсь, в этом помогут. Будущее жилье-то для всех готовим, — продолжил рассуждать Лёшка, скидывая с плеч вещмешок. — Будем считать, Толя, что нам крупно повезло, — похлопывая по плечу Дружинина, подбодрил его Лаврушин.

— То, что нам, Лёша, повезло, ты прав, — поддержал его Васька. — Самое главное — от передовой мы далеко, а значит, и печку днем смело можно будет затопить, — подметил Солянок, стоя у края ямы.

— Это, Вася, только после того, как наше жилище будет готово. А до этого времени нам еще потрудиться придется, — упрекнул его Лаврушин.

Солянок кивнул. Он тоже скинул с плеч свой вещмешок, воткнул в землю лопату и, обходя коническую воронку вокруг, стал деловито ее осматривать.

— Да... попотеть нам все-таки придется немало, прежде чем из нашей затеи что-то получится. Но работы все равно будет поменьше, нежели с нуля начинать, — рассуждал Анатолий, расстегивая шинель.

Обсудив детали, друзья принялись за дело. Излишняя болтовня Васьки о том, что они не имеют опыта в строительстве подобных сооружений, побудила лейтенанта помочь им. Возмущению Лаврушина не было предела.

— Ну кто тебя, Вася, за язык тянул? Надо было тебе ляпнуть, что мы в строительстве землянок ничего не понима-

ем! Вот теперь он только возле нас и будет крутиться, — укорял его Лёшка за необдуманную идею.

— Я же хотел как лучше. Думал, он нам людей добавит или времени побольше выделит на это дело.

— Ага! Выделит! Держи карман шире... — высказал свое недовольство Лёшка, когда командир отошел по своим служебным делам.

Каждый раз, когда лейтенант уходил, им приходилось переделывать ту работу, где Корейкин выступал в роли военного инженера. Когда лейтенант понимал, что неправ, он молча удалялся. И тогда бразды правления брал в свои руки более опытный в этих делах Лаврушин. Правда, во второй половине дня Корейкин все-таки дал в помощь людей, и работа заметно продвинулась вперед. Из бревен были поставлены стены, сооружена в три наката крыша, и выкопано несколько метров хода сообщений. Оставалось засыпать сооружение землей и продлить ход к основным траншеям.

Утром следующего дня, отправляясь на работу, друзья наблюдали, как Батя, завидев на улице Корейкина, попросил его подойти.

— Иосиф Захарович! — обратился Красновский к лейтенанту, козырнув на его приветствие. — Наши разведчики обнаружили недалеко от места нашей будущей обороны вот этот «опель», — указал он рукой на легковую машину, стоящую у штаба. — После небольшого ремонта автомобиль оказался исправным. Так вот, у меня к вам поручение. Отгоните машину в дивизионный штаб артиллерии и сдайте ее, как положено по форме. А заодно загляните на склад обеспечения связи. Они давно мне обещали и батареи для раций, и кабель... Ну что я вам говорю — вы лучше меня знаете, что вашей службе сейчас больше всего необходимо. Поезжайте, голубчик. Штаб дивизии располагается вот здесь, — майор раскрыл полевую сумку и указал место на карте, — задача вам понятна?

— Так точно, товарищ майор! Задача понятна. Разрешите выполнять?! — поспешил отрапортовать Корейкин.

— Выполняйте.

— Есть! — козырнул лейтенант и быстрым шагом пошел к легковому автомобилю. Возле «опеля», подняв боковину капота, крутился водитель, подготавливая автомобиль к поездке. Отбытию своего командира связисты были рады. Он им надоел за вчерашний день, когда несколько раз пытался руководить строительством земляного сооружения.

— Слава богу, не будет над душой стоять, — буркнул Лёшка, наблюдая, как уезжал на трофейной машине командир взвода.

— Правильно ты сказал, Лёша: слава богу! Пусть едет себе Иосиф Захарович и до поздней ночи в расположение полка не возвращается, — перекрестил уезжающий «опель» Солянок.

Больше всех отбытию командира был рад Анатолий. Уж очень неприятен был ему этот офицер. Хотя неприязнь, пожалуй, была взаимной.

Корейкин был уроженцем Черниговской области, двадцати четырех лет отроду. Всегда подтянутый, щеголеватый, лейтенант выделялся из всех офицеров полка своей надменностью. Весьма заносчивый и чрезмерно привередливый к службе своих подчиненных, Корейкин раздавал распоряжения, сопровождая их повелительными жестами. Порой, требуя от солдат выполнения совершенно бессмысленных поручений, Иосиф Захарович любил угрожать за невыполнение трибуналом или штрафной ротой. Корейкин неоднократно получал нарекания от командования полка, которое замечало за лейтенантом бесцеремонное отношение к красноармейцам. Порицания старших по должности нисколько не влияли на черты характера лейтенанта. Поскольку он считал, что «есть приказ — солдат любой ценой должен его исполнить. Убьют одного — приказ выполнит другой». К рядовому и сержантскому составу он отно-

сил ся как к низшему сословию, не скрывая к нему своего пренебрежения.

Без командира взвода работа у нашей троицы пошла быстрее. Дело шло к завершению, как вдруг Солянок, приложив палец к губам, насторожился.

— Т-с-с! Тихо! Заяц! — шепотом произнес Васька.

Все замерли. Анатолий повернул голову влево, куда устремил свой взгляд Солянок, и увидел сидящего на пригорке зайца. Лёшка, находящийся ближе всех к оружию, осторожно потянулся за карабином. Он удобно расположился в траншее и, приложив оружие к плечу, взял ушастого зверя на мушку. Заяц насторожился и грациозно поднялся на задние лапы. Грянул выстрел. Косой, сделав невысказанный кувырок, нервно задергался, растянувшись на небольшом пригорке.

— Ну ты, Лёша, снайпер! — восхитился метким выстрелом Дружинин и побежал за добычей. Заяц на удивление оказался очень большим. Пулей ему напрочь разбило голову. Под разорванной шкурой на голове — сплошное месиво из раздробленных и окровавленных костей черепа. Но зато вся тушка была цела. И это вселяло надежду на вкусный обед.

— Ого, вот это здоровяк! — удивился Солянок, когда увидел принесенную Анатолием тушку. — Да, Лёша!.. Стрелять ты умеешь не только по бабам, но и по зайцам тоже. Смотри, какой выстрел, прямо в голову! Лучшие снайперы нашей прославленной дивизии могут тебе позавидовать, — радовался удачному выстрелу друга Васька.

— Да я сам от себя этого не ожидал, — смеялся Лёшка, разглядывая результаты своей работы, — стрелять-то мне приходилось, и не раз. Но особыми способностями я никогда не отличался. Были и те ребята, которые гораздо лучше меня стреляли. А тут вот на тебе — в самое яблочко, ну надо же! Сам себя превзошел, — продолжал удивляться своему успеху Лаврушин.

— Ну что, друзья, начнем подготовку к праздничному обеду в честь самого меткого стрелка?! — потирая руки, восторженно произнес Васька.

— Так какой может быть разговор? Я берусь снять шкуру с убиенного и разделать тушу, — сразу определил себе задачу Дружинин. Он с этим делом был знаком с самого раннего детства.

— Кто будет заниматься приготовлением обеда, вопрос можно даже и не задавать, — глядя на Ваську, заявил Лаврушин. — Тогда, как я понял, на меня возлагается задача по поиску дополнительных продуктов, чтобы обед был по-настоящему праздничным. Я правильно размышляю? А?.. Василий Михайлович! — обратился он с вопросом к своему другу.

— Правильно понимаешь, Лёша. Правильно! — торжествующе подметил Солянок, поднимая вверх указательный палец. — А для того, чтобы обед был полноценным и вкусным, мы этого зайца затушим с лучком и картошечкой. Так как зайчатина у нас уже есть, остается разжиться небольшим количеством жира или масла. Ну и лук с картошкой надо будет выхлопотать обязательно, — обдумывая процедуру приготовления обеда, прищуривал глаза Солянок. — А если вы, Алексей Кириллович, раздобудете каких-нибудь специей к предстоящему блюду, я вам буду премного благодарен. Сушеный или засоленный укроп и чеснок, Лёша, для этого дела нужны будут как никогда кстати. Вот этим и надо будет вам заняться, товарищ Лаврушин, пока Анатолий доведет тушку до нужной кондиции, — поставил задачу Васька. — А вот мне нужно будет еще к Ефиму Трощенко сходить за казаном. В котелке такого монстра не приготовишь, — рассуждал Василий, глядя, как ловко орудует ножом Дружинин.

— Так, братцы! А продукты менять на что будем? — спросил Лёшка, обращаясь к друзьям.

— Как на что? Мыло у всех есть? Есть! Спички... — стал перечислять Васька то, на что у местного населения можно было выменять провиант.

— У меня махорка есть, я курить бросил, — заявил Дружинин. Он вымыл в луже руки и стал развязывать свой вещмешок. — Держи, Лёша, — протянул Анатолий своему другу пачку припрятанного ранее табака.

К трем часам дня землянка была окончательно готова; связисты установили в ней буржуйку, отчего в жилище сразу стало тепло и уютно. Сюда же, на печку, перенесли от костра казан, в котором томилась ароматная зайчатина. Помещение моментально наполнилось запахом вкусно приготовленной пищи.

— Вполне себе комфортабельный дом под землей. Осталось дело за малым: женщин сюда пригласить! — в шутку предложил Дружинин, грея руки у горячей печки.

— Так это дело, Толя, мы мигом организуем. Я вот только и жду подходящего момента, — подмигнул ему Лаврушин. Выйдя из землянки, Лёшка оценил обстановку и, осторожно озираясь по сторонам, направился туда, где работали местные жители.

— Наш пострел уже успел и с девчатами договориться. Ты думаешь, он уходил только для того, чтобы картошку с луком принести?! Фиг вам! — подметил Солянок, провожая взглядом уходящего товарища. — Лёшка ходок еще тот! Жди гостей, Толя. С таким товарищем не пропадешь. Этот и в Польше, и в Германии найдет, с кем договориться на свидание, — пояснил Васька, зная характер своего друга. — Если Лёшка пригласит гостей, главным для нас будет успеть проводить их до появления здесь командиров, — проявляя беспокойство, осматривался вокруг Солянок.

— Вроде никого пока не видно, — успокаивал его Анатолий.

— Вот именно, Толя, — пока!..

— Корейкин уехал в штаб дивизии и засветло наверняка не успеет в расположение полка прибыть. А кроме него вряд ли кто к нам заявится, — старался рассеять сомнения друга Анатолий.

— Дай-то бог, Толя, чтобы никто не появился, — покачал головой Василий. Он еще раз окинул взглядом окрестности и зашел в землянку.

Много ли нужно солдату?! Тепло горящего очага да преддверие вкусного обеда уже отогревали и тела, и души людей. Но на войне им так не хватало общения с женским полом! Солдаты радовались даже короткой встрече с девушками.

Через несколько минут волнительных ожиданий на пороге блиндажа в сопровождении Лаврушина появились трое промокших и прозябших на холоде девчат. От Лёшкиного предложения трудно было отказаться. Девушки робко заходили в протопленную землянку, где их принялись встречать услужливые кавалеры.

— Знакомьтесь, друзья: Мария, Екатерина и Олеся, — представил гостей Лаврушин. — А это мои боевые друзья. Так сказать, герои ожесточенных боев с немецко-фашистскими захватчиками: Василий, Анатолий, ну и, конечно, всегда ваш — я, Алексей Лаврушин.

Одежда у девушек мокрая от дождя и грязи. Видно было, что они утомлены, но на лицах не было заметно растерянности или, хуже того, страха.

— *Одяг... Верхній одяг, дівчата, знімайте. Його біля грубки просушити треба, та й ви самі швидше зігрієтеся* (Одежду... Верхнюю одежду, девчата, снимайте! Ее у печки просушить надо, да и сами быстрее согреетесь), — на правах хозяина заботливо предложил Солянок. Девушки нерешительно переглянулись. — *Так я ж не догола вам пропоную роздягнутися, а тільки верхній одяг зняти* (Так я же не догола вам предлагаю раздеться, а только верхнюю одежду снять), — смеялся Васька, галантно протягивая руку стоящей рядом с ним красавице.

Шутка разрядила обстановку, и гости стали снимать свои пальто и куртки. Сердце Дружинина готово было вылететь из груди. С трепетом в душе он рассматривал, как де-

вушки устраивались, поправляя свою одежду. Сверкая огоньками глаз, они окидывали любопытными взглядами бойцов.

— Анатолий! А тушеная зайчатина где? Где долгожданный обед для нашей прекрасной половины человечества?! Ну что ты, Толя?! Перед тобой такие красавицы! — шутя возмущался Лёшка, глядя, как Дружинин, забыв про все на свете, продолжал любоваться женской красотой.

Лаврушин, расточавший комплименты в адрес девчат, несколько не преувеличивал. Девушки действительно были красавицами. Одна краше другой. Слова друга вернули Анатолия к реальности. И он тут же метнулся к печке, где стоял большой казан, источавший аромат тушеной зайчатины.

— *Не знесудьте, дівчата, як кажуть, чим багаті, тим і раді* (Не обессудьте, девчата, как говорится, чем богаты, тем и рады), — приговаривал Лёшка, раздавая им котелки. Девушки сначала скромно принимали солдатскую посуду и осторожно орудовали ложками, наслаждаясь кулинарными изысками Васьки. Но тушеная зайчатина и правда удалась на славу! Солянок знал свое дело. И гости это с достоинством оценили.

— *Дуже смачно* (Очень вкусно), — восхищаясь, произнесла Олеся.

— *А хто у вас так добре готує?* (А кто у вас так хорошо готовит?) — заинтересовалась зеленоглазая Маша, окидывая взглядом ребят.

— *Це Василь Михайлович у нас великий майстер в кулінарії* (Это Василий Михайлович у нас великий мастер в кулинарии), — поспешил отрекомендовать своего друга Лёшка, деликатно представляя его дамам.

— *Так?! (Да?!)* — удивилась Мария, сверкнув огоньками любопытных глаз. — *Пощастило вашій дружині* (Повезло вашей жене), — произнесла она провокационные слова, заранее зная, что на них должен последовать ответ, который ее интересует.

— Ну що ви! Василь Михайлович ще не одружений. Він тільки в пошуках своєї майбутньої нареченої (Ну что вы! Василий Михайлович еще не женат. Он только в поисках своей будущей невесты), — поспешил заверить ее Лёшка, подмигивая Анатолию.

— А де ви зайця роздобули? (А где вы зайца раздобыли?) — обратилась к Лёшке Катерина, самая скромная из девушек.

— А ось в цьому відзначився Олексій Кирилович. Це він влучним пострілом вразив зайця в праве око, не зіпсувавши йому шкірку (А вот в этом отличился Алексей Кириллович. Это он метким выстрелом поразил зайца в правый глаз, не испортил ему шкурку), — старался возвысить Лёшкины достоинства до невиданных высот Василий, чтобы его друг по праву мог завоевать уважение у присутствующих дам.

Анатолий, отвернувшись, пытался скрыть от девушек набегающую на лицо улыбку. Какой там правый глаз?! Он вспомнил, что от головы зайца осталось лишь несколько полосок шкуры (с висевшими на них кусочками окровавленных костей), которые едва связывали уши косого с его тушкой. Васька был великий сказочник!

— Ух ти! Ось це так! (Ух ты! Вот это да!) — удивилась Олеся, оценивающе осматривая Лёшку.

— Він у нас найкращий снайпер у всьому Першому Українському фронті. Йому навіть сам Сталін орден вручав. Правда, він відмовився на користь іншого, теж знаменитого снайпера. Скромний він у нас хлопець (Он у нас лучший снайпер во всем Первом Украинском фронте. Ему даже сам Сталин орден вручал. Правда, он отказался в пользу другого, тоже знаменитого снайпера. Скромный он у нас парень), — не моргнув глазом продолжал байку Васька.

Дружинин, слушая друга, еле сдерживал себя от смеха.

— Взагалі, у нас усі хлопці відмінні. Та ось, наприклад, Анатолій поруч з вами сидить — найскромніша людина. Тільки в грудні, при наступі наших військ, він в бою відразу трьох

*фріців застрелив зі свого карабіна і ще двох багнет-ножем за-
колов. А на другий день він один вийшов у розвідку і взяв у пол-
лон німецького генерала. За що й був нещодавно представле-
ний до урядової нагороди* (Вообще, у нас все ребята отличные.
Да вот, например, Анатолий рядом с вами сидит — скром-
ный человек. Только в декабре при наступлении наших
войск он в бою сразу троих фрицев застрелил из своего ка-
рабина и еще двоих штык-ножом заколов. А на второй день
он один вышел в разведку и взял в плен немецкого генера-
ла. За что и был недавно представлен к правительственной
награде), — вдруг на ходу сочинил небылицу про Анатолия
Солянок, отчего сам представленный дамам «герой»
от неожиданной похвалы чуть не подавился куском зайча-
тины.

Васька как ни в чем не бывало легонько похлопал рас-
кашлявшегося Анатолия по спине, продолжая выдумывать:

*— Шкода тільки, що дівчата про наших хлопців нічого
не знають. Такі герої-женихи — і без жіночої уваги тут
на фронті пропадають* (Жаль только, что девушки о наших
парнях ничего не знают. Такие герои-женихи — и без жен-
ского внимания здесь на фронте пропадают), — тоскливо
вздыхнул Солянок, затрагивая самые тонкие струны нежных
женских сердец.

В то же время на печке уже пыхтел паром большой ме-
таллический чайник.

— Так, дівчата, тримайте гуртки, зараз чаєм побалуємо
(Так, девушки, держите кружки, сейчас чайком побалу-
ем), — приговаривал Лёшка, раздавая дамам посуду.

На импровизированном столе из снарядных ящичков по-
явились сахар, трофейный шоколад, хлеб, сало. Угощений
было совсем немного, но для девушек это было так приятно!
У стенки потрескивала дровами железная буржуйка; ярко
горели две изготовленные из артиллерийских гильз коптил-
ки, в протопленном блиндаже было чисто, тепло и уютно.
У сидевших возле горячей печки девчат порозовели щеки.

Воодушевленные присутствием женщин бойцы, преобразившись в галантных кавалеров, ухаживали за дамами. Анатолий в такой ситуации был впервые. По сравнению со своими друзьями, имевшими в этом деле богатый жизненный опыт, он терялся, робел, не знал, что надо делать и что говорить. Девушки были для него как что-то недосыгаемое. С открытым ртом он наблюдал, как ухаживал за девчатами любвеобильный Лаврушин. Он шутил, непринужденно задавал вопросы, подходя сбоку, нежно брал девушек за хрупкие плечи, отвешивал комплименты, подливал им в кружки чай и делал это так легко и ловко, как будто занимался этим всю жизнь. Не отставал от него и семейный Солянок; предлагая угощения, Васька не забывал про похвалы в адрес женского пола, отвешивал шутки, на ходу сочиняя смешные истории. Девушки разговаривали на украинском языке, и Солянок с Лаврушиным общались с ними легко и непринужденно.

— Вася! Как это ты легко и свободно разговариваешь на украинском? — удивился Дружинин.

— *Так це ж моя рідна мова!* (Так это же мой родной язык!) — засмеялся Васька, продолжая развлекать гостей.

А Лёшка?! А тот мог бы и на французском, и на испанском с девушками общаться — это же Лаврушин! Одним словом, неопытному в любовных делах Дружинину было у кого и чему поучиться. И этот урок пошел ему на пользу. Он оказался хорошим учеником.

Согревшись в теплом и уютном блиндаже, девчата пили вприкуску с сахаром и шоколадом горячий чай, смеялись над шутками солдат, забыв о войне, дождливой погоде и трудной, непосильной работе.

Забыли на миг о войне и бойцы, счастливые оттого, что имели короткую возможность побыть рядом с девушками и почувствовать себя мужчинами, чтобы не забыть свое предназначение на этой земле.

ЗАВЕРШЕНИЕ ОПЕРАЦИИ

Противник старался прорвать как внутреннее, так и внешнее кольцо окружения Корсунь-Шевченковского котла. Оборудовать новые позиции частям Пятисот тридцатой дивизии долго не доводилось. Тринадцатого февраля людей вновь подняли по тревоге, и они по привычке зашагали по раскисшей дороге, толкая застрявшие в грязи повозки, орудия, машины, перемещаясь на новые рубежи обороны. В связи с плохим состоянием дорог возникали пробки, стала ощутимой нехватка горючего, продовольствия и фуража.

К концу дня шестнадцатого февраля пошел робкий снег. Ближе к ночи хлопья стали крупнее. Снегопад сокращал видимость, что дало последнюю надежду попавшим в котел частям вермахта незаметно прорваться сквозь кольцо окружения к идущим на выручку соединениям.

Отчаянный бросок в какой-то степени был оправдан. Внезапность прорыва дала возможность окруженным войскам приблизиться к частям Первой танковой армии генерала Ганса Хубе. Прорыв противнику пришлось совершать под плотным огнем советской артиллерии. Лишь половине личного состава окруженных частей удалось вырваться из котла, оставляя на дороге убитых и раненых людей, поломанную и вполне исправную технику. Подбитые танки, сгоревшие остовы машин, бесформенные груды металла, перевернутые и разбитые обозные подводы тянулись вдоль пути отступления вражеской колонны. Окоченевшие трупы немецких солдат и офицеров, припорошенные снегом, ви-

делись так, как будто они лежали здесь с самого начала зимы. У разбитых подвод, чудом оставшиеся в живых, кое-где стояли перепуганные немецкие лошади. Брошенным осталось большое количество техники, орудий и боеприпасов.

К концу дня семнадцатого февраля окруженная советскими войсками вражеская группировка в районе Корсунь-Шевченковского котла была полностью ликвидирована. В ходе этой боевой операции нашими войсками было разгромлено десять фашистских дивизий и одна бригада. Полностью уничтожить немецкие части, попавшие в окружение, конечно, не удалось. Но поражение достаточно крупной группировки противника на юго-западном направлении деморализовало и ослабило его.

Семнадцатого февраля Пятьсот тридцатая дивизия вновь выдвинулась по заданному маршруту: Сквиря — Самгородок. Завершив очередной марш, полки заняли огневые позиции в районе населенного пункта Каменный Брод.

Ранним утром двадцать первого февраля на юго-восточной окраине Босовки и в селе Франковка разведкой передовых батальонов были обнаружены скопления большого количества вражеской техники и мотопехоты. В составе частей противника здесь находились разведывательные подразделения и саперный батальон Шестнадцатой и Семнадцатой танковых дивизий вермахта. Несколькими днями ранее они, прорвав оборону наших войск, выдвинулись на помощь своим частям, попавшим в Корсунь-Шевченковский котел. Теперь в задачу фашистов входило прикрытие отхода главных сил в направлении на Умань.

Командиром дивизии было принято решение внезапным броском окружить и уничтожить врага. Утренний туман и плохая видимость дали возможность нанести неожиданный удар. Батальоны Тысяча сто шестьдесят седьмого полка охватили Франковку с трех сторон, зажимая противника в стальные клещи. Фашисты были ошеломлены внезапной атакой наших стрелковых батальонов. С юго-восточ-

ной окраины села стали доноситься звуки ожесточенного боя. Чтобы избежать окружения, противник основными силами стал отступать в юго-западном направлении по дороге на Босовку.

Оказалось так, что на этом участке часть подразделений Тысяча сто шестьдесят седьмого полка осталась без противотанковых средств и артиллерийской поддержки. Чтобы прорваться через ряды наших наступающих батальонов, немецкую пехоту стали подвозить на грузовиках. Выпрыгивая из кузовов, гитлеровцы выстраивались в боевую цепь. Автомобили, разворачиваясь, уезжали за новой партией солдат. Контратакующую немецкую пехоту поддерживало большое количество танков и бронетранспортеров. Вражеская бронетехника перемешивала гусеницами грязный снег, выбрасывая в небо из выхлопных труб клубы икрящегося дыма. При поддержке артиллерии бронетехника и пехота ринулись на наши атакующие ряды. Неся ощутимые потери, стрелковые батальоны стали отступать.

На правом фланге завязался ожесточенный бой. Нашим бойцам частично удавалось из стрелкового оружия отсечь от танков немецкую пехоту. Это обстоятельство дало возможность бронейщикам из противотанковых ружей подбить танк Т-3, вражеская машина вспыхнула ярким пламенем. Из открытых люков валил черно-серый дым, расстилаясь в сыром и туманном воздухе. Еще один «панцер» загорелся от брошенной ему на корму бутылки с зажигательной смесью. Моторное отделение вспыхнуло, огонь тонкими струйками стал охватывать двигатель, выжигая все, что могло гореть. На удивление, железный монстр, не желая сдаваться, продолжал по инерции двигаться вперед. Лишь через несколько метров танк остановился; как будто захлебываясь, его двигатель заглох. Еще через мгновение люки открылись, и немецкие танкисты под градом пуль нашей пехоты спешно стали покидать свою боевую машину. С гранатами в руках люди погибали

под гусеницами вражеской бронетехники, продолжая отчаянно сражаться.

Батарея Артанюка только что прибыла с марша и спешно стала занимать позиции на левом фланге стрелковых батальонов. Батарейцы еще не успели закрепиться и огня по наступающему противнику не вели. Дружинин и Солянок, орудуя малыми саперными лопатками, спешно копали себе ровики. Изредка Анатолий поглядывал в сторону приближающегося боя.

Артанюк прибыл на позиции батареи, когда расстояние до немецких танков сократилось до шестисот метров. Капитан горячки не порол. Чувствуя всю ответственность боя, он остался на батарее, не желая перемещаться на НП. Приближающаяся немецкая техника приводила натянутые нервы в состояние звенящей струны. И этому была причина. Стоящая на прямой наводке батарея 76-миллиметровых пушек под руководством опытного в боях капитана подпускала вражескую технику на безобразно рискованное для себя расстояние. В трубке телефона давно в крике срывал голос командир полка: он требовал открыть огонь. Но Артанюк был спокоен как скала, на угрозы командира не реагировал, ровным голосом отдавая команды своим подчиненным. Сосредоточив свои мысли на предстоящем сражении, офицер без лишней суеты наблюдал за полем боя. Его заправские батарейцы терпеливо держали вражескую технику в объективах своих прицелов. Глядя в глаза наступающему врагу, Анатолий с замиранием сердца ждал команду офицера. Тот, как назло, не спешил, выматывая нервы майору Красновскому. Все вокруг гудело, стонало, сверкало и разрывалось, как в кромешном аду. Лязгая гусеницами, танки ползли, угрожая дулами своих орудий. Противный визг металла сквозь грохот боя резал слух, раздражал психику. Останавливаясь, железные громадины враждебно двигали стволами башенных пушек, откуда потом сверкали вспышки выстрелов. Истошно выли на излете снаряды, на разные лады сви-

стели осколки, остроносые пули жужжали, как рой атакующих пчел.

— Чего капитан медлит? Почему не начинает стрельбу? — спросил Анатолий у Васьки, пригибаясь от свистящих пуль и осколков.

— Сейчас сам увидишь, чего он медлит. Его учить не надо, он не первый день на фронте, — прокричал в ответ Солянок. — Даст команду, когда расстояние уменьшится. Нельзя раньше времени давать возможность врагу обнаружить наши позиции.

— Огонь! — кричал в трубку майор Красновский. — Я вам приказываю! Огонь! — истошно продолжал надрывать-ся на наблюдательном пункте комполка, в истерике топя ногами по земляному полу.

— Товарищ капитан! Двадцать первый приказывает открыть огонь, — передал Анатолий приказ Красновского капитану. Артанюк не ответил, продолжая наблюдать за полем боя.

— Передайте трубку двадцать четвертому! — потребовал майор. Анатолий подбежал к капитану, протягивая ему трубку.

— Товарищ капитан, вас двадцать первый вызывает, — виновато обратился Анатолий, понимая неловкость ситуации.

— Двадцать четвертый на связи, — сухо ответил Артанюк. За спиной разорвался снаряд. Анатолий присел от прогремевшего совсем рядом взрыва. Капитан, в отличие от него, опустившись на одно колено, не дрогнул ни единым мускулом. Его сильная рука твердо держала телефонную трубку. Звук приближающегося боя нарастал.

— Немедленно отрыть огонь! Вы меня слышите?! — голосил майор. — Я вам приказываю, товарищ капитан! Огонь!..

— Мне, товарищ двадцать первый, с огневого рубежа виднее, когда лучше начинать стрельбу, — без всяких эмо-

ций, спокойно парировал Артанюк. Держа в левой руке бинокль, он резко повернулся вправо, где яростнее всего происходило сражение. Слева вновь прогремел взрыв, и комья земли посыпались на голову и плечи. Отряхиваясь, Анатолий перекинул телефонный аппарат из правой руки в левую.

— Я вас отдам под трибунал за невыполнение приказа! — грозился судом Красновский. — Там гибнут люди! А вы преступно затягиваете время! Немедленно открывайте огонь. Вы меня слышите?! — надрывая горло, гневно кричал командир полка.

— Еще пару минут, товарищ двадцать первый, и я исполню ваш приказ, — заверил его Артанюк. — К сожалению, не могу больше с вами говорить, товарищ двадцать первый, — идет бой, — прервал разговор капитан и протянул Анатолию трубку. Дружинин вновь нырнул в свой ровик.

Мучительно долго тянулось время. Терпению и, самое главное, железной выдержке и точному расчету командира батареи можно было только позавидовать. Ни секундой раньше, ни секундой позже он наконец, поправив расчеты, дал долгожданную команду «Огонь!». Ее тут же продублировали командиры взводов и орудий. На позициях все пришло в движение. При выстреле пушки подпрыгивали, от них в разные стороны вместе с дымом пороховых газов разлетались брызги грязной воды и мокрого снега. Зашелестели, уносясь к цели, первые артиллерийские снаряды. Орудия окутались дымом. Второй снаряд, выпущенный из первого орудия, ударил по броне танка Т-4. Искра и срывая с угла башни куски стали, бронебойный снаряд срикошетил. Танк, качнувшись, резко остановился. Его массивная башня стала поворачиваться, и ствол с большим дульным тормозом теперь был направлен прямо на стрелявшее в него орудие. Прогремел еще выстрел пушки, и снаряд, разрезая холодный воздух февральского утра, со скрежетом и глухим звоном врезался под основание башни. Сноп ярких искр блес-

нул в том месте, куда ударила болванка. Танк, как раненый зверь, снова дернулся; ствол его башенного орудия, словно хобот африканского слона, медленно опустился вниз. Открывая люки, на башне появились немецкие танкисты. Облеченные в черные комбинезоны фашисты, громко перекрикиваясь между собой, прыгивали с подбитой техники вниз. Прикрываясь броней от огня нашей пехоты, немцы, отстреливаясь, отступали. Очередной снаряд, влетевший в корму танка, вызвал пожар; яркий огонь стал вырываться из его рваной пробоины. Через открытые люки повалил черный дым. Выстрелом четвертого орудия разворотило левое ведущее колесо второго танка Т-4. Гусеницу «панцера» заклинило, и его резко развернуло влево. Танк подставил свой правый борт под огонь нашей артиллерии. Второй снаряд пушки угодил под передний опорный каток немецкой техники, смертельно ранив стрелка-радиста. Языки пламени охватили отделение управления. Еще после нескольких залпов нашей батареи два вражеских танка, дрогнув, встали. Стрельба на батарее не затихала, с каждой минутой увеличивая потери врага.

Получив удар мощным железным кулаком, немецкие танкисты охладили свой пыл. Второй эшелон техники был вынужден остановить наступление. Попав под артиллерийский огонь наших пушек, вражеская пехота залегла. Огрызаясь залпами башенных орудий, танки попятились назад. На огневом рубеже батареи шла напряженная работа. Под градом пуль и осколков на позиции слышались короткие крики командиров, лязг затворов, звенела латунь стреляных гильз. Орудийные расчеты, окутанные дымом пороховых газов, продолжали двигаться в привычном темпе. Теперь осколочно-фугасные снаряды рвались в цепях залегшей пехоты, оставляя на мокром снегу темные пятна разрывов. Доносились крики команд немецких офицеров.

Подбирая раненых солдат, гитлеровцы короткими перебежками стали покидать поле боя. Враг отступал. Вдруг

сквозь пронзительные звуки боя с северо-восточной окраины хутора Гайдане слышался нарастающий гул моторов и орудийные залпы. На отступающего противника навалились пришедшие на подмогу пехоте наши танки. Враг в замешательстве еще некоторое время сопротивлялся, но порожденная в его рядах паника ускорила бегство. Бросая пушки и минометы, немецкие солдаты и офицеры стали на ходу запрыгивать в автомашины, спешно покидая поле боя. Отступая, немцы бросали не только подбитые, но и вполне исправные танки и бронетранспортеры. Орудия капитана Артанюка замолкли. Комбату стали поступать доклады командиров взводов об израсходованных зарядах. Рубеж удалось отстоять.

Произошедшая на глазах Дружинина картина боя произвела на него неизгладимое впечатление. Он был в восторге. Его сердце ликовало от счастья, в душе ощущалось чувство гордости за наших артиллеристов. Еще не верилось, что это все произошло с ним. Анатолий оказался свидетелем блистательного мастерства и героизма скромного капитана, который не особо ценился командирами за свое неповиновение.

— И все-таки наши пушкари воевать умеют! — с восторгом заявил он Ваське.

— А ты думал?! — гордо запрокинув голову, заявил Солянок, деловито сворачивая сигарку. — Капитан Артанюк дело свое знает туго! На его участке еще ни разу танки не прорывались, а это дорогого стоит! Но, правда, вот у командиров он не в почете за то, что не начинает стрельбу по их команде, а ведет огонь по своим расчетам.

— А жаль, что не ценят. Это же не стрельба с закрытых позиций в трех, а то и в пяти километрах от передовой, — рассуждал Анатолий, наблюдая, как радуются отбитой атаке батарейцы. Орудийные расчеты продолжали таскать снаряды, убирали стреляные гильзы.

— Ну знаешь, Толя, начальству виднее, кого казнить, а кого миловать, — резюмировал Солянок.

На батарее отважного капитана Анатолий сегодня был во второй раз. В первый день встречи с ним на наблюдательном пункте обстановка была другой — спокойной. Враг тогда активных действий не предпринимал. Когда Дружинин прибыл на пост, то застал капитана в его командирском блиндаже.

Степану Васильевичу Артанюку более сорока лет. Ростом выше среднего, широк в плечах, по-военному подтянут, физически крепок. Его массивная нижняя челюсть несколько выпирает вперед. Под густыми черными бровями — искренний пронизывающий взгляд. Во всей внешности капитана бросалась в глаза бесшабашная удаль. Для него не существовало преград. Как охарактеризовал его Васька Солянок: «Этот офицер не боится ни Бога, ни дьявола!» Он был немногословен, говорил коротко и обстоятельно, взвешивая каждое свое слово. По характеру сильный духом, отчаянный. Свои позиции капитан отстаивал, невзирая ни на что. В отношениях с людьми открыт и прямолинеен. На фронте Артанюк воевал с первого дня войны. Он был неоднократно ранен и сплошь перештопан хирургами, но раз за разом возвращался в строй, продолжая отчаянно сражаться, не теряя веру в нашу неизбежную победу. Батарейцы уважали своего командира за храбрость и непреклонность перед начальством. Случайных людей в батарее у Артанюка не было. Артиллеристов он подбирал себе сам, лично. Трусливым и нерадивым в огневых расчетах места не было. Их быстро отправляли в обоз.

Тогда, в первых числах февраля, Артанюк в очередной раз только что вернулся из госпиталя, и Анатолий был невольным свидетелем, как в обед каптенармус принес ему зажаренную на огне курицу. Птицу для любимого комбата раздобыли его разведчики. Они же по его просьбе принесли и бутылку крепкого самогона. Расположившись за столом, Степан Васильевич не спеша, с любовью, с чувством, с расстановкой в один присест выпил бутылку самогона и заку-

сил принесенной курятиной. Для физически крепкого человека это оказалось нормой. И если бы Дружинин не видел происходящего, то никогда бы не подумал, что капитан употребил такое количество спиртного. На удивление, он выглядел абсолютно трезвым. Такого человека стоило уважать!

В этот день в ожесточенных боях под Франковкой Тысяча сто шестьдесят седьмой полк понес большие потери. Уже на следующий день он был переведен во второй эшелон дивизии на отдых и пополнение. День для дивизии выпал тяжелый; за сутки в боях было убито и ранено двести сорок три человека.

* * *

Утро двадцать второго февраля выдалось теплым. Дружинина срочно вызвали в штаб полка. Он шел быстрым шагом с позиции первого дивизиона по освобожденной от врага Франковке. Изгиб улицы выходил на дорогу в направлении на Босовку. Вчерашний бой не затронул этой части населенного пункта, и мирные люди, те, кто покинул свои дома, теперь возвращались обратно. Анатолий наблюдал, как молодая женщина хлопотала по хозяйству. Выполняя домашнюю работу, она присматривала за тремя малолетними детьми. Двор, огороженный плетневым забором, за которым находились крытая соломой хата и несколько ветхих хозяйских построек, вписывался в обычный быт украинского села. За плетнем в сопровождении задиристого, в яркой окраске петуха, важно вышагивающего по двору, бегало несколько кур. Из открытых дверей сарая доносилось повизгивание поросят. Возле сеновала, подбирая с земли разбросанную солому, ходила исхудавшая за зиму корова. Рядом с ней крутилась, что-то высматривая по сторонам, белая рогатая коза; она сразу же напомнила Анатолию его далекое детство.

Ранней весной тридцать шестого года мать купила такую же маленькую белую козу, которую дети сразу прозва-

ли Крошкой. Через месяц коза окотилась, и теперь рядом с ней бегал и резвился маленький козленок, с которым, забавляясь и веселясь, игралась детвора. Коза — животное разумное, и Мария Ивановна приучила ее на дойку со степи приходить домой самостоятельно. Для этого она заранее приготавливала лакомства и, выйдя за двор, стуча по кружке ложкой, зазывала животное по имени. Крошка, услышав, что ее зовут, бежала к хозяйке, получая при этом свою дозу угощения. А после дойки мать вновь отправляла ее пастись.

Наблюдая такое зрелище, Анатолий был удивлен и на следующий же день рассказал об увиденном сестренкам. В отсутствие матери они решили провернуть эту операцию самостоятельно. Надя вынесла кружку с ложкой и передала их старшему брату. Дети выстроились в ряд, и Анатолий, подняв вверх руки, принялся звонко стучать по кружке.

— Крошка! Крошка!.. — громко кричали сестры. Но их старания были безуспешны.

Коза, лениво осмотрев зовущих ее детей, демонстративно отвернулась, продолжая мирно щипать сочно-зеленую траву. Идти доить ее в степь было делом неинтересным. Важно было привлечь животное на дойку маминым методом дрессировки, но разумную козу, как стреляного воробья, на мякине не проведешь. Она прекрасно понимала, кто ее кормит и кто даст гостинец при дойке, а кто просто попытается обмануть.

Три года подряд Крошка приносила в хозяйство по одному козленку. В тридцать девятом году мать продала козу и купленный в тридцать первом году отцом сепаратор, а на вырученные деньги купила маленькую, в пятнадцать квадратных метров, землянку в Джаныбеке. Семья, собрав скудные пожитки, переехала на новое место жительства. Так вот новым хозяевам, жившим теперь по соседству, Крошка в первый же год принесла сразу троих козлят. Вот так Крошка!

После переезда в Джаныбек брат Матвей устроился работать на железную дорогу. А через неделю ему предложили должность путевого обходчика на железнодорожной станции Казахстан. Это было достаточно далеко от Джаныбека, но Матвей согласился и вскоре уехал. Скучно стало без старшего брата, ведь они с детства были всегда вместе, играли, хулиганили, хранили от матери и сестер свои секреты. Теперь он стал взрослым и должен зарабатывать на жизнь сам. Осенью его призвали в армию, и Матвей приехал всего на одни сутки, чтобы попрощаться с родными. Анатолий часто вспоминал тот день, когда он провожал брата на перроне вокзала, и как тяжело было с ним расставаться. Матвей не горел желанием уезжать. Он как будто чувствовал, что сюда больше никогда не вернется и никогда не увидит свою семью. Поезд уже тронулся, стал медленно набирать ход, а братья продолжали стоять, обнявшись. Матвей не хотел отпускать Толю из своих крепких рук. Только когда последний вагон поравнялся с ними, он ловко запрыгнул на его подножку и под шум уходящего состава, помахав рукой, уехал.

А потом были письма. Службу Матвей начал в Ленинградской области Карельского укрепрайона. В июле сорокового года его Девяностую стрелковую дивизию перебросили в Эстонию, город Пярну. Письма от него тогда приходили тревожные...

«Здесь, в Эстонии, местное население к советским солдатам относится очень плохо, считая нас оккупантами. А по разговорам офицеров, к границам нашей страны Германия стягивает большое количество войск. Знай, братишка, скоро начнется война» — такие неутешительные вести в письмах сообщал брат. Открытым текстом он, конечно, об этом не писал. Еще в детстве они придумали свой язык перевернутых слов, для того чтобы хранить секреты от мамы и сестренки. Вот на каком языке он и объяснял суть ситуации.

В апреле сорок первого от него пришло последнее письмо, в котором Матвей писал, что попал в госпиталь с воспалением легких... Больше писем от брата не приходило. В конце мая сорок первого года его Девяностую дивизию по железной дороге перебросили в Литву, на границу с Восточной Пруссией. А менее чем через месяц началась война. Ранним утром двадцать второго июня вражеские войска перешли в наступление. У самой границы Матвей вместе со своими боевыми товарищами принял свой первый бой. Двадцать шестого июня он, как и многие другие бойцы Девяностой стрелковой дивизии, станет числиться в списках без вести пропавших. В ходе первых боев Девяностая стрелковая дивизия была рассеяна и уже четвертого июля сорок первого года фактически не существовала. Командир дивизии, полковник Михаил Иванович Голубев, и заместитель командира дивизии по политчасти, бригадный комиссар Фролов, погибли. Но об этом Анатолий узнает много, много лет спустя.

Штаб артполка расположился в двухэтажном кирпичном здании на юго-западной окраине села Франковка. Анатолий сидел в комнате связистов и наблюдал, как за щелкой печной дверцы, в топке, потрескивая, горели дрова. В просторном помещении штаба было тепло и сухо. За окном легкий ветерок качал тонкие ветки молодого ореха, которые едва слышно стучали и скреблись по запотевшему стеклу. Чуждым Анатолию показалось, что, стучась ветками в окно, орех как будто настойчиво просился, чтобы его тоже пустили погреться. От этой мысли на лицо невольно набежала улыбка. Из кабинета командира полка едва доносился одинокий голос офицера разведки. Тишина в протопленном помещении располагала ко сну, отчего Дружинина стала одолевать зевота; тяжелые веки стали слипаться.

— Афанасий! Если я задремлю, разбуди, как закончится совещание, — обратился Анатолий к Коробкову. — А то как-то не очень хочется попадаться спящим на глаза командирам.

— Хорошо, Толя, отдыхай. Я, если что, разбужу, — успокоил его Афанасий, поглядывая на дверь кабинета Бати.

Афанасий Коробков родом из Тульской области, крепкий деревенский парень, плотный, кряжистый, слегка сутуловатый, с круглым веснушчатом лицом и голубыми глазами. Спокойный, уравновешенный и невозмутимый Афанасий был несловоохотлив, но зато всегда внимательно выслушивал собеседника. Коробков был не только уравновешенным, но и домовитым, а самое главное, излишне осмотрительным и по-хозяйски расчетливым. Выполняя любую работу, Афанасий делал все не спеша, основательно, обдумывая каждую мелочь, с тонким деловым подходом и без лишней суеты. У Дружинина не всегда хватало терпения, когда он наблюдал, как Коробков что-то мастерил сам или помогал ему чинить неисправную аппаратуру. Порой он пытался вырывать у него из рук инструмент, чтобы выполнить начатое дело самому, быстрее и проще. Но Коробков был непоколебим. Крепкой рукой он отстранял Анатолия прочь и завершал работу самостоятельно. Независимо от обстоятельств, чем бы Афанасий ни был занят, он тщательно, без спешки проверял свою работу и завершал начатое дело только тогда, когда был уверен в качестве его выполнения.

Получив одобрительный ответ от друга, Анатолий удобней устроился на стоящей в углу широкой лавочке и, опершись спиной о стену, тут же задремал.

Оперативное совещание в штабе полка продолжалось. Майор Красновский, стоя за картой, внимательно слушал доклад начальника разведки. В теплой просторной комнате собравшиеся офицеры прислушивались к каждому слову капитана.

— ...Основные узлы обороны противника остаются прежними на направлениях Яблуневка, Босовка, Данцковка. В каждом из населенных пунктов наблюдаются отдельные группы автоматчиков при поддержке четырех-пяти танков и самоходных орудий, которые предположительно

немецким командованием направлены сюда с задачей оказания огневой поддержки своим отступающим частям. Также на северо-восточной окраине Вишнёвки, — указывал на карте рукой капитан, — нашей разведкой замечены четыре тяжелых самоходные установки типа «фердинанд» с группой автоматчиков. Совершенно очевидно, что они направлены сюда с той же целью, что и предыдущие. Кроме того, в районе указанных пунктов нами замечены кочующие танки типа «пантера» и «тигр». Других опорных пунктов и огневых позиций по линии нашей обороны на сегодняшний день не обнаружено. Также хочу заметить, что самолеты противника на очень низких высотах производят разведывательные полеты над боевыми порядками наших подразделений. Прошу уделить должное внимание маскировочной дисциплине, — подытожил свой доклад капитан, прокручивая в руке остро заточенный карандаш. — У меня все, товарищ майор, — закончил доклад капитан, повернувшись к Красновскому.

— Благодарю за информацию, товарищ капитан. Я думаю, ситуация всем понятна? — задал вопрос майор, обращаясь к командирам подразделений, и тут же продолжил: — В связи со сложившейся обстановкой нам предстоит следующая передислокация. Капитан Махлеев, вы четвертую батарею своего дивизиона выдвигаете на юго-восточную опушку рощи восточнее Босовки, вот сюда, — указал на карте майор. — Капитан Лобзанов, вы свою третью батарею гаубиц разместите на юго-западной окраине населенного пункта Каменный Брод — вот здесь. Наблюдательный пункт батареи — высота с отметкой двести тридцать девять и один, — продолжал отмечать на карте майор, обращаясь к командиру первого дивизиона. — Наблюдательный пункт штаба полка, товарищи командиры, — высота с отметкой двести сорок три и один, — в заключение сказал Красновский, убеждаясь, что данные им указания уточнений не требуют.

Коробков толкнул под локоть Анатолия, предупреждая, что совещание заканчивается и теперь офицеры будут расходиться по своим подразделениям.

Через пару минут после короткого совещания Красновский отбыл на новый наблюдательный пункт. Еще несколько минут в штабе продолжалась суматоха, в суете которой Дружинина подозвал к себе командир взвода. Едва Корейкин объяснил Анатолию расположение наблюдательного пункта полка, куда ему следовало протянуть связь, как в небе над Франковкой появилась вереница немецких бомбардировщиков. Нудный рев моторов, вой сирен, свист и разрывы падающих сверху бомб заглушали крики командиров и стрельбу по немецким самолетам. Отправляясь на задание, Анатолий спрыгнул с крыльца. В тот же миг всего в нескольких метрах от него взорвалась бомба. Жаром обдало лицо, взрывной волной его сильно толкнуло в грудь, отчего, потеряв равновесие, он упал на спину. Шапку сильным потоком горячего воздуха сорвало с головы. Сверху на лицо и плечи посыпались комья земли, дыхание сбил густой черный дым и ядовитый запах немецкого тротила.

Все вокруг грохотало, рвалось, завывало, с неба сыпался свинцовый град пушечных и пулеметных очередей. Прижимаясь к земле, Анатолий метнулся за шапкой. Хватая в руки катушку, он резким броском попытался рвануть в направлении наблюдательного пункта. Не удалось сделать и пары шагов, как прямо под ногами утрамбованный грунт уличной дороги ровной бороздкой пропахала очередь крупнокалиберного пулемета. За спиной Дружинина грохнул разрыв авиабомбы, толкнувший его горячим потоком воздуха вперед. Заметив перед собой вырытую накануне щель, Анатолий, спасаясь от неминуемой гибели, инстинктивно бросился в укрытие.

— Выполняйте приказ, товарищ Дружинин!.. — кричал вслед Корейкин, наблюдая, как Анатолий, скрываясь от авианалета, метнулся в вырытую щель. — Немедленно отправ-

ляйтесь на наблюдательный пункт! — негодовал командир, скрываясь от бомбежки в помещении каменного подвала.

Смертельный караван, состоявший из сорока самолетов, яростно атаковал штаб и позиции артиллерийского полка. Под прикрытием «Мессершмиттов 109» «Юнкерсы 87», пикируя один за другим, сбрасывали бомбы. Пролетая над крышами домов, немецкие летчики падали из пушек и пулеметов. Дрожала от разрывов земля. Движение на позиции прекратилось. Люди прятались в ровиках и траншеях.

Несколько раз Анатолий пытался выбраться из щели для того, чтобы выполнить задание, но каждый раз, попадая под шквал огня, возвращался обратно. Атака с воздуха продолжалась уже около тридцати минут. И когда темп авианалета стал спадать, Дружинин наконец выскочил из укрытия. Маневрируя между воронками и прижимаясь к земле при редких взрывах и пулеметно-пушечной стрельбе, он, спотыкаясь, падая и поднимаясь вновь, побежал на указанную Корейкиным высоту.

Франковку невозможно было узнать: с шумом и треском пылают постройки, дымят машины. По улице среди полыхающих домов колышется горячая зыбкая пелена едкого дыма. Трудно дышать. Где-то во дворе громко и жалобно скулит собака, кричит в истерике женщина, слышится детский плач, крики взрослых, мольба о помощи... Огибая парящие воронки, Дружинин продолжает бежать, стараясь не видеть людское горе. У него боевое задание, и он его должен был выполнить еще тридцать минут тому назад. Но смог бы он тогда остаться живым и выполнить поручение?

На северо-восточной окраине села завязался бой. Несколько групп танков при поддержке пехоты ринулись на наши стрелковые части, занимающие временные огневые рубежи. Одна атака сменялась другой. Теряя живую силу и технику, враг продолжал артиллерийский и минометный обстрел. Анатолий бежал изо всех сил, понимая, на какой пе-

риод он оставил без связи своего командира полка. «Что теперь будет? — то и дело возникал один и тот же вопрос. — Ведь Корейкин этого просто так не оставит».

И вот Франковка далеко позади. Задыхаясь от продолжительного бега, он забирается на высоту, где с трудом обнаруживает наблюдательный пункт. Тщательно замаскированная траншея с установленными внутри двумя стереотрубами тянется к блиндажу. Посреди теплого помещения, освещенного керосиновыми лампами, стоит деревянный стол с двумя импровизированными скамейками. Несколько офицеров полка и топовычислители производят расчеты для стрельбы. В правом углу у своей рации сидит Прусов.

— Товарищ майор, рядовой Дружинин для установления связи со штабом полка прибыл, — обратился Анатолий к Бате, приложив руку к виску, — куда прикажете установить телефон? — спросил он, держа в руках телефонный аппарат и катушку.

— Вот здесь, в углу, и ставьте, — совершенно спокойно сказал майор, указывая на место рядом с Прусовым. Не ожидал Дружинин, что Красновский так безмятежно отнесется к его долгому отсутствию. Он поприветствовал Прусова, поставил рядом телефон и, воткнув в землю штык с минусовым проводом, стал настраивать связь. Поднимая трубку, Анатолий торопился вызывать штаб полка.

— Волга, Волга, я Днепр. Прием! — надрывался он, ожидая ответа.

— Волга слушает.

— Дай мне двадцать первого, — неожиданно послышался в трубке голос Корейкина.

«Ну все! Сейчас начнется!» — тяжело вздохнув, подумал Дружинин.

— Связь установлена, товарищ майор, десятый на проводе, вас просит к телефону, — доложил Анатолий, протягивая Бате телефонную трубку.

— Двадцать первый слушает, — неохотно произнес Красновский.

— Товарищ двадцать первый! Разрешите доложить?

— Я вас слушаю, товарищ десятый.

— Товарищ двадцать первый, рядовой Дружинин, испугавшись вражеской бомбардировки, вместо того чтобы обеспечить своевременно связью ваш наблюдательный пункт со штабом полка, более часа укрывался в подвале. Проявляя трусость и нерешительность, данный красноармеец на длительный срок оставил без связи весь штаб нашего полка. Я считаю, за проявленную трусость и паникерство рядового Дружинина необходимо привлечь к трибуналу.

Анатолий хорошо слышал пламенную речь своего командира взвода и почувствовал, как у него задрожали колени. «Это все, штрафная рота!» — подумал он, боясь перевести взгляд на Красновского.

— Хорошую речь произнесли, товарищ десятый. Оставил без связи аж весь штаб полка!.. Вот это вы маханули! — не без иронии произнес майор. — А как вы думаете, если бы ваш непосредственный подчиненный, сраженный вражеской пулей или осколком, был бы тяжело ранен или, еще хуже того, убит, — нам что, от этого сейчас было бы легче? — подметил совершенно спокойно майор, терпеливо дожидаясь ответа.

Пауза затянулась. Корейкин, совершенно не ожидая такого поворота, молчал.

— Что вы как в рот воды набрали?.. Я же вам задал вопрос! — настоятельно требовал ответа Батя.

— Думаю, легче бы не было, — неуверенно и уже другим тоном произнес Корейкин.

— Солдата, товарищ десятый, надо беречь! На его плечах лежит основная и самая тяжелая работа. И вы, как командир, как офицер, должны больше всех понимать это. Не преувеличивайте, пожалуйста, вину Дружинина! На экстренный случай у меня всегда рядом находятся радист

и посыльный, это чтобы вы знали на будущее. А если и впредь вы будете так беспечно относиться к своим подчиненным, то справедливее будет вас, товарищ десятый, отстранить от должности, нежели раз за разом из-за вашей беспринципности терять на поле боя специалистов связи. Я, если мне не изменяет память, уже делал замечания по поводу вашего отношения к непосредственным подчиненным. Не так ли?

— Так точно. Делали... — еле слышался в трубке голос лейтенанта.

— И это вам мое последнее предупреждение. Конец связи, — закончил свою речь Батя и передал трубку Дружинину.

Выйдя в блиндажную траншею, майор без всяких эмоций продолжил работу у приборов. Еще несколько секунд Анатолий неподвижно стоял на месте. От неожиданного поворота событий он впал в оторопь и потерял дар речи.

Через несколько минут после того, как Дружинин успокоился и пришел в себя, в траншее блиндажа послышалась суета. Анатолий вновь насторожился. Наконец полог широко распахнулся, и в помещение шагнул Батя, за ним — старшина первого дивизиона. Сразу за командиром и старшиной в проходе появилась голова испуганного немецкого ефрейтора.

— Заходи, не стесняйся! — толкая в спину, торопил пленного наш сержант — парторг первого дивизиона.

— В лесу у Побережек на него наткнулись, — пояснил майору старшина, указывая на немца.

— Это в районе безымянной рощи, восточнее Босовки? — уточнил Красновский, внимательно осматривая пленного.

— Да, да, так точно! Именно там, товарищ майор. Драпают фрицы, — хорохорился парторг.

— Драпают?! Только и огрызаются очень больно, — сурово возразил Батя. — На сегодняшний день сколько людей потеряли от этих драпающих? А сколько еще потеря-

ем?.. — вздохнул он с сожалением, усаживаясь на скамейку.

Пленный немец лет тридцати пяти постоянно озирался, боясь, что его неожиданно кто-то ударит. Он высокого роста, суховат, горбоносый, с большими серыми глазами под сводом светлых, едва видимых ресниц и бровей. Взгляд растерянный. На ногах пленного — короткие, испачканные грязью сапоги; серая шинель, перетянутая в поясе кожаным ремнем, тоже перепачкана. На голове ефрейтора — армейская пилотка с опущенными на уши отворотами.

«Да, зимой в таком головном уборе на морозе долго не протянешь. Тут в шапке дрожишь, как заяц на холоде, а они в пилотках! С ума сойти, — рассуждал Анатолий, глядя на несчастного пленного. — Хотя чего его жалеть — их сюда никто не приглашал», — решил он, усаживаясь возле Прусова.

— Вот, товарищ майор, его аусвайс, — парторг вытащил из кармана своей шинели документы ефрейтора и протянул их Бате.

— Развяжите ему руки, — распорядился майор, кивком указывая на пленного.

Парторг развязал пеньковую веревку, и немец, освободившись от уз, стал разминать затекшие кисти рук. Дружинин не спускал с пленного глаз. Внимательно всматриваясь в каждое его движение, он заметил: то ли от страха, то ли от холода руки немца дрожали.

— *Wie heißt du, Gefreiter?* (Как вас зовут, ефрейтор?) — обратился к немцу Красновский, разворачивая его документы.

— *Mein name ist Johan Klausman, Herr Offizier* (Меня зовут Йохан Клаусман, господин офицер).

— *Von welcher Einheit Sie sind?* (Из какого вы подразделения?)

— *Ich werde in Captain Tina's Kampfgruppe sein* (Я состою в боевой группе капитана Тины).

— *In welcher Division dienen Sie?* (В какой дивизии вы служите?)

— *Unsere Kampfgruppe ist Teil der hundert zwölften Infanteriedivision* (Наша боевая группа входит в состав Сто двенадцатой пехотной дивизии).

— *Wer ist dein Kommandant der Division?* (Кто ваш командир дивизии?)

— *Kommandant der hundert zwölften Infanteriedivision, Generalmajor Theo-Helmut Lieb* (Командир Сто двенадцатой пехотной дивизии — генерал-майор Тео-Хельмут Лиеб).

— *War ihre division umzingelt?* (Ваша дивизия была в окружении?)

— *Jawohl, Her Offizier. Unsere Division war zuvor in der Nähe von Tscherkassy eingekesselt* (Так точно, господин офицер. Наша дивизия ранее находилась в окружении в районе Черкассы).

— *Wo ist jetzt deine Kampfgruppe, in welcher Siedlung?* (Где сейчас находится ваша боевая группа, в каком населенном пункте?)

— *Unsere Gruppe befindet sich in der Gegend von Kih* (Наша группа находится в районе населенного пункта Ких).

— *Was ist die Hauptaufgabe Ihrer Kampfgruppe?* (Какова основная задача вашей боевой группы?)

— *Genug genaue plane das Kommando ich weiss nicht. Aber unsere Aufgabe heute — um Verteidigung des Gegners in der südwestrichtung auf Uman zu durchbrechen* (Достаточно точных планов командования я не знаю. Но наша задача на сегодня — прорвать оборону противника в юго-западном направлении, на Умань).

На вопросы о расположении огневых средств его подразделений пленный стал отвечать общими фразами. Было понятно, что он плохо ориентировался на местности и исчерпал тот небогатый запас сведений, представляющих интерес.

— *Danke für die Information. Nun werden Sie gepflegt und zum Hauptquartier der Division gebracht* (Благодарю вас за ин-

формацию. Сейчас вас накормят и отведут в штаб дивизии), — подытожил Батя, закрывая солдатскую книжку пленного.

— Ну все понятно, — подытожил свой диалог с пленным Красновский. — Ефрейтор из боевой группы капитана Тины, которая входит в состав Сто двенадцатой пехотной дивизии генерал-майора Тео-Хельмута Лиеба. Группа вырвалась из Корсунь-Шевченковского котла и сейчас находится в поселке Ких. Вполне логично будет предположить, что теперь немцы будут прорываться на юго-запад, в направлении на Умань, — пояснил присутствующим майор о том, что ему удалось узнать от немецкого ефрейтора. — Накормите пленного и отведите его в штаб командующего артиллерией дивизии, — отдал распоряжение Красновский, отправляясь к оптическим приборам.

Дружинин, наблюдая, как Красновский вел допрос пленного, был поражен тем, как свободно майор говорил на немецком, и еще больше проникся к нему уважением. Как правило, для допроса «языка» привлекали переводчиков. А их Батя в услугах толмача не нуждался. Возникло приятное чувство гордости за своего командира. Анатолию было в удовольствие служить под его началом.

За эти сутки противник численностью до батальона пехоты при поддержке от трех до восьми танков четыре раза пытался контратаковать подразделения Пятьсот тридцатой дивизии из района роши, что северо-восточнее села Тихоновка. Полки несли большие потери. Достаточно большой урон нанесла и авиация противника. В результате вражеского авианалета в артиллерийском полку из строя было выведено восемь автомашин. Одна из них полностью сгорела.

Ранним утром двадцать третьего февраля командование нашло время и место, чтобы поздравить людей с праздником. Перед строем торжественно вынесли полковое знамя, и после обязательной церемонии с пламенной речью выступил Краснобоков.

— Товарищи красноармейцы, сержанты и офицеры! — с искренней признательностью произнес капитан. — Сегодня мы встречаем двадцать шестую годовщину со дня организации Красной армии, которая борется за интересы народов Советского Союза и интересы всего прогрессивного человечества, освобождая мир от германского фашизма.

Удары, нанесенные Красной армией по немецким захватчикам, разрушили миф о непобедимости и могуществе Германии, вырвали инициативу из рук ее командования и поставили оккупантов на путь неизбежного разгрома. В ходе войны наш тыл помогал и помогает нашей славной Красной армии, составляя с ней единое целое, потому наша Красная армия и является непобедимой. Велики наши успехи, но так же велика и ответственность за достижение окончательной победы. Враг не упадет сам, его надо уронить и этим завершить победу! Мы должны еще больше укрепить боевую выучку и дисциплину, отбросить зазнайство и наносить еще более сильные удары по врагу для достижения окончательной победы! — эмоционально говорил политрук, жестами демонстрируя жесткость наших государственных позиций и требований к бойцам и офицерам.

На удивление, в этот раз Анатолию приятно было слушать речь полкового политработника и видеть ту искренность, с которой он произносил эти слова. Не были они, как прежде, тягостными и нудными.

— Да здравствует наша славная Красная армия!

— Да здравствует ее вождь и организатор побед — великий Сталин! — закончил свое выступление политрук.

После короткой речи командира полка были объявлены благодарности за службу многим солдатам, сержантам и офицерам полка. По окончании короткого торжественного мероприятия люди вновь отправились по своим боевым местам.

Несмотря на большие потери, за последующие два дня боев части дивизии освободили населенные пункты Ких

и Яблуневка. В результате отчаянных атак были захвачены трофеи: три танка, две 75-миллиметровые пушки противника, большое количество боеприпасов и несколько десятков пленных. Корсунь-Шевченковская операция подошла к полному завершению. Перед фронтом стояли новые боевые задачи.

* * *

Двадцать шестого февраля дивизия выдвинулась маршем в район Белой Церкви. Полкам предстояло погрузиться в вагоны и по железной дороге отправиться на другой участок фронта. Войсковые части Первого Украинского фронта перебрасывали в район железнодорожной станции Шепетовка. Наступила долгожданная передышка.

Наконец после дождей и снега распогодилось. Из-за туч изредка стало появляться солнце. Воробьи, весело чирикая, небольшими стайками рассаживались на кустах и деревьях, купались в лужах, вселяя надежду на скорую весну. Людям предоставили возможность привести себя в порядок, помыться в бане, сменить нательное белье. Предоставило командование и свободное время, его каждый солдат использовал на свое усмотрение.

Сомиков это самое время решил использовать для дел любовных. Вот уже около часа он умышленно крутился возле двухэтажного каменного дома, где располагалась санитарная служба полка. На этот раз объектом его внимания была старшина медицинской службы Вера Воронина. Он давно искал подходящий случай завести с ней непринужденный разговор. Не обратить внимания на такую девушку было невозможно. Верочка была не просто красива — она была очень красива. Понятно, что самолюбивый и самоуверенный Сомиков не мог не предпринять попытки познакомиться с фельдшерницей поближе.

Заранее, еще задолго до предстоящей беседы, он составил подробный план. И вот теперь, волнуясь и пребывая в неко-

тором замешательстве, Сергей терпеливо выжидал, когда на пороге дома его взору явится Вера. По улице передвигались гражданские люди, сновала среди солдат детвора. Рядом с домом, в дверях которого должна появиться Воронина, стоял ЗИС; водитель, подняв боковины капота, копался в моторе. Нервно дергаясь и громко бранясь, он бросал ключи на брусчатку, потом, оглядываясь по сторонам, поднимал их вновь, продолжая работу. Но Сомикова такое положение дел вполне устраивало: пользуясь техникой как укрытием, можно было выйти из-за машины, не вызывая подозрения, что он выжидал даму умышленно. Ожидание тянулось томительно долго. Наконец тяжелая дверь отворилась, и на пороге дома появилась безупречная фигура Ворониной, в ее руках был небольшой пакет с перевязочным материалом. Сомиков, поправив шапку, решительно двинулся вперед, вытаскивая из кармана заранее приготовленные блокнот и карандаш.

— Здравия желаю, товарищ старшина! — поприветствовал он Веру официальным тоном, прикладывая руку к шапке. Блокнот и карандаш придавали Сомикову вид человека, занятого неотложными делами.

— Здравия желаю, — ответила Вера, окинув Сергея сомнительным взглядом. Тех, кто под различными предлогами пытался завести с ней мимолетный роман, было бесчисленное множество. Но она, умная и проницательная девушка, таких раскусывала в два счета.

— Скажите, товарищ Воронина, вы случайно не являетесь членом ВКП (б)? — задал вопрос Сомиков, постукивая карандашом по блокноту. — Меня зовут Сомиков Сергей Сергеевич, — не дожидаясь ответа, представился наглец. Надеясь на скорый успех, Сергей решил, как всегда, брать собеседника напором. — Мне как члену Коммунистической партии большевиков хотелось бы поговорить с вами об активности членов партии в агитационной работе с личным составом, — изображая ответственного активиста, заявил Сомиков о своей миссии, сурово сдвинув брови.

Приблизившись к Ворониной на минимально близкое расстояние, Сергей оглядывался вокруг. Для него было важно, чтобы однополчане заметили его рядом с красивой девушкой. Необходимо было показать, что он востребован не только политруком и особистом, но и в общении с женским полом вроде как тоже имеет успех.

Вера сразу же обратила внимание на безобразные руки своего собеседника, его грязные ногти и желтые, в никотиновых пятнах пальцы. В чертах лица явно просматривалось лицемерие. «Какой неприятный человек. А ведь в бане он наверняка мылся, мог бы и руки свои в порядок привести», — подумала Верочка, сохраняя выдержку.

— Я комсомолка, товарищ Сомиков. И если вы активный член нашей партийной организации, то должны знать всех членов ВКП (б) в нашем полку по списку, — парировала Вера, понимая, что конечная цель начатого разговора совсем другая.

— Ну, видите ли, я еще не всех членов партии знаю в лицо, поэтому приходится знакомиться лично. Если вы член ВЛКСМ, то тоже должны участвовать в разъяснительной работе среди бойцов, информируя их об успехах Красной армии, которая под руководством нашего вождя, товарища Сталина, ведет разгром немецко-фашистских войск на всех фронтах, — неумело пытался познакомиться с дамой Сомиков, напоминая Ворониной об обязанностях сознательного комсомольца.

— Если мне не изменяет память, политическое занятие на эту тему буквально вчера проводил сам политрук полка. Разве имеет смысл каждый день повторять одно и то же? — удивленно спросила Вера, смотря Сомикову в лукавые глаза. — Учитывая и то, что ежедневно среди бойцов проводится читка газет, откуда они могут черпать подробную информацию.

— Вы понимаете, ситуация на фронтах меняется ежедневно, и я думаю, именно такая информация не будет

лишней, — продолжал настаивать на своем Сергей, но уже не столь уверенно. Будучи проницательной, Верочка заметила его смятение.

— В таком случае к ситуации на фронтах можно будет добавить и события в мировой политике. Не так ли? — неожиданно для Сергея продолжила начатую им тему Вера. — И одним из важнейших на сегодняшний день является то, что двадцать третьего февраля сего года турецкий меджлис утвердил решение своего правительства об объявлении войны фашистской Германии. Тем самым турецкое государство встало на сторону антигитлеровской коалиции, — продемонстрировала Вера свою осведомленность о происходящих в мире событиях. — Вы сами как думаете, товарищ Сомиков, это плоды Тегеранской конференции, руководителей трех союзных держав или все-таки Турция сама проявила инициативу? — неожиданным вопросом Вера напрочь сбила пыл пламенного активиста.

— Да... я... не уверен, что это так, — промямлил оторопевший Сомиков.

— В чем вы не уверены, товарищ Сомиков? Может, вы не знакомы с декларацией трех держав от первого декабря сорок третьего года? — давила она своим интеллектом незадачливого бойца. Тот стоял в полной растерянности.

— Нет... ну... почему же. Знаком... Ну, я думаю... может быть... можно будет и на этом тоже заострить внимание при проведении политзанятий, — заикаясь, пытался как-то парировать вопросы своей собеседницы Сергей. Его лицо от неожиданного поворота событий покрылось красными пятнами, глаза трусливо забегали, в руках появилась дрожь. Он понял, что выбрал не самый лучший вариант для знакомства. Своими знаниями в мировой политической обстановке Верочка сразила его наповал. Чтобы не быть окончательно опозоренным, Сомиков подыскивал в уме повод быстрее закончить начатую беседу.

— Так можно будет или все-таки необходимо заострить

на этом внимание? — требовала решительного ответа Верочка.

Краска стыда залила лицо Сомикова пурпурным цветом. Бравировать известными, выученными наизусть фразами у него на этот раз не получилось. Сомиков был не рад, что затеял этот разговор с Ворониной.

— Конечно, надо будет отметить такое событие... — поспешил исправить свою оплошность Сергей, вставляя карандаш в раскрытый блокнот. — В данный момент я тороплюсь и думаю, что нашу беседу мы отложим на следующий раз, — оправдывался хитрец, опасаясь сокрушительного конфуза.

— Вы надеетесь на плодотворный разговор?! — удивилась Вера. — Я думаю, что в этом не будет необходимости. Потрудитесь в этот следующий раз хотя бы газеты почитать, прежде чем с кем-нибудь решитесь проводить агитационную работу. До свидания, — уверенно заявила Воронина, прощаясь. Усмехнувшись и еще раз окинув Сомикова пренебрежительным взглядом, Вера удалилась по своим делам.

Оскорбленный тем, что Верочка оказалась ему не по зубам, Сомиков кипел от гнева. «Ну, ты у меня еще попляшешь! Грамотейка... мы еще с тобой поговорим, я не я буду, если не отомщу тебе за сегодняшний разговор», — бесповоротно решил для себя Сергей, удаляясь от места неудачной встречи.

На железнодорожной станции пыхтели паровозы, формировались составы. На вагонных платформах стояла военная техника. Танки и различные машины, орудия — многие из них укрытые брезентом и маскировочными сетями, — находились под бдительной охраной караульных. Паровозные гудки и стук вагонных буферов смешивались со стуком колес проезжающих мимо железнодорожных составов. Железнодорожники, не обращая внимания на военных, привычно суетились у вагонов большой железнодорожной станции Белая Церковь.

На привокзальной площади среди военных и редких сотрудников милиции сновали гражданские люди и вездесущая любопытная детвора. Фасад здания вокзала был в нескольких местах посечен осколками мин и снарядов. На площади видны следы осенних боев. Разбитое артобстрелом здание, что находилось слева от вокзала, разбирала группа гражданских людей, состоящая из женщин разного возраста. Руководил людьми крикливый старичок с батожком в руке, резко прихрамывающий на левую ногу. Женщины, посмеиваясь над стариком, периодически отвешивали в его адрес колкие шутки.

Груды разбитого кирпича вывозились куда-то повозками, в которые были запряжены коренастые лошади битюги. Подобных тяжеловозов чаще можно было встретить в немецких частях. На вымощенном бульжником тротуаре, греясь под первыми теплыми лучами солнца, сладко дремала черная в белых пятнах собачонка. Люди, не беспокоя собаку, обходили ее, с улыбкой комментируя беззаботную жизнь животного. У скамейки, стоящей на привокзальной площади, собрались бойцы взвода связи штабной батареи. С улыбками на счастливых лицах люди слушали, как Солянок в красках описывал будущую жизнь после войны.

— Да, братцы! А ведь война все равно скоро закончится нашей победой! Вот вернемся мы с фронта домой да заживем новой жизнью, кстати, еще лучше, чем прежде. Наша огромная страна начнет восстанавливать разрушенные фабрики, заводы, силу наберет наше сельское хозяйство. Вы даже представить себе не можете, как хорошо мы жить будем, — с необыкновенным восторгом Васька обрисовывал однополчанам грядущие времена.

Дружинин, наблюдая происходящую вокруг суету, слушал друга и представлял себе будущую мирную жизнь.

— Ну Васька дает!.. Ну молодец!.. Давай-давай, Василий, расскажи нам, как мы после победы жить будем!.. — слышались радостные возгласы среди солдат.

— Вы знаете, товарищи, пройдет время, и в магазинах можно будет купить все! — продолжил Солянок свои предсказания. — Не только мясо, сахар и хлеб. В магазинах будет все! Все, что вы захотите! Все, что вашей душе будет угодно! И стоять это будет совсем не дорого. Сушие копейки будет стоить. Не верите?! Вот потом вспомните мои слова. Снова будут работать кинотеатры, театры, клубы, танцевальные площадки. Вы будете там знакомиться с девушками. Потом женитесь, кто не женат, обзаведетесь семьями, детишками... — Васька говорил эти слова так восторженно и так возбужденно, что его глаза при этом светились искорками неопишуемой радости. Казалось, вот чуть-чуть — и если не завтра, то послезавтра наступит победа, и непременно сбудутся все сказанные им пророчества.

— Правильно говоришь, Василий, лучше всех в мире жить будем! — воскликнул Лёшка Лаврушин, одобряя слова друга.

— Эх, славяне! Да что я вам тут говорю? Вы всё это потом сами увидите, — с воодушевлением обрисовывал Васька собравшимся вокруг бойцам будущее страны. Его энтузиазм поднимал настроение, вдохновлял людей и побуждал их верить в нашу неизбежную победу.

— Тебя, Вася, если послушать, так нам осталось всего пару недель до победы, — съязвил подошедший Сомиков, завидя, что людей вокруг себя собирает не он, а Солянок. — Сначала надо будет победить врага и страну, как ты говоришь, восстановить. А уже потом о хорошей жизни мечтать. А нам еще до этой победы — как пешком до Китая.

— Слушай, Серёжа... дойдем мы до Китая или нет, я не знаю. Но то, что мы до Берлина дойдем — это абсолютно точно! А ты что, сам не веришь в нашу победу?! Или не веришь в то, что страна наша будет жить лучше всех остальных в мире?!

— Ну почему не верю? Верю, — смутился Сомиков, понимая, что не подумавши сказал не то.

— Я вот смотрю на тебя, Макар Чудра, и сомневаюсь, что ты искренне веришь в силу нашей Красной армии. По-моему, ты только на партийных собраниях перед командованием любишь кричать всем известные лозунги да о своем героизме не знающим тебя людям сказки рассказывать. А на самом деле в твоих гнилых потрохах лишь пустое бахвальство, не имеющее ничего общего с патриотизмом. Ты что, не уверен в счастливом будущем нашей страны? Где твоя коммунистическая сознательность?! — Васька мог не только шутить и забавлять друзей веселыми рассказами, но и отстаивать свою позицию в резкой форме тоже умел. И он умышленно назвал Сергея не по имени, а по прозвищу. Сомиков страшно не любил, когда его так обзывали.

— Да как ты смеешь меня оскорблять?! Я коммунист! — отчаянно стал бить себя в грудь покрасневший от гнева Сомиков. Некоторое время назад он был морально раздавлен Ворониной, а теперь его оскорбил Солянок. Терпеть такие унижения было выше его сил и коммунистических амбиций. — Попрошу называть меня, как члена партии, по имени и без унижительных прозвищ! — брызгаясь слюной, кричал Сомиков. — Со мной сам политрук полка на «вы» разговаривает, не стеснясь спросить совета! И не тебе, Вася, у меня о патриотизме спрашивать! — кипел гневом Сергей, откладывая в сторону карабин и скидывая с себя вещмешок. — Да за такие оскорбления я и в морду могу захватить!

Умом Сомиков понимал, что Солянок не из робкого десятка и бросаться на него с кулаками крайне опасно, но удержаться от ярости не смог. Клокотавшие в его груди гнев и зависть затуманили разум; расправив плечи, Сомиков ринулся в бой.

Перед лицом Васьки несколько раз с шумом пролетели кулаки рассвирепевшего не на шутку однополчанина. Но и Солянок был не лыком шит. Ловко уклоняясь от ударов, он улучил момент, нанеся своему противнику неожиданно

резкий в удар в челюсть. Шапка плюхнулась в снег, а Сомиков упал спиной в лужу, и его ноги нелепо подлетели. Брызги мокрого грязного снега окатили всех, кто стоял рядом. Сергей, обескураженный, с растерянным взглядом, стал подниматься. Сногшибательный Васькин удар вмиг отрезвил его разгневанный разум и напрочь отбил желание продолжать неожиданно возникшую агрессию. Придя в себя, Сомиков стал взглядом искать свою шапку. Кто-то из бойцов снисходительно подал ее, и Сергей, покрасневший от стыда и обиды, стал стряхивать с шинели мокрый снег.

— Ну, Вася, мы с тобой еще поговорим! Ты ответишь за свое рукоприкладство! Ты узнаешь, как это — руку поднимать на коммуниста! — багровея от злости, грозился Сомиков. — Ты еще сто раз пожалеешь об этом! — не унимался он.

— Да пожалуйста. Жалуйся сколько хочешь. Только в драку первым кинулся ты, а не я. Свидетелей здесь сколько угодно найдется. Это любой подтвердить сможет. Да и спор наш с тобой, Макар Чудра, не в твою пользу будет. Как ты перед политруком объяснять свою позицию собираешься? Твои слова все присутствовавшие здесь слышали. И от них ты вряд ли теперь откажешься, — парировал Васька, уверенный в своей правоте.

— Правильно, Вася! Все видели и все слышали! А я первый подтверждаю, если надо, — заступился за друга Лаврушин. И тут же злобный взгляд Сомикова пронзил Лёшку насквозь. Сергей вспомнил тот случай, когда ему, спящему на посту, Лаврушин плеснул в лицо холодную воду. С той самой секунды он записал его первым в список своих врагов. Даже сейчас на Ваську, нанесшего ему сокрушительный удар, Сергей не имел столько обиды, сколько на Лаврушина, который и в этот момент был против него.

— Не переживай, Вася... Я тоже могу подтвердить, как все здесь произошло, — заступаясь, заверил своего друга Дружинин.

Толпа загудела в поддержку Васьки. Сомиков, гневно играя желваками, не знал, как выйти из этой ситуации, она явно на этот раз была не в его пользу. Не нашлось ни одного человека, кто смог бы его поддержать. Все присутствовавшие были на стороне его оппонента. В полку у Сомикова не было друзей. И сейчас он почувствовал это особенно остро. Второй раз за день Сергей был унижен и оскорблен. Утром с позором его отвергла Верочка, а теперь Солянок и Лаврушин добили его окончательно. Злобствуя, он поклялся себе расчитаться со всеми сполна.

* * *

После вывода дивизии в тыл и переформирования в полки прибыло новое пополнение. Так во взводе связи штабной батареи появился новый боец — Лёня Дырявко.

Лёня Дырявко — волевой, смелый парень с открытым и искренним взглядом, очень подвижный, живой. Лицо продолговатое, смуглое, под густыми черными бровями — серые озорные глаза. Развлечь своих друзей каким-нибудь смешным мероприятием было любимым делом этого задорного весельчака и оптимиста. Лёня как будто был рожден для таких забав: его поведение, лицо, мимика, жесты, какая-то необычная пластика тела позволяли ему в один миг организовать небольшую комедийную сценку или мини-спектакль. Переброска дивизии по железной дороге дала возможность взводу быть вместе в одном вагоне. Коммуникабельный и открытый Дырявко достаточно быстро познакомился с бойцами, и за короткий период он и Васька Солянок стали лучшими друзьями.

КРЕМЕНЕЦ — СТАЛАШКА

Зимой сорок четвертого года, после успешных операций советских войск под Житомиром и на Корсунь-Шевченковском выступе, войска Первого Украинского фронта создали благоприятные условия для активного продвижения в юго-западном направлении. К марту части и соединения фронта вышли на рубеж Луцк — Шепетовка — Кривой Рог — Каховка, оказавшись в выгодном положении для дальнейшего развития успешных наступлений. Сложившаяся обстановка давала возможность освобождения наших юго-западных областей с последующим выходом советских войск на государственную границу. Для того чтобы рассеять немецкую группу армий «Юг» и раздробить ее на отдельные разобщенные группировки, Ставка верховного главнокомандования планировала провести четыре наступательные операции тремя Украинскими фронтами.

На Первый Украинский фронт возлагалась Проскурово-Черновицкая операция, по планам которой фронт должен был нанести удар с севера на юг. А именно из района Дубна, Шепетовки, Любара с задачей разгромить группировку противника на рубеже Кременец — Тернополь с дальнейшим наступлением на Чортков. Здесь совместно с войсками Второго Украинского фронта предполагалось окружить и уничтожить Первую и Четвертую танковые армии вермахта.

Седьмого марта Пятьсот тридцатая дивизия, прибыв на станцию Шепетовка, приступила к выгрузке, сходу вы-

двинувшись маршем к месту боевых действий. По приказу командующего фронтом восьмого марта дивизия вошла в состав Шестидесятой армии.

С железнодорожной станции на запад для нужд фронта тянулись бесконечные колонны техники, орудий, танков, обозы с провиантом, боеприпасами и горючим. Дороги были по-прежнему труднопроходимы для любого вида транспорта. Для помощи обозам стали выделять специальные команды. Дорогой это трудно было назвать: она была совершенно разбита и превратилась в топкое, вязкое болото. На протяжении всего пути можно было видеть застрявшие и буксующие машины и тягачи. Пересекающиеся дорожные колеи переполнены жидкой качающейся грязью, которая после каждого проезда транспорта грузными волнами выплескивалась за края, а потом медленно, как вулканическая лава, стекала обратно в прорезанные колесами углубления. Грузовики с ревущими на пределе двигателями, выбираясь из одной ухабины, медленно переползали в другую. Проваливаясь в грунт, машины буксовали, садились на мосты.

Много транспорта пыталось идти в объезд, отчего ширина дороги заметно увеличивалась. Уставшие шоферы, застрявая в непролазной грязи, терялись от бессилия. Засыпая на ходу, падая от усталости и недосыпания, военные водители продолжали свою работу, доставляя на фронт горючее, орудия, провиант, боеприпасы. Легковые автомобили, грузовики и подводы с лошадьми люди буквально выносили из липкой жижи на своих плечах. Прозябшие, насквозь промокшие, сливающиеся с землей бойцы толкали повозки, машины, орудия, лопатами срезали с колес куски налипающей глины. Противно хлюпала жижа, ноги вязли в грязи, размокшая обувь утяжеляла шаг, натирала кожу; снаряжение и одежда липли к телу.

Не меньше, чем людям, доставалось и лошадям. Застрявших и изнеможенных животных приходилось вытаскивать из огромных, наполненных грязью ям. Анатолию их

искренне было жаль: лошади измучены, грязны, не ухожены. В таких условиях коней сутками не распрягали. Из-за отставания обозов не хватало фуража, порой лошади оставались не кормлены; марши выматывали и людей, и животных. В таких тяжелейших и невыносимых условиях к местам боевых действий части дивизии передвигались в течение шести дней.

Командованием фронта Пятьсот тридцатая дивизия направлялась для проведения вспомогательного удара в направлении города Кременца. По новому распоряжению командующего фронтом двенадцатого марта дивизия вошла в состав Двадцать четвертого стрелкового корпуса Тринадцатой армии.

Тринадцатого марта, ближе к полуночи, измотанные пешими переходами полки прибыли на место, где им предстояло занять новые рубежи обороны. На следующий день к семи часам утра майор Красновский вместе с командирами своих подразделений выехал на рекогносцировку местности. Получив основную задачу, дивизионы стали занимать новые боевые порядки.

Шли дни ожесточенных сражений. Девятнадцатого марта, когда едва забрезжил рассвет, на наблюдательный пункт полка прибыл Красновский. Внимательно наблюдая за передвижением фашистских подразделений, майор на месте стал принимать решения, отдавая команды своим дивизионам. К десяти часам утра на наши позиции в южном и юго-западном направлении выдвинулась в контратаку немецкая пехота с юго-западных скатов на высоте триста девяносто четыре и семь. Сосредоточив огневую мощь второго и третьего дивизионов, Красновский продолжал отражать неоднократные контратаки немецкой пехоты, численность которой доходила до батальона; огневую поддержку пехоте противника оказывала бронетехника. Огнем полковых батарей было рассеяно скопление вражеской пехоты и бронетранспортеров. Получая сводки от разведки и на-

блюдателей, наши батареи непрерывно вели огонь. Стрельба не прекращалась ни на минуту. Прошел час, другой, обнаруживались новые цели — и опять команды: «Огонь! Огонь! Огонь!..» На переднем крае третьей батареей подавлены немецкий наблюдательный пункт и два пулемета. В глубине боевых порядков противника шестой батареей подавлена 105-миллиметровая батарея врага. Произведен огневой налет на немецкие позиции, что были расположены на окраине села Млиновцы.

К двенадцати часам дня севернее этого населенного пункта была нарушена переправа через реку Горынь. Когда по указанию майора гаубицы перенесли свой огонь в район железнодорожной станции Кременец, оттуда стали доноситься взрывы немецких боеприпасов. Это в дальнейшем вызвало взрывы и пожары железнодорожных цистерн с топливом, отчего высоко в небо стали подниматься языки пламени и густые черные облака дыма. Анатолий, пребывая на наблюдательном пункте, видел, как Красновский, отдавая распоряжения, командовал полком. Все подразделения: штаб, разведка, связь, корректировщики, топографы, боевые расчеты — действовали как единый, слаженный организм, который приводился в движение его командами. Подобно дирижеру симфонического оркестра, Красновский руководил огнем своих дивизионов. Умелыми действиями опытного командира стоило восхищаться.

К концу дня, когда стрельба стала затихать, Батя сел у края стола и попросил Анатолия соединить его с начальником штаба полка. Дружинин наладил связь и передал майору телефонную трубку. Выслушав доклад Винергауза, командир отдал Виктору Шаломовичу несколько распоряжений, снял шапку и вернул трубку Дружинину. Закрыв глаза, майор сдвинул брови и, потерев пальцами седеющие виски, с сожалением произнес:

— Забыл. — Тяжело вздохнув, Батя вытащил носовой платок и, встряхнув его, завязал на уголке узелок. Наблюдая

за действиями командира, Анатолий не сдержался, чтобы не поинтересоваться:

— Извините, товарищ майор. Разрешите задать вопрос?

— Хочешь, наверное, узнать, зачем я узелки на носовом платке завязываю? — засмеялся Красновский, предугадывая интерес своего связиста.

— Да. Несколько раз замечал, как вы проделываете эту процедуру, но каждый раз не решался спросить, для чего.

— Это, Анатолий, моя память! Несколько минут назад поговорил с начальником штаба по телефону, а некоторые важные детали упустил. Вот теперь узелок на платке обязательно мне про это и напомним, — улыбаясь, рассказал про свою привычку Батя.

— А про сам платок не забываете?

— Может быть, и забыл бы, да он у меня всегда в кармане. И я его регулярно на предмет узелка проверяю. Вот так, Анатолий, память я свою восстанавливаю... Ну что, матери домой письма пишешь? — глядя исподлобья, строго спросил командир.

— Да. Пишу. Но она у меня безграмотная. Мои письма ей сестренки читают.

— Понятно. А семья-то большая? Сестренкам сколько лет?

— Надежде семнадцать, а Валентине пятнадцать лет. Втроем они дома остались.

— А отец где?

— Отец в тридцать первом году погиб. Старший брат Александр в тридцать третьем заболел менингитом и умер. Другого брата, Матвея, в тридцать девятом призвали в армию, а в сорок первом, как началась война, связь с ним прервалась. Мама запрос давала в военкомат, оттуда пришел ответ, что он пропал без вести.

— А где он служил?

— Из Эстонии его последнее письмо пришло. Может, еще найдется... Вы, как опытный офицер, как думаете?

— Что я могу тебе сказать? Порой и сейчас такое может случиться. Пропадет человек — и не поймешь, куда он делся. Но потом смотришь — он и объявится. А в сорок первом при отступлении наших войск такая неразбериха была... Вполне может быть, что и разыщется твой Матвей. Главное, не терять надежды и ждать, — поддержал его Батя, положив по-отечески руку Анатолию на плечо. — Откуда сам родом-то, издалека?

— Из Казахстана я.

— О-о-о!.. Издалека! Письма туда долго идут. Смотри! Матери с сестренками письма обязательно пиши. Знаешь, как они там за тебя переживают?! Особенно мать.

— Письма, товарищ майор, я им регулярно пишу. С ответом стараюсь не затягивать. Помню, как от Матвея весточку ждали, когда война началась. Каждый день почтальюна выглядывали.

— Ну если вовремя на письма родных отвечаешь, тогда молодец! Давай служи, Анатолий, — похвалил его Батя, тяжело поднимаясь со скамейки. Отдав последние распоряжения, комполка со свитой скоро отбыл в штаб, на наблюдательном пункте остались Дружинин, дежурный офицер и разведчики.

23 марта 1944 года указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования в боях за освобождение города Кременец и проявление при этом доблести и мужества Пятьсот тридцатая стрелковая Житомирская дивизия награждена боевым орденом Богдана Хмельницкого второй степени.

Основной задачей для частей фронта оставалась возрастающая напряженность в направлении на Львов. Противник, используя город Броды как важный опорный пункт на подступах ко Львову, стягивал сюда свои оперативные резервы. Бесперывно контратакуя различными силами пе-

хоты при поддержке больших групп танков и самоходных орудий, немцы в этом районе сдерживали наступление наших войск.

* * *

Продвигаясь с боями на запад, полки дивизии двадцатого марта во второй половине дня выбили противника из двух населенных пунктов: Поповки и Подкамня. На восточной стороне крупного села Подкамень был расположен старинный католический монастырь. К югу от святой обители на достаточно высоком холме заметно возвышался огромных размеров камень. Судя по всему, село и получило свое название от этого необычного явления природы. За массивным каменным забором монастыря, как полагалось, находились храм и ряд многочисленных построек. На высокой башне монастырской церкви нашими разведчиками был установлен временный наблюдательный пункт; вот туда Дружинину и было поручено протянуть связь.

Вечерело. Продвигаясь и петляя по крайней улице села, дома которого тянулись по холмистой местности, Анатолий, сматывая с катушки полевой кабель, настороженно осматривал незнакомую местность. Смущало то, что улицы населенного пункта были безлюдны. Создавалось такое впечатление, что село вымерло: не слышно ни лая собак, ни других признаков жизни. Странно. Стало как-то не по себе.

На вершине холма, за массивным каменным забором с овальными бастionsами, стоял монастырь, который красовался высокой башей со шпилем, часовней и звонницами. Ну вот и святая обитель. Дружинин осторожно зашел под овальную арку с восточной стороны монастыря. Вблизи стало ясно, что скит по своему назначению не используется уже давно. Осматривая двор, он обратил внимание на колодец. Что-то необычное привлекло его любопытный взгляд, но потом заставило вздрогнуть и отпрянуть назад. Верхняя, надземная часть каменного оголовка была напол-

нена трупами детей. Какова была глубина самого колодца, оставалось только догадываться. Зрелище не для слабо-нервных. Такой жути, такого варварства видеть ему еще не приходилось. Анатолий почувствовал, как боль вперемешку с яростью наполнили душу. На несколько мгновений задержавшись у колодца, он продолжил свой путь к открытым дверям церкви.

В католическом храме Дружинин был впервые, хотя особых различий с православным он как-то и не заметил. Сразу бросалось в глаза, что костел был разграблен и службу здесь не вели уже много лет. Но церковная обстановка все равно несколько смутила, отчего он почувствовал волнительную дрожь в груди. Оказавшись в помещении с колоннами, с левой стороны Анатолий увидел большой длинный стол, на котором лежали обезглавленные трупы двух немощных стариков, облаченных лишь в нижнее, нательное белье. Задерживаться более он не стал: не было сил видеть это. За следующей колонной на таком же большом столе лежали две седовласые и седобородые головы, очевидно, принадлежавшие обезглавленным трупам.

Война очерствяет людские души. Здесь почти ежедневно приходится видеть кровь, изувеченные тела, оторванные конечности, боль, слезы и страдания людей. И с этим, хочешь ты того или нет, приходится мириться — это война. На фронте быстро привыкают к людским страданиям и смерти. Но это... Какими словами можно назвать и тем более оправдать убийство беспомощных стариков и беззащитных, невинных детей?! Кем могут быть люди, свершившие такое варварство, и можно ли их назвать таковыми?! Душе-раздирающее зрелище пришлось увидеть Дружинину, поневоле посетившему святую обитель. Обойдя по кругу при-твор и среднюю часть храма, он понял, что вернулся опять ко входу. И только теперь слева от себя Анатолий заметил лестницу, которая вела наверх. Узкий полуразрушенный лестничный марш был достаточно крут; поднявшись по де-

ревянным ступеням, Дружинин оказался на тесной смотровой площадке. Осмотревшись, он понял, что наблюдательного пункта лучше и не найти: ближайшая окрестность была как на ладони. Наблюдение за позициями противника вели полковые разведчики Кузнецов, Цаплин и рядом с ними — разведчик и связист третьего дивизиона.

— Ну что, видел, как фашисты со стариками и малыши детьми воюют? — морщась, спросил Цаплин.

— Да... Только лучше было бы, если б я этого не заметил.

— Я про такие зверства только слышал, а вот теперь собственными глазами увидеть пришлось и лишней раз убедиться в том, что твари эти фашисты, а не люди. Нет места на земле этой сволочи, если нет у них ничего святого. У меня до сих пор перед глазами колодец... — негодовал Кузнецов.

Времени было мало, Анатолий установил связь и спешно стал спускаться вниз. Со свистом на монастырском дворе разорвался снаряд. Церковь потрянуло так, что от силы ударной волны зазвенели остатки стекла разбитых окон. Деревянную лестницу как будто выбило из-под ног, и Анатолий кубарем слетел вниз, на грудь битого кирпича. Повезло, что он был не так высоко от пола. Спасаясь от дальнейшего обстрела, Дружинин как можно быстрее постарался удалиться от стен злосчастного монастыря.

Позже были выяснены обстоятельства трагедии, произошедшей в этом селе. Оказалось, что ранее в его окрестностях был убит немецкий офицер. Допросы немцами местных жителей результатов не дали. И тогда сюда прислали карателей из батальона СС. Выстроив на монастырской площади всех местных жителей и мирных поляков, скрывающихся в помещениях древней обители от фашистов, каратели потребовали выдать убийц или их соучастников, пригрозив в противном случае убить сначала стариков, а потом и детей. Не получив ответа, эсэсовцы безжалостно, на глазах селян обезглавили двух стариков.

Трагично то, что никто из жителей действительно о произошедшем убийстве ничего не знал. Расправившись с пожилыми людьми и поляками, палачи принялись за сельских детей. Детский и женский крик, стоявший над селом, от которого рвались нервы, описать невозможно. Жуткой картины расправы, в которой матерей, неистово защищавших своих детей, каратели зверски и до беспамятства забивали прикладами, лучше никому в своей жизни не видеть. Приходя в сознание, женщины от бессилия впадали в безумие. Но изверги продолжали вершить насилие: сначала на глазах матерей они расстреливали беспомощных детей, а потом, уже мертвых, бросали в церковный колодец, пока не наполнили его доверху. Адское судилище прервало наступление советских войск. Приближающаяся артиллерийская канонада торопила карателей. Разогнав оставшихся в живых жителей по домам, эсэсовцы под угрозой смерти запретили им выходить на улицу. А сами палачи, собрав награбленное барахло, спешно убрались восвояси. Поэтому, зайдя в село, Анатолий не застал там ни единого жителя: в смертельном страхе они пребывали в своих жилищах.

Что было потом на церковной площади, увидеть ему не пришлось. И слава богу. Женский плач, крики, проклятия вновь огласили окрестности.

* * *

Перед фронтом Пятьсот тридцатой дивизии противник прочно удерживал преобладающие высоты в районе Цымбал и Суховоли. Периодически переходя в контратаки, немцы старались улучшить свои позиции.

Ранним утром двадцать восьмого марта, еще затемно, Батя в сопровождении адъютанта, четырех разведчиков, Дружинина и своего посыльного прибыл на территорию фольварка, находящегося на вершине холма. Прилегающие окрестности отсюда просматривались как на ладони. Забор

имения польского пана больше походил на тюремную стену. Его высота впечатляла: более чем на два метра от земли возвышалось каменное сооружение. Во дворе, слева от железных кованых ворот восточного входа, располагался каменный подвал с широким арочным входом. Ближе к центру — деревянное гумно, за ним — двухэтажный кирпичный дом, крытый оранжевой черепицей. За домом — многочисленные постройки: сараи, конюшня, коровник. Жилище пана поражало своими размерами. По сравнению с крестьянскими хатами, крытыми соломой, оно в полном смысле выглядело как дворец.

— Здесь для наблюдения за позициями противника в стене надо пробить проем, — осмотревшись, приказал Батя. — А здесь, — указал он рукой в полуметре от стены, — выкопать траншею для укрытия и приборов.

Бойцы принялись за работу. Первым делом надо было пробить окно в каменной стене. Кладка была прочной; стена с большим трудом поддавалась металлическим инструментам.

— Хороший кирпич, мать твою... — выругался Анатолий, размахивая кувалдой, которой он заколачивал в стену длинное, с рукоятью зубило, специально изготовленное для этого случая полковым кузнецом.

— Заметь, и раствор для кладки пану на совесть замешивали, — поддержал его Кузнецов, глядя, как из-под инструмента вылетали искры.

— Хорошо бы было пленных немцев к такой работе привлечь. А что их зря кормить да таскать из штаба в штаб, — предложил Дружинин, задыхаясь.

— Можно и пленных привлечь, особенно местных бандеровцев. Я слышал, что их здесь достаточно много. Что скажешь, разведка? — обратился к Кузнецову посыльный.

— Вполне достаточно... — ответил Кузнецов.

— А ты, Николай Петрович, их не встречал? — поинтересовался Анатолий.

— Встречал недавно. Двадцать первого ночью в районе Литовиско. Небольшая группа была, человек шестьдесят, — спокойно ответил Кузнецов.

— Ничего себе — небольшая группа! — возмутился посыльный. — В бой с ними не вступали?

— Нет. У нас задача другая была: узнать расположение противника и взять «языка». «Языка» мы, конечно, взяли. Только позже, в лесу. Им оказался рядовой Двести семнадцатого пехотного полка.

— Слава богу, что бандеровцы нас тогда не заметили. А то вряд бы мы с вами сейчас здесь стену долбили. Нас всего четверо было, — уточнил Бейтурсиков, вытирая со лба капельки пота.

Илемесс Бейтурсиков по национальности казах, родом с юго-востока Сталинградской области. Он среднего роста, телосложением крепок, что называется, весь из стальных мышц. Илемесс — жгучий брюнет с короткостриженными волосами, торчащими ежиком. Острый взгляд узких карих глаз лишний раз говорил о его смелом и волевом характере. Разговаривал Илемесс на русском языке свободно и без акцента. В любую свободную от боев минуту любил в теплой дружеской компании попеть песни. В своем стареньком потрепанном блокноте он имел большую коллекцию стихов, регулярно пополняя ее строками новых произведений.

Посыльный, глядя на Бейтурсикова, снял шапку и вытер рукавом ватной куртки свой потный лоб. Поправив головной убор, он, продолжая начатый разговор, добавил:

— Я думаю, к этим воякам в плен лучше не попадаться — с живого шкуру снимут. Ходят слухи, что они особыми зверствами отличаются в отношении к нашим пленным.

— А я вот думаю, хрен редьки не слаще. В плен лучше ни к кому не попадать! Ни к немцам, ни к бандеровцам, — сказал Кузнецов, снимая шапку и приглаживая мокрые от пота волосы.

— Это точно! — подтвердил слова Кузнецова и Анатолий. — А вот для того, чтобы в этой стене дыру продолбить, привлечь эту сволочь не мешало бы.

Изрядно пришлось попотеть, прежде чем в стене появилась сквозная пробоина. Стало уже рассветать, когда необходимого размера брешь в кирпичном заборе была готова.

— Ну слава богу, со стеной закончили, теперь траншею надо начинать, — вздохнул Кузнецов, втыкая в отсыревшую землю лопату.

— Да уж, притомила нас малость стена панского забора, — негодовал Анатолий, раскидывая совковой лопатой осколки кирпича и бетона. — Надеюсь, с траншеей не столько канители будет.

— Нам повезло: земля здесь песчаная, — успокоил ребят Бейтурских.

— Вот уж повезло так повезло! Давно мечтал кувалдой помахать, — подметил Дружинин под смех ребят.

В этот момент к занятым работой людям подошел Привалов.

— Ничего, Толя, не так часто тебе приходится кувалдой махать. А так хоть мышцы немного размял, — смеясь, пошутил младший лейтенант. — Зря, что ли, я тебя из пехоты в артиллерию переманил?! А то кто бы сейчас это делал вместо тебя? — подбодрил его адъютант.

— Для такой немудреной работы, товарищ младший лейтенант, любой согдится. Для этого академию заканчивать не надо, — смеялся Анатолий.

— Понимаю вас, товарищи, что устали, но надо теперь побыстрее еще и траншею выкопать, — торопил адъютант, — пооперативнее, ребята, пооперативнее! Нам еще все это дело надо успеть замаскировать, пока авиация противника с воздуха нас не обнаружила.

— Товарищ младший лейтенант, не переживайте, траншею мы быстренько соорудим. Это не кирпичная стена,

с ней мы быстрее справимся, — успокаивал Привалова Кузнецов, начиная копать влажную землю.

Во дворе панского дома один за другим стали появляться офицеры штаба. Но внимание Дружинина привлекло появление во дворе писаря-каптенармуса. Он заметил, как пожилой солдат, прибывший на наблюдательный пункт, разложив штабные документы, тут же принялся что-то записывать. «Вот кому на фронте хорошо, — подумал Анатолий, глядя на старика. — Не надо ему стены пробивать или траншеи копать, чтобы потом в них от бомбежки и артобстрела скрываться. Сиди себе при штабе да бумажки перебирай до самого конца войны. Ни пули тебе не страшны, ни снаряды».

— Воздух! «Рама»! «Рама» немецкая приближается! — закричали наблюдатели, прервав его мысли. Услышав гул, Анатолий заметил медленно летящий с запада немецкий корректировщик.

— Черт бы его побрал! Как появится эта фашистская нечисть, так жди или артналет, или бомбежку, — выругался Кузнецов.

Люди, копающие траншею, быстро запрыгнули под маскировочную сеть. Немецкий наблюдатель медленно и нудно покругил над нашими позициями и через несколько минут лег на обратный курс. Провожая взглядом «Фокке-Вульф 189», майор негодовал: слишком много скопилось на территории наблюдательного пункта людей. Их беспорядочное перемещение по всей территории усадьбы могло привлечь внимание немецкого разведчика.

Прошло еще сорок минут, и траншея была готова. К работающим у стены людям подошел Красновский. Белый новенький полушубок выделял его из рядового и офицерского состава. Нервно потирая руки, он пригласил к себе помощника начальника штаба полка.

— Товарищ старший лейтенант! Почему люди разгуливают по территории наблюдательного пункта, как

по Красной площади?! Их что, никто не предупреждал, что передвигаться нужно скрытно, не позволяя противнику обнаружить себя? Вы ведь все военные люди — и неужели вам неоднократно нужно напоминать об элементарных мерах маскировки, особенно если вы находитесь на территории наблюдательного пункта? — отчитывал Батя Малыгина за демаскировку панского двора. — Какого дьявола здесь столько людей собралось, что они здесь делают?! Немедленно прекратите бесцельное хождение по территории наблюдательного пункта. Сейчас же отправьте отсюда лишних людей.

Малыгин хотел что-то объяснить командиру, но тот не дал ему возможности и рта открыть.

— У меня к вам еще один вопрос. Где радист?! Почему его до сих пор нет?! — строго потребовал майор.

— Радист Прусов уже отправлен из штаба и с минуты на минуту будет здесь. Батарей для раций не хватает, товарищ майор. Рации РБМ хорошие, безотказные, но проблема с батареями. Сколько раз штаб дивизии об этом оповещали, но этот вопрос по-прежнему не решен, — стоя по стойке смирно, оправдывался Малыгин.

— Радист отправлен, но он еще не прибыл! Рации есть, но проблема с батареями! У вас одни проблемы! Командир полка — и без рации! Это немыслимо! — негодовал Батя. — Немедленно отправляйте отсюда лишних людей! И чтобы я не видел здесь болтающихся по территории! — настойчиво требовал Красновский, просверливая взглядом старшего лейтенанта насквозь.

Отчитав Малыгина, он осмотрел пробоину в стене, траншеею и маскировку. Люди торопились, уплотняя лопатами бруствер его окопа. Посыльный выкидывал из траншеи последние россыпи земли. Привалов в это время поправлял углы наскоро натянутой маскировки.

— Воздух! — снова послышался окрик наблюдателя. Лицо командира исказилось.

— Воздух! Воздух! — вторили друг другу с разных сторон люди. С северо-запада стремительно приближалась вереница немецких бомбардировщиков.

— Что и требовалось доказать! Засекли все-таки!.. — выругался Красновский.

— Товарищ майор, вам нужно укрыться, — заботливо посоветовал адъютант, стараясь сохранить спокойствие.

Посыльный выскочил из траншеи, уступая место командиру полка. Освещенные первыми лучами солнца «юнкеры» по обычаю перестроились. Ведущий, заваливаясь на крыло, быстро устремился вниз. За ним последовали остальные. Стая из тридцати бомбардировщиков стала пикировать один за другим. Начиналась их дьявольская карусель. Люди прятались в укрытия. Красновский, окинув взглядом двор, вдруг неожиданно для всех побежал в сторону каменного подвала.

— Даниил Андреевич!.. Ну куда же вы?! — возмущенно крикнул вслед командиру Привалов, глядя, как Батя побежал через открытую территорию двора. Оглушительно взревели двигатели, завывали сирены. Дружинин с группой бойцов, копавших для майора траншею, ринулись в нее, падая друг на друга. Броском Красновский успел добежать до середины двора, когда отделившаяся от первого самолета бомба со свистом полетела вниз. Стоявшее во дворе гумно всколыхнулось и с кусками грунта и досок разлетелось в разные стороны. Польшнуло пламя. Прижавшийся к земле Привалов увидел, как взрывной волной Батю подбросило вперед и он, опрокинувшись, упал, сраженный вражеским осколком. Под летящими сверху бомбами Привалов отчаянно бросился к своему командиру. Несколько коротких бросков — и он схватил майора под руки. Стоял гул разрывов, завывали сирены пикирующих бомбардировщиков, стучали бортовые пулеметы, но, не обращая внимания на ливень пуль и осколков, Привалов бесстрашно тащил своего командира к каменному подвалу.

— Санитаров сюда! Санитаров срочно! Батю ранило! — кричал адъютант, спуская майора по крутым ступеням. Скрываясь от вражеской бомбежки, в пустой подвал заскочил прибывший на наблюдательный пункт Прусов.

— Вася! Быстро передавай в штаб: Батю тяжело ранило! Медицину сюда! Быстро! — надрывался Привалов. Укладывая Красновского у стены, он аккуратно стал снимать с него полушубок.

— Сейчас, товарищ младший лейтенант! Сейчас я все быстро организую, — заверил Василий, настраивая связь со штабом. Прусов был одним из лучших радистов полка. В самых критических ситуациях он, как настоящий солдат, не теряя самообладания, действовал решительно и быстро.

— Урал, Урал, я Днестр. Как слышите? Прием, — вызывал штаб полка Прусов. — Двадцать первый поломан! Двадцать первый поломан! Змею быстро, змею! Как слышите? Прием... — услышав отзыв, решительно требовал радист.

— По-моему, санитары ему уже не помогут, — с отчаянием произнес Привалов, заканчивая перевязку Красновского. — Со спины под лопатку осколок прошел. Крови много потерял Батя. Пульс еле-еле прощупывается. С такими ранениями не выживают, — сожалел адъютант, поправляя повязку на груди своего командира.

— Сейчас медики придут! Может, еще не поздно... Будем надеяться, что можно будет командира спасти, — утешал и себя, и адъютанта Прусов.

— Чудес, Вася, не бывает, — тяжело вздохнув, произнес Привалов и после паузы добавил: — Не понимаю, зачем он сюда через весь двор побежал?! Ведь для него траншею бойцы уже приготовили. Батя рядом с ней стоял. Вот спрыгни — и ты в укрытии. А он?! Через открытую местность... — в недоумении качал головой младший лейтенант. — Понятно, что это подвал, да еще каменный — надежное укрытие. Но до него ведь во время бомбежки еще и добежать надо!

Адъютант неустанно следовал за своим командиром и как мог старался его обезопасить, когда возникала смертельно опасная ситуация. А в этом случае сделать ничего не мог. И теперь, как будто оправдываясь перед Прусовым, Привалов пытался обрисовать сложившуюся обстановку. Ему было и горько, и больно.

Из штаба полка, прыгая по ухабам и объезжая воронки, к фольварку неся ЗИС-5. Заместитель командира полка капитан Батраков торопил шофера, пристально вглядываясь в небо. В кузове ехали командир медицинской службы полка капитан Матиевский, фельдшер медицинской службы младший лейтенант Холодов и старшина медицинской службы Путинина.

— К фольварку близко не подъезжай, — давал указания Кривичеву капитан, глядя, как территорию панской усадьбы уютжат «юнкеры».

— В самое пекло лезть придется, товарищ капитан, — предупреждал Кривичев, наблюдая за «чертовым колесом» немецких бомбардировщиков.

— Подвал в центре двора находится. Я вчера сюда уже ездил. А эти стервятники аккурат двор и бомбят. Мать их!.. — выругался Платонович.

Не доезжая ста метров до кирпичной стены, вывернув колеса своего ЗИСа влево, Кривичев затормозил. Проехав юзом по раскисшему грунту, машина остановилась. Выпрыгнув из кузова, Холодов с Матиевским помогли спуститься Путининой.

— Растягиваемся в цепь уступом, дистанция десять — пятнадцать метров. Двигаемся таким методом, пока нас не засекут «юнкеры». Как попадем в зону бомбежки, перемещаемся короткими перебежками, — командовал Батраков, — всем понятно?! Тогда вперед, — распорядился он, спеша на помощь командиру.

— Разрешите мне с вами, товарищ капитан, — попросился Кривичев, обращаясь к Батракову. — Что я здесь как

истукан сидеть буду? Вон что фашистские сволочи творят. А до подвала еще добраться надо, — попытался он убедить капитана в своей необходимости, поправляя при этом ремень карабина.

— Хорошо. Я впереди группы, вы, товарищ Кривичев, замыкающий. Вперед! — скомандовал капитан. И группа двинулась к воротам панского двора.

Территория фольварка затянута густым серо-черным дымом и сплошь изрыта воронками. Полыхает разрушенное гумно. Из-под крыши и из разбитых окон панского дома наружу вырываются яркие языки пламени. Земля содрогается от разрывов. В небе барражируют фашистские бомбардировщики. Группу, возглавляемую Батраковым, немецкие пилоты заметили сразу. Вышедшая из пике пара «юнкерсов», с разворота заваливаясь на крыло, стала уходить левее; включая сирены, фашистские стервятники вновь падали вниз. Теперь над головами засвистели отделившиеся от самолетов черные силуэты бомб. Сверкая на солнце стеклами кабин, «юнкерсы» взмыли вверх. Загремели новые взрывы, пронзительно засвистели осколки. В воздух поднялась сырая земля, падая с высоты на спину тяжелыми кусками. Выбирая время между разрывами, капитан короткими перебежками вел людей к подвалу. Когда в очередной раз пара «юнкерсов» зашла в атаку, она ударила по группе из бортовых орудий. Падая на землю, Холодов почувствовал легкий удар в правый бок. По животу потела тонкая струйка горячей крови. Кривичев, увидев раненого младшего лейтенанта, подполз к нему.

— Что, зацепило? Дальше сам сможешь?

— Смогу. Думаю, не сильно задело. Во всяком случае, до подвала дотянуть должен, — процедил сквозь зубы Холодов.

— Держись, медицина, нам еще командира из этого ада выносить надо. Давай носилки мне, я их сам потащу, — предложил Кривичев, забирая из рук Холодова складное приспособление.

Следующая пара бомбардировщиков вновь сбросила свой смертельный груз. Находясь недалеко от входа в подвал, Батраков рванул вперед. Он надеялся, что успеет проскочить до того, как бомбы коснутся земли. Взрывы один за другим рванули, когда он был уже в проеме спуска. Осколок ударил в правую часть бедра, и он рухнул на ступени, сожалея, что не хватило всего нескольких секунд. Вслед за Батраковым в подвал ввалились остальные члены его группы.

— Ну что, все живы? — заботливо спросил капитан, зажимая рукой раненое бедро.

— Вроде бы все. Младшего лейтенанта малость задело, — уточнил Кривичев, помогая подняться Путининой. Подскочив к раненому капитану, Привалов и Прусов помогли ему подняться.

— Я-то сам как-нибудь. Что с Батей, Фёдор Павлович?.. — беспокоился он за командира.

Матиевский с Путининой стали осматривать лежащего на полу майора. Батя лежал с открытыми глазами, не подавая признаков жизни, Матиевский держал руку на пульсе.

— Поздно, — произнес он трагическим голосом. — Умер наш Батя. — И, немного помолчав, добавил: — Царствия тебе небесного, Даниил Андреевич. Хорошим ты был человеком и командиром.

Матиевский закрыл майору глаза своей ладонью. На несколько секунд в подвале повисла тишина. Присутствовавшие стояли над телом командира, сняв шапки. На улице перестали раздаваться разрывы авиабомб. «Юнкерсы», израсходовав боекомплект, удалялись. Только теперь, обратив внимание на раненых, Матиевский и Путинина стали делать им перевязки. Кривичев с Прусовым положили тело Бати на носилки и укрыли его плащ-накидкой.

— Анечка, надо быстренько осмотреть, нет ли раненых на территории фольварка, — распорядился Матиевский. — Я сейчас здесь закончу и тоже к тебе побегу наверх, — торо-

пил капитан, понимая, что после такого авианалета наверняка кому-то еще потребуется медицинская помощь.

В подвале остались Матиевский, раненые и на связи у рации Прусов. Привалов, Путинина и Кривичев поднялись на территорию фольварка.

Панский двор весь изрыт воронками, изрыгающими дым. В том месте, где оборудовался наблюдательный пункт, разрывом бомбы завалена часть кирпичного забора. Привалов не задумываясь рванул к этому месту. Он понимал, что под завалом остались люди. Необходимо было немедленно приступить к спасательным работам. Сюда же бежали и разведчики. Разорвавшаяся бомба завалила землей траншею, где скрывались от бомбежки люди, оборудовавшие наблюдательный пункт. От разрыва бомб на засыпанную землей траншею обрушилась массивная кирпичная стена, и теперь у Дружинина и его друзей оставалось совсем мало времени, чтобы не задохнуться от недостатка воздуха. Они там, под завалом, уже несколько минут прощались с жизнью. Дышать становилось все трудней. Наконец над головой застучали инструменты. Мысленно Анатолий торопил тех людей, кого он представлял себе там, наверху. Разведчики кирками разбивали огромные куски кирпичной стены на более мелкие части, а Привалов и Кривичев оттаскивали их в сторону. Пыталась помочь и Аня, откидывая мелкие куски кирпичей. И вот стену удалось разобрать. Теперь в ход пошли лопаты, которыми аккуратно откидывали сырую землю, чтобы не поранить засыпанных грунтом людей. Песчаный грунт зашевелился, первой из-под земли показалась спина Илемесса Бейтурсикова. Одного за другим людей стали извлекать из земляного плена. Откашливаясь и жадно глотая воздух, они приходили в себя.

Радость, что остались живы, скоро сменилась печальной вестью. Не хотелось верить в то, что командира полка, Бати, нет в живых. Около трех месяцев он был рядом, а казалось, что прошла целая вечность. В голове Анатолия мелькали

воспоминания о встречах с командиром. Он вспомнил случай с брошенным в блиндаже телефоном. Тогда майор мог его вместе с Цаплиным привлечь к суду трибунала за утрату имущества полка. Но Красновский не стал калечить им судьбы, привлекая к ответственности. В памяти всплыл и другой случай, когда в местечке Дзюньков он, сонный, пальнул из карабина. А вот совсем недавний: прячась от бомбежки вражеской авиации во Франковке, он своевременно не смог обеспечить связью наблюдательный пункт полка. И Корейкин настойчиво пытался привлечь его к суду. Это он, майор Красновский, встал на защиту и оградил его от нападков командира взвода. Вспомнил он и их последнюю беседу на наблюдательном пункте, когда Даниил Андреевич, смеясь, пояснял, для чего он периодически завязывал узелки на своем носовом платке. А потом по-отечески расспрашивал Анатолия про семью и строго наказывал, чтобы он регулярно писал письма домой. Какое горе принесет похоронка его жене Клавдии Ивановне и детям...

Похоронили майора Красновского в соседнем населенном пункте. Здесь, на Львовщине, в селе Крутнюв остался лежать навечно их боевой командир. Душевный был человек!

Кроме Бати во дворе панского дома при бомбежке погибли еще пять человек, и среди них тот самый пожилой писарь, чьей службе так позавидовал Анатолий.

Этот день для Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии выдался тяжелым. За населенный пункт Гаи-Старобродовские с контратакующими частями вермахта завязался кровопролитный бой. Смертельная схватка продолжалась более пяти часов подряд. Грохотали орудия, разрывы мин и снарядов. Лязг гусениц и истошный скрежет разрывающегося металла раздавались в окрестностях до поздней ночи. Искореженные и горящие остовы наших и вражеских танков, самоходных орудий и бронетранспортеров оставались гореть на поле боя, затягивая местность густым чер-

ным дымом. Сплошная стена копоти, огня и пепла стояла по всей полосе вражеской обороны. Окруженный враг, зажатый в стальные клещи, упорно сопротивлялся.

* * *

Тридцатое марта. Зимняя погода по-прежнему не торопилась уступать место весне. Похолодало. Усилился ветер. С затянутого темными облаками неба на землю посыпал крупными хлопьями снег. Через час окрестности затянуло сплошной белой пеленой. Траншеи, боевые порядки войск засыпало липким снегом. Дороги стали труднопроходимы. Видимость сократилась до предела. Ненастная погода подбодрила окруженного противника. Используя погодные условия, враг собрал все силы в мощный кулак и бросил свою отремонтированную бронетехнику на ликвидацию окружения. Предприняв контратаку из района Бродов силою до полка пехоты при поддержке пяти-шести танков, двух артиллерийских батарей и до дивизиона шестиствольных минометов, немецкие подразделения выдвинулись в южном и юго-западном направлениях. После короткого, но ожесточенного боя противник полностью овладел шоссе. Прорвав оборону частей Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии, немцы начали вывод своих войск из окружения. Во второй половине дня, перегруппировавшись, наши подразделения выбили противника из восточной и южной части Гаев-Старобродовских. А к исходу следующего дня противник был выбит и из хутора Бялы.

Наступил долгожданный апрель. Только вот весна, видимо, не торопилась: на улице было по-прежнему холодно. Измотанные боями люди ждали тепла и передышки. Но ни того, ни другого пока не ожидалось. В район населенного пункта Сталашка, что юго-восточнее города Броды, противник стянул большое количество живой силы и техники. Завязались затяжные ожесточенные бои с переменным успехом.

Весенние дожди только продлевали распутицу. Состояние дорог по-прежнему оставалось труднопроходимым. Пятого апреля Анатолия направили на огневые позиции Восемьсот двадцать восьмого истребительного противотанкового артиллерийского полка поддержать связь батареи ИПТАПа со штабом артполка. О своем прибытии он доложил старшему на батарее офицеру.

— Здесь устраивай свой пост, — указал лейтенант на место возле блиндажа.

Такой команде Анатолий был удивлен: обычно связисты располагались на наблюдательных пунктах, — но лишних вопросов он задавать не стал. Оборудовав себе ровик в траншее, идущей к орудиям, Анатолий установил связь. Батарея находилась в боевых порядках Тысяча сто шестьдесят седьмого стрелкового полка. Осмотревшись, Дружинин заметил, что орудийные расчеты батареи отличались своим безразличием к службе. Караульных у орудий не было. Люди спали, бездельничали, бесцельно расхаживали по позиции. «Ну и дисциплина!» — подумал Анатолий, наблюдая за поведением бойцов. Весеннее солнце после продолжительных пасмурных дней приятно припекало. Прогретая солнечными лучами земля парила. Обустроив пост, Дружинин нежился на солнце, подшивая порванную полу шинели. Запоздалый обед доставили к двум часам дня. С прибытием поваров на позиции появилось и спиртное.

— Ну что, связь, выпьешь с нами за победу? — предложил Дружинину старшина, наливая в кружку самогон.

— Нет, спасибо. Я на посту. Мне нельзя, — отказался Анатолий, понимая, что выпивка в этой компании, скорее всего, превратится в пьянку.

— Да ладно тебе... на посту!.. А мы что, не на службе разве?!

— Благодарю за угощение, товарищ старшина, но я не буду. Меня могут и в штаб отозвать. А там, сами понимаете...

— Ну, смотри сам. А мы по маленькой да к хорошему обеду все равно выпьем, — смеялся старшина, поднимая кружку.

Офицеры скромно выпивали в блиндаже, и старшина периодически заходил к ним, успевая хлебнуть спиртного еще и с командирами. Скоро на позиции пошли громкие разговоры, шум. Изрядно выпивший старшина, жестикулируя, доказывал одному из орудийных номеров превосходство наших артиллерийских орудий перед аналогичными у противника. На пьяные вопли батарейцев ИПТАПа скоро стали обращать внимание и находящиеся в окопах пехотинцы.

К шести часам дня по траншеям ударила немецкая артиллерия и минометы. После короткой артподготовки противник семью танками и двумя батальонами пехоты начал контратаку подразделений стрелкового полка. Вышедшие из блиндажа офицеры припали к биноклям. Старший офицер батареи, находясь на позиции, не считал нужным под обстрелом перемещаться на наблюдательный пункт.

— Всего-то семь танков противника! Да мы их... как клопов перещелкаем! — геройствовал изрядно подвыпивший старший лейтенант, тем самым притупляя бдительность боевых расчетов.

Анатолий, наблюдая за беспечностью командира, не на шутку занервничал. «Неужели и действительно тут такие герои артиллеристы, что четырьмя орудиями в один миг собираются расправиться с семью танками и двумя батальонами немецкой пехоты? Невероятно!»

Тем временем немцы мощным броском смяли передний край стрелковых подразделений. Не выдержав натиска противника, наша пехота стала спешно покидать свои траншеи. С дрожью во всем теле Анатолий наблюдал, как люди, будто потеряв рассудок, роняя шапки и бросая вещмешки, бегут в тыл, обгоняя друг друга. Мимо батареи с искаженными от страха лицами бежали пехотинцы, бро-

сая свое имущество и даже оружие. Свист немецких пуль и осколков прижимал все больше к земле. На позицию батареи упали первые снаряды. Лязг гусениц немецкой бронетехники нарастал с каждой секундой. По щиткам орудий защелкали вражеские пули. Все стремительнее разрывы немецких мин приближались к огневой позиции. Вскоре смятение охватило и артиллеристов. Понимая, что танки подошли слишком близко, расчеты вместе с командирами, бросив орудия, амуницию и машины, следом за пехотой побежали в тыл.

Паника — страшное чувство. Тяжело удержать себя от страха, когда с позиции убегают не только рядовые бойцы, но и офицеры. Анатолий долго метался в недоумении. В памяти был свеж тот случай, когда, испугавшись немецких танков, они с Цаплиным оставили в блиндаже телефон. Но и теперь сразаться одному против двух батальонов немецкой пехоты и танков было невозможно. Рядом уже никого не осталось, а до наступающей бронетехники противника — каких-то сто метров. Наконец, решившись, Анатолий выдернул из земли штык, закинул на спину катушку и, перекинув через плечо ремень телефонного аппарата, рванул за убегающими артиллеристами.

Слева, справа и прямо над головой проносились пули; рядом с ним, спотыкаясь, падали люди. Но Анатолий бежал так, что ветер свистел в ушах. Ему казалось, что он летел как на крыльях, а его ноги не касались грешной земли. В полной экипировке, с оружием, катушкой за плечами и телефонным аппаратом наперевес Дружинин обгонял даже тех бойцов, кто бросил свое оружие и вещи. Когда-то в школе на уроках физкультуры в беге на различные дистанции он прибегал если не последним, то в лучшем случае предпоследним. Откуда взялись эти легкость и прыть, с которыми Анатолий обгонял бегущих бойцов, — он не ведал. Невесть какая сила несла его, как пушинку, по апрельскому полю украинской земли. Наверное,

благодаря этой неведомой силе он и на этот раз остался жив.

Свидетелем панического бегства людей оказался прибывший на передовую заместитель командира дивизии. Силами учебной роты и заградительного отряда ему с трудом, но удалось остановить убегающих с боевых порядков бойцов. По команде старшего офицера пушечные батареи артполка перенесли огонь по контратакующей немецкой пехоте, остудив пыл опьяненного удачей противника. Наши запаниковавшие батальоны стали приводить себя в порядок и, перегруппировавшись, перешли в атаку. Отбив у противника свои траншеи, бойцы стали восстанавливать прежние позиции. Возвращаясь, люди подбирали свое брошенное имущество и оружие. Санитары перевязывали раненых, выносили с поля боя погибших.

Сколько в этот день погибло наших солдат, Анатолий не знал. Ему, как и всем остальным, было и больно, и горько, и стыдно! О доблести только рассуждать легко. А на самом деле на войне больше страха, чем героизма. Страшно, когда ты каждый день видишь, как здесь, на фронте, столько ребят на алтарь победы кладут свои молодые жизни...

* * *

Проходимость дорог по-прежнему оставалась плохой, а противник своими бесчисленными контратаками упорно пытался прорвать нашу оборону. Особенно ожесточенные бои завязались за преобладающую высоту с отметкой четверта пять под Сталашкой. Анатолия отправили в этот район на наблюдательный пункт третьего дивизиона. Огнем своих батарей на наблюдательном пункте командовал капитан Ротмас. Немецкая артиллерия и минометы методично обстреливали позиции нашей пехоты. Линию связи регулярно обрывало разрывами мин и снарядов. Дружинин раз за разом буквально выползал на повреждения, стараясь соблюдать маскировку наблюдательного пункта. Артобстрелы

сменялись авианалетами, а отступающие подразделения стрелковых полков медленно и незаметно приближали противника к наблюдательному пункту.

Превозмогая страх и усталость, Анатолий вот уже в пятнадцатый раз за день выбрался на ликвидацию очередного обрыва линии. Грохот канонады заглушал слух, сверху падали куски земли и осколки смертоносного металла. Пули на излете глухо шлепались в землю. Каждый метр пути таил за собой смерть. Вот дымящаяся воронка и обрыв провода, вторая часть — на другой стороне ямы. Дружинин ползет туда, разыскивая разорванный конец, чтобы наладить связь. Через несколько метров находит откинутый взрывом провод. Соединить не получается, взрывами уничтожено сразу несколько метров кабеля, он весь в сплошных скрутках. Анатолий вытаскивает из противогазной сумки запасной провод и наращивает недостающий кусок.

Снова рядом один за другим рвутся снаряды. Земля содрогается от разрывов. Прижимаясь, он ползет назад, начинает зачищать изоляцию и соединять наращенную часть с линией, идущей на наблюдательный пункт. Подсоединил трубку — связь есть. Послышался свист летящих сверху мин. Одним броском он оказался в воронке. Мины одна за другой с отвратительным шипением и визгом легли совсем рядом, разрезая осколками влажный дымящийся воздух.

Через несколько минут звуки стихли. Анатолий выбрался из укрытия, осторожно осмотрелся вокруг. Дым минометных разрывов стелился серыми пятнами. Короткими перебежками он стал продвигаться обратно. Все поле перепаханно ямами от мин и снарядов. Приближаясь к наблюдательному пункту, от воронки к воронке опять пришлось перебираться ползком. То слева, то справа пролетали пули пулеметных очередей.

Гул разрывов в стороне переднего края нашей обороны нарастал. Отчетливей слышно, как хлопают винтовочные выстрелы, как грохочет трель автоматных и пулеметных

очередей. Анатолий в несколько скачков забрался на второй этаж полуразрушенного здания, где находился наблюдательный пункт.

Капитан Ротмас через стереотрубу осматривал окрестности, на которых развернулся ожесточенный бой. Два батальона немецкой пехоты при поддержке пяти танков теснили наши стрелковые подразделения в сторону наблюдательного пункта. Ротмас без перерыва через связистов батареями передавал на огневые позиции новые цели и поправки. Пулеметы свинцовой строчкой прошивали ряды нашей отступающей пехоты. В помещение все чаще стали влетать остроносые пули, осколки мин и снарядов, откалывая от стены куски кирпичей, которые с грохотом падали на бетонный пол.. Расстояние между наступающими фашистскими пехотинцами и наблюдательным пунктом сокращалось. Отчетливо стали слышаться команды немецких офицеров. На связь вышел командир полка. Анатолий протянул трубку Ротмасу.

— Прокофий Митрофанович! Не подвергайте себя опасности! Отходите! — настаивал подполковник, опасаясь за жизнь командира дивизиона и его подчиненных. Но Ротмас, несмотря на опасность, отчаянно продолжал подавать команды своим батареям.

Анатолий, наблюдая за действиями капитана, крепко сжимал цевье своего карабина. Немцы подобрались к зданию вплотную; расстояние до противника — менее ста метров. Отходить уже бессмысленно. Невозможно высунуть и голову. Стрельба вокруг здания заглушает слова.

— Прицел и угломер по моему наблюдательному пункту! — дает команду Ротмас, и связисты дублируют ее на батарее. Потом, как-то задумавшись, но без сомнения в своих словах, добавляет: — Огонь на меня! — и связисты вновь передают команду боевым расчетам.

«Ну вот и все! — подумал Анатолий. — Теперь нас вместе с немцами накроет огонь наших же батарей. Ну и пусть... Лучше уж погибнуть от своих снарядов, чем от немец-

ких», — стал утешать себя Дружинин, мысленно прощаясь с жизнью. Тут его взгляд зацепился за лежащий на полу ППШ. Автомат погибшего разведчика сподвигнул его на какое-то озорство. Анатолий отложил в сторону свой карабин и, подтянув к себе оружие, передернул затвор. С недоумением Ротмас посмотрел на Дружинина.

— Ты что, Толя... не стреляться ли собрался? — с усмешкой спросил капитан.

— Ну что вы, Прокофий Митрофанович... рано еще! Надо хоть парочку фрицев с собой на тот свет прихватить, — засмеялся Дружинин. Не прицеливаясь, он выставил ППШ в окно и нажал спусковой крючок. Звонко и отрывисто простучала длинная очередь, потом вторая.

— А что, хорошая идея! Голову не высунешь, а вот ППШ можно... — одобрил Ротмас инициативу связиста. С улыбкой на лице он тоже перебрался ближе к окну и, выставив свой автомат на подоконник, выпустил в направлении врага пару длинных очередей.

Через несколько секунд оконный проем наблюдательно-го пункта подвергся ожесточенному обстрелу. Пули, врезаясь в противоположную стену, отбивали куски кирпича, наполняя помещение пылью. Прижавшись к стене, Анатолий смотрел, как Ротмас надел на голову каску. Без страха в глазах он посмотрел на Дружинина и протянул ему другую:

— Надевай, Толя, может быть, это поможет, — подбадривая, подмигнул капитан.

И в этот миг откуда-то с высоты послышался вой падающих 76-миллиметровых снарядов седьмой батареи. Методично, как по нотам, стал увеличиваться темп артиллерийского обстрела. С особой силой крушили врага грозные разрывы 122-миллиметровых снарядов восьмой гаубичной батареи полка.

— Хорошо работают расчеты. Молодцы! — улыбаясь, приговаривал Ротмас, прикрывая рукой лицо от сыпавшихся сверху комьев земли.

Пол здания содрогался при каждом разрыве, сверху на голову сыпалась штукатурка, в окна вместе с землей и страшным свистом влетали осколки, кроша кирпичную стену. В жутком грохоте сотрясалось все вокруг. Повсюду сверкало пламя, гарью наполнились помещения кирпичного здания, вокруг которого дыбом вставала земля. Яркие солнечные лучи с трудом пронзали пыльно-дымный воздух просторной комнаты. Снаряды сыпались один за другим, разметаю немецкую пехоту. Попав под огонь нашей артиллерии, противник, увеличивая число погибших и раненых, стал отступать. Через несколько минут ураганной канонады обстрел затих. Обстреливая врага из стрелкового оружия, наши батальоны возвращались на прежние позиции.

— Хорошо, что дом на совесть построен. А так... остались бы мы с вами, товарищ капитан, под завалами кирпича, — рассуждал вслух Анатолий.

— А я думаю, Толя, нам повезло, что снаряды, особенно 122-миллиметровые, не угодили в здание! Иначе мы с тобой так бойко здесь бы не разговаривали, — смеялся Ротмас, отряхиваясь от кирпичной пыли и штукатурки. — Запомни, Толя, этот день, десятое апреля сорок четвертого года. Нам с тобой сегодня крупно повезло. Можно сказать, второй раз на свет родились, — торжествовал капитан, наблюдая за отступающей немецкой пехотой.

Связь с полком снова оборвалась — немудрено. Вся территория вокруг перепахана снарядами. И снова ползти по линии ликвидировать обрыв, но это уже не так страшно — страшное было уже позади.

В ночь с десятого на одиннадцатое апреля по приказу командарма Тринадцатая армия перешла к жесткой обороне. Перед фронтом Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии противник в составе частей группы Бремера — Четыреста пятьдесят четвертой охранной дивизии, части сил Восьмой и Двадцать шестой танковых дивизий — наступательными действиями пехоты при поддержке танков и ар-

тиллерии стремился выйти на шоссе Броды — Тернополь. Занятые позиции требовалось удерживать любой ценой. На что недавно назначенным командиром полка подполковником Даветьяном было подписано распоряжение под номером четырнадцать от десятого апреля сорок четвертого года. Полку ставилась задача перейти к жесткой обороне, не допустить прорыва танков и пехоты противника в направлении Сталашка — Брожны. Четырнадцатым пунктом данного распоряжения значилось: «Провести работу со всем офицерским и рядовым составом о жесткости обороны и неприступности. Стоять только насмерть! Беспощадным расстрелом на месте пресечь попытки кого-либо отступить или оставить материальную часть. Командиры дивизионов несут личную ответственность без всякого снисхождения».

Михаил Нерсесович был человек строгий, но справедливый.

КОНФЛИКТ

В ночь на двенадцатое апреля Дружинина вызвали на наблюдательный пункт полка. Здесь собралась группа, в состав которой входили Дружинин, разведчики Кузнецов и Бейтурсииков. Находящихся в помещении молодого лейтенанта с тремя бойцами Анатолий ранее в полку не видел.

Когда подполковник Даветьян стал знакомить с предстоящим заданием, стало известно, что незнакомые ему люди из стрелкового полка — это командир взвода разведки, связист и два автоматчика. Группу возглавил сам командир полка. Чтобы разведгруппой руководил офицер такого ранга, Дружинину ранее видеть не приходилось, и этому, конечно же, он был крайне удивлен. Как выяснилось позже, задача состояла в том, что после проделанного саперами в минных полях прохода группе предстояло выйти максимально близко к переднему краю противника. Требовалось наиболее тщательно изучить боевые порядки врага, постоянно меняющиеся в ночное время суток.

Началась короткая, но тщательная подготовка и проверка готовности группы к выходу. Необходимо, чтобы при передвижении ни амуниция, ни оружие не гремели, не издавали какие-либо другие звуки, которые могли выдать присутствие людей в непосредственной близости к противнику.

Наконец все приготовления закончены. Как только от саперов пришло сообщение, что проход готов, разведгруппа под покровом темноты выдвинулась к передовой.

Анатолий со своим напарником-пехотинцем прикрывали тыл и должны были тянуть связь. Тропинка, по которой они передвигались, пролегла по склону холма; затем тропа круто повернула влево и вывела их к сараям на отшибе небольшого населенного пункта. Тихо и без лишних звуков группа прошла по сельской окраине. В ночи виднелись темные, обгорелые остовы домов. Минуя две коротких улицы, они вышли на небольшую поляну. На плоской возвышенности располагался наблюдательный пункт, отсюда и требовалось далее протянуть линию связи. Прошли еще несколько метров, и Кузнецов подал знак быть осторожными: минное поле.

Проход, сделанный саперами, прошли сравнительно быстро. Сразу за полем темнел сосновый лес. Вдоль размашистых деревьев группа пошла по краю опушки, которая полумесяцем тянулась на юго-запад. У огромной, заваленной ураганом сосны разведчики резко повернули в лесную чащу. Под ногами захрустели ветки. Если на открытой местности можно было что-то разглядеть, то в лесу была непроглядная темень. Натыкаясь на ветки и корневища, Анатолий вздрагивал, опасаясь упасть; до боли в глазах он вглядывался в темноту. Благо идти по сосновому бору долго не пришлось: метров через пятьдесят группа вновь вышла на лесную окраину. Через широкую низину пришлось идти, прижимаясь к земле.

Вскоре узкая тропа вывела людей на пригорок. У его подошвы находился хорошо замаскированный, оставленный немцами блиндаж. По всей видимости, фрицы хозяйничали здесь долго: на входе была установлена дверь. Обычно вход в блиндаж завешивали просто брезентом. Предусмотрительный Кузнецов заранее, прошлой ночью, дверные петли смазал машинным маслом, чтобы при отрывании они не издавали скрипа. По сигналу подполковника двое разведчиков остались осматривать окрестности. Остальные члены группы, осветив блиндаж фонариком, зашли внутрь.

Через несколько минут на столе загорелись две коптилки, озаряя бревенчатый блиндаж ярким светом. Анатолий со своим новым напарником в углу установили телефон и спешно стали настраивать связь. Дружинин нажал кнопку зуммера и на другом конце провода услышал голос дивизионного телефониста. Связь готова. На столе между коптилок лейтенант разложил карту. В дверном проеме появилась голова Кузнецова.

— Товарищ подполковник, разрешите доложить? — поставив руку к шапке, тихим, но ровным голосом спросил разведчик.

— Да. Слушаю вас, товарищ сержант.

— Окрестность осмотрена. Противника рядом с блиндажом не обнаружено.

— Хорошо. Продолжайте наблюдение.

— Есть продолжать наблюдение, — ответил Кузнецов и вышел из укрытия. За его спиной тихо закрылась дверь.

Подполковнику Даветьяну около сорока лет. Он высокого роста, широк в печих. В решительном пристальном взгляде серьезных, даже сумрачных глаз, как и в чертах лица, проглядывалась натура настоящего воина. Прямой нос и пышные, черные как смоль «буденовские» усы придавали его внешности особую строгость. В ровном, с легким кавказским акцентом голосе чувствовалась уверенность. Он был храбрым и мужественным человеком.

Цепким взглядом своих больших глаз из-под прямых бровей Даветьян осмотрел присутствовавших. Его что-то явно беспокоило. Он снял шапку и провел рукой по черным, зачесанным назад густым волосам.

— Слишком много нас в одном блиндаже собралось! Не очень мне это нравится, — выразил свою мысль подполковник, аккуратно надевая головной убор. — Велика вероятность обнаружения нашей группы противником. Я считаю, в случае нашего отступления необходимо организовать прикрытие. Значит, так! Ты, ты и ты, — указал он на Дружи-

нина и двух автоматчиков. Анатолий с двумя бойцами встали. — Вы отправитесь обратно, до того места, где тропа, по которой мы сюда пришли, поворачивает влево. Пройдете по ней в сторону наших позиций еще метров пятьдесят и там организуете в лесу засаду. Если нас при отступлении будет преследовать противник, отсечете его ружейным и автоматным огнем. Вот в этом месте тропа делает поворот, — указал на карте карандашом подполковник, — а примерно здесь расположитесь вы, там можно будет организовать эффективную оборону, — объяснял ровным голосом командир. — На месте, где будете находиться, громко не разговаривать, не курить, вести себя тихо, чтобы ваше присутствие не смог обнаружить враг. Если вы мне вдруг понадобится, я пришлю за вами посыльного. Пароль — «ольха», ответ — «сосна». Вам понятно?

— Так точно! — в один голос ответили бойцы.

— Тогда отправляйтесь, — приказал подполковник, постукивая пальцами по доскам стола.

— Есть! — ответил за всех Дружинин, и они втроем вышли из блиндажа.

Тихая ночь окутала окрестности. В затянутом тучами небе изредка появлялась молодая луна. Когда бойцы вышли из освещенного блиндажа, еще несколько минут не могли привыкнуть к темноте. Но вскоре зрение восстановилось, и теперь можно было передвигаться быстрее. По ложине прошли в полной тишине. Подошли к опушке леса, где Анатолий, согласно приказу, повернул влево. Через несколько шагов он понял, что идет один, автоматчики остались там, на повороте. Остановившись, он оглянулся. Бойцы о чем-то вполголоса разговаривали. Дружинин вернулся.

— Что случилось? — забеспокоился он.

— Какого черта мы пойдем туда?! — указывая рукой в левую сторону, возмущался худощавый боец. — Какая разница — что влево, что вправо?! Пойдем вон туда, там место лучше, — указывал он направо, — оттуда и будем

наблюдать. Если у них бой с немцами завяжется, мы увидим.

— А ты что, был уже здесь?

— Нет, я здесь не был.

— Тогда как ты можешь определить, где лучше? Это во-первых! А во-вторых, командир, по-моему, понятно объяснил, где нам находиться. С указанного подполковником места необходимо организовать прикрытие группы. Да и как нас найдет посыльный, если мы будем в другом месте? — пытался убедить бестолкового бойца Анатолий.

— Это тебе он командир, а мы вообще из другого полка. И его слова нам не указ! Посыльного мы и сами увидим, если он к нам будет идти. Я не хуже твоего подполковника знаю, где лучше подготовить прикрытие. Не первый день на фронте! — эмоционально доказывал автоматчик, повышая голос.

— Тогда что же ты ему об этом сразу не сказал? Там, в блиндаже? А теперь, когда подполковника с нами нет, начинаешь здесь возмущаться? — спросил Анатолий, задев вопросом самолюбие горделивого пехотинца.

— Да это командир взвода нас попросил сходить с вами в разведку. И я не стал ему возражать, потому что он настоящий командир, а не тряпка. Вот с ним я хоть в разведку, хоть куда... А здесь у вас командиров больше, чем солдат, и что, я всем подчиняться должен?! — неистовствовал пехотинец.

— В армии вообще-то не просят, а приказывают, насколько мне известно. И если тебя направили в другое подразделение, под начало другого командира, то ты просто обязан подчиняться его приказам. Так как он для тебя теперь непосредственный начальник. Тем более он офицер.

— Вот если он тебе начальник, то можешь идти, куда он тебе указал. А мы пойдем туда! — указывая вправо, продолжал упорствовать автоматчик. Излишний шум грозил обнаружением их группы противником.

— Хорошо, хорошо! Пошли туда, только не кричи, — согласился Анатолий, переживая, что на шум могут отреагировать немцы.

Успокоившись, они повернули от тропы вправо и пошли вдоль леса. Пройдя еще метров сто пятьдесят, группа расположилась между двух больших сосен. Находиться в компании с двумя незнакомыми людьми Дружинину было не очень комфортно. Чувствовал он себя как не в своей тарелке. Уж очень раздражал его беспокойный худощавый боец. Второй автоматчик, среднего роста и крепкого телосложения, был более уравновешенным. В ссоры он не вступал и, как правило, легко соглашался с решением своего суетливого товарища.

— Вот! Отсюда и будем наблюдать за ситуацией! А то им то влево, то вправо. Будут еще указывать... как будто мы сами не разберемся, где нам лучше быть, — продолжал негодовать автоматчик, но уже сдержаннее.

«Да... чувствую, мы сегодня дров наломаем», — ежась от недовольства, подумал Дружинин.

— Тебя как зовут? — неожиданно обратился к Дружинину суетливый пехотинец.

— Анатолий.

— Меня Слава... — протянул он руку. — А его Володя, — добавил Слава и кивком указал в сторону своего товарища.

Опираясь на карабин, Анатолий подал руку для знакомства с Владимиром и, присев на корточки, стал озираться по сторонам. Владимир устроился справа от Анатолия. А вот Слава никак не мог определиться с местом, где ему расположиться. Явно раздраженный, он цокал языком, сплевывая сквозь зубы слюну, присаживался в одном месте, потом вставал, переходил на другое. Беспокойно перемещаясь взад-вперед, Слава то перекидывал автомат за плечо, то вешал его на грудь так, будто его что-то беспокоило. Готовую свалиться с головы шапку он постоянно поправлял, смещая ее то на одну, то на другую сторону.

Так прошло более трех часов пребывания в лесу. Начи-
нало холодать. Ожидание все ощутимее утомляло.

— Больше всего в жизни не люблю ждать! Надо заку-
рить! А то со скуки здесь умереть можно, — заявил вдруг
Славик, шаря рукой в кармане ватной куртки.

— Курить здесь опасно! Немцы могут заметить, особен-
но снайперы. Ты что, не слышал, что подполковник ска-
зал? — возразил ему Анатолий, пытаясь как-то образумить
безумца.

— Опять ты со своим подполковником! Я же тебе ска-
зал, что он мне не командир. И вообще, мы здесь по слу-
чаю. Да и кому ты тут нужен ночью в лесу? Немец — он
спит себе и забеспокоится только в том случае, если ты
к нему в окопы полезешь, — возражал Слава, скручивая
цигарку. — Снайперы ему ночью мерещатся! — не унимал-
ся он.

Наконец, немного потоптавшись слева от Дружинина,
Славик присел. Недолго разыскивая в карманах спички, он
достал коробок и, несколько раз чиркнув, прикурил, осве-
щая свое лицо. Анатолию очень не нравилось поведение
бойца, но спорить с ним себе хуже. Пользы мало, а шуму
на всю округу. «И так уже нашумели. А теперь он, вопреки
приказу, сверкает в темноте и спичками, и тлеющей само-
круткой. Видимо, они пороха еще не нюхали», — подумал
Дружинин, наблюдая, как вели себя пехотинцы.

— Давно на фронте? — обращаясь к Славе, спросил Ана-
толий.

— Пять месяцев скоро будет, как в окопах, — с гордостью
заявил Славик.

— Понятно. А я тоже с ноября воюю. Откуда сами буде-
те? Издалека? Я вот из Казахстана.

— Я из Воронежа, а Володя из Ростова, — продолжил раз-
говор Слава.

Расположившись слева от Дружинина и дымя цигаркой,
он принялся рассказывать о своей довоенной жизни. Его

рассказ был неинтересным. Но болтовня Славика отвлекала ото сна. Ведь шел уже четвертый час ночи...

Вдруг в ночной тишине с немецких позиций раздался выстрел. Отточенный фронтовыми буднями слух, как лока-тор, без особого труда определил источник опасного звука. «Это выстрел миномета», — подумал Дружинин. В один миг, обняв голову руками, Анатолий умудрился сложиться вдвое и опуститься лицом до самой земли. Мина, противно воя, с шипением на излете шлепнулась в нескольких метрах от бойцов.

Прогрел взрыв. Стая ворон, напуганная разрывом, с шумом и карканьем закружилась над лесом. Куски земли вместе с ветками деревьев, срезанными осколками, необыкновенно долго падали на спину Дружинину. Ему показалось, что прошла целая вечность. На удивление, продолжения об-стрела не последовало. Когда все стихло, Дружинин выпря-мился, отряхиваясь от земли и мелких веток. Осмотрелся вокруг: справа, широко раскинув руки, с рассеченной оскол-ками головой безжизненно лежал Володя. Шапки на нем не было, автомат валялся в стороне. «А Славик живой?» — мелькнула мысль, и Анатолий резко повернул голову влево. Вытянувшись во весь рост, с пробитой осколками грудью ле-жал Слава. Под ним — лужа крови. Автомат с оборванным ремнем отбросило метра на полтора, его приклад и ложе разбиты вдребезги. Снайперски сработал немецкий мино-метный расчет — огонек сигарки погас навечно. Но каким-то чудом в очередной раз остался жив он, Дружинин! Немного оправившись, Анатолий призадумался: его това-рищи мертвы, что же делать дальше?

Лощина постепенно стала наполняться туманной дым-кой. Еще минут сорок Дружинин в сомнениях продолжал оставаться на месте. Но время мучительно тянулось, необ-ходимо было что-то предпринимать. Наконец, собравшись с мыслями, решился идти. Он осторожно вытащил окровав-ленные документы убитых товарищей, сложил их в карман

и, внимательно осмотревшись вокруг, выдвинулся к блиндажу. Осторожно ступая в темноте, Дружинин вышел на тропу и направился на пригорок в сторону немецких позиций. Мертвая тишина, в которой он, подобно дикому барсу, пробирался в направлении к вражеским траншеям, была готова лопнуть от любого шороха.

До блиндажа осталось несколько метров. Вокруг никого. Тихо подкравшись к двери, Анатолий стал медленно открывать ее стволом карабина. Дверь легонько открылась. Освещенный светом коптилок, в углу по-прежнему стоял его телефонный аппарат. В помещении ни души. «Странно! А где же все? — и без того насторожившись, подумал Дружинин. Не теряя из вида дверной проем, он подошел к телефону. Поднял трубку — связь была исправна. — Ничего не понимаю! Связист должен быть на посту. Но где же он?.. Может, вышел по нужде? — недоумевал Анатолий, продолжая держать на прицеле входную дверь. — Подожду. Должен же кто-то подойти? Если, конечно, ничего не случилось», — продолжал рассуждать он, осторожно переступая от стола к двери.

Несколько раз Дружинин выходил из помещения, внимательно осматривая окрестности и вслушиваясь в тишину. Время медленно, но настойчиво приближалось к рассвету, а в блиндаже так никто и не появился. На душе было невыносимо тревожно. За открытой дверью менялись краски ночи — начинало светать. Сквозь туманную дымку все ясней стали просматриваться и окутанная дымкой низина, и едва темнеющий лес. Находиться одному в пустом блиндаже под боком у противника было совсем неудобно. Но пост есть пост. И его с этого поста никто не снимал. Среди бревенчатых стен Анатолий метался, как лев в клетке. Ему казалось, что вот-вот из-за верхушек деревьев появится край солнечного диска или в дверном проеме возникнут фигуры немецких солдат. Только он решил подойти к двери, как вдруг будто из-под земли явился взору незнакомый солдат.

— Ты чего здесь сидишь?! Немцы в ста пятидесяти метрах от тебя! А ну-ка, бегом отсюда! — крикнул три коротких фразы боец и скрылся из вида. Анатолий подскочил к столу, накинул на себя катушку, отсоединил от аппарата провода, набросил его ремень на плечо и опрометью рванул из блиндажа. Прижимая телефонный аппарат к бедру, он стремительно помчался вниз по тропе. Сердце, казалось, выскакивало из груди, от быстрого бега сбивалось дыхание. Каждую секунду Анатолий ожидал выкрика на немецком — «*Halt!.. Hände hoch!* (Стой! Руки вверх!)» — или выстрела в спину, почувствовав даже легкий холодок между лопаток.

Спуск в лощину он преодолел быстро. Вот и спасительный лес. Здесь, за деревьями, уже легче. Слава богу, все обошлось. «Но куда делся тот солдат, что предупредил об опасности? Так быстро преодолеть расстояние от блиндажа до леса, чтобы остаться незамеченным, он не мог. Податься к немцам — тоже не вариант. Так куда он пропал? Странно!» — задыхаясь после стремительного бега, размышлял Анатолий, когда, скрываясь за стволами деревьев, сматывал на катушку полевой провод.

Через час в присутствии начальника штаба полка Дружинин отдал документы капитану из особого отдела, доложив офицерам о том, что произошло с ним и двумя пехотинцами.

Оказалось, что группа во главе с Даветьяном после уточнения обстановки и расположения подразделений противника, еще задолго до рассвета вернулась на свои позиции. Противник по неопределенной причине засуетился. Чтобы немцы не обнаружили группу, уходить пришлось спешно и по другому маршруту. Растерявшись, связист-пехотинец второпях оставил на посту телефон, как когда-то в страхе перед смертью оставил свой телефонный аппарат в таком же блиндаже сам Дружинин.

Когда группа достигла леса, Даветьян отправил разведчика Бейтурсикова к тому месту, где им было приказано ор-

ганизовать прикрытие. Но на месте людей не оказалось. И Илемесс после нескольких минут безуспешных поисков вынужден был вернуться в расположение полка один. Все, за исключением двух погибших пехотинцев, возвратились в свои подразделения. Очевидно, немецкие наблюдатели заметили группу Дружинина в тот момент, когда Славик сверкал в темноте спичками и сигаретой. Вот и пришлось поплатиться жизнью за свою беспечность. Повезло в очередной раз только Анатолию. Чему он не переставал удивляться, равно как и тому случаю с солдатом, неожиданно возникшим у дверей блиндажа и так же таинственно исчезнувшим в неизвестности.

Прибытие Дружинина в полк позже основной группы послужило очередным поводом для предъявления к нему претензий со стороны Корейкина. Лейтенант, выясняя обстоятельства дела, придирчивыми вопросами пытался прижать его к стенке. Широко расставив ноги, командир взвода стоял перед Дружининым, заведя руки за спину. В таком виде он больше походил на дотошного следователя, чем на командира взвода. Иосиф Захарович не мог простить Анатолию тот февральский день во Франковке, когда за него заступился майор Красновский. Еще бы! Ему, боевому офицеру, пришлось выслушать от командира полка упрек в свой адрес. С того самого времени Корейкин затаил в себе обиду и с нетерпением ждал подходящего часа. Теперь майора нет в живых, а значит, наступил самый подходящий момент, чтобы свести с Дружининым счеты. Понимая, что ничего серьезного он предъявить своему связисту не может, лейтенант на ходу стал придумывать, как он сможет ему отомстить за причиненную обиду. Допрос продолжался уже несколько минут, и это не на шутку стало раздражать Анатолия. Последствия контузии приводили его в то состояние, при котором он был готов послать своего командира взвода туда, куда Макар телят не гонял.

— Почему вас не мог найти разведчик, которого командир полка отправил на поиски вашей группы? — въедливо допытывался командир.

— Я же говорил, пехотинцы отказались идти на то место, куда нас отправлял подполковник. Я пытался их вразумить, но они настояли на своем, и мы ушли правее от тропы, — объяснял ситуацию Анатолий.

— Хорошо, пехотинцы пошли в другое место, а ты почему не выполнил приказ командира? Мало ли куда они собрались пойти. Если бы они пошли сдаваться врагу, ты что, тоже с ними бы пошел? — намекал на неподчинение приказу Корейкин.

— Да при чем тут измена?! Никуда я идти сдаваться не собирался. Если бы собрался сдаться врагу, то перед вами бы тут не стоял. И потом, как бы это выглядело, если бы я в одну сторону пошел, а пехотинцы — в другую? Что это за группа? — настаивал на своем Дружинин.

— Тогда скажи, как получилось, что они мертвы, а ты — живее всех живых?! Где ты был в момент их гибели?

— Перед нами мина взорвалась. Она Владимира и Вячеслава сразу насмерть и положила. Немцы, наверное, по огню нас заметили, когда Славик сверкал спичками. Я предупредил его об опасности — так он меня не послушал. Вот и результат...

— Какой еще огонь?! Вы что там, костер разводили?

— Да какой к черту костер?! Говорю же, Слава курил! Понятно, когда прикуривал, спичками светил в округе, а потом сигаркой в темноте маячил. Вот, наверное, немцы и засекли.

— А когда мина взорвалась, ты где был? Отходил по нужде, что ли?

— Рядом с ними сидел, где мне еще быть?

— Так как это так возможно?! Вы все рядом сидели, их насмерть положило — а на тебе ни царапины? Может, это ты их сам застрелил? А теперь сказки мне тут о немецкой мине рассказываешь?

— Если хотите проверить, то могу вас проводить к месту их гибели! Можете тогда сами убедиться, что я никого не убивал. Как все произошло, я начальнику штаба полка и начальнику особого отдела докладывал. И вопросов у них ко мне не возникало, в отличие от вас.

— Это пока у них вопросов не возникало. Потому что они тебя еще плохо знают, как ты правильно подметил, в отличие от меня. А я-то тебя, хитреца, насквозь вижу. Ты такой маленький, но такой хитрый! Твоей хитрости на всю нашу дивизию хватит. Думаешь, что я не замечаю, как ты постоянно пытаешься найти себе место потеплее? Или пытаешься попасть на тот пост, где не так опасно, туда, где меньше стреляют, — прищуривая глаза, упорно пытался обвинить его в коварстве Корейкин.

— С чего вы взяли, что я пытаюсь хитрить?.. Я что, посты сам себе выбираю?! Может, еще скажете, что я к вам обращался с такими просьбами?! Или пытался с кем-то поменяться, чтобы быть поодаль от передовой?! Если вас послушать, то я целыми месяцами при штабе полка сижу и задницу у печки грею! — не на шутку разозлился Анатолий. — По-моему, я иду на тот пост, куда вы меня отправляете или командир отделения! И не было ни единого случая, чтобы я отказывался.

— Тогда расскажи мне, как это ты из стрелкового полка в артиллерию попал?! Что, так страшно в пехоте стало? — пытался больнее уколоть офицер, всячески стараясь найти хоть какую-то причину для обвинений.

— Во-первых, я не сам в себя из немецкой пушки выстрелил, когда был контужен при разрыве снаряда. А во-вторых, это Привалов предложил мне продолжить службу в артполку, когда они с Троценко подобрали меня у дороги. Если бы командование полка не согласовало в штабе дивизии вопрос о моей дальнейшей службе в артполку, то кто бы вообще меня спрашивал, хочу я здесь служить или нет? И вы это лучше меня знаете! А все равно продолжае-

те нести какую-то ахинею! — яростно защищался Анатолий.

— Ты как вообще разговариваешь со старшим по званию?! Да я тебя за такое поведение под трибунал отправлю! И это еще нужно проверить, на самом деле ты был контужен или просто симулировал свою контузию, — не унимался Иосиф Захарович.

— Если сомневаетесь, то можете в особый отдел пойти или в санчасть к Матиевскому и убедиться в правоте моих слов! А если так уж неможете, то я могу вас лично сопроводить к капитану, чтобы вы в моем присутствии ему этот вопрос задали! — закипал злобой Дружинин, отчего его глаза начинали наливаться кровью.

Корейкина затянувшаяся беседа тоже приводила в бешенство. Ведь как он ни старался, ничего серьезного Анатолию предъявить так и не мог.

— Не думай, что я забыл, как ты тогда во Франковке, трусливо прячась от бомбежки, на целых три часа оставил наблюдательный пункт без связи. Благодарю покойного Красновского, что он тебя от штрафной роты спас! — брызгая слюной, кричал лейтенант.

— Не преувеличивайте, пожалуйста!.. Во-первых, не три часа, а тридцать минут! А во-вторых, там рация была и посыльный, чтобы держать связь! И не пытайтесь меня стращать трибуналом и штрафной ротой, я не из пугливых! — уже не говорил, а кричал Анатолий, готовый вцепиться в горло своему командиру.

— А-а-а, даже так! Так ты у нас герой! Не боишься штрафной роты?! Хорошо! Я эту самую штрафную роту тебе без военного трибунала сам устрою! Ты плохо меня знаешь. Значит, так! Отдыхать после ночной разведки ты никуда не пойдешь, даже не рассчитывай! На том свете у меня отоспишься. Прямо сейчас отправляйся-ка на пост, что находится на первой линии обороны Тысяча сто шестьдесят седьмого полка. Там наша седьмая батарея стоит на прямой

наводке. Сменишь на посту Маршенко, он пусть отправляется в штаб, я его в другое место отправлю. А ты будешь находиться на передовой до тех пор, пока тебя не убьют или тяжело ранят. Вот тебе будет и штрафная рота, и трибунал. Это мой приказ! Вам ясно, товарищ Дружинин?! — наконец придумал Корейкин, как отыграться за причиненную ему обиду.

— Так точно! Приказ ясен, товарищ лейтенант! — крикнул в ответ Анатолий, прикладывая руку к пилотке. Он даже как-то обрадовался такому обороту событий. — Буду стоять на посту до тех пор, пока меня не убьют или тяжело ранят. Разрешите итить? — съязвил он, отвешивая командиру поклон.

Терять ему было нечего. Офицер откровенно посылал его на смерть, причем цинично и беспричинно. Развернувшись, Дружинин зашагал на передовую, мысленно прощаясь с жизнью, а к горлу стал подкатывать ком от обиды. Все обвинения, что пытался ему предъявить командир, были просто им надуманы и беспочвенны. А сделать он ничего не мог: бесполезно было оправдываться. Да и жаловаться на лейтенанта командованию полка Анатолий не собирался. А раз так — пусть будет как будет.

Через час Анатолий был на самом краю передовой линии. Короткими перебежками немецкая пехота шла в наступление. Атаку противника поддерживали два танка и бронетранспортер. Фашист вел швальный пулеметно-ружейный огонь. Мины с противным визгом падали сверху. Разрываясь, они осыпали наши рубежи обороны тысячами смертельных осколков.

В полусогнутом положении Дружинин пробирался по траншее к посту, где теперь ему следовало нести службу до ранения, а может, и до смерти. Прямо перед ним с пронзительным воем пролетел осколок, снесший часть земляного бруствера. Куски земли больно ударили по лицу и глазам. По щекам потекли слезы, смахнув их рукавом шинели, он

продвигался вдоль траншеи за спинами отчаянно отстреливающих пехотинцев. Наконец впереди он увидел знакомую фигуру Маршенко; тот выделялся среди остальных бойцов. Рядом с Тихоном командир дивизионной батареи через связиста корректировал огонь своих орудий.

— О-о-о, Толя! Здорово! — поприветствовал его друг.

Тихон Маршенко родом из Ростовской области. Это настоящий богатырь двухметрового роста и, как все здоровяки, добрейшей души человек. Его теплый и приветливый взгляд ярко-голубых глаз, несомненно, располагал к себе даже недружелюбного собеседника. Человек он спокойный и уравновешенный, порой даже невозмутимый. Увидев в траншее Тихона, Дружинин вспомнил один из мартовских дней, когда дивизию эшелонам по железной дороге перебрасывали в Шепетовку. На четвертый день после отправки из Белой Церкви состав застрял на небольшой узловой станции. За трое суток пути люди успели вдоволь выспаться, отдохнуть от боев и изнурительных маршей. Молодой и здоровый организм быстро восстанавливался. И теперь они, счастливые, полные сил, многие без верхней одежды, вышли из вагонов размяться, подышать свежим воздухом. Погода этому благоволила: день как раз стоял теплый, солнечный. У вагонов-теплушек собирались шумные компании, сыпались шутки, смех, бойцы балагурили, резвились, ведь нужно же было куда-то потратить бушующую в молодом теле энергию. Сейчас Анатолий и не помнит, как и с чего началось, но с толканиями, ребячеством и с легкой борьбой его, Сосковца и Мельника (все — сравнительно небольшого роста) Лёня Дырявко раззадорил втроем побороть здоровяка Тихона. Лёня был большим специалистом экспромтом организовать эдакое театральное или цирковое действо.

— Так, товарищи, расступитесь! — распоряжался Дырявко, расталкивая людей и освобождая место для предстоящих состязаний. — Внимание! Внимание, товарищи! Только у нас! Только сейчас! И только на этой арене! Вам предстоит

увидеть грандиозное сражение русского богатыря Ильи Муромца и трех знаменитых на весь мир атлетов, уроженцев далекого необитаемого острова Блахония! — едва сдерживая смех, голосил что есть мочи Лёня.

Его призыв к предстоящему увлекательному зрелищу немедленно привлек внимание людей по всей округе.

— Торопитесь, товарищи, не упустите свой шанс увидеть все представление от начала и до конца! — зазывал Лёня истосковавшихся по представлениям зрителей.

Широко расставив руки, он вышагивал по кругу, стараясь как можно больше оставить пространства для готовящихся к поединку борцов. Смеясь, народ стал стекаться к импровизированной сцене. Одна часть собравшихся начала подначивать Анатолия, Сосковца и Мельника, другая половина однополчан тут же стала подстрекать на решительные действия Тихона. Дурачась и веселясь, борцы наконец вступили в настоящую схватку. Как Анатолий ни старался и какие бы усилия ни предпринимал, свалить с ног стоящего как скала Маршенку у него никак не получалось. Гомон возле теплушки стоял невероятный, голос глашатая и организатора турнира Лёни Дырвяко уже никто не слышал.

Песок из-под сапог и ботинок вступивших в состязание борцов разлетался в разные стороны, как из-под копыт арабских скакунов. В это время на крики и шум к вагону, где происходила схватка, стали стягиваться люди со всего эшелона. Образовалась огромная толпа кричащих, свистящих и смеющихся людей, в которой каждый старался быть ближе к этому необычному противоборству. К числу зрителей подключились и командиры, смеясь и подзадоривая борцов.

Первым под себя Тихон подмял Сосковца и, прижав его коленом к земле, держал под плотным контролем. Сосковец кряхтел, сопел, извивался, как африканский удав, но вырваться из-под колена Маршенку не мог. Затем, изловчившись, Тихон зацепил и Мельника. Захватив шею своего второго противника плотным обхватом сильной ру-

ки, он скрутил его и уложил сверху на лежащего на земле Сосковца, придавив обоих соперников своим грузным телом. Анатолий, сидевший, как блоха, на спине у Тихона, изо всех сил пытался скрутить своему противнику руки или шею, но это было бесполезно. Крепкие как сталь мышцы Тихона не поддавались его усилиям. Тихон, как от назойливого комара, отмахивался от своего третьего напористого соперника, продолжая справляться с Мельником и Сосковцом.

Уверенно подмяв под себя двоих, теперь Тихон принялся и за Анатолия. Заведя за спину руку, он схватил его за воротник гимнастерки и, как котенка, стащил со своей спины. Трещавшая по швам гимнастерка Анатолия вместе с нателным бельем сползла к затылку, обнажив розовеющее от упорной борьбы тело. Без особых усилий уложив Анатолия сверху на барахтающихся на земле Сосковца и Мельника, Тихон сел ему на голую спину, подминая под себя всех трех своих соперников.

Толпа, восхищенная богатырской силой Тихона, ликовала. Этот поединок был для него настоящим триумфом. После схватки борцы, не тая в душе обиды, вместе со всеми смеялись, обнимались, пожимали друг другу руки; от этого их дружба становилась только крепче. Люди еще долго веселились, обсуждая произошедшее. Они подтрунивали над тремя проигравшими в этой схватке борцами, восхищались необыкновенной силой Тихона, спорили — это было по-настоящему весело. Вспоминая не столь давнее событие, Дружинин невольно засиял улыбкой.

— А ты что тут делаешь? — удивился Тихон, когда увидел улыбающегося Анатолия в траншеях передовой. Очередь свистящих пуль пронеслась над их головами. Пулеметы не замолкая вели перестрелку. Винтовочные выстрелы гремели по всей длине извилистых траншей.

— Добрый день, Тихон! — протянул руку Анатолий и почувствовал, как его ладонь утонула в сильной руке Маршен-

ко. — Вот, Тихон, пришел тебя на посту сменить, — объявил ему Анатолий.

— А что случилось? — забеспокоился Тихон, меняясь в лице. Ведь поменять на посту могли и за провинность.

«Нарушений за мной вроде бы не числилось. А что же тогда?» — задумался вдруг Тихон, перебирая в мыслях события последних дней.

— Ты, Тихон, не переживай! — успокоил его Анатолий, обратив внимание на нескрываемое беспокойство в лице товарища. — Это у меня произошел конфликт с Корейкиным. Вот он и отправил меня на этот пост до тех пор, пока меня здесь не убьют или тяжело ранят. Так прямо и сказал, — объяснил он ему причину своего появления на передовой.

— Ничего себе! — удивился такому решению командира взвода Маршенко. Сам он перевел дух, узнав истинную причину его смены на посту. — Ну и ну! — покачал в недоумении головой Тихон. Кому, как не ему, знать, что такое пробыть здесь только положенные двое суток.

— А где Колесниченко? — спросил о напарнике Дружинин. — Отдыхает с ночной смены?

— Да. Если можно назвать это отдыхом. Видишь, как немец давит? — махнул он головой в сторону немецких позиций: — Вот так с утра и до поздней ночи. Не знаю, Толя, как это будет выглядеть, если тебя тут без смены держать, — пожимал плечами в недоумении Тихон.

— Ладно, надеюсь, как-нибудь выдержу, — вздохнул Анатолий, — ты отправляйся. Чего тебе тут судьбу лишний раз испытывать? Считай, ты пост сдал, а я его принял, — усмехнулся Дружинин.

— И то правда, — вздохнул Тихон, поправляя вещмешок и карабин. — Давай, Толя, счастливо тебе оставаться, — протянул он руку и крепко обнял друга. — Дай бог, чтобы все обошлось и ты остался живым и здоровым. До встречи, дружище.

Узнав о конфликте Дружинина с командиром взвода, пехотинцы и однополчане первые дни, шутя, посмеивались над ним. Мало ли, с кем не бывает. Ну погорячился офицер... Потом образумится, поймет, что в порыве гнева несправедливо поступил с подчиненным, да и, как положено, на третьи сутки пришлет замену. Но этого не произошло.

Полки дивизии в этот период вели упорные бои с противником на высотах с отметками двести девяносто четыре и четыреста пять в районе населенного пункта Сталашка. Немцы ежедневно предпринимали отчаянные попытки контратаковать наши стрелковые полки, пытаясь отбить высоты. Вражеская пехота силою от ста пятидесяти до двухсот солдат по четыре-пять раз в сутки при поддержке танков и артиллерии пыталась потеснить наши боевые порядки. Бои шли целыми днями, с утренних часов и до наступления темноты. Над полем боя стояла сплошная стена пыли, огня и дыма. В ночное время траншеи и блиндажи периодически подвергались беспокоящим артминометным обстрелам. Так волею судьбы Дружинин оказался на самом остром переднем крае нашей обороны.

Высота с отметкой четыреста пять была самой горячей точкой. Немцы регулярно пытались захватить эту преобладающую над местностью высоту. Она вся была перепахана воронками. Протягивая связь, Анатолий исползал все ее склоны, которые были сплошь, как щебнем, устланы осколками от мин и снарядов. Устранять обрывы приходилось так часто, что он вслепую мог найти любой участок этой высоты в любое время суток.

* * *

Траншеи боевого охранения Тысяча сто шестьдесят седьмого полка проходили по краю фруктового сада. Здесь, у отдельно стоящего дома, на расстоянии пятисот метров в направлении на юго-восток от села Суховоля по ночам

бойцы вели земляные работы, оборудуя в районе боевого охранения наблюдательный пункт. Чтобы скрыть от противника появление такого сооружения, землю в плащ-палатках приходилось вытаскивать далеко за пределы будущего блиндажа. Сам блиндаж готов еще не был, но траншеи для работы с приборами оборудовать успели. Весна, как на грех, в этот раз выдалась холодной: утренние дымки днем менялись грозowymi дождями. Пятнадцатого апреля погода, как капризная дева, вот уже несколько раз за день меняла свое настроение: то небосвод затягивало тучами, то светило солнце, согревая землю весенними лучами, то вновь небо хмурилось и после раскатов грома шел дождь. Переменная облачность не давала воздуху прогреться выше десяти градусов. Во второй половине дня на наблюдательный пункт вместе с комбатом стрелкового батальона и командиром своего огневого взвода, младшим лейтенантом Горелкиным, прибыл Лобзанов.

Абрам Горелкин — совсем еще мальчишка, энергичный и неутомимый; он не находил себе места, пытаясь вникнуть во все дела, которые происходили на передке. Анатолий смотрел на молодого офицера, и что-то не увязывалось в его сознании. «Уж больно нескладен этот младший лейтенант, не подходит для такой должности. Ведь он совсем еще ребенок, а его в армию призвали», — ухмыльнувшись, подумал Дружинин.

Мелкий морозящий дождь, последовавший после раскатов грома, испортил Анатолию настроение. «Сегодня уже пятнадцатое апреля, а холодно, как в марте, — негодовал он. — И этот пацан чего еще тут делает, ну вот какой из него офицер?» — ежась от сырости, размышлял Анатолий, глядя на неуклюжего юношу, чья чистая и нежная кожа лица еще не знала бритвы.

Детский взгляд задорных, озорных глаз Горелкина высматривал что-то загадочное, интересное. Он был больше похож на любопытного ребенка, нежели на командира. У прибо-

ров, обсуждая с комбатом детали предстоящей операции, капитан Лобзанов набрасывал на карту схему ориентиров; периодически посматривая на младшего лейтенанта, он старался не выпускать его из вида, как заботливый родитель, опекающий своего младенца.

— Соедини меня с Тайгой, — не отрываясь от приборов, обратился к связисту капитан и протянул ему руку. Телефонист оперативно вызвал на связь разведчика, передавая трубку Лобзанову.

— Ориентир номер пять — большой разбитый дом на холме — видишь? — задал он вопрос, пребывая в заметном напряжении. — Внимательно понаблюдай! Мне показалось, что там есть какое-то движение, — наказал капитан, продолжая работу.

Произнесенные командиром дивизиона слова так заинтересовали Горелкина, что он, мечась по траншее и сгорая от любопытства, определенно захотел увидеть все собственными глазами. Но у стереотрубы работал командир, и мешать ему не следовало. А другого способа рассмотреть, что происходило возле ориентира номер пять, не было.

Скорый дождь перестал моросить так же внезапно, как и начался. Из-за туч выглянуло солнце, освещая окрестности ярким светом. Горелкин прошел несколько метров по траншее назад, высматривая удобную позицию. Пренебрегая безопасностью, он поднялся из-за бруствера в полный рост и стал наблюдать за боевыми порядками противника в свой полевой бинокль.

— Товарищ младший лейтенант, — обратился к нему Дружинин, — вы подвергаете себя опасности! Не стоит так рисковать, здесь может работать снайпер, — предупредил Горелкина Анатолий, наблюдая, как он беспечно ведет себя на передке.

— Товарищ командир!.. Вам что, жить надоело? — дергая за рукав, пытался вразумить его полковой разведчик.

— Я быстро... Я только одним глазком, — ответил тонким голосом Горелкин, сгорая от нетерпения.

Какое-то дурное предчувствие овладело Дружининым, когда он увидел этого еще не обстрелянного в боях мальчишку, беспечно подставлявшего себя под вражеские пули. В его несформировавшемся характере еще была детская наивность, с которой несколько месяцев назад прибыл сюда и сам Дружинин. Блеснув на солнце линзами своего бинокля, он привлек внимание вражеского снайпера. Едва слышный выстрел немецкого карабина грянул с юго-западного направления. Голову молодого офицера резко отбросило назад, фуражка слетела, и его тело, опрокинувшись, стало опускаться на дно траншеи.

— Товарищ младший лейтенант!.. — с сожалением крикнул Анатолий, и вместе с Лобзановым они бросились к нему, лелея в себе надежду, что есть еще возможность его спасти. Но надежды не оправдались. Снайперская пуля не оставила мальчишке шансов.

— Эх, Абрам, Абрам! Ну что же ты наделал?! — в бессилии закричал капитан, поднимая со дна траншеи безжизненное тело Горелкина. — Ведь я как чувствовал, что с тобой что-нибудь случится, потому и не хотел тебя с собой брать. Ну что же ты, брат, себя так глупо под вражескую пулю-то подставил? А?! — качал головой Лобзанов. — Не уберег я тебя, парень... прости, — укорял себя он, закрывая ладонью глаза младшего лейтенанта. — Ну что я твоей бедной матери напишу?

Жизнь этого парня оборвалась в самом ее расцвете. Все произошло так глупо, так беспечно, что Анатолию как-то стало неловко оттого, что не смог найти какие-то более подходящие слова, которые могли бы остановить парнишку. Но что он мог еще сделать?..

Середина апреля. Весна набирала обороты. В частях дивизии разразилась эпидемия сыпного тифа. Все больше солдат стали отправлять в госпиталь с симптомами этого забо-

левания. Командование срочно стало принимать меры по борьбе с инфекцией. Приказом командира полка усилился контроль санитарной службы. Было предписано весь личный состав помыть, постирать белье и личное обмундирование. В срочном порядке стали проводить дезинфекционную обработку личного состава, для дезинфекции обмундирования использовались жаровые камеры. Весь личный состав из жилых домов перевели в полевые землянки. В течение десяти дней всем сделали противотифозные прививки. Своевременно принятыми мерами разразившуюся эпидемию удалось остановить достаточно быстро.

Ранним утром восемнадцатого апреля на наблюдательном пункте появились полковые разведчики Кузнецов, Бейтурсиков и начальник разведки первого дивизиона с группой своих офицеров и разведчиков.

— Здорово, связь! Ну что, Толя, я думаю, что ты, находясь безвылазно на передке, знаешь о боевых порядках противника лучше нас, — смеялся Кузнецов, здороваясь с Анатолием.

— Здорово, Николай Петрович, — смеялся Дружинин, радуясь появлению друзей. — Шестые сутки сегодня, как из траншей боевого охранения не вылезаю, — сообщил он, поприветствовав офицеров.

— Совсем озверел твой командир взвода! — негодовал Бейтурсиков. — Он что, решил эксперимент устроить — выживешь ты здесь или нет?..

— Ты что, здесь шестые сутки без смены?! — удивился Кабиров, услышав слова Бейтурсикова. — Здесь же передовая!.. Корейкин что, с ума сошел?! — удивился старший лейтенант решению командира взвода связи.

— Напарников меняют, а меня нет. Он мой командир взвода — ему виднее, — смирившись со своей участью, вздохнул Анатолий.

— Да! Ну и порядки у вас во взводе, — покачал головой Кабиров.

Разведчики расположились на наблюдательном пункте и приступили к работе. Припадая к линзам стереотрубы, они вели наблюдение за позициями врага, по очереди меняясь у приборов. Обновляя данные огневых точек противника, офицеры и сержанты заносили их себе на карты. Прошло более половины дня, солнце заметно сдвинулось на запад. Когда Анатолий передавал по телефону в штаб полка данные, которые диктовал ему Кабилов, над блиндажом просвистел снаряд. Начался артналет. Разбуженный разрывами снарядов, поднялся с настила напарник Дружинина Колесниченко.

— В душу мать!.. — сыпал проклятия в адрес противника Николай, сидя на земляном выступе. — Поспать не дадут, сволочи, — бурчал он спросонья.

Снаряды один за другим перепыхивали траншеи боевого охранения. Люди, прячась в укрытиях, вжимались в землю. Блиндаж наблюдательного пункта трясло. Из-под щелей накатов на голову тонкими струйками сыпался песок. Анатолий закончил передачу данных и стал прислушиваться к разрывам. Колесниченко перешел ближе к выходу. Вытягивая шею, Николай выглядывал из дверного проема, сжимая в коленях свой карабин.

— Что-то слишком близко от нашего блиндажа немец бьет, — беспокоился Кабилов...

Едва он успел произнести эти слова, как с грохотом и яркой вспышкой очередной снаряд разорвался на бруствере. Взрывной волной Дружинина отбросило в противоположный угол блиндажа. Следом прямо на него попадали офицеры дивизиона и Колесниченко, придавливая его к земле весом своих тел. Солдат и сержантов разведки раскидало по блиндажу. Помещение наполнилось удушливым дымом и пылью. Доски траншеи и несколько бревен наката вырвало из земли, изрешетив осколками. Вход завалило разбитыми бревнами, досками и землей. Стереотрубу и большой бинокль разбило напрочь. Изувеченная разрывом снаряда

тренога наблюдательного прибора, перемотанная обрывками маскировочной сети, лежала у входа в блиндаж.

Анатолий стал выбираться из-под груды тел. На нем ни царапины, только слегка болит затылок. Задыхаясь от дыма и пыли, он разобрал засыпанный наполовину вход и стал поднимать офицеров; в блиндаже нечем было дышать. Люди, приходя в сознание, стонали. Первый от контузии оправился Колесниченко:

— Ничего себе шархануло меня! — удивился он, трясая головой.

— Коля, ты как, в порядке? — спросил Анатолий, вытаскивая его наружу.

— Ничего. Нормально. Только уши немного заложило, — жаловался Николай, похлопывая ладонями по ушам.

Оправившись от легкой контузии, Колесниченко стал помогать Анатолию выносить офицеров в траншею. Осколочных ранений у них не было; ударом взрывной волны все были контужены. Обстрел продолжался. Разрывы сотрясали землю. На голову сверху то и дело сыпались комья земли. Разведчики все, как один, получили осколочные ранения.

— Сейчас, братцы, сейчас... — торопился Анатолий. Помогая раненым, он усаживал их по очереди вдоль стены траншеи. — Потерпи, сейчас я тебя перевяжу, потерпи, — успокаивал он каждого, оценивая степень ранения, чтобы начать оказывать помощь тем, у кого оно тяжелее.

«Слава богу, сильно никто не пострадал», — подумал Дружинин, начиная перевязывать разведчика дивизиона. У младшего сержанта сильно кровоточили раны на предплечье и на спине.

Первым из офицеров оправился от контузии Кабилов.

— Что тут произошло? — со стоном в груди спросил офицер, приходя в сознание.

— Снаряд, товарищ старший лейтенант, на наблюдательном пункте взорвался. Вас контузило, — пояснил Анатолий, перевязывая руку разведчику.

Колесниченко стал накладывать бинт на кровоточащую шею Бейтурсикова. Гулко ударил рядом очередной снаряд. Стены траншеи сильно тряхануло, и сверху опять посыпалась земля.

— Где моя фуражка? — бормотал Борис Токаевич, хватаясь за голову.

— Там, в блиндаже лежит, — указал рукой Анатолий.

Опираясь о стенки траншеи, Кабиров стал медленно подниматься. Вслед за Кабировым в себя стал приходить лейтенант Гуськов. Кряхтя, со стонами, он, хватаясь за голову, пытался встать на ноги. Подбородочный ремень прочно удерживал на его голове офицерскую фуражку. Лицо лейтенанта искажено от боли, мутные глаза в недоумении полужакрыты тяжелыми веками. Пошатываясь из стороны в сторону, он по траншее направился обратно в блиндаж.

Из офицеров Новиков от взрыва пострадал больше всех. Очнувшись, он долго мучился от головной боли, его тошнило. Сделав перевязку раненым, Анатолий вместе с Колесниченко стал заниматься связью. Телефон лежал на дне траншеи, засыпанный землей. Осколками перебило не только полевой провод, но и кабель, идущий от аппарата к трубке. Николай поднял телефонный аппарат, стряхнул с него песчаный грунт и поставил его на снарядный ящик. Зачистив провода от изоляции, он соединил концы и наспех стал их изолировать. Анатолий восстанавливал оборванную взрывом линию. Через несколько минут связь была восстановлена. Кабиров с трудом доложил в штаб полка о разрыве снаряда на наблюдательном пункте, а также о ранениях бойцов, контузии офицеров и разбитых приборах. Через час Кабиров и разведчики удалились, Дружинин и Колесниченко остались одни.

Прошло более десяти дней, как Анатолий бессменно находился на передовой, в самой гуще ожесточенных боев. Он уже не мечтал выбраться отсюда живым. Ведь именно здесь была самая горячая точка, здесь происходили все самые

ожесточенные схватки с противником. Как правило, вражеская разведка, свержая в ночное время вылазки, именно с переднего края брала «языков». Здесь было беспокойно и днем и ночью. В таких условиях уже на пятые сутки даже у самого стойкого могли не выдержать нервы. Наряды пехотинцев, артиллеристов, разведчиков и связистов, как положено, менялись — бессменным оставался только Дружинин. Когда срок его пребывания на передовой затянулся, люди стали ему сочувствовать.

* * *

К концу апреля активность противника заметно снизилась. Враг, исчерпав свои возможности контратаковать, перешел к жесткой обороне, накапливая силы и средства. По всей линии фронта наступило некоторое затишье. Лишь изредка разведывательные группы противника прощупывали боевые порядки дивизии. В полосе нашей обороны полным ходом начались инженерные работы. Отрывались в полный профиль траншеи, ходы сообщений, строились прочие инженерные сооружения полевого типа. Двадцатого апреля подполковника Даветьяна перевели в штаб Тринадцатой армии; офицеры и бойцы полка ждали назначения нового командира. Двадцать пятого апреля к обязанностям командира Семьсот девятнадцатого артполка приступил майор Василий Фёдорович Лопаткин. Начал службу майор с проверки личного состава и подготовки оборонительных рубежей, чем вызвал переполох во всех подразделениях. Вечером этого же дня Лопаткин собрал всех офицеров в штабе и после традиционных приветствий и короткого знакомства устроил им настоящую взбучку.

— Итак, товарищи командиры... на чистоте и оформлении документации в штабах дивизионов я заострять внимание не буду. Начальники штабов, надеюсь, примут к сведению мои замечания, сделанные непосредственно при проверке, — начал свою речь майор, окидывая стро-

гим взглядом собравшихся офицеров полка. — Хотелось бы поговорить о более важном. Что можно сказать по огневым позициям — лично у меня очень много нареканий. Так вот! Инженерное оборудование огневых позиций в батареях надо отметить, оно не то чтобы плохое — оно очень плохое! На каждую батарею выкопано только по одной землянке с перекрытием всего в один накат. И это для всего личного состава. Вы что, за своих людей в подразделениях совсем не беспокоитесь, товарищи командиры?! — возмущался майор. — Это не укрытие! Это теремок! Крыша которого только от дождя может спасти солдата, но не от вражеского артобстрела или авианалета. Вы что, первый день на фронте и не знаете, во сколько накатов должны быть такие полевые укрытия? Меня просто поражает такая расхлябанность и безответственность как со стороны командиров батарей, так и со стороны партийного руководства!

Орудийные окопы — всего двадцать сантиметров глубиной! И самое главное, в них не обеспечен горизонтальный обстрел хотя бы на девяносто градусов. Вы что, совсем с ума посходили?! Часть погребков для боеприпасов расположена преступно близко от орудий: всего на расстоянии пяти метров! И их перекрытия, кстати, также в один накат. У нас что, проблемы с лесом?! — продолжал негодовать Лопаткин, справедливо укоряя командный состав. — Боеприпасы не сортируются! На огневых позициях грязно! Маскировка отсутствует! Первое впечатление создается такое, что ты находишься не на боевой позиции, а на базаре. Вас что, давно немецкая авиация не бомбила?! С таким отношением к служебным обязанностям вы рано или поздно дождетесь полного уничтожения и материальной части, и личного состава. Вы что, не понимаете, что своим бездействием и преступной халатностью подвергаете и себя, и личный состав смертельной опасности?! Материальная часть на позициях грязная, за орудиями абсолютно никто не ухажива-

ет! Да что там орудия! Личный состав больше похож на цыганский табор, чем на воинское подразделение. Внешний вид большинства солдат и сержантов отвратительный! Строевая выправка плохая! Обмундирование рваное, нестираное, обувь не чистится! Много сержантов и красноармейцев нестрижены, небриты! Присутствуют даже те, кто не умывается. Это что?! Вы хотите сказать, что это боевой артиллерийский полк?!

Теперь что касается транспорта. Машины также стоят грязные, не закопаны! Находится транспорт в пятидесяти метрах от орудий. Вы что, товарищи офицеры, на боевых позициях совсем не бываете, если допускаете такие преступные нарушения? Кузова машин захламлены всяким барахлом! Шоферы недисциплинированны, вместо того чтобы привести автомашины в надлежащее состояние, они спят и бездельничают! Конский состав также не зарыт, уход за животными плохой! Ездовые — под стать шоферам, вместо того чтобы заняться делом, слоняются по позициям. Безобразие! Так вот, — Лопаткин, как обычно, по-военному поправил форму и, выправившись, продолжил: — на основании проведенной мною проверки приказываю: произвести проверку документации в штабах дивизионов и немедленно исправить все замечания. Огневые позиции оборудовать в полном соответствии с требованиями инженерного долга: глубина окопа — восемьдесят сантиметров. Брустверы — по величине окопа. Щели на флангах окопа — глубиной полтора метра с перекрытием в три — четыре наката, врытые в землю. Концы выпускать на полтора — два метра. На каждое орудие иметь не менее двух погребов с перекрытием в три — четыре наката. При оборудовании огневых рубежей предусмотреть поворот фронта батарей на сто восемьдесят градусов.

Блиндажи для отдыха расчетов отрыть на удалении сорок — пятьдесят метров сзади или на флангах от орудий с перекрытием в три — четыре наката.

Все сооружения должны быть соединены между собой ходами сообщений глубиной в один метр.

Обратить особое внимание на маскировку и скрытость путей подъезда к огневым позициям. Боевым взводам изучить стрельбу прямой наводкой бронепрожигающими снарядами.

Вычистить и закопать автомашины под нижний срез кузова в трехстах — пятистах метрах от огневых позиций. Также закопать конский состав.

Привести в порядок внешний вид и починить обмундирование личного состава. Построить весь личный состав и провести занятия по строевой подготовке.

Устранить все вышеуказанные недостатки до седьмого мая текущего года.

Весь офицерский и рядовой состав с утра следующего дня принялся устранять все погрешности на огневых позициях. Получив замечание от командира, люди стали приводить в надлежащий вид свое обмундирование. В подразделениях полка кипела работа. Требования нового командира были жесткими, но справедливыми. Каждый это понимал, и тех, кто роптал на тяготы воинской службы, не было. Люди действительно после ожесточенных боев несколько ослабились, а на фронте за такие ошибки дорого платят: десятками, а то и сотнями человеческих жизней.

* * *

Дружинин сидел в траншее наблюдательного пункта, листая страницы своей тетради. Сегодня он отметил четырнадцатый день своего пребывания на передовой. Среди записей скорым почерком на помятых листах были записаны стихи Есенина, которые по памяти продиктовал ему Лёшка Лаврушин. Анатолий перевернул очередную страницу и стал читать певучие строки знаменитого автора:

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг...

Не успел Дружинин дочитать следующее четверостишие, как над ним нависла тень фигуры Топчак.

Ваня Топчак родом из Украины, Каменец-Подольской области. Светловолосый, с теплыми голубыми глазами. Ростом выше среднего, широк в плечах. Это второй в полку после Маршенко богатырь. Телефонная трубка в его пудовом кулаке смотрелась как игрушечная. Ваня был прямым, открытым и жизнерадостным человеком. Если он смеялся, то смеялся от души, заражая окружающих своим искренним заливистым смехом.

— Ну здорово, дружище! Как ты тут, живой? — улыбнулся Иван, протягивая руку. После долгой разлуки друзья крепко обнялись. Его появлению Анатолий был и рад, и удивлен.

— Совсем озверел наш Иосиф Захарович. Отправил тебя в самое пекло на две недели и не меняет. Про тебя, Толя, уже слухи пошли не только среди солдат, но и среди офицерского состава, — возмущался поступком Корейкина Иван. — А нам нового командира полка назначили. Хотя что я тебе про это рассказываю, связь-то со штабом у тебя постоянная. Представляешь... вчера наш новый командир так отчитал весь офицерский состав, что теперь в полку переполох, как после пожара. Вот тут наш Ёсик задом-то и закрутил, — покачивал ладонью Иван, — неизвестно же, как на его произвол новый Батя отреагирует. Вдруг командир от посторонних узнает, что он своего бойца бессменно на две недели на передовую забросил? И что тогда? Вот он и забздел. С самого утра команду Тёмину дал, чтобы тебя сменили.

— А ты знаешь, Ваня, не пойду я с поста, — после короткой паузы вдруг заявил Дружинин. — Корейкин же, когда

меня сюда отправлял, что приказал? Быть на посту до тех пор, пока меня не убьют или тяжело ранят, — это его слова? Его. А как видишь — я живой и даже не ранен. Значит, буду продолжать дежурство до смерти или до ранения, — пояснил Анатолий. — Ты не сердись, Ваня, ты тут ни при чем. Доложи, как положено, по телефону в штаб, что ты на пост прибыл, и про то, что я тебе этот пост не сдаю, тоже доложи. А будет Иосиф Захарович распоряжения давать — я с ним сам поговорю. И разговор у меня с таким командиром будет короткий, — не без обиды сказал Дружинин.

— Может, не стоит, Толя, тебе так горячиться? Ну самодур наш взводный — это понятно. Только зачем тебе лишний раз голову под пули подставлять? И так каждый день под смертью ходим, — пытался успокоить его Топчак.

— А вот пусть он слово свое офицерское и сдержит. Сказал, что не снимет меня с поста, так пусть выполняет свои обещания.

Топчак такого поворота событий не ожидал, хотя и понимал, что за это время у друга на душе накопилось. Сколько ему пришлось здесь пережить и передумать — шутка ли?! Несколько минут они сидели в полном безмолвии. Каждый думал о своем. Потом Иван покачал головой и, как будто соглашаясь со сказанными Анатолием словами, подошел к телефону.

— Днепр, я Дон, дай трубку десятому, — вызывал Иван через связистов штаба полка на связь Корейкина. В штабе лейтенанта не оказалось, оставалось ждать, когда он появится, чтобы доложить ему о положении на посту.

Противник активных действий не вел, поэтому можно было без напряжения пообщаться. Чтобы как-то разрядить обстановку, Иван скинул свой вещмешок и стал развязывать затянутый узел.

— Давай-ка, Толя, мы с тобой сальца американского отведаем. Мне тут наш старшина выделил, когда на пост провозжал, — улыбаясь, предложил Топчак. — А то мы что-то все

о службе да о службе. А на пустой желудок, это я тебе с полной ответственностью могу заявить, серьезные дела не решаются! — шутил он, игриво подталкивая плечом Анатолия. — А ну-ка, давай, хозяин, накрывай стол! — смеялся Иван, доставая из недр своего сидора хлеб и сало.

От сердца Дружинина немного отлегло. Ваня был настоящим другом; понимая состояние своего боевого товарища, он старался как-то растопить его заледеневшую душу.

— Веселей смотри на жизнь, Толя! Разве могут нас сломить козни каких-то бездарных командиров?! Надо как следует подкрепиться! А потом можно будет и о делах насыщенных поговорить!

Прямо здесь, в траншее, они разложили на старой плащпалатке незамысловатый харч, и Ваня своими сильными руками стал ловко нарезать толстое американское сало. Он незаметно, но сознательно перевел разговор на жизнь довоенного периода; ударившись в воспоминания, друзья с аппетитом стали есть заграничное сало с серым солдатским хлебом. Анатолий, забыв про конфликт с командиром и ту обиду, которую он ему причинил, теперь захлеб рассказывал о том, как он работал до войны учеником телефониста в своем поселке. Взгляд его снова затеплился радостью. За разговорами незаметно прошло около часа, когда телефон загудел тугим зуммером. Трубку поднял Анатолий. На другом конце провода он услышал знакомый голос своего командира взвода. После сухих приветствий Корейкин задал вопрос:

— По какой причине меня вызвали на связь?

— Не прошло и двух недель, товарищ десятый, как вы прислали мне замену. Но смею напомнить, что вы приказывали мне быть на посту до тех пор, пока меня не убьют или тяжело ранят. Так вот, я еще жив и пока не ранен. А это значит, что я и дальше должен оставаться здесь, на передовой. И впредь не утруждайте себя лишними хлопотами. Можете кому угодно докладывать о моих действи-

ях — я с поста не уйду, буду до конца исполнять ваш приказ.

— Вы, товарищ Дружинин, что там, с ума сошли?! Я вам приказываю: немедленно сдайте пост Топчаку и возвращайтесь в полк!

— Совершенно верно, товарищ десятый. Я за две недели пребывания на передовой с ума здесь сошел! Поэтому одни и те же слова по нескольку раз вам повторять не намерен. Я остаюсь на посту! Конец связи! — резюмировал свое решение Анатолий и положил трубку.

Но гнева, обиды или ненависти после душевного разговора с Топчаком он к командиру уже не испытывал. На душе, наоборот, было как-то радостно. Именно Ваня Топчак вдохнул в него энергию, которая теперь эту ситуацию превратила в некую игру. Анатолий перестал чувствовать себя проигравшим или, хуже того, униженным. Это Корейкин своими действиями поставил себя в неловкое положение перед командованием полка; теперь уже ему нужно было как-то выходить из сложившейся ситуации, чтобы не быть наказанным. И действительно, если для Дружинина эти обстоятельства превратились в некую игру, то Иосифу Захаровичу было далеко не до забав. Чем дольше затягивалось пребывание Дружинина на передовой, тем больше у него могло возникнуть проблем с командирами. Этот вопрос надо было как-то решать, и чем быстрее, тем лучше.

Немного задумавшись над создавшимся положением, Корейкин пошел к начальнику связи полка. Ему на счастье, Павел Михайлович оказался в кабинете один. Поприветствовав своего непосредственного командира, Иосиф Захарович спросил разрешения войти.

— Товарищ старший лейтенант! У меня во взводе один из телефонистов противится моему приказу: не хочет покидать пост, — заявил Корейкин, изображая крайнее возмущение.

— Как это — не хочет покидать пост?! А как фамилия красноармейца? — удивился Французский, откладывая документы.

— Рядовой Дружинин вот уже вторую неделю остается на посту и сегодня в очередной раз отказался от смены. Я сначала не беспокоил вас по такому пустяку и не ставил в известность. Но прошло уже две недели, а это уже выходит за все рамки. Сами понимаете... — сконфуженно заявил лейтенант. — Кстати, я уже не первый раз сталкиваюсь с неуставными отношениями со стороны этого бойца к своим непосредственным командирам. Да и его отношение к своим служебным обязанностям могло быть лучше. А сегодняшней очередной отказ меня просто возмутил! Я отправил ему на смену Топчака, а он не хочет покидать пост, — нагло лгал Корейкин, стараясь скрыть свою причастность к происходящим событиям.

— Дружинина я знаю как хорошего связиста и достаточно исполнительного. На него наградной лист уже подписан и отправлен в штаб дивизии о представлении его к ордену Красной Звезды. Это же он с Ротмасом на высоте четыреста пять отличился? И именно Прокофий Митрофанович настаивал на представлении его к награде. Мы же вместе с вами подписывали эти документы, и у вас тогда претензий к нему не возникало. Так что изменилось с того времени?.. — не понимая происходящих событий, спросил Французский.

— Я, товарищ старший лейтенант, уже исправил свою ошибку. Позже мне пришлось связаться со своим товарищем из штаба дивизии и похлопотать, чтобы Дружинина не орденом, а всего-навсего медалью «За отвагу» наградили. Хотя для него и этого много будет, — неожиданно заявил Корейкин.

— Как это вы связались?.. О чем вы говорите?.. Я вообще ничего не понимаю, что тут происходит?! — в недоумении заявил Французский. — Хотя я сейчас сам с Дружининым

поговорю, — Павел Михайлович направился к телефонному аппарату.

Корейкин заметно нервничал, понимая, что после разговора с Анатолием старший лейтенант поймет, что на самом деле произошло.

— Ранее у меня с Дружининым состоялся неприятный разговор, две недели тому назад, — пытался он подготовить Французского к его предстоящей беседе с Анатолием. — Я, будучи взвинченным, может, и сказал в сердцах чего лишнего. Но не стоит же воспринимать мои слова так близко к сердцу, чтобы позволять вести себя так с командиром, — продолжал свою речь лейтенант, пытаясь оправдать свой поступок.

Французский поднял трубку и после дежурных фраз потребовал от Коробкова соединить его с постом, где находился Дружинин.

— Дон слушает, — отозвался на другом конце провода Анатолий.

— Здравия желаю, товарищ Дружинин. Почему вы отказываетесь выполнять приказ десятого и не покидаете пост? — требовал ответа старший лейтенант, стоя у телефонного аппарата.

— Здравия желаю, товарищ седьмой. Я исполняю предыдущий приказ товарища десятого, которым мне было велено стоять на посту, пока меня не убьют или тяжело ранят. Вот этот приказ я как раз и исполняю, — объяснил Анатолий свои действия.

Связь была отличной, и Корейкин, стоя рядом с начальником связи полка, отчетливо слышал в трубке слова своего связиста. Выслушав объяснения Дружинина, старший лейтенант повернул голову в сторону Корейкина и окинул его неодобрительным взглядом. Иосиф Захарович стоял в центре комнаты, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Я понял вас, — спокойно ответил Французский. — Теперь слушайте мой приказ: сдайте пост Топчаку и возвра-

щайтесь в полк, — велел командир, понимая, что Корейкин своевластием устроил эту напряженную ситуацию, а теперь пытается выбраться из нее сухим.

— Товарищ седьмой, я уважаю вас как офицера и как начальника связи полка, но этот приказ я выполнить не могу. Если мой непосредственный командир решил таким способом избавиться от меня, то я считаю своим долгом исполнить его приказ до конца: оставаться здесь до ранения или до своей гибели. Не обессудьте, товарищ седьмой. Как мною было отмечено ранее, к вам я отношусь исключительно с уважением. Но если товарищ десятый, устроив в своем подразделении произвол, считает, что он вправе выносить своему подчиненному приговор, подменяя функции военного трибунала, и до сих пор так ничего и не понял... то пусть хотя бы сейчас хорошо подумает над своим безрассудным поступком и найдет разумный способ, чтобы наладить наши взаимоотношения.

— Я вас понял, товарищ Дружинин. Вопросов у меня к вам больше нет. Конец связи, — закончил разговор Французский.

Понимая, что Анатолий настроен серьезно и от своих принципов не отступится, он положил трубку.

— Ну что, Иосиф Захарович?! Говорите, что так, ничего серьезного... Просто лишнего наговорили? — последовал вопрос к Корейкину. — Да как вы после того, что здесь натворили, посмели еще звонить в штаб дивизии и через своих каких-то знакомых отменять решения старших командиров? Что вы себе позволяете, Иосиф Захарович? Вы что, совсем рассудка лишились?! Да я вас самого под трибунал отправлю вместе с вашим знакомым из штаба дивизии! Кем он у вас там служит — писарем каким-нибудь или адъютантом?! Развели здесь кумовство, понимаешь!.. — негодовал Французский.

Из-за закрытых дверей комнаты, где располагался кабинет начальника связи полка, в течение нескольких минут

слышался назидательный монолог старшего лейтенанта. Корейкин стоял перед своим непосредственным командиром и, извиваясь, как уж на сковородке, робко пытался что-то сказать в свое оправдание. Хотя четко и ясно выразить свои мысли так и не смог.

— В общем, товарищ лейтенант, я скажу так! Вы эту кашу заварили! Вам ее теперь и расхлебывать. Как вы будете командир полка об этом докладывать и что вы будете ему говорить, меня не интересует. Но пойти и доложить Бате о конфликте со своим подчиненным лучше будет вам самому. Потому что если пойду я, то для вас это дело может закончиться намного хуже. Учитывая, что новый командир полка на службе шулки не шутит. Надеюсь, вам, товарищ лейтенант, все ясно? — глядя исподлобья, спросил Французский.

— Т-так точно! Все ясно! — заикаясь, ответил Корейкин, отдавая честь.

— О результатах своего визита к командиру доложите мне по форме. Всё! Можете идти, — подытожил начальник связи и принялся перебирать документы.

— Есть доложить! Разрешите идти? — обратился Корейкин с последними словами, но, не дождавшись ответа, как ужаленный выскочил из кабинета.

Через час с небольшим из штаба дивизии прибыл Лопаткин. Его визита и ждал, и в то же время боялся лейтенант Корейкин. Выбрав подходящий момент, когда майор освободился, лейтенант обратился к нему прямо на улице, излагая свою наспех придуманную версию о происшествии во вверенном ему взводе.

Весеннее солнце яркими лучами освещало сельские улицы и дома. В лучах яркого света на деревьях распускалась первая зеленая листва. Щурясь от солнца, Лопаткин смотрел на лейтенанта и внимательно слушал его доклад. Чем больше он вникал в суть дела, тем более недоверчивым становился его взгляд. Василий Фёдорович был опытным командиром и хорошим психологом. Он сразу понял, что из-за

неустановленных отношений произошел конфликт между красноармейцем и его командиром взвода и офицером, боясь последствий, скрывает истинную суть произошедшего. Но, слава богу, пока ничего серьезного не произошло. Эту ситуацию можно разрешить в считанные минуты.

— Достаточно. Можете не продолжать. Мне понятна суть вашего дела, — оборвал на полуслове Корейкина майор. — Значит, так! Вам, товарищ лейтенант, за самоуправство объявляю пять суток домашнего ареста с удержанием пятидесяти процентов жалования за каждые сутки ареста.

— Есть пять суток ареста, — сжимаясь от страха, ответил Иосиф Захарович.

— И если впредь с вашей стороны повторится нечто подобное, я вынужден буду применить к вам более жесткие меры, вам понятно? — строго спросил Лопаткин и посмотрел таким пронзительным взглядом, что у Корейкина затряслись поджилки.

— Так точно, товарищ майор! Понятно! — заверил командира лейтенант, довольный тем, что легко отделался.

— Кто из старших по званию офицеров пытался отозвать Дружинина с поста?

— Начальник связи полка старший лейтенант Французский. Но Дружинин и его приказ не выполнил! — постарался заострить на этих словах внимание командира Корейкин, выкручиваясь перед ним юлой.

— Правильно сделал. И я бы с поста не ушел, если бы меня таким образом туда отправил мой непосредственный командир, — поддержал решение Дружинина майор.

Лопаткин не стал заходить в штаб, а направился прямо в коммутаторную. Во второй раз за сегодняшний день службы Корейкин оказался в этом помещении. Приветствуя нового Батю, связисты встали.

— Садитесь, садитесь. Соедините меня с Доном, — велел совершенно спокойно майор. Коробков вновь вызвал пост Дружинина.

— Дон слушает, — отозвался Анатолий.

— Дон, тебя двадцать первый вызывает, — объявил ему Афанасий и передал трубку майору.

— Здравия желаю, товарищ Дружинин.

— Здравия желаю, товарищ двадцать первый.

— Я буду краток и не буду выяснять обстоятельства ваших отношений с товарищем десятым. Слушайте мой приказ! Передайте пост вашему товарищу и немедленно отправляйтесь в штаб полка. О своем прибытии доложите мне лично. Вам понятен мой приказ? — произнес твердым и решительным голосом Лопаткин.

— Есть прибыть в полк и доложить о прибытии, — подчиняясь приказу командира полка, ответил Анатолий. «С Батей не поспоришь», — подумал он и опустил трубку. — Ну что, Ваня! Принимай пост, дружище. Придется мне покинуть траншеи передовой. Майор самолично приказ отдал, — светился Дружинин, — да еще строго наказал, чтобы я по прибытии ему доложил. И это не наш Ёсик самолюбивый, а сам Батя, понимаешь?!

— Это понятно! На то он и командир полка, чтобы ему все подчинялись, — поддержал Анатолия Топчак. Иван был рад тому, что этот вопрос наконец-то благополучно разрешился. — Давай, Толя, отправляйся в полк. Хватит тебе вшей в окопах кормить. Ступай, отдохни от беспокойных дней да и ночей бессонных. Ну заодно и с новым командиром поближе познакомишься.

— А я, Ваня, если честно, уже настроил себя на погибель свою. И как-то, знаешь, не страшно уже стало. Умышленно под пули, понятное дело, я не лез, но и смерти уже не то что бояться перестал, а как-то этот страх притупился, что ли. Убьют, думаю, так убьют. Только уж сразу бы, без мучений или тяжелых увечий, чтобы не быть обузой близким.

— Я смотрю, Толя, ты все по заказу хочешь. Чтобы бах — и ты на небесах. Только заказов, как в ювелирной мастерской, на войне не принимают. Будь по-твоему —

все бы боеприпасы мимо нас пролетали. Кому хочется, чтобы его убило или ранило? Никому! От наших желаний здесь, на фронте, ничего не зависит, — вздохнул с сожалением Иван. — А я тебе так скажу! Забудь ты, Толя, об этих неприятностях! Махни рукой и забудь. Вот пройдет время, и ты будешь об этом жизненном эпизоде вспоминать с улыбкой. Ведь он уже сейчас за твоими плечами! Ты уже его пережил, — смеялся Ваня, придавая еще больше уверенности своему боевому другу. Обнявшись, они распрощались.

Ближе к трем часам, доложив о своем прибытии, Анатолий стоял по стойке смирно перед новым командиром полка.

Майор Лопаткин — мужчина лет сорока, среднего роста, брюнет с короткостриженными волосами, строен и крепок, с выправкой старого служаки. На висках серебрилась седина, в чертах лица — искренность и твердость. Он был заправлен и затянут ремнями по-военному, как многие командиры, с кем Анатолию не раз приходилось встречаться. Взглянув в пронзительно черные глаза, наполненные смыслом, Дружинин еще раз убедился в своих предположениях, мелькнувших у него ранее на посту: да, действительно, с таким командиром полка не поспоришь. Перед ним стоял решительный и волевой человек. Командиром он был требовательным и строгим, не терпящим халатности и нерадивого отношения к службе.

— Ну что, красноармеец Дружинин, жалобы на службу и на командиров имеются?

— Никак нет, товарищ майор. Жалоб нет.

— А как же по поводу ваших отношений с лейтенантом Корейкиным? Как я понимаю, вы не по собственному желанию две недели без смены на передовой находились? Вы же его приказ выполняли — не так ли? — глядя в глаза, требовал ответа новый командир полка.

— Так точно, товарищ майор, отправил меня на пост мой командир взвода Корейкин, но это была моя инициа-

тива остаться там на две недели. Я сам спровоцировал его отправить меня на такой срок. Не подумавши, решил похвастаться, что я и больше времени могу на передовой продержаться. Да еще и его офицерскую честь задел: сказал, что у него смелости не хватит отправить меня на передок на две недели, потому что он командиров боится больше, чем немцев. А кто после таких оскорблений сможет сдержаться, если эти унижительные слова сказаны ему из уст подчиненного? Вот так все и произошло. Это целиком и полностью моя вина. Вот теперь готов за это понести самое строгое наказание, — рассказал на одном дыхании придуманную байку Анатолий, не желая зла своему командиру взвода.

— Хорошая история, — улыбнулся Лопаткин, — вцепил бы я тебе пять суток ареста так же, как и твоему командиру, за эту околесицу, что ты мне здесь нагородил. Только ты уже наказан на целый год вперед. Да и люди мне больше по душе порядочные, нежели кляузники, которые по каждому поводу и без поводов доносы на всех строчат. Что, командира своего пытаешься оправдать? Понимаю! Так значит, говоришь, жалоб нет? — решил уточнить Лопаткин.

— Так точно, товарищ майор! Жалоб нет! — повторил свои слова Дружинин, понимая, что командир хоть и строгий, но справедливый. Повезло. Значит, и служить будет легче.

— Идите, товарищ Дружинин, отдыхайте, приводите себя в порядок и после отдыха — на службу! Бдительность нам терять нельзя ни на минуту. Расслабиться можно будет только после нашей окончательной победы над врагом. Правильно?

— Так точно, товарищ майор! Расслабимся только тогда, когда дойдем до Берлина. Разрешите идти?

— Идите, — отправил его Лопаткин, провожая своего бойца уважительным взглядом.

ПЕРЕДЫШКА

Пребывая в хорошем настроении, Пантелеймон Трофимович, насвистывая навязавшуюся ему с утра мелодию, пылил по накатанной колее, крутя баранку своего боевого «студебеккера». Дорога пробегала вдоль реки, к берегам которой подступал смешанный лес с множеством живописных опушек. К своему удивлению, на одной из таких он увидел знакомые лица.

— О! Лёшка Лаврушин, а вот и Ефим... — с веселой ноткой в голосе сами собой сорвались с языка слова, — вот так встреча! Неожиданно, но приятно, — подметил Тумаков, выкручивая руль влево. Только он, расплываясь в улыбке, обрадовался случайной встрече, как внезапно забарахлил двигатель; машина лихорадочно дернулась и заглохла.

— Это что за чертовщина?! — удивился Тумаков. Выжав сцепление, он попытался запустить двигатель, но тщетно, запускаться «иностранец» не захотел. Выругавшись с досады, Тумаков привычным движением отключил зажигание. И только он открыл дверцу кабины, как тут же попал в приветственные и теплые объятия друзей.

— Пантелеймон Трофимович! Как мы рады вас видеть! — торжественно воскликнул Лаврушин.

— Какими судьбами к нам?.. Нежданно-негаданно!.. Ну надо же!.. — посыпались ликующие возгласы. Радости внезапной встречи не было предела. Дружественно похлопывая по спине и плечам, его окружили Тёмин, Прусов, Коробков, Топчак...

— А где же Васька Солянок? Да и Лёни Дырявко я что-то не вижу, — поинтересовался Тумаков, окидывая взором собравшихся возле его машины людей.

— Не переживай, Трофимович, сейчас подойдут, — поспешил успокоить друга Трощенко.

— На речку пошли освежиться, — уточнил Лаврушин, махнув рукой в сторону реки, — сейчас, с минуты на минуту будут.

— А-а-а! Понятно, а то я уже переживать начал. Подумал: может, чего случилось? Тогда, с вашего позволения, пока они подойдут, я делом займусь, — решительно заявил он друзьям и, сняв с головы пилотку, заткнул ее за ремень. — Представляете, а у меня ни с того ни с сего мотор что-то забарахлил. Прямо вот здесь возле вас и заглох, — разводя руками, пожаловался Тумаков.

— Да?! А я и не заметил, — удивился Лаврушин.

— Так и я подумал, что ты сам его заглушил, — согласился с Лёшкиными словами Трощенко.

— Нет, товарищи, не сам... вопреки моей воле он замолчал, — возразил Тумаков. Засучивая рукава гимнастерки, Трофимович в сопровождении друзей направился к моторному отделению своей машины.

— Так! Сейчас поглядим, что тут произошло, — прокричал Тумаков, забираясь сначала на бампер, а потом на крыло своего «студебеккера». Задрав капот и раскрутив барашки, он снял боковину и передал ее Лаврушину, чтобы тот отложил деталь в сторону. Еще несколько минут, бурча и покрывкаявая, Тумаков ковырялся в недрах моторного отсека.

— Что же тут могло произойти?.. — бормотал он, шипя и чертыхаясь, когда обжигал руки о горячие детали двигателя.

— А... ну вот она, причина! — торжествующе воскликнул Трофимович.

Он вынырнул из-под капота и сияющими от радости глазами посмотрел на стоящих рядом с машиной друзей.

— Представляете?! Осколком провод, идущий на катушку зажигания, перебило, он едва держался, пока на ухабинах да кочках окончательно не оборвался, — удивляясь произошедшему случаю, сообщил Трофимович.

— Так когда это тебя так звездануло? — поинтересовался не менее удивленный Лаврушин.

— Вот и дело в том, Лёша, что было это еще в начале апреля, когда бои ожесточенные шли! А окончательно провод вот только сегодня и оборвался. Будь провод послабее — и я, Лёша, вместе с гаубицей остался бы тогда живой мишенью на глазах у фрицев, пока нашел бы причину и исправил ее. А так — видишь?.. Не подвел меня «студер». Молодец! Люблю я его за это, — восторженно и с уважением к своей машине выразился Тумаков, поглаживая «студебеккер» по облицовке.

— Ты, Трофимович, еще поцелуй его в радиатор, — засмеявшись, посоветовал ему Троценко, наблюдая трогательную картину.

— А ты не смейся, Ефим, я иногда его и целую, когда он меня прямо из огневого ада, как ангел небесный, на крыльях вытаскивает, — совершенно беззлобно упрекнул Тумаков своего друга за насмешку.

— Это я, Пантелеймон Трофимович, шутя! Я своих лошадок сам порой и лелею, и выцеловываю, когда они меня от смерти неминуемой спасают. За такие благие дела и к живой тварине, и к технике с любовью относиться надо.

— Вот это ты, Ефим, точно подметил, — подняв указательный палец вверх, согласился с другом Тумаков, заканчивая при этом скрутку зачищенных концов оборванного провода.

— Что-то долго ты, Трофимович, копаешься, — в шутку упрекнул его за нерасторопность Лаврушин, — стареешь, что ли?!

— Ладно тебе, Лёша! Тоже скажешь — старею... Силенка пока еще есть! — усмехнулся Тумаков, заматывая изоля-

цию. — Все уже готово, — сказал он и, соскочив с бампера, забрался в кабину. — Сейчас проверим... — озорно подмигнул Тумаков в знак того, что на многое еще способен.

Повернув ключ зажигания, он выжал педаль сцепления, надавив при этом ногой на кнопку запуска стартера. Рыкнув, Hercules послушно запустился, ровно работая своими шестью цилиндрами. Тумаков расплылся в улыбке:

— Что и требовалось доказать! — воскликнул он, довольный, что сравнительно быстро удалось устранить неисправность. Сияя от радости, он заглушил двигатель и, выйдя из кабины, закрепил снятую ранее боковину моторного отсека. Еще раз по-хозяйски Трофимович осмотрел моторное отделение, закрыл капот и для уверенности проверил надежность его фиксации. В знак благодарности за верную службу он еще раз ласково похлопал свой «студебеккер» по крылу.

Его ухоженная с виду машина, поставленная по ленд-лизу, была изрядно посечена пулями. Множественные осколочные пробоины в деревянных бортах, на дверцах кабины и на капоте лишней раз свидетельствовали о том, в каких переделках пришлось побывать и технике, и ее хозяину. И как бы ни был тяжек ратный труд, за своей машиной Трофимович ухаживал, как за любимой женщиной. Регулярно производя осмотры, необходимый ремонт и обслуживание, технику он содержал в идеальном состоянии. И, надо откровенно сказать, она отвечала ему взаимностью: никогда не подводила своего хозяина, даже в самые опасные минуты фронтовых будней.

Отмывая водой испачканные руки, Тумаков не заметил, как сзади к нему приблизились Солянок и Дырявко. Друзья, шедшие от речки по направлению к штабной батарее, не ожидали встретить здесь своего закадычного друга.

— Святые угодники! Кто к нам пожаловал?! — ликуя, воскликнул Солянок, увидев рядом с машиной своего друга.

— Пантелеймон Трофимович! Неужто вы собственной персоной к нам пожаловали?! — не менее восторженно воскликнул Дырявко.

Увидев подошедших друзей, Тумаков расплылся в искренней улыбке, на его гладко выбритых щеках проявились ямки. В щелках искрящихся глаз засветились радужные огоньки счастья.

— Одну минуту, товарищи. Позвольте, я закончу гигиеническую церемонию, а потом мы, как положено, поприветствуем друг друга, — обратился к друзьям Тумаков, сожалея, что не вовремя затеял туалетную процедуру.

Из-под крышки солдатской фляжки, положенной на подножку кабины, текла тонкая струйка воды, под которой Трофимович мыл на удивление изящные руки с длинными аккуратными пальцами. Невозможно было и предположить, что эти руки принадлежат простому шоферу. Не аристократу и не интеллигенту, не знающему тяжелого физического труда, а простому сельскому водителю из далекой Ворошиловградской области. Не только руки, вся внешность этого человека была необыкновенна.

Тумакову тридцать шесть лет, на фронт он был призван с самых первых дней войны. Третий год подряд Пантелеймон Трофимович крутил баранку своей машины по фронтовым дорогам, в любую погоду и в любое время суток доставляя артиллерийские орудия на огневые позиции полка. Это был стройный, подтянутый, интеллигентного вида человек. Он всегда бодр, выбрит, его подворотничок непременно свеж, гимнастерка и брюки как будто только что из стирки. В таком же идеальном состоянии Трофимович содержал и вверенную ему машину, чем заслуживал уважение и у командования, и у однополчан. Из общей массы солдат Тумаков всегда выделялся особой выправкой и аристократическими манерами, за что Солянок с друзьями величали его не иначе как Князь. Пантелеймон Трофимович принадлежал к тем открытым и чистосердечным людям,

с кем без труда можно было найти общую тему для приятного разговора. Его улыбка располагала к беседе, а сам Трофимович был прекрасным рассказчиком; ранее произошедшие события он описывал в таких ярких красках, что люди могли слушать его не отрываясь, как замороженные. Уместным было бы добавить и то, что этот совершенно необычный человек успевал перечитывать все фронтовые газеты, различные технические и художественные издания. Дружинин не переставал удивляться: где он мог находить разного рода литературу и когда при своей занятости успевал все это перечитывать? Но это было так. Несомненно, Васька Солянок был лучшим другом Трофимовича, да и у остальных связистов штабной батареи Тумаков всегда был желанным гостем. И если ему выпадала такая редкая возможность, он непременно спешил заглянуть к друзьям на душевный разговор.

Завершив водные процедуры, Тумаков повесил полотенце на дверную ручку кабины и теплыми объятиями стал приветствовать своих друзей.

— Давненько не виделись, давненько, — приговаривал Трофимович при рукопожатиях. — Простите, друзья, — служба. Уж очень занят был, братцы, да так, что и минутки не было, чтобы проведать вас, — оправдывался Тумаков.

— Ну что вы, Князь! Помилуйте. Оно понятно-с! — изображая сочувствие, соглашался Дырявко. В его голове уже созрела мысль организовать небольшой импровизированный спектакль. — Не откажете ли в нашем предложении пригласить вас, Князь, к нашему, так сказать, столу-с?! — шутовски раскланивался перед ним Лёня. — Мы тут своим взводом прямо на природе обед решили себе устроить-с. Может, откушаете с нами, ваша светлость?.. Если, так сказать, не побрезгуете-с? — особо акцентируя «с», предложил Дырявко, деликатно указывая на место, где расположились связисты. На освещенной ярким солнечным светом поляне стояли повозки, грузовики, сутились люди, стелился дым затухающего костра.

— Как я понял, господа, это вы-с, Василий Михайлович, обед приготовили-с?! — обратился Трофимович к другу. Обрадовавшись приглашению, он тут же вошел в роль.

— Как это вы-с, ваша светлость, сразу-то догадались?! — разводя руками, балагурил Васька. — Достаточно трудно было определить-с, кто мог выступить в роли повара. Кашеваров-то в нашем взводе пруд пруди — поди угадай, кто нынче кашу варил-с.

— Оно и понятно-с, что догадаться практически невозможно. Но вот, представьте себе, методом дедуктивного мышления определил-с! И чем, так сказать, Василий Михайлович, на сей раз... угощать изволите-с? — спросил с расстановкой Тумаков, гордо и властно запрокидывая голову.

— А к обеду, ваша светлость, нынче гречка с американской тушенкой томится. С милостью Божьей все васждеждемся-с. Всю ночь от котла не отходил. Не спал! Сам лично готовил, все старался вам угодить, усердствовал, так сказать-с. Милости просим, Князь! Не откажите в любезности, ваша светлость, откушайте с нами-с, — раскланивался в реверансах Васька. На его левой, согнутой в локте руке висело полотенце, которое подчеркивало услужливость.

Сняв пилотку, в такт Ваське отвечивал низкие радушные поклоны и Лёня. Пародируя этикет девятнадцатого века с применением словоерса, они окончательно развеселили Тумакова, который с удовольствием взялся им подыгрывать. Для пущей важности Трофимович забрался на подножку своей машины, изображая важную, высокомерную персону. Напыщенно смотря свысока на отвешивающих ему поклоны людей, он милостиво отвечал им на оказанную дань почтения.

— Ну полно, полно вам, господа! Что вы, в самом деле? Не стоит-с. Я, несомненно, тронут вашим предложением-с, — басил Трофимович, демонстративно выкатив грудь колесом. Закинув за спину левую руку, Тумаков периодически приподнимался на цыпочки, опираясь при этом пра-

вой рукой на открытую дверцу кабины. — С превеликим удовольствием-с принимаю ваше предложение, господя, и непременно отобедаю с вами-с. Тем более что гречка с американской тушенкой — самое изысканное блюдо нашего древнего дворянского рода-с, — оказывая снисхождение, принимал приглашение Пантелеймон Трофимович.

Наблюдая за импровизированной сценой, которую шутники организовали возле машины, связисты беззаботно смеялись, и их хохот был слышен по всей округе. Смех привлек внимание строгого политрука полка, который в период затишья вел свою агитационную работу по подразделениям. Нахмутив брови, Краснобоков собрался было приструнить развеселившуюся компанию, но стихийно организованный возле «студебеккера» спектакль, на который без смеха невозможно было смотреть, развеселил и его. Расплывшись в улыбке и с трудом сдерживая себя от смеха, капитан махнул рукой и, развернувшись, продолжил свой путь далее.

Время постановки подошло к занавесу. Закончив балагурить, друзья рассмеялись, искренне радуясь долгожданной и неожиданной встрече.

— Ну что, думаю, что каша поспела. Пора приступать к трапезе! — на радость всем сообщил Солянок, потирая руки.

Открытый Васькой казан парил, источая аромат приготовленного им с любовью солдатского блюда.

— Да, братцы, готова!.. — подтвердил он, с наслаждением вдохнув благоуханные пары.

Появившийся во взводе казан, надо сказать, вообще отдельная история, связанная с Ефимом Трощенко. Это еще один завсегдаятай взвода, хозяйский характер которого не давал ему покоя даже в период боевых действий. Неутомимый нрав Ефима побуждал его к приобретению разного рода хозяйственного имущества, трофейных продуктов и всего прочего, чем он потом охотно делился с друзьями. Уже никто не помнит, где, на что, при каких обстоятель-

ствах Трощенко обменял и в качестве подарка вручил казан Ваське, но после торжественного преподношения все приготовления, помимо кухни, производились именно в этом казане.

— Ну, Лёня, сегодня на раздаче пищи ты у нас будешь главный, — неожиданно для всех решил Солянок и ловко накиннул на шею Дырявко белый поварской фартук. Смех с новой силой огласил окрестности.

Громче всех смеялся сам Васька, похлопывая удивленного друга по плечу. И, пока Лёня не пришел в себя от такого стремительного оборота событий, Солянок развернул его за плечи кругом, завязав за его спиной тонкие тесемки поварского наряда.

— Ну что поделаешь, — смеясь, согласился Дырявко. — Слово шеф-повара — закон! А законы, братцы, соблюдать надо! — и, повинуясь решению друга, торжественно принял от него поварской половник.

Люди с котелками подходили к казану, а стоявший теперь на раздаче Дырявко, лихо орудуя поварешкой, раздавал им кашу, строго приговаривая: «Следующий, следующий...» Людской гомон и толчея вокруг казана были в самом разгаре, когда на краю леса появились фигуры Бейтурсикова и Кузнецова.

— О!.. А вот и разведка на званый обед пожаловала! — радостно воскликнул Солянок. — Давай, братцы, подходите, да побыстрее, пока Лёня на раздаче, — радушно приглашал Васька гостей к обеду.

— Здравия желаю славным бойцам-связистам, — здоровались по очереди со всеми Илемесс и Николай.

— Здорово, здорово, разведка! Берите котелки, располагайтесь, где вам будет удобнее. Присаживайтесь, присаживайтесь, братцы... — любезно принимал друзей Лаврушин.

Увидев в шумной компании Кузнецова и Бейтурсикова, Анатолий понял, что сегодня будут и песни.

Май был в полном разгаре. Достаточно уже высокая трава, бурно растущая на лесной поляне, освещалась теплыми лучами весеннего солнца. Расположившись на обед прямо на лужайке, люди имели редкую возможность отдохнуть от тяжелой работы и от жестоких, изнурительных боев. Вдыхая благоухания весны вперемешку с ароматом каши, они радовались этому светлому дню, мирно обедали, забыв о невзгодах. Птицы в лесу заливались на разные голоса, стрекотали в траве кузнечики; разноцветные пестрые бабочки и большие желто-черные мохнатые шмели порхали, поднимая настроение нашим бойцам.

— Красота-то какая! А?! Как будто войны вовсе и нет, — улыбаясь, подметил Солянок, когда все притихли, занятые трапезой.

— Да! Тишина!.. Птички поют. Бабочки летают. И самое главное, никто не стреляет. Так бы и жил в этом мире, — согласился Тумаков, наслаждаясь кашей и окружающей природой. Приятные запахи весны дурманили ему голову и будоражили воспоминания о родине. — Трава вон какая стоит. Дома сейчас, наверное, сенокос полным ходом идет. Только кто теперь сено косит? Мужики все на фронте, а в селе старики, бабы да дети малые остались, — сокрушался Трофимович, вспоминая родные места.

— А теперь, Трофимович, всюду в тылу так. Что поделаешь — война! — утешая друга, добавил Лаврушин. — Рады бы женщинам помочь, да только вот возможности не имеем, — сожалел Лёшка.

— Ты, Лёша, всем женщинам рад бы помочь. Тебя, ходока, только отпусти с фронта в тыл, так ты до своей Тулы к концу столетия не дойдешь: все женщинам помогать будешь, — смеялся Солянок.

— Ну ты, Вася, загнул. Что же это я, по-твоему, до конца своей жизни блудить буду? Так, маленько побалую — и шабаш, хорошего помаленьку, — смеясь, возражал Лаврушин, отставляя в сторону пустой котелок.

— Тех, кому надо помочь, сейчас с избытком... — намекнул Тумаков. Лежа на расстеленной плащ-палатке, он опирался на локоть, теребя в руках сорванный полевой цветок. — Например, соседке своей, Анне Ивановне, я сейчас бы с удовольствием подсобил! Она живет через два дома от моего двора. Вы, братцы, даже представить себе не можете, какая это красавица! Лицом, всеми своими женскими формами она мила и божественна, как древнегреческая Афродита, — сверкая огоньками искрометных глаз, с восхищением описывал Пантелеймон Трофимович прелести своей соседки. — И самое главное, такая красавица с двумя детками на руках одна осталась. Муж ее в тридцать седьмом году во время уборки на паре лошадей, запряженных в лобогрейку, прямо с поля пообедать домой захал. Собрал он остатки колосков с жатки и во двор себе занес. Ну что там можно было с той жатки собрать? Так, пару неполных горстей колосков, да и все! Только эту процедуру со своего двора его соседка увидела. До чего баба завистливая и подлая — у нас ее все село ненавидит. Ох и дрянь последняя! Так вот, эта мразь пошла и наклеузначала на него нашему уполномоченному. А милиционер тоже сволочь еще та! В этот же день прямо на поле его арестовал да в район и увез. А там, сами понимаете, какие могут быть разговоры? Впаяли ему как врагу народа десять лет и отправили куда следует. Только вот здоровьем, я вам скажу, муж Анны Ивановны был не очень. Полтора года в неволе он как-то еще продержался, а потом туберкулезом заболел и в тридцать девятом году там, в лагерном лазарете, и умер. Так вот она вдовой с двумя детками на руках и осталась. Я, конечно, как мог ей нет-нет да и помогал. Где мог, словом поддерживал, где чего подвезти — машиной. Да и по хозяйству помогать тоже приходилось: то крышу поправить или сарай починить. Конечно, она и сама хозяйка отменная. Но куда женщине без мужских рук? А рукодельница она какая! У-у-ух... Пирожки как

спечет — пальчики облизнешь! — со вкусом причмокнул Тумаков. — Моя Ульяна Сергеевна стряпать тоже большая мастерица, но как эта приготовит — просто сказка. Вот ей я сейчас бы с удовольствием и помог, — растянувшись во весь рост, сладострастно улыбался Пантелеймон Трофимович.

— А как же на твои сочувствия к бедной вдове да к остальным несчастным женщинам и девицам вашего района реагировала твоя Ульяна Сергеевна? Ведь на селе шила в мешке не утаишь. Небось о твоей благотворительности вся округа гудела? — хитро улыбаясь, спросил Солянок.

— Еще как гудела, Вася, когда мне самую необходимую помощь местным барышням оказывать приходилось, пропадаю при этом по ночам. А появлялся я дома после таких походов только вечером следующего дня, после работы. Ну не каждый день, конечно, я свершал такие вылазки — это было бы уж слишком! Но раз в неделю такое бывало регулярно.

— Как же ты, блудник эдакий, домой заявлялся? Супруга что, даже скандал тебе не закатывала? — с удивлением интресовался Лаврушин.

— Да что ты, Лёша?! Какой скандал?! Во-первых, на этот счет у меня своя, отработанная годами тактика была. Когда я приходил домой, то прямым ходом отправлялся не в хату, а на задний двор; там-то я, как путевый хозяин, сразу упорно за дела и принимался. Хлопотал в сараях, катухах, на сеновале или на огороде, избегая всяческого общения с домашними; трудом своим, так сказать, замаливал грехи свои тяжкие. Трудился, конечно, с усердием и до полной темноты. А когда становилось уже совсем темно, меня, как положено, звали на ужин. Ну не прогонять же восвоеси?! К этому времени страсти в доме постепенно утихали, и мы за семейный стол мирно садились трапезничать. Конечно, матушка моя беспокойная часто призывала невестку если не учинить скандал за блуд мой, так хотя бы потребовать отчет.

«Где это он пропадал у тебя прошлой ночью? Почему дома не ночевал? А заявился сегодня под вечер и глаз в хату не кажет, — действительно требовала от Ульяны Сергеевны моя мамаша, настраивая невестку на семейные разборки. — Вот скажи мне, Ульяна, — сколько ты терпеть можешь?! Не дай бог, если бы мой старый кобель дома не заночевал, так я бы его прямо у ворот вожжами так отходила, что он напрочь забыл бы, как по чужим бабам шастать. А ты все терпишь и молчишь! Терпишь и молчишь! Как так жить можно?!» — не унималась старуха. Но тщетно. Ульяна Сергеевна, дабы не ссориться со свекровью, молча выслушивала ее назидания, но на провокации никогда не поддавалась.

Особые усилия к этому прилагали и ее близкие подруги, передавая достоверные сведения от добрых людей о том, где, в каком соседнем селе и у какого дома видели мою «полуторку». И как ни старались убедить ее добиться от мужа супружеской верности, Ульяна Сергеевна всегда оставалась твердой в своих убеждениях. На этот счет у нее были свои аргументы, и наверняка для нее весьма весомые.

Пришла к ней однажды ее подруга и как бы с сочувствием завела речь: «Как ты, Ульяна, со своим мужем так жить можешь? Почему никаких мер не предпринимаешь? Ведь в нашем районе ни одной шалавы, ни одной лахудры не осталось, у которой твой Пантелеймон не ночевал! Я бы давно с таким блудливым мужем развелась!» А моя Ульяна Сергеевна ей в ответ и говорит: «Вот ты, Наталья, неделю тому назад пришла ко мне с синяком под глазом, который прилепил тебе в пьяном угаре супруг твой благоверный. И жаловалась ты мне тогда на невыносимую семейную жизнь. А теперь, спустя неделю, сидишь и учишь меня умразуму. Сами-то вы как живете?.. Когда муж твой трезвый домой приходит, то ты костеришь его почем зря, да так, что он готов куда угодно из дома сбежать, лишь бы тебя не видеть. А когда он пьяный заявляется, то за сварливость твою бока тебе кулаками мнет, а ты от него то ухватом, то коро-

мыслом отбиваешься, да так, что от шумных потасовок ваши дети из дома кто куда разбегаются. И после всего этого ты хочешь мне сказать, что тебе можно и стерпеть, а мне по-другому никак — только разводиться надо?! И упорно пытаешься меня в этом убедить?! Нет, подруга! Уж лучше я при своем мнении останусь. Мужа своего, Пантелеймона Трофимовича, я ни разу пьяным не видела, и меня за всю нашу совместную жизнь он ни разу даже дурой не обозвал, а не то чтобы руку на меня поднял. Что касается детишек наших — так он их больше жизни своей любит, да и детки от него без ума, не успеет он в дом войти, как они уже вокруг него вьются. А если за что-то по хозяйству берется — и здесь он на все руки мастер, любое дело у него в руках спорится. Так за это я и слова против мужа своего сказать не смею, а не то чтобы по твоему совету развестись с ним. А что касается неверности его, то я тебе, Наталья, так скажу: с кем бы мой Пантелеймон Трофимович ни блудил, и у кого бы ни ночевал, приходит он все равно ко мне! В свою семью! И не пытайся меня убедить в обратном».

Вот примерно так Ульяна Сергеевна аргументировала свою жизненную позицию. За что я ее уважаю, искренне люблю и обижать никогда не смею. Так что, друзья мои, с гордостью могу сказать, что жена у меня женщина умная, мудрая и терпеливая; за всю нашу совместную семейную жизнь она ни одним словом не смела мне наругать или упрекнуть за что-либо. Вот так вот! — пояснил с любовью Тумаков.

— Да она у тебя святая! — воскликнул Васька, выслушав рассказ Трофимовича. — С полной ответственностью могу сказать — святая женщина! Такой при жизни памятник ставить надо, — восхищался Солянок, понимая, какая умная и благородная жена у его друга.

— Тебя, Трофимович, если послушать, так ты на все руки мастер! И поддержать, и подвезти, и починить — ну все, что вам угодно. Просто прям и чтец, и жнец, и на дуде игрец... — поспешил подметить Ваня Топчак.

— Да! Да! Да! Ваня! Вот про дуду ты совершенно правильно подметил, — смеясь, щелкнул пальцами Солянок.

Смеялся со всем взводом и сам Тумаков.

— Слушай, Трофимович, а теперь к твоей Анне Ивановне небось добрая половина мужиков села сараи чинить по ночам приходит, пока ты тут на фронте загорашь. Может, и переживать за нее не стоит? — поинтересовался Солянок, держа у губ стебель полевой травы.

— Ну что ты, Василий?! — нахмутив брови, возмущился Трофимович. — Сейчас и мужиков-то в селе по пальцам пересчитать; да и дело в том, что подступиться к ней не так-то просто. Женщина она строгая и кого попало к себе не подпустит. Вот как-то раз, по весне сорокового года, наш колхозный бригадир (кстати, кобель еще тот!) после выпитой литры решил в гости к Анне Ивановне зайти. Кровь, видимо, у него разыграла, и этот блудливый пес, не успев зайти в дом, вместо «здравствуйте» отважился к ней под юбку залезть. Решил, так сказать, взять быка за рога. Ну правильно, а что откладывать такое дело в долгий ящик? Так на этот выпад она коромыслом так ему спину отшлифовала, что он потом ее дом целый год по соседней улице обходил. Сцена-то непристойная для него вышла, да и прославился он с этим эпизодом на все село. Эту забавную картину сосед наш, Иван Иванович, со своего двора наблюдал. А потом мне во всех красках и описал. Нет, в этом плане Анна Ивановна не из гулящих, — заверил Тумаков.

— Это что же, Трофимович, получается? Бригадир ваш — кобель блудливый. А ты — верный муж супруге своей драгоценной? Анна Ивановна вроде и не гулящая, а как пирожки тебе по ночам печь — так она великая мастерица. Да вы с ней просто ангелы небесные, с вас хоть сейчас иконы писать можно, — иронически высказался Дырявко.

— Ладно тебе, Лёня. Святым делом Трофимович занят был на гражданке, вот по нынешней весне и вспомнил про дела свои благие, глядя на располагающую к этому делу

природу, а ты стыдить его собрался, — укорял друга Лаврушин. — Наоборот!.. Помочь товарищу надо! Может, нам у нового Бати за тебя — даже не за тебя, а скорее за Анну Ивановну, — слово замолвить? — вступился за друга Лёшка. — А что? Мужик он вроде неплохой да и командир толковый. Должен понять, что помощь вдове нужна. Вдруг и отпустит он тебя, Пантелеймон Трофимович, домой на пару дней? Вот прямо отсюда на своем «студебеккере» и поедешь, пока мы в обороне стоим, — восторженно предложил Лаврушин, постукивая кулаком по колесам его машины.

— Да ты что, Лёша?! После трехгодовой разлуки с женщинами он там и за три месяца не управится! А ты хочешь, чтобы он за пару дней все вопросы решил, — шутя возразил Ваня Топчак. — А кто нам без его машины гаубицу подвозить на позиции будет, ежели его на три месяца отпустить? — смеясь, укорял Иван своего друга за легкомыслие.

— Прав ты, Ваня. Нельзя его по совету Лаврушина отпустить. А с другой стороны, и Анну Ивановну жалко! В таком случае, может, ей самой на передовую приехать, преодолевая все посты и секреты? — советовался с друзьями Солянок, прикрывая от солнца глаза пилоткой.

— Так кто же ее сюда, на передовую, пропустит? Сюда не каждый военный пройдет, — как бы с сожалением усмехнулся Трощенко.

— Ты знаешь, Ефим, если женщина захочет, ее ни постами, ни секретами не удержишь. При сильном желании она весь фронт вспять повернуть может, — обрисовал Солянок возможности женского пола. — А ты, Ефим, про какие-то шлагбаумы речь ведешь! — выразил он несогласие с мнением друга. — Ты, Трофимович, письма-то ей пишешь? — хитро улыбаясь, спросил Васька. И тут же, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вот в письме и попроси, чтобы она к тебе приехала. Можешь не переживать, Анна Ивановна тебя в миг найдет. Можешь и соседу своему прописать: «Так, мол, и так, помоги несчастной нашей соседке пыл свой разбуше-

вавшийся затушить. Подсоби по старой дружбе, препроводи ее в расположение нашего полка, героически сражающегося за освобождение земли нашей от немецко-фашистских захватчиков». Смотришь — и тот откликнется на просьбу твою, — предложил Трофимовичу Солянок с нарочито серьезным лицом.

— Ни в коем случае, Вася! Тогда мы точно наш третий дивизион без тяговой силы оставим, пока он ее пожар тушить будет. А вдруг в наступление пойдем? Тогда что, оружие на себе тащить придется? Нет! Пусть его зазнаба до победы, как и все остальные женщины, терпит, — не унимался Топчак, изображая равнодушного бойца, переживающего за перемещение материальной части полка.

— Кстати, сосед у нас с ней — Иван Иванович — товарищ еще тот! Без приключений у этого человека в жизни ничего не бывает. За что он ни возьмется, обязательно в какую-нибудь переделку попадает. Одним словом, веселый малый, — начал свой рассказ Трофимович, отгоняя пилоткой надоедливой шмеля. — Пришел мой сосед с Финской войны с ранением в голову — правый глаз у него теперь плохо видит. Высокий сам мужчина такой, но худой, как вобла сушеная, и походка у него смешная, особенно когда выпьет: тогда он, как журавль весной перед спариванием, начинает по селу расхаживать. А вот жена у него, Агафья Петровна, женщина тоже немаленького роста, да еще и при теле, в отличие от супруга своего драгоценного. В общем, дородная тетка, крепкая. Такая если припечатает тебя при входе в хату, то ты двери вместе с косяками на улицу вынесешь.

Так вот! Прямо перед самой войной вышел я ранним утром к себе в огород, смотрю, а Иван Иванович с утра пораньше вроде бы и в своем дворе, но все ближе к плетню нашему прижимается. А Агафья Петровна во дворе суетится и костерит его почем зря. Я сразу понял, что с похмелья мой сосед. Мне частенько выручать его в таких случаях приходилось: выпить он большой любитель. Подхожу я к нему по-

здороваться, а он мне без всяких приветствий взволнованно так и шепчет вместо «здравствуйте»: «Ты знаешь, сосед?! Я сегодняшней ночью с перепуга чуть в штаны не наделал». Заговорщически так, вполголоса, а сам с опаской по сторонам оглядывается. «Так что такого прошедшей ночью произошло, что тебя могло до такой степени напугать?» — с удивлением спрашиваю я. «Пошли мы вчера с моей супругой на именины к ее сестре Анне Петровне», — начал свой рассказ сосед. Сказал Иван Иванович предложение и замолк. Смотрю, а его трясет всего. И он нервно так все грудь свою почесывает. Понял я, что горит у него все внутри с похмелья. Хотел сразу пол-литра ему принести, чтобы он как следует поправился, но потом думаю — нет. Пусть лучше историю свою расскажет. Да и Агафья Петровна во дворе суетится. Не дай бог, еще заметит, что я опохмелить его собрался.

«Так что там на именинах-то стряслось?» — интересуюсь я его историей. «Нет, в гостях-то все чин по чину было. Свояк у меня мужик мировой. Мы, как положено приличным людям да при хорошей закуске, литра по полтора с ним за вечер на грудь приняли. Не меньше — это точно! — набравшись духу, продолжил уже более уверенно Иван Иванович. — За столом, конечно, засиделись мы далеко за полночь. Как домой уходил, не помню. Это потом, уже утром, Агафья мне рассказала, что поздней ночью привела меня под руку до нашей хаты. И надо же было мне так опростоволоситься, что перед самой кроватью я, как назло, упал прямо на пол и тут же уснул богатырским сном, чем окончательно супружницу свою и разозлил. Оно понятно! У бабы, наверное, свои планы на ночь были. А я-то никуда не годжий... — с досадой развел руками Иван Иванович и, тяжело вздохнув, продолжил: — Опардонился я, так сказать, Трофимович».

«Так и что, ты так до утра и проспал на полу?» — спрашиваю я его. «Ага! Как бы не так! Эта стерва — Агафья —

со злости да в сердцах, видимо, взяла и под кровать меня ногами прямо в чем был да и затолкала. Так знаешь, что еще удумала? Сама разделась и улеглась на эту койку! Вот до чего баба вредная — ну ты ее знаешь. А я-то, самое главное, ни сном ни духом!.. Просыпаюсь, значит, я середь ночи и не могу понять, где я! Сбоку стенка, со стороны головы стенка, сверху давит и темно, как в гробу.

Ну, думаю: конец тебе, Иван Иванович! Точно в гробу!.. Похоронили! Допился я до такой степени, что люди подумали, что я помер. Да так мне страшно и обидно стало! Вот как теперь выбираться отсюда? Кто там наверху услышит, если я даже кричать буду?.. И клянусь себя: ну дурак!.. Жизнь свою по пьянке согнал со света! И на кой черт мне та водка сдавалась? Знал бы — в жизни в рот ни глотка, ни капли не взял бы! На Финской под пулями на пузе по снегу ползал — не убило! А тут!.. Взял и загубил себя, дурень, ни за что ни про что!.. Да так горько стало, что слезы уже на очи мои ясные навернулись. Вся жизнь моя перед глазами, как в кино, пробежала. Все и хорошее, и плохое... Но ты знаешь, сосед?! Почему-то поганого больше, чем хорошего. Так досадно мне стало за бесполезно прожитые годы! Лежу и плачу, а слезы градом по щекам текут. Ну и что теперь?! Всё! Хана!!! Мало чего толкового ты, Иван Иванович, сделал в своей жизни, да только теперь и вовсе ничего не сможешь. Лежу да ругаю себя на чем свет стоит. А потом как представил себе, что от голодной смерти умереть в могиле сырой придется...

Так от этого еще страшнее стало! Тогда я с перепуга, собрав все силы в кулак и что есть мочи, как заору: «Помогите!» Ну, чтобы через двухметровый слой земли, что надо мной навис, люди там, наверху, голос мой услышали. Откуда мне было знать, что я под койкой в собственной хате лежу? Тут все мои домочадцы от моего ночного дикого вопля как один со своих мест и повскакивали.

И вдруг, Трофимович, слышу я из могилы глубокой голос тестя своего «любимого»: «Ну вот!.. Допился, пьянчуга! Се-

редь ночи уже орать стал как скаженный. Наверное, встреча с Всевышним пред вратами преисподней этому забулдыге приснилась? Будь он не ладен! Так он со страху теперь и орет, что за грехи свои в аду гореть придется. Безбожник эдакий!»

Ты, Трофимович, не поверишь! Мне его голос с печки как глас Божий с небес в тот момент послышался. И ненавистный тесть мой для меня самым дорогим после Бога человеком на земле представился. Ну а когда Агафья, проснувшись, на кровати зашевелилась, тут-то я окончательно и понял, что под кроватью своей я лежу, а не в гробу на дне могилы глубокой. И так тепло и так сладко на душе стало! Так хорошо! Ты даже представить себе не сможешь, как хорошо! Вот только от пережитого страха, Трофимович, поджилки и сейчас трясутся».

«Ну выпивать-то ты, надеюсь, не передумал со страху?» — спрашиваю я его. «Тут ты, Трофимович, прав! Это я от пережитого ужаса так подумал, что век бы не пил. Чего не подумаешь с перепуга? А у тебя есть чего?! А то башка трещит, спасу нет; да Агафья вон с самого утра бурчит не умолкая. Подлечиться бы мне, Трофимович. А?» — обращается жалобно Иван Иванович, глядя на меня мутными с похмелья глазами. Пошел я домой за поллитровкой, возвращаюсь с бутылкой, а меня смех раздирает, иду и смеюсь над его историей. Такой вот чудной сосед у меня, — закончил свой рассказ Тумаков под всеобщий смех бойцов.

Слушая рассказ Трофимовича, Дружинин лежал на траве, вздрагивая всем телом от смеха.

— Не поседел твой сосед от пережитого? — смеясь, спросил Анатолий.

— Нет, не поседел. Он мужик стойкий. У меня с ним еще одна чудная история произошла, еще раньше этой. В сороковом году, весной, как раз после посевной, колхозное руководство праздник решило организовать. Ну, чтобы народу малость расслабиться можно было после напряженной рабо-

ты. А мне поручили из Лозно-Александровки районного представителя в село привести. Он должен был благодарственные слова колхозникам сказать за их усердный труд, а кого и грамотой наградить. Отвез я его после обязательных мероприятий обратно в район и домой в село поздним вечером возвратился — темно уже было. Заворачиваю я по дороге к гаражу, смотрю, а в свете фар Иван Иванович по улице вышагивает, весь нарядный, с иголки, ну и понятно, что слегка подшофе — праздник все-таки. Останавливает он мою машину и без лишних слов сразу в кабину.

«Слушай, Трофимович, а давай с тобой сегодня по бабам прошвырнемся!» — заявляет он мне и в темноте так коварно своим подстреленным глазом сверкает. Я, если честно сказать, даже слегка напугался, услышав от него неожиданное предложение. Сколько лет рядом по соседству прожили, но такое желание слышал от него впервые. Не ходок он был, а тут вдруг!.. Может, действительно кровь у него выиграла, а может, просто передо мной решил побравировать — не знаю. Ну, в общем, я этому здорово удивился. Откровенно говоря, особого желания блудить у меня в этот день не было, но и сразу отказывать соседу было тоже как-то неловко.

«Можно и по бабам», — после короткой паузы все-таки согласился я и заглушил мотор, чтобы не спеша поговорить можно было. Дело-то серьезное! «Только поздновато уже, Иван Иванович, да и заранее мы ни с кем не договаривались», — пытаюсь я как-то дать понять ему, что с наскока такие сокровенные дела не решаются.

«А чего там договариваться, поедем к Дуняше — и баста! Она подругу свою пригласит, вот и тебе компания будет», — заявляет мне сосед, а сам второпях сигарку скручивает. Смотрю я на него и диву даюсь: что с ним произошло?!

Евдокию Алексееву я знал хорошо, сам неоднократно к ней захаживал. Девушка эта из хорошей, работающей семьи. Еще со школы Дуняша встречалась со своим одноклас-

ником, проводила его в армию, и вроде бы все было хорошо, но суженый ее в армии нашел себе другую невесту и после службы остался жить там. Дуняша, как узнала об этой истории, сразу в депрессию впала, а потом и к стакану пристрастилась — выпивать стала. Ну а когда в МТС прикомандированные приехали, так ее все чаще с ними замечать стали. Тут по селу сразу же слухи и поползли, дескать, девка испортилась — гулящей стала.

«Давай заводи мотор, поехали», — стал наседать на меня Иван Иванович, второпях прикуривая самокрутку.

Ну куда деваться — надо ехать. Завел я машину, и поехали мы с ним на другой конец села. Едем, а по улицам молодежь гуляет с песнями и гармошками. Смотрю я на это и думаю: «Вряд ли Дуняша в такой вечер будет одна дома сидеть и ждать, когда мой сосед ее на свидание вызовет». Подумал, но мысли вслух высказывать не решился. Ближе к хате Алексеевых я тоже не стал, зачем давать лишний повод для разговоров: мы оба люди семейные, да и Дуняше такие гости не ко двору, тем более она не одна, а с родителями живет. Ну, в общем, завернул я на пустырь к старому амбару, остановился и заглушил мотор.

«Дальше, Иван Иванович, я не поеду, — твердо заявил я, — не обижайся. Нехорошо будет, если мою машину у дома Алексеевых люди увидят. И так слухами земля полнится о моих похождениях. Но одно дело по району шастать, а другое — у себя в селе. Дальше ты пешком иди», — посоветовал я разгоряченному любовной страстью соседу.

«Конечно, конечно», — согласился, на удивление, Иван Иванович и, приглаживая волосы, с мальчишеским задором выскочил из кабины.

«Про подругу не забудь ей сказать...» — едва успел я промолвить, как Иван Иванович скрылся в полуночном мраке. Не помню, сколько прошло времени, но около часа точно минуло. Уже на улице стали затихать звуки гармошек и певчие голоса девчат; народ стал по домам расходиться. А сосе-

да моего все нет. «Куда он запропастился?» — только подумал я, как слышу — «тук-тук», кто-то так нежно в кабинку моей «полупорки» стучится. Глядь в окно — Дуняша стоит. Открываю дверь, а она мне без всяких приветствий: «А чего это вы здесь, Пантелеймон Трофимович, стоите? Ждете кого-то?» Так протяжно и многозначительно спросила, а сама в кабину усаживается. Я так и обомлел — мне и ответить ей нечего. Не скажу же я, что соседа своего привез и он домой к ней пошел.

«Ты знаешь, Дуняша, выпил я лишнего и заехал бог знает куда. Хорошо, что ты меня разбудила», — сочинил быстренько небылицу, а сам для правдоподобия ежусь, как будто с похмелья да спросонья.

«Да?! А я подумала, что ты меня здесь поджидаешь», — так сладострастно шепчет Дуня, а сама все ближе ко мне прижимается.

Ну вот ничего не могу с собой поделывать, братцы, слаб я до женского пола, — вздохнул Трофимович и покачал головой. — Вот скажите мне, как тут устоишь перед бабскими чарами, если она сама перед тобой бархатным ковром стелется?! Как я ни старался себя сдерживать, как ни пытался в очередной раз стать праведником — бесполезно, бесы и на этот раз оказались сильнее; коснувшись женского тела, впал я, братцы, в безумие. Для удобства отношений мы, конечно же, забрались с ней в кузов. И вот только наши чувства стали достигать высшей точки наслаждения, так сказать, апогея, как на улице в стороне алексеевской хаты вдруг возник непонятный переполох, вмиг разразившийся собачьим лаем. Послышались шум, крики! Потом — «Бабах! Бабах!» — кто-то из ружья палит! Не успели мы опомниться, смотрю, в нескольких метрах от машины пулей чья-то тень мелькнула, а за ней — с громким лаем целая свора собак.

«Кто это?.. Что происходит?» — испуганно и в недоумении спрашивает меня Дуняша, а сама от страха еще сильнее ко мне прижимается. От неожиданно возникшего шума я

и сам сначала растерялся. Но потом понял, кто это мог быть причиной такого переполоха. Только Дуняше-то об этом не расскажешь.

Понятное дело, что любовные отношения нам пришлось, к сожалению, прервать. Дуня привела себя в порядок и быстренько убежала в сторону своего дома, а я, дождавшись, когда все успокоилось, завел машину — и тоже от греха подальше.

— Так что же там произошло?.. А что с твоим соседом?.. — посыпались со всех сторон вопросы.

— А вот что с Иваном Ивановичем произошло, об этом он мне уже вечером рассказал, — пояснил Трофимович, располагаясь удобнее на расстеленной плащ-палатке. — Встретились мы с ним, как всегда, у плетня на краю огорода, вдали от посторонних глаз, и он, воровски озираясь, стал мне рассказывать, как все было.

«Вот черт дернул меня, Трофимович... — прищурив глаз, начал свой рассказ мой сосед. — Отродясь я этим постыдным делом не занимался, а тут как бес в ребро... И что это на меня нашло? Да еще и тебя в это дело впутал. Ты сам-то как, все обошлось?» — с беспокойством за меня стал спрашивать Иван Иванович, чувствуя за собой вину, что по глупости втянул меня в любовную авантюру.

«Со мной все в порядке, не переживай, — успокоил я своего соседа, — ты расскажи, что с тобой стряслось», — сгорая от нетерпения, требовал я.

«Да как тебе сказать? — продолжил Иван Иванович. — Опасаясь посторонних глаз, пошел я от твоей машины к дому Алексеевых, смотрю, а вокруг дома никого нет, во дворе тоже тишина. Я ближе к дому подошел, глядь, а дверь в дом открыта. Я раньше бывал дома у Алексеевых, с Семёном Моисеевичем мы выпивали, и не однажды. Еще тогда я заметил, что летом Дуняша в сенцах на кровати спит. Ну вот и думаю себе: раз дверь открыта, потихоньку зайду и разбужу ее. А там и договоримся. Пробираюсь я

на цыпочках к койке, смотрю, а она пуста. Вот досада, значит, блудит где-то, — подумал я и решил присесть да сидя на койке дожидаться гулену. А вот этого делать ни в коем случае и не следовало бы. Сам понимаешь, Трофимович, уставший был я, да малость еще и под хмельком. Сидел, сидел да и задремал у них в сенцах прямо на кровати. Не знаю, сколько времени прошло, но просыпаюсь я от непонятного шороха. Открываю глаза. А в полутьме прямо перед моими очами старушонка убогая шкандыбает к выходу — бабуся Дунина. Видимо, приспичило несчастной середь ночи, ну она и направилась на двор. Идет полусонная бабуся по хате да, еле волоча ноги свои ветхие, старыми чувяками по полу так противно шаркает. И тут меня такой страх одолел! Я тебе скажу: на Финской так страшно не было, когда мы своим полком линию Маннергейма штурмом брали. Дело-то тут не шуточное! Сижу я ни живой ни мертвый да и думаю: «Вдруг старуха надумает лампу зажечь? А тут вот он я — голубок, сижу на Дуниной кровати! И что тогда?.. Что я ей говорить буду?! Как буду оправдывать свое ночное присутствие в чужом доме?! Да бабуся — это полбеда!.. Как я потом своей Агафье Петровне объяснять буду причину присутствия в доме у Алексеевых, да еще и в ночное время?! Даже представить себе страшно, что может произойти, когда она это услышит — стыд-то какой! — со страхом в глазах произнес эти слова Иван Иванович, представляя себе смерти подобную картину. — Так вот, — переведа дух, продолжил он, — я со страху да и от безысходности той ситуации, в которой оказался, сам не знаю почему и зачем, но, набрав полные легкие воздуха, как закричу на весь дом: «Сто-о-ой!»

А теперь представь, что стало с бедной старушонкой после моего дикого вопля в ее родной хате, да посередь ночи. Наверное, то, что бабуся планировала совершить на дворе, она сделала прямо здесь и все сразу. Разбудив своим истошным криком сына со снохой, старушонка, потеряв сознание,

тут же рухнула на пол, загремев старческими костями. А я тем временем дикой рысью выскочил из сеней и рванул прочь с чужого двора, да так стремительно, что, не успев отккрыть, сорвал с петель хлипкую калитку деревянного забора. Здесь такой переполох начался и в доме, и на улице — в общем, в двух словах тебе, Трофимович, этого не описать.

Как назло, тут еще одна напасть на меня свалилась: все собаки нашего села, что были без привязи, в самый неподходящий момент оказались возле дома Алексеевых. И вот все эти Каштанки, Жучки, Трезоры и Тузики на разные голоса, оглашая окрестности истошным лаем, бешеной сворой понеслись за мной так, будто я у них кусок колбасы из зубов вырвал. Да тут страху нагнал еще и Семён Моисеевич, когда из ружья палить почему зря начал; подумал, наверное, что какой-то бандюга попытался хату ограбить и до смерти напугал его мамашу, вот он и начал палить для остротки. Так у меня, сосед, чуть сердце не оторвалось, когда он из ружья стрелять начал. Хорошо, кум мой от хаты Алексеевых недалеко живет. Так я пока до его двора добежал и перевалился через плетень, эта собачья свора мои новые штаны все начисто в клочья разорвала. Ох, за них мне Агафья Петровна и дала жару, — сконфузившись, прохрипел Иван Иванович, хватаясь за голову, — я же после покупки только вчера в первый раз их и надел, но теперь оказалось, что и в последний».

«Да, Иван Иванович, ну ты и влип в историю! — удивляюсь я его приключению, а сам, слушая, еле сдерживаю себя от смеха. — Штаны твои жалко, конечно, но хорошо, что хоть сам жив остался. А то ведь не ровен час, что Семён Моисеевич мог бы и пристрелить тебя по неосторожности», — с сочувствием подчеркнул я ту опасную черту, за которой он мог оказаться.

«Типун тебе на язык, Пантелеймон Трофимович! — со страхом возразил Иван Иванович. — Что ты! Я и на том свете от стыда сгорел бы! Даже представить себе не могу та-

кой картины, стыд и ужас до мурашек пробирают. Ну и занесла же меня нелегкая...»

«Ладно тебе, Иван Иванович, все же обошлось, — подбадриваю я соседа, — в следующий раз осторожней будь».

«Нет!.. Трофимович! Нет! — клялся Иван Иванович. — Это было в последний раз в моей жизни. Это точно! Всё! Больше я до этих дел не ходок. Баста!» — зарекся в тот день мой сосед. Да и вправду впредь с подобными предложениями он ко мне никогда уже не обращался.

— Да! Действительно веселый у тебя сосед, чудной, — смеялся Солянок, шурясь от яркого солнца. — С таким точно не соскучишься, — добавил Васька, смахивая пилоткой муравья с рукава своей гимнастерки.

— Это точно, — широко улыбаясь, согласился Тумаков.

Еще несколько минут после веселого рассказа Трофимовича люди смеялись, задавали вопросы, давали ему шуточные советы. Смеялся вместе со всеми и сам Тумаков, счастливый оттого, что так повезло неожиданно встретить дорогих его сердцу людей.

— Ну что, главный художественный руководитель нашего пока небольшого хора, а точнее, трио, споете нам что-нибудь из новенького репертуара?! — неожиданно обратился Трофимович к Ефиму.

— Споем! — уверенно и протяжно ответил Трощенко, качнув в подтверждение головой. — Между прочим, слова песни «Землянка», что ты в прошлый раз мне давал, мы уже выучили и можем ее исполнить прямо сейчас, — заверил Ефим, устраиваясь удобнее около переднего колеса «студебеккера».

— Так а в чем же дело?! Публика для прослушивания готова! — обводя рукой присутствующих, подключился к просьбе Лёня Дырявко.

— Так и мы к вашим услугам, — заверил Кузнецов, присаживаясь ближе к Ефиму.

Подошел и Бейтурсииков; упершись локтем в деревянный кузов машины, он встал рядом с Кузнецовым и Троценко.

— Запевай, Илемесс, — обратился к нему Кузнецов, глядя на друга снизу вверх.

И над лесной поляной полилась песня. Бойцы замолкли. Каждый задумался о своем: вспоминая своих матерей, сестер, жен, детей, любимых. Трогательные, искрение и нежные слова переполняли души наших солдат.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага...

Бойцы пели, а Анатолий поминутно вспоминал весь свой боевой путь, от Киева до границ Львовской области.

Песня закончилась, а люди продолжали сидеть молча. Над лесной опушкой нависла мертвая тишина. Дружинин не мог пошевелиться, как будто все его конечности сковали железные кандалы.

Солянок, сморщив лоб и упершись взглядом в одну точку, тербил в руках пилотку. Наконец он оправился от мыслей и, бросив взгляд на Трофимовича, спросил:

— А где ты раздобыл слова этой песни?

— Эти трогательные поэтические строки военный корреспондент Алексей Сурков посвятил своей жене еще в декабре сорок первого года. Позже композитор Константин Листов к этим словам музыку написал. А опубликовали эти стихи в газете «Комсомольская правда» в марте сорок второго года. Вот тогда я впервые их и прочитал. Да так они мне в душу запали, что я эту газету сберег и вожу ее до сих пор в машине, — стал Трофимович рассказывать историю появления понравившихся всем стихов, — так вот в свет песня и пошла. А два месяца тому назад слышу, Ефим эту мелодию себе под нос напевает, вот я ему и предложил сло-

ва себе переписать. Чтобы они втроем могли нас душевной песней при случае порадовать...

— Да, братцы! Порадовали! Спасибо вам, — искренне благодарил друзей Васька. — Я, пока вы пели, как будто всю свою родную Украину со своей любимой Натальей Осиповной объехал. И детишек своих вспомнил, и всю свою жизнь успел по полочкам перебрать. Хорошая песня, душевная. Угодили вы мне, братцы! Угодили! Еще раз спасибо вам огромное, — продолжал выражать признательность Солянок. — Ты, Трофимович, обязательно дай мне эти стихи переписать, — обратился он к Тумакову.

— Пусть газету Трофимович у себя сохранит. Я свой листок со словами тебе, Вася, передам, — заверил Ефим, вытаскивая из кармана сложенный вчетверо тетрадный лист. — Песня у меня уже в песенном блокноте записана, а этот я тебе дарю, — добавил он, передавая запись.

— Тогда, Вася, я у тебя слова перепишу, — поспешил с просьбой к Ваське Дружинин.

— И мне дай, Вася... И мне...

— Ну что, друзья-товарищи?! Покушали, поговорили, попели песни, пора и делом заняться, — промолвил Трофимович, вставая с прогретой солнцем земли, — надеюсь, еще будет возможность посидеть в дружеской обстановке. А сейчас, братцы, пора мне... Относительно вашего предложения, Василий Михайлович, я обязательно, как вы посоветовали, так и сделаю: письма и Анне Ивановне, и соседу своему напишу и в гости приглашу их обоих. Только сейчас, друзья, разрешите откланяться вам с благодарностью за теплый прием. Благодарю вас лично, Василий Михайлович, за сытный и вкусный обед, за моральную поддержку от дружной вашей компании. Благодарю и ваше трио за прекрасно исполненную песню. Но, знаете ли, пора и честь знать. Труба, так сказать, зовет, и мне надо орудие из полковой мастерской на позицию доставить, — засоби-

рался Тумаков, сожалея, что приходится расставаться с веселой компанией.

Но, чтобы не покидать любимое общество с болью в сердце, он вдруг бросил на траву свою пилотку и, повернувшись к Ваське, с задором спросил:

— Ну что, Василий Михайлович, может, спляшем перед дорожкой? А?!

— А почему бы, Пантелеймон Трофимович, и нет?! — радостно воскликнул Солянок.

Тут же Васька ухарски бросил на траву свою пилотку и, разводя руками, затынул:

— А где мои семнадцать лет?

Где моя тужурочка?

Где ж вы, милые мои,

Таня, Маня, Шурочка?..

Прямо у «студебеккера», распевая наперебой частушки, они отплясывали, как подвыпившие гости на веселой деревенской свадьбе, под свист и аплодисменты однополчан. Задорный танец поддержали Кузнецов, Дырявко, Топчак, Лаврушин, добавляя новые куплеты народных запевков. После нескольких минут танца с частушками, смеясь и тяжело дыша, друзья обнялись, похлопывая друг друга по плечам.

— Спасибо тебе, дружище, за веселый танец, за забавный рассказ про своего соседа, представится возможность — заезжай. Будем рады... — отдуваясь, пожимал руку своему другу Солянок. — Славные у тебя соседи, а вот Ульяна Сергеевна действительно святая женщина! Не перестаю ей восхищаться, — резюмировал очередную встречу Василий, провожая близкого друга в дорогу.

Распрощавшись, Тумаков уехал, оставляя на траве след от колес своего «студебеккера», который еще долго взглядом провожал Ваську Солянок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Тяготы времени	6
Передовая	25
Отчаянная атака	61
На войне быстро взрослеют	87
Из пехоты в артиллерию	125
Отчаяние	163
Февраль сорок четвертого	198
Завершение операции	228
Кременец — Сталашка	262
Конфликт	294
Передышка	337

Алексей Бузулуков

На грани, или Это было давно, но как будто вчера

Том 1